ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ВВ255
К554

BB255
K554

Книга о войнѣ.

Безплатное приложеніе къ газетѣ „Современное Слово“.

ПЕТРОГРАДЪ 1915 г.

Книга о войнѣ.

Безплатное приложеніе къ газетѣ „Современное Слово“.

ПЕТРОГРАДЪ 1915 г.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

П
1986

ВВ255/Р
К554

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
137
27
181850

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская «Книгу о войнѣ», говорящую о прошломъ, которое еще остается настоящимъ, редакція вынуждена была фактическій матеріалъ пріурочить къ опредѣленному періоду времени. Такимъ періодомъ мы избрали—годъ войны. Этимъ объясняется, что военные обзоры заканчиваются операціями, происходившими въ іюнѣ 1915 г., и что въ очеркѣ, посвященномъ дипломатической исторіи, не затронуто выступленіе Болгаріи.

«Книга о войнѣ» выходитъ въ свѣтъ, когда великая борьба еще продолжается, захватывая все новыя государства. Преждевременно подводить итоги, говорить о перспективахъ грядущаго. Авторы очерковъ, объединенныхъ въ этой книгѣ, сознательно отказались отъ слишкомъ широкихъ обобщеній и рискованныхъ прорицаній и ограничились сводкой и систематизаціей наиболѣе важныхъ фактовъ этого историческаго года, подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія.

Редакція полагаетъ, что и въ такомъ видѣ книга имѣетъ извѣстное значеніе для того, чтобы помочь читателю разобраться въ вихрѣ несущихся событій. Вольные и невольные пробѣлы книги стоятъ въ тѣсной связи съ внѣшними и внутренними условіями переживаемаго момента.

Редакція сознаетъ, что «Книга о войнѣ» должна имѣть продолженіе и конецъ. Кто можетъ теперь

сказать, когда возможно будетъ этотъ конецъ напи сать, когда можетъ быть выпущена въ свѣтъ книга, посвященная итогамъ борьбы, потрясшей міръ?

Мы не беремъ на себя новыхъ обязательствъ, но надѣемся дать нашимъ читателямъ въ той или иной формѣ окончаніе нашего труда и съ радостью приступимъ къ нему, когда послѣ страшной бури передъ нашей родиной откроется свѣтлая мирная даль грядущаго.

Ноябрь. 1915. Редакція „Современнаго Слова".

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
1.	Предисловіе	1
2.	Передъ великимъ столкновеніемъ, Е. Тарле	3
3.	Дипломатическій прологъ, И. Брусиловскаго	17
4.	Вмѣшательство Турціи, Н. Ахумова	42
5.	Годъ войны на русскомъ фронтѣ, Бориса Филатовича.	57
6.	Годъ войны на франко-бельгійскомъ фронтѣ. Бориса Филатовича	100
7.	Война на морѣ, Влад. Энгельмана	119
8.	Внутренняя жизнь, М. Ганфмана	131
9.	Работа общественныхъ силъ, Вик. Португалова . . .	160
10.	Война и экономическая жизнь, П. Берлина	177
11	Хозяйственная мобилизація въ Европѣ, Т. Богдановичъ .	200
12.	Война и русская литература, Ал. Ожигова	220

Предъ великимъ столкновеніемъ.

(Къ исторіи образованія борющихся союзовъ).

I.

Многообразны причины, зажегшія нынѣшній міровой пожаръ, и еще далеко то время, когда исторія освѣтитъ ихъ во всей полнотѣ и цѣлостности. Но даже и приступить къ ихъ анализу невозможно иначе, какъ припомнивши хотя бы въ общихъ чертахъ исторію возникновенія, съ одной стороны, франко-русскаго союза, послужившаго ядромъ для образованія нынѣшняго четверного согласія, и союза австро-германскаго, а также и исторію видоизмѣненій, которыя успѣли пережить эти первоначальныя дипломатическія комбинаціи.

Исторія и здѣсь шла отъ болѣе простого къ болѣе сложному: австро-германскій союзъ образовался съ цѣлью имѣть оружіе противъ Россіи; Италія была привлечена, чтобы усилить противовѣсъ противъ Франціи; образованіе тройственнаго союза вызвало естественное стремленіе Россіи и Франціи соединиться для будущаго отпора общимъ врагамъ; Англія примкнула къ Россіи и Франціи во имя борьбы противъ опасной для нея германской политической гегемоніи на материкѣ Европы и противъ германской конкурренціи на всемірномъ рынкѣ; Италія оторвалась отъ Австріи и Германіи и примкнула уже во время войны къ тройственному согласію во имя надежды на присоединеніе части австрійской государственной территоріи, населенной итальянцами, къ королевству. Такова общая канва событій. Вглядимся хотя бы только въ самыя главныя черты этого историческаго процесса, подготовившаго оба гигантскія соединенія, которыя теперь столкнулись и борются съ такимъ неимовѣрнымъ ожесточеніемъ и стихійнымъ упорствомъ.

Разгромъ Франціи въ 1870—71 г.г. далеко не сразу былъ понятъ въ Россіи, какъ серьезный ущербъ и, даже, реальная опасность для спокойствія и престижа Россійской имперіи; и далеко не сразу были сдѣланы шаги къ сближенію съ Франціей во имя огражденія обѣихъ странъ отъ германской опасности. Но уже скоро обнаружилось, что добить Францію окончательно—Германіи такъ легко не удастся.

Уже въ 1870 году, когда, во время осады Парижа, уполномоченный французскимъ правительствомъ національной обороны Тьеръ пріѣзжалъ въ Петербургъ просить помощи, онъ встрѣтилъ со стороны канцлера кн. Горчакова явно сочувственный пріемъ, хотя Россія и не оказала Франціи просимой поддержки. Въ 1875 году, когда Бисмаркъ, встревоженный успѣхами военной реорганизаціи французской республики, рѣшилъ-было внезапнымъ нападеніемъ покончить съ западнымъ „наслѣдственнымъ врагомъ“, императоръ Александръ II личнымъ вмѣшательствомъ заставилъ Вильгельма I отказаться отъ осуществленія затѣяннаго Бисмаркомъ предпріятія. Правда, традиціонная родственная дружба, существовавшая между русскимъ и прусскимъ царствующими домами, давала Бисмарку увѣренность, что, пока живъ Александръ II, онъ ни въ какомъ случаѣ не выступитъ открыто враждебно противъ своего дяди, Вильгельма I, но, во всякомъ случаѣ, послѣ 1875 года русско-германскія отношенія были уже далеко не тѣ, что въ первую половину семидесятыхъ годовъ. Ближайшія событія показали, что фактически Россія изолирована и что ей необходимо серьезно подумать о лучшемъ устройствѣ своихъ международныхъ отношеній. Когда готовилась русско-турецкая война 1877 года, Бисмаркъ, всегда мечтавшій объ ослабленіи Россіи тѣмъ или инымъ способомъ, а главное, объ отвлеченіи русскихъ силъ отъ западной границы,—всячески содѣйствовалъ, насколько это отъ него зависѣло, обостренію русско-турецкаго конфликта. Когда же, послѣ войны, Англія и Австрія начали агитацію въ пользу международнаго конгресса, который долженъ былъ видоизмѣнить Санъ-Стефанскій миръ, то Бисмаркъ въ этомъ вопросѣ сталъ на сторону противниковъ Россіи. На собравшемся лѣтомъ 1878 года Берлинскомъ конгрессѣ германскій канцлеръ, играя роль благожелательнаго Россіи посредника, на самомъ дѣлѣ неизмѣнно поддерживалъ Австрію, союзъ съ которой давно уже представлялся ему необходимѣйшимъ оплотомъ могущества и даже безопасности германской имперіи. Раздраженіе Императора Александра II было велико. Въ 1879 году Александръ II хотѣлъ даже заставить Бисмарка опредѣленно высказаться, можетъ ли Россія разсчитывать на нейтралитетъ Германіи въ томъ случаѣ, если затѣется русско-австрійская война. Результаты этой попытки были таковы, что еще болѣе ухудшили и безъ того натянутое положеніе. Выдержавшая только-что побѣдоносную, но все же очень тяжелую войну, разстроившая надолго свои финансы, принужденная считаться какъ разъ въ эти годы съ неспокойнымъ внутреннимъ положеніемъ, Россія явственно была лишена въ 1879—1881 г.г. возможности вести сколько-нибудь активную внѣшнюю политику, и Бисмаркъ учелъ это обстоятельство такъ же, какъ и то, что самый запросъ насчетъ нейтралитета былъ сдѣланъ Александромъ II больше для выясненія положенія, чѣмъ для какой-либо болѣе реальной и осязательной цѣли-

И тогда-то Бисмаркъ рѣшилъ, наконецъ, заключить союзъ съ Австріей. Австрія тотчасъ же пошла на эту комбинацію: выбора ей не было.

Послѣ катастрофы 1 марта 1881 года на русскій престолъ вступилъ Императоръ Александръ III. Онъ давно не довѣрялъ ни Бисмарку, ни Вильгельму I, ни малѣйшей симпатіи къ прусскому двору у него не было. говорили даже о рѣшительномъ его нерасположеніи ко всему нѣмецкому. Но, во всякомъ случаѣ, въ первые годы его царствованія русская политика не могла сразу пойти по новымъ, неизвѣданнымъ путямъ. Во-первыхъ, внутреннія нестроенія поглощали въ первые годы царствованія все вниманіе правительства; во-вторыхъ, вступая на престолъ, новый государь уже засталъ на европейской политической сценѣ могущественный союзъ двухъ центральныхъ нѣмецкихъ имперій, руководимый дѣятельнѣйшимъ и бдительнымъ германскимъ канцлеромъ; въ-третьихъ, единственный путь, который могъ вывести Россію изъ опаснаго изолированнаго положенія, путь къ сближенію съ Франціей, былъ дологъ и труденъ, слишкомъ необычаенъ и новъ, предшественникъ же Императора Александра III не успѣлъ даже и одного шага пройти по этому пути. Нужно было и во Франціи, и въ Россіи преодолѣть очень много треній и препятствій, чтобы сталъ возможенъ союзъ между антиклерикальною республикою и самодержавною имперіею. Къ тому же, Бисмаркъ какъ разъ въ это время одержалъ крупный дипломатическій успѣхъ: однимъ ударомъ ему удалось и ослабить на нѣкоторое время Францію въ Европѣ и значительно усилить австро-германскій союзъ. Обѣ выгоды дала ему тунисская экспедиція французовъ, затѣянная въ 1879 году и окончившаяся въ 1881 году установленіемъ французскаго протектората въ Тунисѣ.

Еще въ 1878 году Бисмаркъ толкнулъ французовъ на завоеваніе Туниса, давши имъ понять, что Германія ничего противъ этого не имѣетъ. Онъ помнилъ, какую благую для Пруссіи роль при Наполеонѣ III сыграла мексиканская экспедиція, ослабившая Францію, отвлекшая ея вниманіе отъ европейскихъ дѣлъ въ самую нужную минуту, когда вершились судьбы Пруссіи. Тунисъ долженъ былъ сыграть въ исторіи третьей республики ту же роль, какую сыграла Мексика въ исторіи второй имперіи. Мечты о реваншѣ, о возвращеніи Эльзаса и Лотарингіи должны были замѣниться планами расширенія колоніальныхъ владѣній. А затѣмъ Бисмаркъ прекрасно зналъ, что претензіи на Тунисъ давно уже предъявляетъ Италія, что въ Тунисѣ несравненно больше итальянцевъ, чѣмъ французовъ и что на французскую экспедицію Италія посмотритъ, какъ на крупный шагъ въ дѣлѣ превращенія Средиземнаго моря во „французское озеро“. Слѣдовательно, можно было съ полною увѣренностью ждать ссоры между Франціей и Италіей. Предположенія Бисмарка сбылись, хоть и не въ полномъ объемѣ. Тунисская экспедиція оказалась для Франціи счастливѣе, чѣмъ

былая мексиканская: Тунисъ прочно остался за Франціей. Но все-таки: 1) Франція надолго была отвлечена колоніальною политикою отъ европейскихъ дѣлъ, и 2) раздраженное общественное мнѣніе Италіи съ одобреніемъ встрѣтило рѣшеніе короля Гумберта порвать съ традиціонными французскими сомнѣніями и открыто примкнуть къ австро-германскому союзу. Въ 1882 году Италія вступила въ союзный договоръ съ Германіей и Австріей, и этимъ самымъ двойственный союзъ превратился въ такъ названный „Тройственный".

Эти событія, въ сущности, еще болѣе ухудшали положеніе Россіи Считаясь съ создавшимися условіями, Императоръ Александръ III придерживался осторожной политики относительно центральныхъ имперій въ эти первые годы своего царствованія. Въ 1884 г. между Россіей, Германій и Австріей, даже состоялось негласное дружественное соглашеніе. Осторожность, помимо всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, диктовалась еще и подозрительностью, которую все болѣе и болѣе обнаруживала Англія по отношенію къ русской средне-азіатской политикѣ. Неудача, постигшая въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ русскую дипломатію въ ея стремленіяхъ упрочить свое вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ и, въ особенности, въ Болгаріи, ясно показала, что полная изолированность Россіи очень хорошо учитывается Австріей и что дальнѣйшее пребываніе въ этомъ состояніи изолированности чревато для Россіи не только возможнымъ и въ будущемъ умаленіемъ престижа, но, при извѣстномъ оборотѣ дѣлъ, и прямою опасностью.

Разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Болгаріею, причемъ на сторонѣ Россіи оказалась одна только Франція, окончательно поставилъ на очередь вопросъ о формальномъ сближеніи Россіи съ Франціей. Правда, Франція не вмѣшалась активно въ русско-болгарскую распрю, но болгарамъ было дано понять, что во Франціи они ни малѣйшей поддержки искать не должны. Этотъ эпизодъ сильно ускорилъ дѣло франко-русскаго сближенія.

Уже въ 1889 году отношенія между французскимъ и русскимъ правительствами не оставляли желать ничего лучшаго. Императоръ Александръ III явно шелъ къ демонстративному сближенію съ Франціей.

Что касается Франціи, то нѣтъ никакой необходимости долго объяснять, почему съ перваго же момента мысль о союзѣ съ Россіей была тамъ принята съ восторгомъ широчайшими общественными кругами. Мысль о франко-русскомъ союзѣ, осуществленная въ 1807—1811 годахъ Наполеономъ I и Александромъ I, неоднократно снова и снова привлекала вниманіе обѣихъ державъ. Объ этомъ союзѣ дипломаты заговаривали въ послѣдніе годы эпохи Реставраціи, въ 1827—1830 г.г.; эта идея затѣмъ вновь воскресла послѣ Крымской кампаніи, въ 1857—1860 г.г.,—но въ первомъ случаѣ іюльская революція, оттолкнувшая Николая I отъ Франціи, а во второмъ случаѣ начавшаяся смута въ Польшѣ, разсорившая Наполеона III

съ Александромъ II, помѣшали осуществленію дѣла. Послѣ разгрома Франціи въ 1870—1871 г.г. необходимость тѣснаго сближенія съ единственной великой державой, которая по своему географическому положенію могла бы помочь въ случаѣ нападенія со стороны Германіи, стала вполнѣ очевидной для руководящихъ дѣятелей французской политики. Гамбетта въ послѣдніе годы своей жизни много и серьезно объ этомъ думалъ и говорилъ (пока только строго конфиденціально—съ генераломъ Галлифэ и другими довѣренными людьми). „Лига патріотовъ“ и другія общественныя организаціи широко популяризовали мысль о желательности и, даже, неизбѣжности союза съ Россіею.

Ссора Франціи съ Италіей и присоединеніе Италіи въ 1882 году къ австро-германскому союзу дѣлали положеніе Франціи рѣшительно опаснымъ: ясно было, что въ случаѣ войны французамъ пришлось бы принять на себя ударъ со стороны двухъ державъ, по крайней мѣрѣ,—если бы, даже, Австрія оставила всѣ свои силы на русской границѣ съ цѣлью гарантировать Германію отъ нападенія съ востока. Бисмаркъ долго не хотѣлъ вѣрить, что Александръ III вступитъ въ союзъ съ республиканской страной, и даже говорилъ, что французская республика „неспособна къ союзамъ“. Когда же онъ увидѣлъ, что сближеніе быстро прогрессируетъ, то онъ рѣшилъ снова повторить угрозу, неудавшуюся въ 1875 году. Въ 1886—1889 г.г. произошелъ рядъ франко-германскихъ инцидентовъ, искусно провоцированныхъ со стороны Германіи. Офиціозная и близкая къ правительству германская пресса усиленно бряцала оружіемъ и открыто говорила о возможности войны. Нужно было рѣшаться: либо немедленно и демонстративно сблизиться съ Россіей, либо отрѣшиться отъ великодержавнаго положенія и послушно поплыть въ фарватерѣ германской политики. Франція предпочла первое.

13 іюля 1891 года въ Кронштадтъ прибыла французская эскадра подъ командою адмирала Жервэ. Императоръ Александръ III оказалъ такой пріемъ эскадрѣ и ея начальнику, что въ Европѣ это было истолковано, какъ прямое предвѣстіе заключенія союза между обѣими державами. Спустя нѣсколько недѣль послѣ кронштадтскихъ событій, 22 августа 1891 года было подписано секретное франко-русское соглашеніе, по которому обѣ державы обязывались взаимною военною поддержкою въ случаѣ войны съ любою европейскою державою которой-нибудь изъ нихъ. Вторая манифестація франко-русскаго сближенія произошла въ сентябрѣ 1893 года въ Тулонѣ и Парижѣ, гдѣ необычайно торжественно чествовали русскихъ моряковъ, пріѣхавшихъ отдать кронштадтскій визитъ. Спустя полгода, была подписана секретная военная конвенція между Россіей и Франціей, имѣвшая цѣлью опредѣлить основныя черты франко-русскаго военнаго сотрудничества. Третья франко-русская манифестація (прибытіе въ Парижъ Импера-

тора Николая II и императрицы Александры Ѳеодоровны въ октябрѣ н. с. 1896 г.) подтвердила въ глазахъ Европы, что смерть Императора Александра III не внесла никакихъ перемѣнъ въ область франко-русскихъ отношеній. Это подтвержденіе, съ точки зрѣнія французскихъ правящихъ круговъ, было тѣмъ болѣе кстати, что въ германской прессѣ довольно упорно твердили съ 1894 г. о предстоящей крутой перемѣнѣ курса русской внѣшней политики, о томъ, что она вновь станетъ германофильской, какъ въ эпоху Александра II и т. д. Эти слухи окончательно замерли, когда во время четвертой франко-русской манифестаціи (визита президента Феликса Фора въ Кронштадтъ въ августѣ 1897 года) были, наконецъ, торжественно произнесены обоими главами государствъ слова о союзныхъ націяхъ: до этого дня—15 августа 1897 года—о союзѣ официально ни разу не было сказано. Отнынѣ существованіе франко-русскаго союза было формально возвѣщено въ Европѣ.

Итакъ, къ концу послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка въ Европѣ оказались лицомъ къ лицу двѣ комбинаціи: тройственный союзъ (Германія, Австрія и Италія) и союзъ франко-русскій. Шестая великая держава—Англія не принимала участія ни въ первой, ни во второй комбинаціи, и ея первый министръ лордъ Сольсбери находилъ это вполнѣ нормальнымъ и цѣлесообразнымъ и называлъ изолированное положеніе Великобританіи блестящимъ (the splendid isolation). До поры, до времени Англія еще могла оставаться въ одиночествѣ, но близился моментъ, когда ей непремѣнно нужно было сдѣлать свой выборъ.

Остановимся на этихъ вопросахъ: 1) почему Англія могла сохранять изолированное положеніе до начала 1900-хъ г.г. и 2) почему она должна была измѣнить эту политику? Отвѣтъ на второй вопросъ будетъ одновременно отвѣтомъ и на третій вопросъ: 3) почему Англія, выйдя изъ дипломатическаго одиночества, не колеблясь, заняла непріязненную Германіи позицію?

II.

Поддержаніе „европейскаго равновѣсія“ всегда было основною идеею великобританской политики. Во имя этой идеи англійская дипломатія неизмѣнно, во всѣ вѣка, направляла всѣ свои усилія противъ той изъ европейскихъ державъ, которая въ данный моментъ являлась наиболѣе сильною. Верховенство какой-либо одной державы на континентѣ всегда разсматривалось Англіей, какъ прямая угроза ея собственной независимости, и, по дипломатической традиціи, считалось само по себѣ достаточнымъ поводомъ для военнаго выступленія британскихъ вооруженныхъ силъ. Въ XVI столѣтіи Англія вела упорную войну противъ наиболѣе сильнаго монарха того времени Филиппа II испанскаго, и, послѣ долголѣтнихъ усилій,

справилась съ нимъ и нанесла Испаніи такой страшный ударъ, отъ котораго Испанія уже никогда не могла вполнѣ оправиться. Въ XVII столѣтіи Англія воевала столь же упорно и безпощадно какъ противъ наиболѣе сильной въ тѣ времена морской державы—Голландіи, такъ и противъ наиболѣе могущественнаго властителя континента—Людовика XIV; и въ той и въ другой борьбѣ Англія осталась побѣдительницей. Новая отчаянная схватка послѣдовала чрезъ сто лѣтъ, когда Англіи пришлось выдержать неслыханно-трудную борьбу противъ Наполеона. Наполеонъ громилъ и уничтожалъ арміи союзниковъ Англіи на континентѣ,—Австріи, Пьемонта, Неаполя, Пруссіи, Россіи, испанскихъ инсургентовъ, одна держава за другою либо уничтожились имъ, либо принуждались къ миру, нѣкоторыя (Россія въ Тильзитѣ въ 1807 году) даже вступали въ союзъ со всемогущимъ владыкою, только-что нанесшимъ имъ пораженіе,—одна только Англія вставала снова и снова, отказывалась мириться, съ неутомимою энергіей затѣвала новыя коалиціи противъ Наполеона, производила высадки, агитировала среди покоренныхъ Наполеономъ народовъ, щедрою рукою бросала сотни милліоновъ золота на субсидіи, ободряла оробѣвшихъ, поднимала упавшихъ,—и тяготѣвшій надъ Европою колоссъ, вплоть до самаго Ватерлоо, гдѣ закончилась его историческая карьера, всюду встрѣчалъ англичанъ на своемъ кровавомъ пути. Спустя нѣсколько десятилѣтій послѣ Наполеона, безпокойное вниманіе Англіи привлекаетъ Николай I,—и Крымская кампанія кладетъ на нѣкоторое время предѣлъ движенію Россіи къ проливамъ.

Послѣ Крымской кампаніи наступаетъ эпоха, когда бдительность англійской дипломатіи остается прикованною къ Россіи. Расширеніе русскихъ среднеазіатскихъ владѣній вызвало безпокойство за Индію; русско-турецкая война 1877—78 г.г. снова вызываетъ призракъ захвата проливовъ Россіею; русско-афганскія пограничныя столкновенія въ 1885—1886 г.г. побуждаютъ англійскую дипломатію и прессу говорить угрожающимъ языкомъ.

Какая фатальная завѣса закрыла глаза руководителей англійской и русской политики? Какъ могли они не видѣть смертельной опасности, выраставшей въ центрѣ Европы съ каждымъ годомъ? Какъ могла значительная часть англійскаго общества радоваться въ 1870—71 г.г. разгрому Франціи? Какъ могли посылаться изъ Петербурга восторженныя телеграммы „дядѣ-молодцу“ Вильгельму I? Какъ могъ Сольсбери во всемъ и всегда поддерживать Германію противъ Россіи въ 80-хъ и 90-хъ г.г. XIX вѣка? Какъ могла русская дипломатія (и близкая къ ней пресса) цѣлыми годами стараться повернуть остріе франко-русскаго союза именно противъ Англіи, забывая совершенно, что по мысли основателя союза Императора Александра III этотъ союзъ долженъ былъ быть охраною отъ Германіи?

Всѣ эти вопросы много разъ задавались въ самой Англіи за послѣдніе годы задавались и въ другихъ мѣстахъ, но оставались и остаются безъ отвѣта.

Эта политика торжествовала послѣднія свои побѣды въ десятилѣтіе 1894—1904. Враждебное выступленіе Россіи, Франціи и Германіи противъ Японіи (послѣ Симоносекскаго мира Японіи съ Китаемъ) было, вмѣстѣ съ тѣмъ, шагомъ, направленнымъ и противъ Англіи; яростная англо-французская ссора изъ-за Фашоды (мѣстечка на Нилѣ, занятаго французами и очищеннаго ими въ 1898 году по требованію англичанъ), бурская война 1899—1901 г.г., вызвавшая враждебное англичанамъ настроеніе въ широкихъ слояхъ европейскаго общества,—все это было, какъ нельзя болѣе, на руку Германіи. Съ одной стороны, для Германіи Англія была наиболѣе серьезною торговою конкуренткою на всѣхъ рынкахъ; съ другой стороны, казалось ясно, что если Англія и выйдетъ изъ своего „блестящаго одиночества“, то непремѣнно примкнетъ къ врагамъ Россіи и Франціи, такъ какъ политическія отношенія ея къ этимъ державамъ оказывались особенно раздраженными и непримиримыми. Въ свою очередь, Франція и Россія (Россія—со средины 1890-хъ годовъ, Франція—послѣ Фашоды, т. е. съ 1898 г.) какъ будто все болѣе и болѣе забывали о самомъ существованіи въ центрѣ Европы двухъ вооруженныхъ съ ногъ до головы обширныхъ имперій, объединенныхъ между собою и привлекшихъ къ себѣ еще Италію,—и всецѣло отдавались ярой дипломатической войнѣ противъ Англіи.

Но въ 1900 и 1901 г.г. послѣдовало первое пробужденіе: германское правительство начало въ грандіозныхъ размѣрахъ осуществлять судостроительную программу. „Наше будущее—на водѣ“,—провозгласилъ Вильгельмъ II. Серьезный ущербъ отъ дѣятельнѣйшей германской конкуренціи англійскій торгово-промышленный міръ чувствовалъ уже давно; съ 1900—1901 г.г. на очередь сталъ несравненно болѣе грозный вопросъ о конкурренціи въ области военнаго судостроенія. Отъ этого вопроса зависѣла безопасность британской имперіи, а не только ея торговое первенство. Англія глухо заволновалась.

Судьбѣ было угодно, чтобы въ этотъ моментъ, въ 1901 году, на англійскій престолъ вступилъ человѣкъ, давно уже разглядѣвшій въ Германіи самаго страшнаго изъ возможныхъ враговъ Великобританіи. Эдуардъ VII еще наслѣдникомъ престола не раздѣлялъ руссофобской программы консервативныхъ кабинетовъ Биконсфильда и Сольсбери. Со времени начала осложненій въ Южной Африкѣ и посылки въ 1896 году императоромъ Вильгельмомъ II поздравительной телеграммы президенту Трансвааля Крюгеру (по поводу побѣды надъ Джемсономъ) въ англійскомъ обществѣ уже существовало опредѣленно враждебное Германіи теченіе. Теперь, съ 1901 года, это теченіе стало быстро расти, и новый король сталъ во главѣ его.

Вся англійская политика подъ прямымъ вліяніемъ короля (всецѣло поддержаннаго отвѣтственнымъ кабинетомъ—сначала Бальфура, потомъ Кэмпбель-Баннермана и, наконецъ, Асквита) начинаетъ быстро перестраиваться на другой фронтъ. Въ Вильгельмѣ II, наконецъ, усматривается такой же претендентъ на европейскую гегемонію, какъ и тѣ, съ которыми Англія такъ упорно боролась въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. „Блестящее одиночество“ начинаетъ казаться чрезвычайно опасной и, даже, впредь невозможной позиціей. Какъ будто вдругъ открылись глаза и увидѣли могущественную имперію съ населеніемъ въ полтора раза больше, чѣмъ населеніе британскихъ острововъ, съ неслыханно быстро растущей промышленностью, съ высоко развитою техникою, съ огромною, прекрасно оборудованною арміею, и съ планомѣрно и быстро увеличивающимся флотомъ; страну, лежащую въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Англіи, явно стремящуюся изгнать англичанъ изъ всѣхъ заморскихъ и континентальныхъ рынковъ и лихорадочно готовящуюся къ возможной враждебной встрѣчѣ. Франція съ Фашодою, Россія съ фантастическимъ стремленіемъ завоевать Индію—все это должно было отступить на задній планъ предъ грозною нѣмецкою реальностью. Простая логика повелѣвала, въ такомъ случаѣ, какъ можно скорѣе и какъ можно полнѣе, примириться съ франко-русскимъ союзомъ и, современемъ, примкнуть къ нему.

Король началъ съ линіи наименьшаго сопротивленія, съ Франціи; о Россіи еще нельзя было думать, такъ какъ Россія поглощена была наступательными дипломатическими планами на Дальнемъ Востокѣ.

Уже въ 1903 году было готово вчернѣ англо французское соглашеніе, которое въ окончательной формѣ было подписано 8 апрѣля 1904 года. По этому соглашенію улаживались всѣ спорные вопросы между Англіей и Франціей во всѣхъ частяхъ земного шара, гдѣ интересы обѣихъ странъ встрѣчаются. Главный пунктъ заключался въ томъ, что Франція отказывалась навсегда отъ какихъ бы то ни было претензій на Египетъ въ пользу Англіи, а Англія отказывалась въ пользу Франціи отъ претензій на Марокко.

Выгода была явственно на сторонѣ Франціи, такъ какъ Египетъ, все равно, былъ захваченъ англичанами, и французы лишены были возможности помѣшать этому, а огромная марокканская имперія была бы вовсе недоступна для французовъ въ случаѣ противодѣйствія со стороны Англіи. Но и министерство Бальфура, и король Эдуардъ VII знали, что нужна серьезная жертва, чтобы круто измѣнить англо-французскія отношенія,—и они эту жертву принесли.

Въ Германіи это соглашеніе было принято—съ внѣшней стороны—хладнокровно. Но на самомъ дѣлѣ Вильгельмъ II выжидалъ удобнаго момента для протеста. Примириться съ тѣмъ что единственная еще не захва-

ченная европейцами огромная и богатая территорія цѣликомъ перейдетъ въ руки французовъ, онъ не желалъ; раздражало германскую дипломатію и то, что она прекрасно поняла, къ чему клонится купленное англичанами такою цѣною англо-французское соглашеніе. Въ 1905 году, послѣ Мукденскаго пораженія русскихъ войскъ, Вильгельмъ нашелъ, что удобный часъ насталъ. Онъ отправился въ Танжеръ съ демонстративнымъ визитомъ во владѣнія „независимаго“ султана и съ серьезными угрозами обратился къ Франціи, категорически не желая признавать „мирнаго проникновенія“ французовъ въ Марокко (такова была формула для обозначенія занятія Марокко французами, предложенная министромъ иностр. дѣлъ Делькассе). Франція оказалась въ трудномъ положеніи. Россія въ этотъ бѣдственный моментъ, въ годину Мукдена и Цусимы, помочь ей не могла, въ Англіи еще далеко не были подготовлены къ мысли о вооруженной помощи Франціи въ случаѣ германскаго нападенія, сражаться въ одиночку противъ Германіи значило идти на явное пораженіе. Делькассе подалъ (6 іюня 1905 г.) въ отставку, такъ какъ придерживался наиболѣе непримиримой позиціи, и кабинетъ Рувье согласился представить марокканскій вопросъ на обсужденіе европейской конференціи. Правда, конференція, собравшаяся въ Алжезирасѣ, признала нѣкоторыя особыя права Франціи въ Марокко, но подтвердила экономическую равноправность всѣхъ остальныхъ державъ въ Марокко и признала марокканскаго султана законнымъ властителемъ страны. Въ этой стадіи дѣло было выиграно Германіей.

Король Эдуардъ VII и англійское правительство извлекли изъ этого эпизода то правильное умозаключеніе, что для успѣшной борьбы противъ Германіи совершенно необходимо дѣятельное участіе Россіи въ европейской политикѣ. Вотъ почему, едва только былъ подписанъ русско-японскій миръ, и Англія, состоявшая въ союзѣ съ Японіей, получила формальную возможность выйти изъ положенія враждебнаго Россіи нейтралитета, какъ король Эдуардъ начинаетъ работать надъ дѣломъ англо-русскаго сближенія. Моментъ оказался благопріятнымъ. О Дальнемъ Востокѣ, куда Россію, въ свое время, толкнули, между прочимъ, также дружескіе совѣты изъ Берлина, нужно было перестать думать; исконные интересы Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, вопросъ о проливахъ—вотъ что снова вырастало, послѣ долгаго промежутка времени, предъ взорами русской дипломатіи.

Здѣсь, въ Константинополѣ и, вообще, на Балканахъ, германское вліяніе успѣло почти вовсе вытѣснить какъ англійское, такъ и русское, т. е. два вліянія, до тѣхъ поръ боровшіяся на Балканскомъ полуостровѣ. Затѣянная Германіей багдадская желѣзная дорога должна была превратить лучшія азіатскія владѣнія Турціи въ германскую колонію; пышный расцвѣтъ германской торговли въ Турціи уже давно обращалъ на себя вниманіе англичанъ. При этихъ условіяхъ понемногу англійское общественное мнѣніе снова обра-

щалось къ старой мысли, высказанной еще въ 1835 году знаменитымъ Ричардомъ Кобденомъ, что упроченіе русскаго вліянія въ Турціи представляетъ собою выгоду, а не ущербъ для англійскихъ торговыхъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь Германія являлась одинаковымъ врагомъ и для экономическихъ интересовъ Англіи, и для традиціонно-политическихъ интересовъ Россіи. Значитъ, и здѣсь, на Ближнемъ Востокѣ, прежнее англо-русское соревнованіе исчезло. Чего же еще могла опасаться Англія, разъ уничтожены были причины столкновеній между нею и Россіею какъ на Дальнемъ, такъ и на Ближнемъ Востокѣ? Оставалась средняя Азія. И вотъ, король и министры начинаютъ дѣятельно подготовлять англо-русское соглашеніе. Въ 1907 году оно осуществляется, и всѣ недоразумѣнія, касающіяся двухъ главныхъ пунктовъ раздора, оказываются улаженными: Россія обязуется не вести сношеній съ Афганистаномъ иначе, какъ чрезъ посредство Англіи, Англія и Россія обязуются не отправлять въ Тибетъ никакихъ миссій, экспедицій и т. д., и признавать всецѣло суверенитетъ Китая въ Тибетѣ. „Индійская“ химера разсѣялась окончательно: никакой опасности Индіи со стороны Россіи уже не приходилось бояться. Да и англо-японскій договоръ (о взаимной гарантіи всѣхъ азіатскихъ владѣній обѣихъ державъ) былъ достаточно существенъ съ этой точки зрѣнія. Визитъ Эдуарда VII въ Россію и свиданіе въ Ревелѣ (1908 г.) окончательно подчеркнули превращеніе франко-русскаго союза въ „Тройственное согласіе“.

Отвѣтомъ на образованіе Тройственнаго согласія было усиленіе дѣятельности австро-германской дипломатіи на Балканахъ. Присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австріи показало центральнымъ имперіямъ, что ни Россія, ни ея союзники не готовы къ войнѣ. Съ другой стороны, нападеніе Италіи на Турцію съ цѣлью завоеванія Триполи, совершенное явно, вопреки желанію Австріи и Германіи, обнаружило всю слабость и, даже, призрачность связи, соединяющей Италію съ германскими державами, и дало надежду на возможное распаденіе Тройственнаго союза. Въ этотъ моментъ неустойчиваго равновѣсія и разразился такъ называемый „Агадирскій инцидентъ“. Франція начала военное продвиженіе вглубь Марокко, воспользовавшись внутренними смутами въ этой странѣ. Германское правительство, въ отвѣтъ, послало въ марокккскую бухту Агадиръ канонерскую лодку „Пантера“, которая и стала тамъ на якорѣ (1 іюля 1911 года). Это было явнымъ указаніемъ на желаніе Германіи получить часть марокккской территоріи. Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ, Ллойдъ-Джорджъ произнесъ, спустя три недѣли, въ Меншіонъ-Гаузѣ угрожающую рѣчь по адресу Германіи съ явнымъ намекомъ на то, что Англія не поколеблется поднять перчатку. Вильгельмъ II на этотъ разъ отступилъ. Между Франціей и Германіей было подписано соглашеніе, по которому Германія соглашалась на установленіе французскаго

протектората надъ Марокко взамѣнъ уступки французами части владѣній въ Конго въ пользу Германіи. Эта сдѣлка была понята въ германскихъ имперіалистическихъ кругахъ, какъ пораженіе Германіи. Было ясно, что отнынѣ Англія выступитъ въ той или иной формѣ на сторонѣ Франціи въ случаѣ нападенія Германіи на Францію.

1912—1913 г.г. принесли двѣ балканскія войны. Первая, кончившаяся разгромомъ Турціи, пошатнула положеніе австро-германской дипломатіи на Балканахъ; вторая, посѣявшая смертельную вражду между Сербіей и Болгаріей, снова отчасти укрѣпила это положеніе. Но, въ сущности, уже съ конца 1913 года не было въ Европѣ ни одного серьезнаго политика, который не былъ бы увѣренъ въ близости рокового взрыва. Не помѣрявшись силами, оба союза могли еще существовать очень долго; но увѣренность австро-германской комбинаціи въ своихъ силахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздраженіе Германіи по поводу дипломатическихъ неудачъ и скромности территоріальныхъ пріобрѣтеній (въ скудной части Конго, взамѣнъ близкаго, огромнаго и богатаго Марокко) ускорили взрывъ. Удачная война должна была дать Германіи не Марокко только, но всю колоссальную колоніальную имперію Франціи, прочно укрѣпить австро-германское преобладаніе на Балканскомъ полуостровѣ, далеко отбросить Россію отъ турецкихъ владѣній, гарантировать возобновленіе выгоднаго для Германіи торговаго договора съ Россіей. „Намъ тѣсно, мы задыхаемся, намъ нужно имѣть мѣсто, гдѣ положить локти“, эти фразы мелькали въ германской прессѣ уже давно. Нападеніе на Россію, да еще изъ-за Сербіи, казалось болѣе безопаснымъ, чѣмъ прямое и первоначальное нападеніе на Францію: представлялось, что Англія поколеблется, все же, въ послѣдній моментъ обнажить мечъ изъ-за Россіи. Но здѣсь—все провалилось, не помогло даже данное въ послѣднюю минуту обѣщаніе подѣлиться съ Англіей отнятыми у Франціи колоніями.

Во всякомъ случаѣ, германское правительство послѣ этого отказа Англіи отъ дѣлежа, должно было отрѣшиться отъ надежды на англійскій нейтралитетъ.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Англія безъ особой потери времени выступила бы противъ Германіи, даже если бы нейтралитетъ Бельгіи не былъ нарушенъ. Нарушеніе этого нейтралитета ускорило событія. Еще Наполеонъ называлъ Антверпенъ пистолетомъ, направленнымъ въ грудь Англіи, и понималъ, что, пока Бельгія въ его рукахъ,—прочнаго мира съ Англіей быть не можетъ. Упорная защита Бельгіи отъ всякихъ посягательствъ со стороны любой болѣе сильной державы была тоже съ давнихъ поръ одною изъ аксіомъ британской внѣшней политики, видѣвшей въ охранѣ этого близкаго побережья вопросъ національной безопасности для Англіи. Германскій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ едва ли былъ искрененъ въ своемъ негодованіи и изумленіи по поводу вооруженнаго выступленія Англіи изъ-за

„клочка бумаги“—договора европейскихъ державъ о нейтралитетѣ Бельгіи, подписаннаго въ 1839 г. Могло быть и то, что, считая вмѣшательство Англіи все равно неизбѣжнымъ въ близкомъ будущемъ, германскій главный штабъ рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, использовать болѣе легкую дорогу во Францію и, попутно, захватить богатую каменнымъ углемъ и промышленностью страну. Намеки на возможность такого толкованія встрѣчались въ первые мѣсяцы войны въ германской прессѣ.

Во всякомъ случаѣ, переходъ первыхъ германскихъ эшелоновъ чрезъ бельгійскую границу безповоротно и мгновенно рѣшилъ дѣло: Англія объявила Германіи войну въ тотъ же день, какъ были получены первыя офиціальныя извѣстія о совершившемся событіи. И тѣни колебаній при этомъ англійскимъ правительствомъ не было обнаружено. Вѣковыя стѣны министерства иностранныхъ дѣлъ въ Лондонѣ, казалось, сами подсказали сэру Грею его рѣшеніе. Преемникъ лорда Борлея, Мальборо, Вильяма Питта младшаго, Пальмерстона, Дизраэли не могъ поступить иначе, чѣмъ поступили бы они и другіе руководители—офиціальные или фактическіе—англійской внѣшней политики за многія столѣтія.

Присоединеніе Англіи къ врагамъ Германіи освобождало Италію отъ ея союзныхъ обязательствъ: Италія, по условію, не обязана была воевать, е с л и на противной сторонѣ окажется Англія. Активное же выступленіе Италіи противъ Австріи, естественно, вытекало изъ стремленія присоединить Тріентскую и Тріестскую области, которыя не удалось вырвать изъ рукъ Австріи въ эпоху объединенія Италіи, ни въ 1859, ни въ 1866 г.г.

Раздраженіе противъ Франціи, толкнувшее Италію въ 1882 году въ сторону Германіи и Австріи, давно разсѣялось; причинъ держаться дальше за союзъ съ германскими державами не было никакихъ, а, напротивъ, война съ Австріей сулила прямыя выгоды. И весною 1915 года, въ разгаръ войны, Тройственное согласіе превратилось въ ч е т в е р н о е.

Тяжкая борьба съ врагами, гораздо лучше приготовившимися къ войнѣ, спаяла четверное согласіе очень прочными узами. Чѣмъ бы ни кончилось нынѣшнее великое столкновеніе, трудно представить себѣ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ предвидимомъ будущемъ, распаденіе этой комбинаціи. Еще труднѣе представить себѣ прекращеніе австро-германскихъ союзныхъ обязательствъ, пока существуютъ самостоятельно и могутъ собою распоряжаться обѣ центральныя имперіи. Другія державы Европы—Турція, Болгарія, Сербія, Греція, Румынія—на югѣ, Швеція, Норвегія, Данія, Голландія—на сѣверѣ Европы тяготѣютъ и будутъ тяготѣть къ той изъ двухъ великодержавныхъ комбинацій, которая можетъ больше (и съ большимъ вѣсомъ) обѣщать имъ политическихъ и экономическихъ благъ и выгодъ и отстаивать ихъ безопасность; нѣкоторыя изъ нихъ (Греція, Румынія,

Швеція, Голландія) могутъ, даже, отъ одной комбинаціи переходить къ другой, смотря по военному счастью данной минуты, но два указанныя враждебныя великодержавныя соединенія—не вчера зародились и не завтра распадутся. И судьбы европейской культуры зависятъ отъ того, удастся ли имъ найти такой выходъ изъ бушующаго пожара, который бы не грозилъ новыми и близкими катастрофами. Пока этотъ выходъ даже и отдаленно не намѣчается...

Е. В. Тарле.

Дипломатическій прологъ.

(10—23 Іюля 1914 г.).

I.

Памятнымъ днямъ лѣта 1914 года, въ которыя быстро слѣдовали другъ за другомъ объявленія войны Австро-Венгріей—Сербіи, Германіей—Россіи и Франціи, Бельгіей и Англіей—Германіи, предшествовали дни дипломатическихъ переговоровъ, составляющихъ важнѣйшую часть исторіи великой европейской войны. Въ эти дни разыгрывался прологъ той, подготовленной годами „мирной“ политики, трагедіи, развязку которой роковымъ образомъ пришлось, и нынѣ еще приходится, искать на огромныхъ фронтахъ войны.

Дипломатическій прологъ, обнимающій періодъ времени отъ 10 по 23 іюля, былъ исключительнымъ по своей напряженности. Въ немъ заключалось то безмѣрно безпокойное, и въ то же время, страстное возбужденіе, которое заражало собою не только непосредственно заинтересованные въ настоящемъ грозномъ конфликтѣ европейскіе народы, но заражало всю Европу, весь культурный міръ. И еще одна особенность отличала этотъ прологъ: на протяженіи его дѣлались попытки найти выходъ, отвести грозу, предотвратить взрывъ, но эти попытки рождались на свѣтъ съ порочнымъ клеймомъ безсилія. Отсюда та печать осознанной безнадежности, которая легла на прологѣ, и которая дѣлала изъ перваго, чисто политическаго, акта пьесы,—акта, составленнаго изъ дипломатическихъ репликъ,—вступленіе въ предопредѣленную историческимъ рокомъ трагедію. Въ то время, когда подавались реплики на авансценѣ, за ней уже спѣшно и лихорадочно выростала боевая обстановка, походная жизнь.

Напомнимъ главные моменты и общую линію развитія пролога, занесеннаго въ „Оранжевую“, „Бѣлую“, „Желтую“ и другихъ цвѣтовъ дипломатическія книги. Открывается онъ выступленіемъ австро-венгерскаго посланника въ Бѣлградѣ, имѣвшимъ мѣсто 10 іюля, въ 6 часовъ вечера. Баронъ Гизль вручилъ тогда премьеру Пашичу ноту, въ которой Сербіи предла-

галось не только вообще принять мѣры пресѣченія противъ преступной великосербской пропаганды, „являющейся постоянной угрозой для монархіи“, но и сообщался перечень этихъ мѣръ съ подробнымъ указаніемъ, гдѣ и какъ надлежитъ ихъ провести. Эта нота, предоставлявшая Сербіи 48-часовой срокъ для отвѣта и выставлявшая унизительныя для независимаго государства требованія безусловнаго подчиненія чужеземной волѣ, явилась тѣмъ ультиматумомъ, который долженъ былъ зажечь европейскій пожаръ.

Сераевское покушеніе, жертвой котораго палъ престолонаслѣдникъ Францъ-Фердинандъ съ супругой, произошло 15 іюня, а баронъ Гизль вручилъ ноту 10 іюля. У вѣнской дипломатіи было, слѣд., достаточно времени, чтобы взвѣсить всѣ послѣдствія, къ которымъ могло бы привести предъявленіе такого ультиматума, въ которомъ отъ Сербіи требовалось даже безусловное согласіе на „соучастіе австро-венгерскихъ органовъ въ дѣлѣ подавленія революціоннаго движенія, направленнаго противъ территоріальной неприкосновенности монархіи“. И разъ она черезъ 25 дней послѣ убійства рѣшилась на такой отвѣтственный шагъ, то она, очевидно, учитывала всѣ возможности и готова была идти имъ навстрѣчу...

Но если австро-венгерскій ультиматумъ войдетъ въ исторію, какъ исключительный дипломатическій документъ, въ которомъ подъ невыполнимыми требованіями скрывалась въ сущности политическая программа габсбургской монархіи, выросшая изъ притязаній на преимущественное вліяніе на Балканахъ, то въ эту исторію войдетъ, какъ „классическій“ документъ, и отвѣтъ Пашича. „Принятіе ультиматума,—сказалъ С. Д. Сазоновъ германскому послу Пурталесу,—превратило бы Сербію въ Бухару!“ Тѣмъ не менѣе, Пашичъ во врученномъ 12 іюля барону Гизелю отвѣтѣ принималъ значительную часть изложенныхъ въ ультиматумѣ требованій, выражая при этомъ увѣренность, что сербскій отвѣтъ устранитъ всѣ недоразумѣнія, которыя угрожаютъ добрососѣдскимъ отношеніямъ. Чѣмъ въ сущности представлялся отвѣтъ Сербіи, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ сэра Эдуарда Грея: „Мнѣ кажется,—сказалъ Грей австрійскому послу барону Менздорфу,—что сербскій отвѣтъ уже составляетъ величайшее униженіе Сербіи, какому, насколько я знаю, не подвергалась ни одна страна“... И однако Австро-Венгрія не удовлетворилась отвѣтомъ, даннымъ Пашичемъ за нѣсколько минутъ до истеченія условленнаго срока, и баронъ Гизель, едва пробѣжавъ глазами сербскую ноту, въ субботу 12 іюля, въ 6 час. 20 м. вечера выѣхалъ изъ Сербіи.

II.

Дипломатическія сношенія между Сербіей и Австро-Венгріей были прерваны. Объявленіе габсбургской монархіей войны не могло долго заставить себя ждать: оно послѣдовало 15 іюля. Но на протяженіи времени

между предъявленіемъ „неслыханнаго“ ультиматума, отклоненіемъ отвѣта Пашича и объявленіемъ войны дипломатическій аппаратъ Европы заработалъ также съ неслыханной силой. Если бы можно было измѣрить напряженность политическаго проволочнаго и безпроволочнаго телеграфа, соединяющаго европейскіе великодержавные центры, то она оказалась бы въ эти дни максимальной. Само собою разумѣется, австро-венгерское выступленіе было, прежде всего, ставкой на Россію, на ея общую и балканскую политику. Произведенное этой ставкой дѣйствіе извѣстно. 11 іюля въ „Правит. Вѣстникѣ“ появилось сообщеніе, гласившее, что озабоченное наступающими событіями правительство „зорко слѣдитъ за развитіемъ австро-сербскаго столкновенія, къ которому Россія не можетъ оставаться равнодушной“. Въ тотъ же день С. Д. Сазоновъ черезъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ предложилъ Австро-Венгріи, прежде всего, продлить поставленный Сербіи срокъ отвѣта, для того, чтобы державы получили возможность преподать Сербіи „соотвѣтствующіе совѣты“. Англія и Франція поддержали предложеніе Россіи. Но уже 12 іюля нашъ повѣренный сообщилъ, что русское предложеніе о продленіи срока отклонено, а 13 іюля въ Австро-Венгріи была объявлена „частичная“ мобилизація. Въ молніеносности темпа событій, такимъ образомъ, сомнѣваться не приходилось.

Однако наша дипломатія еще не теряла, повидимому, надежды на то что съ Австро-Венгріей удастся какъ-нибудь сговориться и найти компромиссъ. „Въ интересахъ сохраненія мира,—телеграфировалъ 13 іюля С. Д. Сазоновъ нашему послу въ Австро-Венгріи,—мнѣ казалось бы очень желательнымъ, чтобы австро-венгерскій посолъ былъ уполномоченъ войти со мною въ частный обмѣнъ мнѣній для совмѣстной переработки нѣкоторыхъ статей австрійской ноты 10 іюля. Такимъ путемъ, быть можетъ, удалось бы найти формулу, которая, будучи пріемлема для Сербіи, дала бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетвореніе Австріи по существу. Поговорите въ смыслѣ этой телеграммы съ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ осторожной и дружественной формѣ“. 15 іюля нашъ посолъ сообщилъ результатъ своей бесѣды „въ дружественной формѣ“ съ графомъ Берхтольдомъ. Послѣдній призналъ и „серьезность положенія“, и „преимущества откровеннаго объясненія съ нами“, но замѣтилъ, что Австро-Венгрія не можетъ отступить и вступить въ обсужденіе текста своей ноты. Такимъ образомъ и второе предложеніе Россіи, клонившееся, по крайней мѣрѣ по формѣ, къ компромиссу, было отклонено Австро-Венгріей.

Но такое отношеніе Вѣны къ петроградскимъ (или тогда еще петербургскимъ) предложеніямъ сразу подняло политическую напряженность въ Европѣ. Если изъ нашего правительственнаго сообщенія гр. Берхтольдъ

могъ узнать, что „Россія не останется равнодушной“ къ австро-сербскому конфликту, то изъ несомнѣнно „авторитетнаго“ сообщенія, появившагося въ вечернемъ выпускѣ „Бирж. Вѣд.“ отъ 13 іюля, гр. Берхтольдъ могъ узнать еще другое. „Ранней весной,—говорилось въ этомъ сообщеніи:—мы имѣли возможность сказать, что Россія не хочетъ войны, но готова къ войнѣ“. Положеніе съ тѣхъ поръ, конечно, могло измѣниться только къ лучшему... Россія готова будетъ всей мощью великой державы отвѣтить на каждый знакъ неуваженія къ ея справедливымъ требованіямъ... Ни сама Сербія, ни Россія не допустятъ пренебреженія къ суверенным правамъ балканскаго государства“. На почвѣ австро-сербскаго конфликта явно выросталъ, такимъ образомъ, конфликтъ русско-австрійскій, занявшій отнынѣ все поле политическаго зрѣнія и носившій въ себѣ всѣ элементы грядущаго европейскаго столкновенія. Это грядущее чувствовалось, какъ очень близкое, какъ почти неизбѣжный результатъ той чрезвычайной натянутости отношеній между Россіей и Австро-Венгріей, которая создалась въ теченіе и послѣ балканской войны. Въ Вѣнѣ считали, что эта война, въ которой балканскіе союзники находили опору и содѣйствіе въ Россіи, нанесла огромный ударъ австрійской политикѣ на Балканахъ, что она была задумана съ одной лишь цѣлью—выключить Австро-Венгрію изъ числа балканскихъ государствъ, которыя должны впредь искать дружбы державъ только тройственнаго согласія и, главнымъ образомъ Россіи. Австро-Венгрія стремилась возстановить свой престижъ, вернуть то, что было потеряно, и въ этомъ стремленіи кроется объясненіе первыхъ ея шаговъ въ историческомъ прологѣ.

III.

Русско-австрійскій конфликтъ представлялся слишкомъ грознымъ, чтобы не вызвать чрезвычайной настороженности Англіи и Франціи, съ одной стороны, и Германіи—съ другой. Что касается Англіи, то, при всемъ ея сочувствіи Сербіи и расположенности къ Россіи, первоначальная ея позиція въ нараставшемъ политическомъ конфликтѣ представлялась сдержанной. „Непосредственныхъ интересовъ,—говорилъ 11 іюля англійскій посолъ Бьюкуненъ С. Д. Сазонову,—Великобританія не имѣетъ въ Сербіи, и война въ защиту этой страны никогда не была бы одобрена британскимъ общественнымъ мнѣніемъ“. „Поэтому,—прибавлялъ посолъ,—отъ великобританскаго правительства нельзя ожидать какой-либо декларації и солидарности, которая заключала бы въ себѣ безусловное обязательство поддерживать Россію и Францію силой оружія“. Сэръ Эдуардъ Грей одобрилъ сказанное посломъ относительно англійскихъ настроеній по вопросу о Сербіи. „Если, однако,—прибавлялъ Грей,—война вспыхнетъ,

то вызванныя ею послѣдствія могутъ втянуть въ нее и насъ, и потому я очень озабоченъ ея предотвращеніемъ". Чтобы вывести изъ труднаго положенія Англію, общественное мнѣніе которой опредѣленно высказывалось противъ „авантюры" изъ-за Сербіи,—для чего, очевидно, надлежало устранить или отдалить призракъ европейской войны,—Грей выдвинулъ идею конференціи четырехъ „незаинтересованныхъ" державъ—Англіи, Германіи, Италіи, и Франціи.

Мысль о конференціи проскользнула еще въ бесѣдахъ дипломатовъ 11 іюля, т. е. въ тотъ день, когда стало извѣстнымъ содержаніе австрійскаго ультиматума и отношеніе къ нему Россіи. Но тогда еще русское предложеніе объ удлиненіи срока, даннаго Сербіи для отвѣта, занимало первый планъ въ ходѣ дипломатическихъ переговоровъ. Была надежда на то, что Австро-Венгрія согласится уступить. Когда эта надежда рухнула, Грей срочно обратился къ представителямъ Англіи въ Берлинѣ, Парижѣ и Римѣ съ запросомъ—расположены ли правительства, при которыхъ они аккредитованы, дать инструкцію своимъ посламъ немедленно собраться въ Лондонѣ на конференцію вмѣстѣ съ Греемъ съ цѣлью изысканія выхода, который предотвратилъ бы осложненія? Въ случаѣ положительнаго отвѣта Бѣлградъ, Вѣну и Петербургъ надлежало бы просить о недопущеніи какихъ бы то ни было активныхъ военныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока будетъ засѣдать конференція. Это было 13 іюля. Предложеніе Грея было поддержано Франціей, а затѣмъ и Италіей. Парижское правительство, въ которомъ, за отсутствіемъ Вивіани, обязанности премьеръ-министра исполнялъ министръ юстиціи Вьенвеню-Мартенъ, въ тотъ же день предписало своему послу въ Берлинѣ, Жюлю Камбону столковаться съ англійскимъ посломъ и способствовать осуществленію идеи о конференціи.

Предложеніе Англіи, казалось, открывало выходъ, способный ослабить политическое напряженіе и ввести русско-австрійскій конфликтъ въ рамки международнаго обсужденія. Оно являлось попыткой использовать въ послѣдній разъ европейскій „концертъ", какъ орудіе предотвращенія столкновенія между великими державами. Но успѣхъ этой попытки зависѣлъ, прежде всего, отъ Германіи и лишь въ незначительной степени отъ Австро-Венгріи. Какъ отнесется къ конференціи Берлинъ?—этотъ вопросъ ставилъ себѣ возбужденный политическій міръ. Отвѣта пришлось ждать недолго и опредѣлялся онъ тѣмъ положеніемъ, которое Германія заняла съ перваго момента возникновенія конфликта. Какъ это особенно ясно вытекаетъ изъ сообщеній, имѣющихся въ французской „Желтой Книгѣ" Германія сразу стала на слѣдующую точку зрѣнія: въ споръ между Австро-Венгріей и Сербіей не должно быть допущено ничье вмѣшательство споръ долженъ быть локализированъ и въ томъ случаѣ, если велико-

державная Австро-Венгрія будетъ рѣшать его съ помощью вооруженной силы. Германскій посолъ въ Парижѣ, фонъ-Шенъ, говорилъ Бьенвеню-Мартену 11 іюля буквально слѣдующее: „Германское правительство полагаетъ, что настоящій вопросъ является задачей улаженія исключительно между Австро-Венгріей и Сербіей, и великія державы должны серьезно позаботиться о томъ, чтобы онъ былъ предоставленъ непосредственно заинтересованнымъ сторонамъ; германское правительство настоятельно желаетъ, чтобы конфликтъ остался локализированнымъ, такъ какъ всякое вмѣшательство другой державы, въ силу естественнаго сплетенія союзныхъ обязательствъ, повлекло бы за собой неисчислимыя послѣдствія".

Такое заявленіе было если не угрозой, то, во всякомъ случаѣ, напоминаніемъ о „нибелунговой вѣрности" Германіи. И то обстоятельство, что оно послѣдовало въ самомъ началѣ пролога, предопредѣляло въ сущности дальнѣйшіе переговоры. Правда, въ послѣдующіе дни Германія, уступая настояніямъ Лондона и Парижа, Петербурга и Рима, считала нужнымъ утверждать, что она не отказывается отъ „воздѣйствія" на Вѣну. Но если такое воздѣйствіе и имѣло мѣсто,—въ чемъ многіе сомнѣваются,—то дѣйствительная его цѣнность могла быть невелика, такъ какъ Германія исходила изъ принципа локализаціи конфликта и невмѣшательства въ дѣло какой бы то ни было державы, а этотъ именно принципъ оспаривался Россіей, а за нею Франціей и Англіей. Въ Берлинѣ особенно подчеркивали моментъ заявленія Австро-Венгріей своей „территоріальной незаинтересованности" въ Сербіи. Очевидно, говорилъ Берлинъ, державы рѣшительно не имѣютъ основанія безпокоиться: габсбургская монархія не покушается на сербскія земли и намѣрена лишь произвести экзекуцію надъ Сербіей за сераевское убійство, а право на такую экзекуцію, на „карательную экспедицію" у нея есть, и никто не можетъ у нея его отнять.

Само собою разумѣется, „локализація конфликта" исключала идею о конференціи. Вотъ какъ германская „Бѣлая книга" излагаетъ этотъ важнѣйшій пассажъ въ ходѣ переговоровъ. „Въ отвѣтъ на предложеніе (Грея) мы заявили, что, вполнѣ одобряя его тенденцію, мы, однако, въ подобной конференціи принять участія не можемъ, такъ какъ не можемъ призвать Австрію въ дѣлѣ ея отношеній съ Сербіей къ европейскому суду... Вѣрные своему принципу, что посредничество должно относиться не къ австро-сербскому конфликту, представляющему исключительно дѣло Австро-Венгріи, а только къ отношеніямъ между Австро-Венгріей и Россіей,—мы продолжали прилагать усилія къ тому, чтобы добиться соглашенія между этими двумя державами". Трудно себѣ

представить, каковы могли быть эти усилія послѣ того, какъ Германія не посчиталась съ усиліемъ Англіи создать конференцію, которую приняли другія державы. „Во всякомъ случаѣ,—читаемъ мы въ дальнѣйшихъ документахъ германской „Бѣлой книги“:—австро-венгерское правительство, вполнѣ оцѣнивъ нашу посредническую дѣятельность, замѣтило однако въ отвѣтъ на это предложеніе (дѣло шло о томъ, чтобы, какъ предложилъ Грей, Австро-Венгрія либо признала отвѣтъ Сербіи удовлетворительнымъ, либо приняла его въ основу дальнѣйшихъ переговоровъ), что послѣ открытія военныхъ дѣйствій оно является запоздалымъ“.

Итакъ, Германія „вполнѣ“ одобряла тенденцію Грея, Австро-Венгрія „вполнѣ“ цѣнила посредническую дѣятельность Германіи, но ни одобреніе, ни оцѣнка не помѣшали Австро-Венгріи 15 іюля объявить войну Сербіи. А съ момента объявленія войны, т. е. фактическаго осуществленія „экзекуціи“ надъ Сербіей, всѣ предложенія, пробивавшія отдушину въ политическомъ газометрѣ, приходили, конечно, слишкомъ поздно. Запоздалость была столь же нарочитой, сколько и роковой.

IV.

Послѣ того, какъ предложенія Россіи о продленіи срока сербскаго отвѣта и пересмотрѣ австрійскаго ультиматума, равно какъ предложеніе Англіи о созывѣ конференціи, были похоронены, развязка стала быстро приближаться къ концу, преодолѣвая возникавшія моментами мнимыя и реальныя задержки.

Вильгельмъ вернулся изъ норвежскихъ фіордовъ, и къ нотамъ дипломатовъ прибавился обмѣнъ телеграммами между Государемъ и германскимъ императоромъ. Иниціатива этого обмѣна принадлежала, правда, Вильгельму, но смыслъ его опредѣлялся тѣми же началами, которыя красной нитью проходили въ заявленіяхъ Бетмана-Гольвега и фонъ-Ягова. Германскій императоръ выражалъ безпокойство по поводу русско-австрійскаго конфликта, выказывая готовность повліять на Вѣну; что же касается конфликта австро-сербскаго, то онъ считалъ его исключеннымъ изъ разсмотрѣнія.

Вотъ почему на телеграмму Государя отъ 16 іюля, въ которой предлагалось „передать австро-сербскій конфликтъ въ гаагскую конференцію“, не послѣдовало даже отвѣта. Позже офиціальные органы объясняли, что эта телеграмма, а слѣдовательно и предложеніе о гаагской конференціи, не находились въ связи съ предметомъ дипломатическихъ пере-

говоровъ. Но это именно объясненіе лишній разъ подчеркивало, что Германія рѣшила поддержать Австро-Венгрію, какихъ бы это ни требовало жертвъ, и что вмѣшательство въ „домашнюю“ распрю Австро-Венгріи и Сербіи она приметъ за casus belli.

Возникаетъ вопросъ, на что же разсчитывала Германія, отвергая всѣ попытки посредничества? Отдѣльные моменты дипломатическаго пролога къ военнымъ дѣйствіямъ бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. Въ Берлинѣ были „увѣрены“ въ уступчивости Россіи. Такъ, англійскій посолъ въ Вѣнѣ де-Бунзенъ сообщалъ Грею 13 іюля: „Германскій посолъ увѣренъ, что Россія будетъ держаться спокойно во время экзекуціи, которой Австрія рѣшила подвергнуть Сербію, такъ какъ получила завѣренія, что Австро-Венгрія не намѣрена аннексировать сербской территоріи“. Англійскій посолъ въ своемъ возраженіи указывалъ на давленіе русскаго общественнаго мнѣнія. Но его германскій коллега, не придавая значенія этому давленію, замѣтилъ, что русскій министръ иностранныхъ дѣлъ не сдѣлаетъ шага, который вызвалъ бы кучу острыхъ для Россіи вопросовъ, „каковы шведскій, польскій, руссинскій, румынскій и персидскій“. „Къ тому же,—добавилъ германскій посолъ,—Франція совершенно не въ состояніи вести войну“. Англійскій посолъ въ Берлинѣ позже двумя днями (15 іюля) сообщалъ Грею, что берлинскіе политическіе круги не допускаютъ возможности общеевропейской войны, такъ какъ Россія не хочетъ и не въ состояніи вести войну. Никакіе доводы и предостереженія англійской дипломатіи, которая была освѣдомлена объ истинныхъ намѣреніяхъ Россіи, какъ будто не производили дѣйствія на дипломатію германскую. И даже 16 іюля, т. е. за два дня до предъявленія Германіей ультиматума, прозвучавшаго набатнымъ звономъ по Европѣ, фонъ-Яговъ увѣрялъ итальянскаго посла въ Берлинѣ, что Россія въ концѣ концовъ воздержится отъ такого выступленія, которое было бы равносильно войнѣ.

Надежда на уступчивость Россіи и увѣренность въ томъ, что Франція не въ состояніи вести войну и слѣдовательно, подъ вліяніемъ германской угрозы, откажетъ Россіи въ поддержкѣ, несомнѣнно были въ сознаніи германской дипломатіи. Не подлежитъ также сомнѣнію, что германскіе послы при державахъ тройственнаго согласія имѣли невѣрныя представленія о силѣ тѣхъ политическихъ теченій, которыми въ рѣшительную минуту должна была опредѣлиться воля государства, и потому изображали Берлину положеніе дѣлъ въ искаженномъ свѣтѣ. И Пурталесъ въ Петроградѣ, и фонъ-Шенъ въ Парижѣ, и даже Лихновскій въ Лондонѣ были далеки отъ истиннаго пониманія того, что вокругъ нихъ происходило. О Россіи, напр., Пурталесъ судилъ по разговорамъ въ салонахъ графинь и княгинь, пропастью отдѣленныхъ отъ настоящей жизни Россіи. О Франціи фонъ-Шенъ

судилъ по настроеніямъ роялистской аристократіи. Въ томъ и другомъ случаѣ голосъ разлагающихся круговъ принимался за голосъ живой страны.

То была иллюзія недальновидныхъ дипломатовъ, которая сообщалась Берлину и естественно создавала въ тамошнихъ политическихъ кругахъ соотвѣтствующія психологическія настроенія.

Но было бы ошибочно думать, что эта иллюзія заполняла собою все сознаніе отвѣтственныхъ германскихъ политиковъ и что на ней одной послѣдніе строили свое поведеніе въ дни, предшествовавшіе страшнымъ событіямъ. Роль ея была скорѣе служебная, чѣмъ руководящая. Когда фонъ-Шенъ заявлялъ Бьенвеню-Мартену, что вмѣшательство другой державы въ мѣстный, т. е. австро-сербскій, конфликтъ повлекло бы за собою неисчислимыя бѣдствія, онъ учитывалъ безъ сомнѣнія возможность какъ неуступчивости Россіи, такъ и рѣшимости Франціи оказать поддержку Россіи. Вспомнимъ ту серьезность и тотъ напряженый интересъ, съ какими въ Германіи обсуждалась „превентивная“ война весной 1914 г. Лозунгъ такой войны былъ въ устахъ „освѣдомленной“ германской печати не пустой бравадой, а предощущеніемъ надвигающейся грозы. Если тройственное согласіе отсрочиваетъ европейскій конфликтъ на два года, чтобы въ 1916 или 1917 г. бросить въ Европу факелъ войны, подготовившись къ ней въ военномъ и политическомъ отношеніи, то мы, — говорили германцы, — должны предупредить ударъ и теперь же „защищаться“ противъ задуманнаго на насъ нападенія. Въ моментъ, когда Германія держала такія угрожающія рѣчи, мы усматривали въ нихъ только средство устрашенія, не заключающее въ себѣ реальныхъ намѣреній. Тутъ была наша иллюзія, болѣе чѣмъ уравновѣшивающая иллюзію Пурталесовъ и Лихновскихъ.

Такимъ образомъ, если Германія допускала уступчивость Россіи и боязнь или неспособность Франціи, то она учитывала также и противоположныя возможности. Только этимъ учетомъ можно объяснить то, что произошло 15 іюля и въ послѣдующіе дни. Правда, путемъ ряда гадательныхъ соображеній можно придти къ предположенію, что Германія поколебалась-было однажды въ своемъ рѣшеніи довести русско-австрійскій конфликтъ до его конца. Но эти колебанія длились лишь нѣсколько часовъ, а именно 14 іюля утромъ Германія, повидимому, была склонна если не принять, то обсудить предложеніе Грея о конференціи, но уже днемъ того же 14 іюля она вернулась къ мысли о томъ, что Европа—не судья надъ ея союзницей. Такое, можно сказать, минутное колебаніе еще ярче оттѣняетъ рѣшимость Германіи не уклоняться отъ неизбѣжнаго, въ силу разныхъ политическихъ обстоятельствъ, рокового вызова, но принять вызовъ и на поляхъ сраженія испытать судьбу.

V.

Но если Германія шла съ открытыми глазами на разрывъ съ Россіей и Франціей,—на тотъ, конечно, случай, если Россія не откажется отъ активнаго вмѣшательства въ австро-сербскій конфликъ и Франція поддержитъ ее силой оружія,—то она отнюдь не была увѣрена въ томъ, что тѣмъ самымъ она идетъ на разрывъ съ Англіей. Въ дипломатическомъ эпилогѣ наиболѣе интересные и, быть можетъ, трагическіе для Германіи моменты заключались въ обмѣнѣ мнѣніями съ Лондономъ. Сухость и угрожающая прямота германской рѣчи на берегахъ Сены и Невы смѣнялась возможной при данныхъ условіяхъ мягкостью рѣчи на берегахъ Темзы. Такое различіе объясняется тѣмъ, что германская дипломатія опредѣленно стремилась къ обезпеченію какимъ бы то ни было образомъ нейтралитета Англіи. До 16 іюля англо-германскіе переговоры, происходившіе въ Берлинѣ и Лондонѣ, велись германской дипломатіей въ такомъ духѣ, *какъ если бы* русско-австрійскій конфликтъ, выросшій на почвѣ австро-сербскаго конфликта, не внушалъ Германіи никакихъ подозрѣній относительно нейтральнаго поведенія Англіи. Но 16 іюля послѣдовало объявленіе частичной мобилизаціи въ Россіи. Это объявленіе естественно „снимало съ очереди,—какъ формулировалъ положеніе дѣлъ Соннино,—дальнѣйшую дискуссію на основѣ сербской ноты“. Раскатъ грома былъ разслышанъ въ Берлинѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ объ англійскомъ нейтралитетѣ былъ поставленъ на конкретную почву.

Уже не могло быть рѣчи о такомъ „заданіи“, какое имѣлось еще 15 іюля, когда германскій канцлеръ выражалъ желаніе „сотрудничать съ Англіей“ въ цѣляхъ сохраненія всеобщаго мира и бесѣду съ англійскимъ посломъ закончилъ словами: „Необходимо избѣжать войны между великими державами“. Если еще днемъ 16 іюля статсъ-секретарь фонъ-Яговъ, котораго англійскій посолъ „нашелъ въ очень угнетенномъ состояніи“, обезпокоеннаго неопредѣленными извѣстіями о русской мобилизаціи и другихъ военныхъ мѣрахъ, говорилъ о попыткахъ посредничества между Вѣной и Петербургомъ, то къ концу того же дня картина рѣзко измѣнилась. Англійскій посолъ Гошенъ, приглашенный вечеромъ къ канцлеру, *только-что вернувшемуся изъ Потсдама*, услышалъ отъ него такого рода заявленіе. Нападеніе Россіи на Австро-Венгрію можетъ сдѣлать неминуемымъ европейскій пожаръ въ виду существующихъ у Германіи союзныхъ обязательствъ. Насколько канцлеръ можетъ судить о руководящемъ принципѣ англійской политики, Великобританія не допуститъ, чтобы Франція была раздавлена въ какомъ бы то ни было конфликтѣ. Но такъ какъ Германія къ этому и не стремится, то она готова дать какія угодно га-

рантіи того, что она не будетъ добиваться территоріальныхъ пріобрѣтеній на счетъ Франціи, если только нейтралитетъ Великобританіи будетъ обезпеченъ. Готовность гарантировать территоріальную неприкосновенность Франціи канцлеръ, однако, отказался распространить на французскія колоніи.

Нужно замѣтить, что въ этой же вечерней бесѣдѣ германскаго канцлера съ англійскимъ посломъ,—бесѣдѣ, которая является вообще поворотнымъ пунктомъ въ дипломатическомъ эпилогѣ,—былъ впервые затронутъ вопросъ о Бельгіи. Канцлеръ заявилъ: отъ образа дѣйствій Франціи будетъ зависѣть, вынудятъ ли военныя дѣйствія Германію вступить въ Бельгію, но когда война окончится, то цѣлостность Бельгіи будетъ возстановлена, если она не выступитъ противъ Германіи. Въ сущности, въ этихъ словахъ канцлера заключалось предсказаніе будущихъ судебъ Бельгіи, и уже вечеромъ 16 іюля нейтралитетъ Бельгіи былъ обращенъ въ то, что позже было названо „лоскуткомъ бумаги".

На предложеніе о сохраненіи нейтралитета Грей далъ 17 іюля категорическій отвѣтъ: правительство его величества ни на одну минуту не можетъ принять предложеніе канцлера обязаться на такихъ условіяхъ сохранять нейтралитетъ. Въ мотивировкѣ отказа Грей указывалъ на непріемлемость германскаго предложенія съ точки зрѣнія матеріальной, такъ какъ сокрушенная Франція потеряла бы значеніе великой державы и была бы подчинена германской политикѣ, а это противорѣчило бы интересамъ Англіи. „Но, помимо всего,—прибавлялъ Грей:—было бы позоромъ для насъ учинить такой торгъ съ Германіей за счетъ Франціи, позоромъ, отъ котораго доброе имя нашей страны не очистилось бы никогда; канцлеръ предлагаетъ намъ также вступить въ торгъ относительно нашихъ обязательствъ и интересовъ въ отношеніи нейтралитета Бельгіи; мы и на этотъ торгъ не можемъ согласиться". Поэтому, не входя даже въ ближайшее разсмотрѣніе выгодъ, которыя могло бы представить отвергаемое en bloc предложеніе Германіи, Грей вмѣсто того предлагаетъ Германіи „со всей возможной искренностью и доброй волей" продолжать совмѣстно дѣйствовать для сохраненія мира Европы, чтобы въ этой совмѣстной работѣ „улучшить и укрѣпить взаимныя отношенія Англіи и Германіи".

Этотъ отказъ отъ „позорнаго торга" могъ бы навести на мысль, что Англія уже заранѣе безповоротно рѣшила свое участіе въ войнѣ противъ Германіи. Съ точки зрѣнія общихъ схемъ такое предположеніе, можетъ быть, и легко доказуемо. Но дипломатическіе документы сами по себѣ говорятъ противъ него.

Нужно вспомнить, во-первыхъ, что 16 іюля, т. е. въ день бесѣды канцлера съ посломъ Гошеномъ, Англія еще самымъ энергичнымъ образомъ

добивалась компромисса между Австро-Венгріей и Россіей, и въ результатѣ ея усилій получилось новое предложеніе, о которомъ С. Д. Сазоновъ 17 іюня телеграфировалъ срочно въ Берлинъ и которое гласило: „Если Австро-Венгрія, признавая, что австро-сербскій конфликтъ принялъ характеръ общеевропейскаго вопроса, заявитъ о готовности исключить изъ своего ультиматума пункты, которые нарушаютъ суверенныя права Сербіи,—Россія обязуется прекратить свои военныя приготовленія". Предложеніе послѣдовало въ то время, когда австрійскія орудія обстрѣливали Бѣлградъ, и, слѣдовательно, начался уже первый актъ военной трагедіи, несмотря на то, что дипломатическій прологъ къ ней еще не былъ законченъ. Какъ извѣстно, Германія нашла это предложеніе непріемлемымъ для Австріи.

Нужно, во-вторыхъ, не забывать, что Грей имѣлъ 16 іюля двѣ бесѣды—съ послами германскимъ и французскимъ,—которыя чрезвычайно важны для уясненія настроеній англійской дипломатіи въ этотъ поворотный моментъ переговоровъ. Что касается Франціи, то она, не менѣе опредѣленно, чѣмъ Германія, заявляла о своей вѣрности наложеннымъ на нее союзнымъ обязательствомъ. Когда нашъ посолъ Извольскій сообщилъ, что, по мнѣнію С. Д. Сазонова, войну можно считать неизбѣжной, что Россія разсчитываетъ на помощь союзной Франціи и полагаетъ, что „Англія, не теряя времени, присоединится къ Россіи и Франціи",—Вивіани отвѣтилъ: „Франція рѣшила исполнить всѣ свои союзныя обязательства". Но относительно Англіи ничего опредѣленнаго нельзя было сказать. При такомъ положеніи дѣлъ, Франція, естественно, съ напряженіемъ слѣдила за дѣйствіями и настроеніями англійской дипломатіи, которая держала въ своихъ рукахъ рѣшеніе важнаго вопроса. Вивіани не упустилъ случая „разъяснить" Англіи наступательный характеръ мѣръ, принимаемыхъ Германіей на французской границѣ, желая тѣмъ самымъ вызвать, наконецъ, Англію на давно ожидаемый отвѣтъ. И вотъ каковъ былъ этотъ отвѣтъ. „Если австро-сербскій конфликтъ превратится въ споръ между Австріей и Россіей,—сказалъ Грей:—то все же мы не будемъ чувствовать потребности сказать въ немъ свое слово", такъ какъ „вопросъ о верховенствѣ тевтонства или славянства" на Балканахъ мало затрагиваетъ Англію. „Если окажутся вовлеченными Германія и Франція,—продолжалъ Грей:—то мы не имѣемъ готоваго рѣшенія насчетъ того, какъ намъ поступить... Мы свободны отъ обязательствъ и примемъ такое рѣшеніе, какого потребуютъ у насъ британскіе интересы"...

Къ сожалѣнію, въ „Желтой книгѣ" отсутствуетъ донесеніе французскаго посла Поля Камбона объ этомъ заявленіи Грея, и мы не знаемъ, въ какой формѣ Камбонъ изложилъ Вивіани точку зрѣнія Англіи на ея свободу отъ обязательствъ. Во всякомъ случаѣ, Грей въ своемъ письмѣ англійскому послу во Франціи подчеркивалъ слѣдующее мѣсто сдѣланнаго имъ заявленія.

„было бы нехорошо, если бы я ввелъ Камбона въ заблужденіе, заставляя его предполагать, что это означаетъ, что мы уже приняли рѣшеніе относительно нашего образа дѣйствій въ случаѣ, который, какъ я все еще надѣюсь, можетъ и не возникнуть".

Слова „это означаетъ" относятся къ заявленію, которое Грей въ другой бесѣдѣ сдѣлалъ въ тотъ же день 16 іюля германскому послу Лихновскому „совершенно дружественнымъ и частнымъ образомъ". На вопросъ посла, думаетъ ли Грей, что при извѣстныхъ условіяхъ Англія вмѣшается, Грей отвѣтилъ: „О нашемъ вмѣшательствѣ не можетъ быть и рѣчи, если Германія не будетъ вовлечена или даже если Франція не будетъ вовлечена. Но мы знаемъ очень хорошо, что если возникнутъ такого рода послѣдствія, что британскіе интересы, по нашему мнѣнію, потребуютъ отъ насъ вмѣшательства, мы должны будемъ вмѣшаться немедленно"...

„Не желая,—говоритъ Грей,—вводить въ заблужденіе посла, заставляя его предполагать, что мы не выступимъ активно, я счелъ нужнымъ „предостеречь князя Лихновскаго, чтобы онъ не разсчитывалъ на то, что мы останемся въ сторонѣ". Само собою, разумѣется, слова Грея, сказанныя Лихновскому, не могли остаться тайною для Поля Камбона. Но для того, чтобы эти слова не были ложно истолкованы въ томъ смыслѣ, что Англія уже готова вмѣшаться въ конфликтъ, чтобы не ввести Францію въ „заблужденіе", Грей и предупредилъ Камбона, что у Англіи руки свободны и, слѣдовательно разсчитывать на ея безусловную помощь нельзя.

Такимъ образомъ, предвзятаго рѣшенія у Англіи не было ни 16 іюля, ни 17 іюля, когда Грей телеграфировалъ въ Берлинъ, что англійское правительство ни на одну минуту не можетъ принять предложеніе канцлера о нейтралитетѣ на указанныхъ условіяхъ, ни даже въ ближайшіе послѣдующіе дни. Англійская дипломатія держалась, очевидно, выжидательной и осторожной позиціи: не давая категорическихъ обѣщаній Франціи и въ то же время предупреждая Германію о возможности вмѣшательства, она дѣлала послѣднюю попытку предотвратить почти неизбѣжное столкновеніе.

VI.

Но на такой позиціи Грей недолго могъ удержаться. Событія требовали отъ Англіи выбора между двумя рѣшеніями, и эта принудительность обстоятельствъ отразилась на телеграфной перепискѣ между Вильгельмомъ и принцемъ Генрихомъ, съ одной стороны, и королемъ Георгомъ—съ другой.

Къ этому моменту состоялось отклоненіе Германіей упомянутаго выше компромисснаго предложенія С. Д. Сазонова. Въ этомъ обстоятельствѣ многіе склонны усмотрѣть проявленіе „злой" воли одной только Германіи, которая не считалась уже съ волей Австро-Венгріи, проявлявшей будто бы

нѣкоторую уступчивость. Такое утвержденіе не совсѣмъ вѣрно. Конечно, въ Вѣнѣ могли быть, и вѣроятно, имѣли мѣсто—колебанія, вполнѣ естественныя въ рѣшительный моментъ. Но дѣло въ томъ, что за „пріемлемыми“ словами Вѣны, открывавшими какъ будто выходъ изъ конфликта, не скрывалось, пріемлемое содержаніе,—вѣрнѣе: въ нихъ отсутствовало всякое конкретное содержаніе. Англійскій посолъ Бунзенъ дѣлаетъ такую запись о своей бесѣдѣ 18 іюля съ Форгачемъ, помощникомъ Берхтольда: „Несмотря на примирительный тонъ Форгача, на его заявленіе, что онъ не считаетъ положеніе безнадежнымъ, отъ Форгача нельзя было добиться ни одного намека на компромиссъ между точками зрѣнія Россіи и Австро-Венгріи“.

Эта запись въ значительной степени подрываетъ версію о проявленной Австріей уступчивости, которую-де парализовала германская дипломатія. Австро-сербскій конфликтъ тогда имѣлся въ вполнѣ законченной формѣ. Какъ телеграфировалъ 17 іюля принцъ Генрихъ королю Георгу, только воздѣйствіе на Францію и Россію явилось бы „единственной возможностью сохранить миръ“. Эту возможность признавалъ въ отвѣтной телеграммѣ и король Георгъ, но подъ условіемъ, чтобы Германія, въ свою очередь, воздѣйствовала на Австрію. Объ этомъ воздѣйствіи сообщалъ Государю императоръ Вильгельмъ въ своихъ двухъ телеграммахъ отъ 17 іюля, въ которыхъ онъ вспоминалъ о своей клятвѣ быть въ дружбѣ съ Россіей, но въ которыхъ онъ уже возлагалъ отвѣтственность за войну или миръ исключительно на Россію. Но уже въ телеграммѣ Вильгельма королю Георгу отъ 18 іюля о Россіи нѣтъ упоминанія. Опубликованный въ этотъ день указъ о всеобщей мобилизаціи въ Россіи флота и арміи, послѣдовавшій, по словамъ Вильгельма, до обнаруженія результата посредничества, надъ которымъ онъ работалъ, побудилъ его принять мѣры для обезпеченія „восточныхъ границъ“. Сообщеніе объ обезпеченіи границъ равносильно было объявленію Германіи въ состояніи военнаго положенія. Тѣмъ не менѣе, такого объявленія сразу не послѣдовало. Русская дипломатія, подъ воздѣйствіемъ Англіи, все еще искала компромисса; она внесла новыя измѣненія въ свое предложеніе отъ 17 іюля, заявивъ, что Россія сохранитъ выжидательное положеніе, если Австрія пріостановитъ движеніе войскъ на Сербію и допуститъ, чтобы вопросъ объ удовлетвореніи, которое Сербія можетъ дать Австріи, былъ разсмотрѣнъ великими державами.

Это предложеніе уже было запоздавшимъ, такъ какъ днемъ 18 іюля германское правительство предписало своему послу „объявить русскому правительству, что Германія, въ видѣ отвѣтной мѣры на всеобщую мобилизацію русской арміи и флота, объявила военное положеніе, за которымъ должна послѣдовать мобилизація, если Россія въ теченіе 12 часовъ не пріостановитъ своихъ военныхъ дѣйствій противъ Германіи и Австро-Венгріи“.

Заявленіе было ультимативное, потрясшее Европу, сорвавшее тѣ слабыя петли, на которыхъ еще едва держался европейскій миръ. Предъявленъ былъ германскій ультиматумъ С. Д. Сазонову 18 іюля въ 12 часовъ ночи, и срокъ его истекалъ въ 12 часовъ дня 19 іюля. Одновременно французскому правительству было предложено германскимъ посломъ фонъ-Шеномъ въ 18-часовой срокъ сообщить, останется ли оно нейтральнымъ въ случаѣ русско-германской войны. „Отвѣта отъ русскаго правительства,—сообщаетъ германская Бѣлая книга:—мы такъ и не получили".

Дѣйствительно, въ нашей „Оранжевой книгѣ" мы не находимъ отвѣта на германскій ультиматумъ. Что же касается отвѣта Вивіани на „срочный" запросъ фонъ-Шена относительно поведенія Франціи, то германскій посолъ на немъ и не настаивалъ, ограничившись, какъ сообщается въ „Желтой книгѣ", „собственнымъ заявленіемъ, что насчетъ этого поведенія не можетъ быть сомнѣнія".

Въ 12 часовъ дня 19 іюля истекъ срокъ для русскаго отвѣта на ультиматумъ. Въ 7 часовъ 10 минутъ вечера того же дня германскій посолъ Пурталесъ вручилъ С. Д. Сазонову заранѣе приготовленную ноту,—что видно изъ двухъ ея варіантовъ, включенныхъ повидимому „по ошибкѣ" въ одинъ текстъ,—въ которой сообщалось, что Вильгельмъ „отъ имени Имперіи, принимая вызовъ, считаетъ себя въ состояніи войны съ Россіей".

Но въ моментъ принятія этого „вызова" передъ Германіей вставалъ трагическій вопросъ о принятіи и другого вызова,—не Франціи, поведеніе которой не вызывало сомнѣній, а Англіи, относительно которой Германія, какъ оказывается, питала неосновательныя надежды. Вопросъ о бельгійскомъ нейтралитетѣ пріобрѣлъ сразу ту остроту, которая сдѣлала его рѣшающимъ не только для дальнѣйшаго развитія дипломатическаго эпилога, но и для всей уже развертывавшейся кровавой пьесы.

Еще 18 іюля Англія запросила Германію и Францію, готова ли каждая изъ нихъ „обязаться уважать нейтралитетъ Бельгіи до тѣхъ поръ, пока никакая другая держава его не нарушитъ?" Вивіани отвѣтилъ утвердительно. Фонъ-Яговъ же, подъ тѣмъ предлогомъ, что опредѣленный отвѣтъ на вопросъ обнаружилъ бы планъ кампаніи Германіи, сослался на необходимость посовѣтоваться съ императоромъ и съ канцлеромъ. Уже эту уклончивость германской дипломатіи Грей назвалъ „чрезвычайно прискорбнымъ событіемъ", способнымъ создать крайнюю тревогу въ общественномъ мнѣніи Англіи. Чтобы прозондировать почву относительно истинныхъ намѣреній англійской дипломатіи, германскій посолъ, правда, запросилъ, согласилась ли бы Англія сохранить нейтралитетъ, если бы Германія дала обѣщаніе не нарушать нейтралитета Бельгіи или даже гарантировала бы цѣлость Франціи и ея колоній. Мы снова видимъ заботу Гер-

маніи обезопасить себя со стороны Англіи. Однако, Грей и на этотъ разъ отвѣтилъ, что онъ не думаетъ, чтобы Англія могла дать обѣщаніе нейтралитета на одномъ только условіи сохраненія нейтралитета Бельгіи, и что Англія вообще должна сохранить свободу дѣйствій. Несмотря на всѣ усилія посла Лихновскаго добиться отъ Грея формулировки условій, на которыхъ Англія отказалась бы отъ вмѣшательства въ войну, онъ, какъ сообщилъ Грей послу Готену 19 августа, своей цѣли не достигъ. Очевидно, въ этомъ случаѣ уже Англія считала нужнымъ воздержаться отъ категорическихъ заявленій.

Тѣмъ временемъ во Франціи былъ изданъ указъ о всеобщей мобилизаціи. Нейтралитетъ люксембургскаго герцогства былъ нарушенъ Германіей, войска которой 27 іюля вступили на территорію герцогства. Слабая вѣра въ „обезпеченіе мира“, высказанная Греемъ еще 19 іюля въ телеграммѣ послу въ Берлинѣ Готену, таяла съ часу на часъ. Наступалъ чрезвычайно серьезный и отвѣтственный для Англіи моментъ. Отъ неопредѣленности англійская дипломатія переходила къ болѣе точному обозначенію своей позиціи. Послѣ состоявшагося 20 іюля засѣданія англійскаго совѣта министровъ Грей вручилъ французскому послу Полю Камбону слѣдующій меморандумъ: „Я уполномоченъ дать завѣреніе въ томъ, что въ случаѣ появленія германскаго флота въ Англійскомъ проливѣ (Ламаншѣ) или Сѣверномъ морѣ, съ цѣлью предпринять враждебныя дѣйствія противъ французскихъ береговъ или судовъ, британскій флотъ окажетъ всю помощь, какая будетъ въ его силахъ“.

Вручая меморандумъ, Грей, правда, оговорился, что это отнюдь не значитъ, что Англія обязывается объявить войну Германіи. Но въ это время ходъ событій былъ сильнѣе всякихъ словесныхъ обязательствъ. А этотъ ходъ былъ таковъ, что завѣреніе въ поддержкѣ флотомъ служило вѣрной и объективной гарантіей политическаго согласованія Англіи съ Франціей и, слѣдовательно, съ Россіей. Правильно характеризовалъ Вивіани англійскій меморандумъ словами:—„...мы такимъ образомъ добились отъ Великобританіи первой драгоцѣнной для насъ помощи“. За этой первой помощью должно было слѣдовать безусловное признаніе солидарности интересовъ въ борьбѣ съ Германіей, которая стремилась занять равное съ Англіей мѣсто въ внѣшнемъ мірѣ. Не тевтонско-славянская, а англо-германская распря выдвигалась на самый видный планъ историческаго дѣйствія въ той перспективѣ, какое давалось этому дѣйствію англійской политикой. И когда Грей, резюмируя позицію Англіи, говорилъ Камбону: „мы соображаемъ, съ какимъ заявленіемъ намъ слѣдуетъ выступить завтра въ парламентѣ, т. е. должны ли мы заявить, что нарушеніе нейтралитета Бельгіи создастъ для насъ casus belli“,—было уже ясно, что за спиной

бельгійской проблемы выросла проблема англо-германская, т. е. та жгучая проблема о такъ называемой міровой гегемоніи или о „мѣстѣ подъ солнцемъ“, которая неминуемо должна была зажечь европейскій пожаръ. Англія сочла нужнымъ поставить эту проблему и готова была рѣшить ее при помощи оружія.

VII.

Послѣ объявленія Германіей войны Россіи вопросъ о нарушеніи бельгійскаго нейтралитета былъ въ Берлинѣ рѣшенъ. 20 іюля германскій посланникъ въ Брюсселѣ фонъ-Бѣловъ предъявилъ бельгійскому правительству ультиматумъ, въ которомъ Германія предлагая Бельгіи дружественный нейтралитетъ и обѣщая сохраненіе независимости королевства и владѣній при заключеніи мира, требовала свободнаго пропуска своихъ войскъ, угрожая въ противномъ случаѣ поступить съ Бельгіей, какъ съ враждебной стороной. Для отвѣта давался 12-часовой срокъ.

Бельгійское правительство отвѣтило, что принять германское предложеніе значило бы „принести въ жертву честь націи“, и Бельгія, сознавая свой долгъ, твердо рѣшила отражать нападеніе всѣми возможными средствами.

Въ Берлинѣ понимали, что германскій ультиматумъ произведетъ впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Поэтому фонъ-Яговъ въ телеграммѣ отъ 22 іюля предписалъ послу Лихновскому разъсѣять всякое сомнѣніе относительно намѣреній Германіи и подтвердить Грею „самымъ положительнымъ и формальнымъ образомъ, что даже въ случаѣ вооруженнаго конфликта съ Бельгіей, Германія ни подъ какимъ предлогомъ не произведетъ аннексіи Бельгійской территоріи“. „Убѣдите, пожалуйста, Грея,—писалъ фонъ-Яговъ,—что германская армія не могла быть подвергнута опасности французскаго нападенія черезъ Бельгію, которое, согласно безукоризненно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, имѣлось въ виду“. Но эти убѣжденія не могли повліять на англійское правительство, у котораго уже сложилось рѣшеніе. Въ исторической, какъ ее правильно назвали, рѣчи Эдуарда Грея, произнесенной 21 іюля въ палатѣ общинъ, дана была такая картина осложненій, выросшихъ на мало интересовавшей англійское общественное мнѣніе австро-сербской распрѣ, изъ которой выборъ между войной и миромъ вытекалъ самъ собою.

Германія, въ виду отклоненія ея ультиматума Бельгіей, заявила бельгійскому правительству, что она вынуждена будетъ военной силой осуществить мѣры, которыя она найдетъ нужными въ виду угрозъ Франціи. И раньше, чѣмъ можно было думать, эта угроза была осуществлена. Германскія войска,—это случилось 22 іюля.—перешли бельгійскую границу и

приблизились къ Льежу. Для Англіи же наступилъ моментъ тѣхъ немедленныхъ дѣйствій, о которыхъ Грей, въ частной и дружественной бесѣдѣ, предупреждалъ князя Лихновскаго. Германія уже объявила 21 іюля войну Франціи. Слабые слѣды возможнаго сохраненія нейтралитета Англіей при условіяхъ, на которыя намекалъ германскій посолъ Грею, говоря объ отказѣ Германіи отъ нападенія на Францію, совершенно исчезли, такъ какъ и намеки посла, и выраженное будто бы Греемъ сочувствіе были характеризованы королемъ Георгомъ въ его телеграммѣ Вильгельму, какъ „недоразумѣніе“, которое должно быть устранено. Послѣ того какъ бельгійскій король Альбертъ обратился къ королю Георгу съ просьбой о дипломатическомъ вмѣшательствѣ, Грей 22 іюля заявилъ, что Англія ждетъ отъ бельгійскаго правительства самаго крайняго сопротивленія, въ которомъ ему окажетъ содѣйствіе Англія совмѣстно съ Франціей и Россіей,—если это нужно будетъ „въ цѣляхъ сопротивленія выступившей съ оружіемъ въ рукахъ Германіи и гарантіи поддержанія независимости и цѣлости Бельгіи въ будущемъ“. А нѣсколькими часами позже Грей предложилъ послу Гошену заявить въ Берлинѣ, что отвѣтъ на требованіе сохранить нейтралитетъ Бельгіи долженъ быть данъ не позже 12 часовъ ночи. „Въ противномъ случаѣ,—писалъ Грей,—предлагается вамъ потребовать свои паспорта и заявить, что правительство его величества чувствуетъ себя обязаннымъ предпринять всѣ шаги, которые оно будетъ въ силахъ, для сохраненія нейтралитета Бельгіи и соблюденія трактата, къ которому Германія имѣетъ такое же касательство, какъ и мы“.

Отвѣта къ 12 часамъ ночи 22 іюля не послѣдовало. На слѣдующій день, т. е. 23 іюля (5 авг. по н. с.), англійскій министръ президентъ Асквитъ сообщилъ въ палатѣ общинъ: „Нашъ посолъ въ Берлинѣ вчера вечеромъ, въ 7 часовъ, получилъ свои паспорта, и съ 11 часовъ вечера вчерашняго дня между Германіей и нами существуетъ состояніе войны“.

Такимъ образомъ замкнулся роковой кругъ событій. Драматическій прологъ былъ въ сущности законченъ. Все, что послѣдовало послѣ 23 іюля, на протяженіи слѣдующей недѣли, было уже второстепеннымъ дипломатическимъ дѣйствіемъ, блѣднымъ и, пожалуй, болѣе тягостнымъ, чѣмъ нужнымъ. Австро-Венгрія объявила войну Россіи 24 іюля. Франція объявила войну Австро-Венгріи 29 іюля. Англія объявила войну Австро-Венгріи 30 іюля. Не мало любопытныхъ отдѣльныхъ чертъ, рисующихъ психологію момента, заключалось въ обстановкѣ, при которой происходили эти уже „негрозныя“, послѣ всего происшедшаго, объявленія войнъ. Но ничего политически и дипломатически важнаго въ нихъ не было. Во всей своей яркости огненный факелъ запылалъ надъ Европой 22—23 іюля 1914 г.

Въ прологѣ къ войнѣ трагическіе моменты переживались всѣми стра-

нами и всѣми дипломатіями. Но едва ли на чью-нибудь долю выпалъ болѣе трагическій моментъ, чѣмъ на долю Германіи и ея дипломатіи, когда ей былъ предъявленъ англійскій ультиматумъ. Англійскій посолъ Гошенъ уже по возвращеніи въ Лондонъ записалъ свои бесѣды съ канцлеромъ Бетманомъ Гольвегомъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Яговымъ и его помощникомъ Циммерманомъ, которыя происходили 22 іюля.

Всѣ они взволнованно говорили о поведеніи Англіи, которая изъ-за бельгійскаго нейтралитета угрожаетъ войною Германіи, въ то время какъ для нея наступленіе черезъ Бельгію является вопросомъ жизни и смерти. „Я нашелъ,—сообщаетъ Гошенъ,—канцлера очень взволнованнымъ. Онъ заявлялъ, что шагъ, предпринятый правительствомъ, ужасенъ до крайности. Только изъ-за слова „нейтралитетъ“,—слова, на которое въ военное время такъ часто не обращали вниманія,—только изъ-за клочка бумаги Великобританія будетъ вести войну съ родственной націей, которая ничего не желаетъ больше, чѣмъ быть съ нею въ дружбѣ. Всѣ его усилія въ этомъ направленіи одинъ только ужасный шагъ сдѣлалъ безполезными. Политика, которую онъ проводилъ съ самаго начала, разсыпалась, какъ карточный домикъ. То, что мы сдѣлали, невѣроятно. Это равносильно удару сзади по человѣку, который борется за свою жизнь съ двумя нападающими. Онъ считаетъ Великобританію отвѣтственной за всѣ событія, которыя могутъ послѣдовать“.

Гошенъ пытался возражать, протестовать и доказывать, что „вопросомъ жизни и смерти для чести Великобританіи“ является вопросъ о сохраненіи бельгійскаго нейтралитета, ибо „иначе, какое довѣріе будутъ впредь имѣть къ обязательствамъ, даннымъ Великобританіей?“ Но Бетманъ-Гольвегъ былъ, по словамъ Гошена, „такъ возбужденъ, такъ сраженъ извѣстіемъ о нашемъ выступленіи, что я отказался подливать масло въ огонь, выдвигая новые аргументы“.

Правильности впечатлѣнія, вынесеннаго Гошеномъ изъ бесѣды съ германскимъ канцлеромъ, нѣтъ, разумѣется, основанія не довѣрять. Англійскій ультиматумъ Германія поистинѣ считала „ударомъ сзади“ не потому, чтобы она полагала, что Англія будетъ во что бы ни стало и все время нейтральна, а потому, что она полагала, что Англія вмѣшается въ войну лишь позже, когда воюющія стороны ослабѣютъ и ея голосъ пріобрѣтетъ рѣшающее значеніе въ спорѣ. Достаточно познакомиться съ политической литературой Германіи, трактующей англо-германскую проблему, чтобы въ этомъ убѣдиться и понять, что на этомъ соображеніи въ значительной степени покоились военно-стратегическіе и политическіе разсчеты Германіи. Отсюда ея повторныя попытки удержать Англію отъ вмѣшательства въ первый періодъ войны, и отсюда, послѣ провала этихъ попытокъ, ея волненіе, перешедшее въ негодованіе, а позже въ проклятіе по адресу Англіи. Когда

на другой день послѣ разрыва, 23 іюля утромъ, Вильгельмъ сообщилъ англійскому послу черезъ адъютанта, что онъ вынужденъ отказаться отъ званій британскаго фельдмаршала и британскаго адмирала,—званій, которыми онъ гордился,—то этотъ отказъ былъ не только жестомъ позера, но и актомъ, вполнѣ отвѣчавшимъ психологіи германскихъ общественныхъ и политическихъ круговъ въ широкомъ смыслѣ слова, обманувшихся въ своей надеждѣ на „кузеновъ“.

VIII.

На протяженіи двухъ недѣль, такимъ образомъ, пять великихъ европейскихъ державъ объявили себя въ состояніи войны. Два малыхъ государства уже почувствовали на себѣ всю тяжесть европейскаго кризиса.

Но, поднятый событіями политическій шквалъ былъ слишкомъ высокъ, чтобы не захлестнуть береговъ „мирныхъ“ странъ. Гегемонія въ мірѣ, раздѣлъ вліяній, борьба за „мѣсто подъ солнцемъ“,—все это могучіе факторы, которые, по закону смежности, должны были захватить и дѣйствительно захватили другія государства не только въ Европѣ, но и въ Азіи. Это расширеніе военной грозы, происходившее уже послѣ заключенія дипломатическаго пролога, являлось тѣмъ не менѣе его продолженіемъ. Отмѣтимъ это продолжееніе въ бѣглыхъ строкахъ.

И здѣсь въ первую очередь готовился ударъ, направленный противъ Германіи. Пока въ Турціи еще созрѣвало рѣшеніе, которое должно было усилить Германію и Австро Венгрію, въ Японіи рѣшеніе разрыва съ Германіей, которое должно было косвенно ослабить центральныя имперіи, созрѣло очень быстро. На Дальнемъ Востокѣ Германія имѣла pied-à-terre въ видѣ арендованной территоріи Кіао-Чао, которая могла ей сослужить значительную службу въ дѣлѣ борьбы съ тихоокеанскимъ англійскимъ флотомъ. Вырвать у Германіи Кіао-Чао значило выбить изъ ея рукъ лишнее средство борьбы. Связанная съ Англіей договоромъ и не менѣе другихъ „вѣрная“ своимъ обязательствамъ, Японія взяла на себя выполненіе задачи, успѣхъ которой былъ, конечно, обезпеченъ и которая кромѣ того обѣщала ей болѣе чѣмъ достаточную компенсацію.

Дипломатическая сторона конфликта, въ которомъ Японія стремилась занять мѣсто Германіи на Дальнемъ Востокѣ, мало освѣщена до сихъ поръ. Но политическая сторона его и безъ того ясна. Заключалась она въ томъ, что Японія, съ согласія Англіи, рѣшила отнять у Германіи ея китайскую и другія океанскія колоніи. Формальности, связанныя съ предъявленіемъ невыполнимыхъ требованій, съ вручеміемъ срочнаго ультиматума, съ отзывомъ пословъ и разрывомъ дипломатическихъ переговоровъ, были ликвидированы чрезвычайно скоро. Со стороны Соед. Штатовъ Сѣв. Аме-

рики по поводу японскихъ требованій послѣдовали не протестъ, а только выраженіе „сожалѣнія“ о возникшемъ конфликтѣ и увѣренности въ томъ, что Японія не ищетъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Китаѣ. Возможное и единственное препятствіе оказалось такимъ образомъ устраненнымъ. 10 августа Японія объявила войну Германіи и Микадо въ манифестѣ къ народу объяснялъ, что „несмотря на пламенную преданность миру“, онъ долженъ отказаться отъ прежняго рѣшенія „придерживаться строжайшаго нейтралитета“, такъ какъ военныя приготовленія Германіи угрожаютъ морской торговлѣ Японіи и союзной Англіи.

Тройственное согласіе, послѣ вступленія Японіи въ антигерманскую коалицію, обратилось въ четверное. Въ „окруженіи“ Германіи, въ изоляціи ея отъ внѣшняго міра былъ сдѣланъ новый шагъ. Но тройственное согласіе должно было еще само солидаризироваться для борьбы съ Германіей, должно было спаяться по всѣмъ гранямъ, чтобы союзу центральныхъ имперій, въ который Турція потенціально и отчасти даже фактически уже включалась, противопоставить свой союзъ. Сознаніе необходимости такой солидаризаціи, установленія, такъ сказать, круговой поруки, которая связывала бы союзниковъ въ дѣлѣ борьбы съ центральными имперіями, не заставило себя ждать. Само собою разумѣется, установленію такой связи должна была предшествовать дипломатическая работа, о которой мы мало освѣдомлены. Офиціальнымъ же выраженіемъ сознанія солидарности была декларація 23 августа (4 сентября по н. с.), подписанная въ Лондонѣ нашимъ посломъ Бенкендорфомъ, французскимъ посломъ Камбономъ и сэромъ Греемъ, которая гласила: „Правительства Россіи, Франціи и Великобританіи взаимно обязуются не заключать сепаратнаго мира въ теченіе нынѣшней войны. Правительства всѣхъ трехъ державъ согласились, что, когда наступитъ моментъ обсужденія условій мира, ни одна изъ союзницъ не предъявитъ тѣхъ или иныхъ условій мира безъ согласія на таковыя остальныхъ двухъ державъ“.

О политической важности лондонской декларації говорить много не приходится. Если слухи о сепаратномъ мирѣ, возникавшіе въ 1914 г. и повторявшіеся неоднократно на протяженіи 1915 г., имѣли хотя бы тѣнь фактической достовѣрности, то осуществленіе ихъ должно было наталкиваться на декларацію 23 августа, какъ на формально непреодолимое препятствіе. Но круговая порука державъ согласія, ихъ обязательства выступать совмѣстно въ вопросахъ мира, впослѣдствіи расширились, такъ какъ къ торжественному единенію примкнула также Японія. О присоединеніи Японіи къ лондонской декларації говорили неоднократно, и, напр., еще 27 августа 1914 г. японскій министръ иностранныхъ дѣлъ сдѣлалъ соотвѣтствующее сообщеніе въ парламентѣ. Однако, рядъ политическихъ обстоятельствъ, повидимому, задержалъ надолго завершеніе переговоровъ,

связанныхъ съ такого рода актомъ. Ибо только очень недавно, а именно 6 октября 1915 г., состоялся обмѣнъ нотъ въ Лондонѣ, которыми присоединеніе Японіи къ лондонской декларації было окончательно установлено.

Прошли послѣ выступленія Японіи долгіе мѣсяцы политическаго „затишья“, раньше чѣмъ сказалось крупнѣйшее изъ „неисчислимыхъ послѣдствій“, вызванныхъ войной іюльскихъ событій,—выступленіе Италіи. Полная моральная и политическая оцѣнка этого выступленія, разорвавшаго тройственный союзъ, не входитъ въ мою задачу, да и можетъ быть дана только въ будущемъ, хотя нѣкоторые элементы для такой оцѣнки имѣются уже теперь. Напомнимъ только, что объявленный 20 іюля Италіей нейтралитетъ если и не совсѣмъ оправдывался формальными соображеніями, то все же не могъ быть неожиданнымъ ни для Германіи, ни тѣмъ болѣе для Австро-Венгріи. Но объявленный Италіей нейтралитетъ покоился явно на шаткомъ основаніи. Не понадобилось много времени для того, чтобы идея итальянскаго ирредентизма, подкрѣпленная имперіалистскими стремленіями, нашла горячихъ пропагандистовъ въ итальянскихъ націоналистахъ и чтобы началась памятная борьба между итальянскими активистами и нейтралистами. Смерть Санъ-Джуліано, одного изъ столповъ тройственнаго союза, усилили позицію активистовъ. Группа Джіолитти и соціалисты, за исключеніемъ реформистскаго крыла, энергично и не безъ успѣха боролись противъ воинственной тенденціи, которую они рѣзко критиковали съ точки зрѣнія не только нравственной, но и политической, считая ее совершенно нецѣлесообразной.

Въ то же время, въ виду, очевидно, опасныхъ признаковъ поворота въ пользу вмѣшательства въ войну, Германія отправила въ Римъ бывшаго канцлера Бюлова для переговоровъ, т. е. для предотвращенія того удара „въ спину“, который Италія собиралась нанести своей вчерашней союзницѣ Австро-Венгріи. Съ пріѣздомъ Бюлова началась та извѣстная „дипломатическая дуэль“ между дипломатіей тройственнаго согласія и дипломатіей австро-германской, которая составляетъ любопытнѣйшую по своей нравоучительности и политической важности страницу въ исторіи европейскаго кризиса. Торгъ между Бюловымъ и кабинетомъ Саландра—Сонино длился мѣсяцы. Снимались одни предложенія и замѣнялись другими, дѣлались уступки то въ одномъ, то въ другомъ направленіи.

Но все искусство, проявленное Бюловымъ, имѣвшимъ немало друзей въ итальянскомъ аристократическомъ и политическомъ мірѣ, ни къ чему не привело. Для Саландры вопросъ уже былъ рѣшенъ: адріатическая проблема, съ одной стороны и участіе въ раздѣлѣ австро-венгерскаго наслѣдія, съ другой могли быть разрѣшены только присоединеніемъ Италіи къ европейскому тройственному согласію. Почти наканунѣ разрыва германскій имперскій канцлеръ сообщилъ въ рейхстагѣ, что Австро-Венгрія согласилась

уступить Италіи итальянскую часть Тироля, часть западнаго берега Изонцо и городъ Градиску, готова признать суверенитетъ Италіи надъ Валлоной (въ то время уже занятой Италіей по „санитарнымъ“ соображеніямъ), объявить Тріестъ вольнымъ городомъ, провозгласить свою незаинтересованность въ Албаніи и т. д. Германія брала на себя гарантію въ добросовѣстномъ выполненіи всѣхъ этихъ предложеній.

Это было 5 мая (1915 г.), послѣ того, какъ Италія 21 апрѣля объявила свой договоръ съ Австро-Венгріей прекратившимъ существованіе и не имѣющимъ дальнѣйшей силы. А 10 мая итальянскій посолъ въ Вѣнѣ герцогъ Аварна вручилъ австро-венгерскому министру иностранныхъ дѣлъ барону Буріану объявленіе войны. Германіи такого объявленія войны не было сдѣлано. Получилось, такимъ образомъ, удивительное положеніе, которое сохранилось до сихъ поръ и при которомъ Италія, воюя съ своей прежней союзницей, по отношенію къ которой Германія проявляетъ всю „нибелунгову“ вѣрность, сохраняетъ нейтралитетъ по отношенію къ Германіи. Правда, Италія и Германія отозвали своихъ представителей, но союзный договоръ между ними не денонсированъ. Если война, которую Италія ведетъ противъ Австро-Венгріи, характеризуется, какъ „холодная война“, т. е. война, свободная отъ порыва и построенная исключительно на расчетѣ, то и отношенія между Германіей и Италіей относятся пока только къ числу „холодныхъ“, не больше.

За 10-мъ мая послѣдовало 8 августа,—объявленіе Италіей войны Турціи. Поводъ для такого объявленія не трудно было сыскать. Въ ультиматумѣ Италіи перечислены допущенныя Турціей нарушенія правъ итальянскихъ гражданъ, неисполненіе лозанскаго договора, агитація въ Ливіи и т. п. Но, само собою разумѣется, дата 8 августа—второстепенная въ календарѣ европейской войны. И мы дѣйствительно знаемъ, что до настоящаго времени она не дала никакихъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ активнаго участія въ войнѣ противъ Турціи Италія не принимаетъ.

Въ какой мѣрѣ вниманіе міра въ іюльскіе дни было сосредоточено на сѣверѣ Европы, въ такой же мѣрѣ было оно сосредоточено въ первые мѣсяцы второго года войны на югѣ Европы—на Балканскомъ полуостровѣ. Возникшая по поводу австро-сербскаго конфликта война была, въ сущности, войной изъ-за Ближняго Востока. Если не единственная, то главная проблема, поставленная войной на разрѣшеніе, есть проблема ближневосточная, въ которую включенъ вопросъ о бытіи или небытіи не только европейской, но и азіатской Турціи. Самъ собою завязызался балканскій узелъ, который надлежало разсѣкать силой меча. Направленіе и сила этого разсѣченія должны были опредѣлиться позиціей нейтральныхъ балканскихъ государствъ.

Черезъ 14 мѣсяцевъ послѣ начала войны инціативу такого опре-

дѣленія взяла на себя Болгарія, объявившая 1 октября войну Сербіи, послѣ того, какъ ею было подписано соглашеніе съ Турціей, которая уступала ей часть Ѳракіи и желѣзную дорогу Дедеагачъ—Адріанополь Событія, предшествовавшія такому объявленію войны и слѣдовавшія за нимъ, свѣжи въ нашей памяти. 20 сентября русскій посланникъ въ Софіи предъявилъ болгарскому правительству ультиматумъ съ требованіемъ въ 24 часа порвать съ врагами славянства и Россіи и принять мѣры къ удаленію нѣмецкихъ офицеровъ изъ болгарской арміи. Правительство царя Фердинанда отклонило предложеніе. За этимъ отклоненіемъ послѣдовалъ разрывъ сношеній между Россіей и Болгаріей. А 5 октября Высочайшимъ манифестомъ была объявлена война Болгаріи, измѣнившей „славянскому дѣлу“. Въ состояніи войны съ Болгаріей объявили себя и прочія державы четверного согласія.

Исторію болгарскаго выступленія, созрѣвавшаго въ сущности давно, можно будетъ написать только въ будущемъ. Что здѣсь дипломатія четверного согласія проиграла крупную и рѣшительную ставку, было многимъ ясно еще до 1 октября. Но причины этого проигрыша могутъ быть вскрыты путемъ политическаго анализа, для котораго дипломатическіе документы послужили бы чрезвычайно цѣннымъ орудіемъ. Эти документы способны были бы освѣтить роковую основу колебаній и ошибокъ, допущенныхъ дипломатіей четверного согласія. Но эти документы не обнародованы и потому важный вопросъ ближневосточной политики остается невыясненнымъ для широкаго общественнаго мнѣнія какъ у насъ, такъ и на западѣ.

Но дипломатическая невыясненность не мѣшаетъ полной ясности одного политическаго положенія. Болгарія примкнула къ центральнымъ имперіямъ для того, чтобы вмѣстѣ съ ними бороться за сохраненіе Турціи и за такое рѣшеніе вопроса о проливахъ, которое желательно Вѣнѣ, Берлину и Константинополю. Болгарія слила свои реальные національные, экономическіе, государственные и пр. интересы съ интересами имперій, раздѣляющихъ восточнаго и западнаго союниковъ. Она пришла имъ на помощь для того, чтобы одной сплошной стѣной прорѣзать всю Европу отъ Сѣвернаго до Средиземнаго морей. Тѣмъ самымъ расширено и углублено политическое значеніе европейской трагедіи, исходъ которой не можетъ до сихъ поръ быть предсказанъ. Тѣмъ менѣе можетъ быть предсказанъ, что разсѣченіе балканскаго узла только началось выступленіемъ Болгаріи. Продолженіе будетъ дано Греціей и Румыніей, выжидательная напряженность которыхъ едва ли можетъ быть теперь длительной. „Сквозной“ путь Берлинъ—Константинополь представляется фактомъ не только „желѣзнодорожнаго“ характера,—онъ открываетъ германской

коалиціи новые источники военныхъ и иныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ передъ союзной коалиціей новыя задачи.

Такъ изъ первоначальнаго, но основного драматическаго пролога вытекали и, вѣроятно, еще будутъ вытекать „неисчислимыя послѣдствія“ чрезвычайнаго политическаго значенія.

И. Брусиловскій.

Вмѣшательство Турціи.

I.

Задолго до начала нынѣшней войны Германія учла неотвратимость міровой катастрофы и стала подготовлять нужную для себя обстановку по всѣмъ операціоннымъ линіямъ внѣшней политики и стратегіи. Вниманіе свое она обратила, главнымъ образомъ, на Турцію и всѣ усилія направила къ тому, чтобы вовлечь ее въ орбиту своего притяженія.

Союзъ съ Турціей диктовался реальными интересами политическаго и экономическаго порядка. „Въ случаѣ возможной обще-европейской войны,— признавался бывшій канцлеръ кн. Бюловъ:—военныя силы Турціи могли бы быть употреблены въ нашу пользу“ [1]). Такой же взглядъ высказалъ и австро-венгерскій политикъ гр. Юлій Андраши: „Мѣсто Турціи—съ нами. Цѣль, которую мы преслѣдуемъ, не опасна для Турціи, а успѣхъ тройственнаго согласія будетъ ей вреденъ“ [2]). Сближеніе съ Турціей сулило Германіи огромныя военныя выгоды и преимущества. Являлась возможность путемъ нападенія на Кавказъ, Черноморское побережье, Египетъ и Суэцъ, отвлечь часть силъ противниковъ съ европейскихъ театровъ войны. Становилось возможнымъ закрыть проливы и тѣмъ прервать связь между Россіей и ея союзниками. Путемъ ввоза изъ Малой Азіи мѣди, хлопка, нефти, хлѣба и т. п. обезпечивалось бы снабженіе блокированной Германіи этими припасами. Наконецъ, въ случаѣ нужды, населеніе Турціи могло бы служить источникомъ для пополненія германскаго людского запаса.

Помимо военныхъ соображеній, необходимость сближенія съ Турціей вызывалась и экономическими мотивами. Германскій капиталъ, устремившійся на Ближній Востокъ, сталъ здѣсь твердой ногой и завоевалъ прочныя позиціи. Гамбурго-Американской пароходной компаніи удалось установить рейсы съ Персидскимъ заливомъ, гдѣ до того почти безраздѣльно царила одна Англія. Успѣхи германекой торговли и промышленности съ особенной отчетливостью стали возрастать по мѣрѣ проведенія Багдадской желѣзной дороги, концессія на которую выдана

---

[1]) Кн. Бернгардъ фонъ-Бюловъ. „Державная Германія“.

[2]) „Magyar Hirlap“. Августъ 1914 г.

германскому банку [3]). Багдадская дорога—этотъ новый міровой путь для товарообмѣна—открывала перспективы владычества надъ міромъ. Въ Переднюю Азію направились германскіе коммивояжеры, эти мирные завоеватели колоній, закладывающіе фундаментъ для грядущаго политическаго господства.

Drang nach Osten—вотъ лозунгъ воинствующаго пангерманизма. Но Ближній Востокъ опутанъ густой сѣтью международныхъ вліяній и понятно, что поступательное движеніе Германіи совершалось не безъ борьбы съ соперничающими домогательствами. Однако, опираясь на дружественную поддержку Турціи, Германія по багдадскому пути шла отъ успѣха къ успѣху, пока въ 1913 г. энергичный протестъ Англіи не вырвалъ изъ рукъ Германіи конечнаго участка этой дороги къ Персидскому заливу.

Императоръ Вильгельмъ II, видящій историческое призваніе Гогенцоллерновъ въ осуществленіи идеаловъ пангерманизма, съ первыхъ дней своего царствованія искалъ сближенія съ Турціей, которой предназначалась роль германскаго форпоста въ Азіи. Для достиженія своей цѣли императоръ оказывалъ ей и политическія услуги и знаки личнаго вниманія и расположенія. Уже въ 1897 году, въ періодъ обостренія греко-турецкихъ отношеній, Германія опредѣленно поддерживала свою будущую союзницу, стараясь подавить стремленіе критянъ къ свободѣ и охранить неприкосновенность Турціи. Такую же помощь оказала Германія Портѣ позже, при обсужденіи державами проекта реформъ въ Турецкой Арменіи. По настоянію германской дипломатіи изъ предложеннаго Россіей проекта было устранено все, что умаляло права Турціи. Въ своемъ покровительствѣ Оттоманской имперіи Германія не остановилась даже предъ нарушеніемъ вѣрности союзному договору съ Италіей. Французскій государственный дѣятель Пишонъ увѣряетъ, что ему въ точности извѣстно, какъ во время Триполитанской войны Энверъ-паша работалъ заодно съ Германіей противъ Италіи. Германія доставляла Турціи офицеровъ для руководства войной, а также мины и подводныя лодки для потопленія итальянскихъ военныхъ судовъ [4]).

Германскій императоръ при каждомъ удобномъ случаѣ старался возможно эффектнѣе проявить свое расположеніе къ исламу. Въ 1898 году онъ посѣтилъ Турцію. Здѣсь императоръ въ восторженныхъ рѣчахъ расточалъ похвалы султану и его народу, изливалъ чувства любви и преданности мусульманству. „300 милліоновъ магометанъ, разбросанныхъ по земному шару,—сказалъ Вильгельмъ II въ Дамаскѣ,—могутъ быть увѣ-

---

[3]) Уже въ 1912 г. обмѣнъ Турціи съ Германіей равнялся 9.070.325 фунт. стерл., тогда какъ обмѣнъ съ Франціей выражался въ суммѣ 7.302.431 ф. с. (The Statesman's Year-book for 1914. London).

[4]) „Petit Parisien" за августъ 1914 г.

рены, что германскій императоръ будетъ ихъ другомъ во всѣ времена". Въ 1905 году, послѣ того, какъ между Англіей и Франціей состоялось соглашеніе объ установленіи французскаго протектората надъ Марокко, императоръ Вильгельмъ неожиданно появился въ гавани Танжера и выразилъ желаніе вступить въ сношенія съ марокканскимъ султаномъ, какъ съ „независимымъ государемъ" [5]). „Мы окончательно подорвали бы довѣріе къ себѣ въ мусульманскомъ мірѣ,—говоритъ въ своей книгѣ кн. Бернгардъ Бюловъ,—еслибы вскорѣ послѣ декларации въ Дамаскѣ предоставили Марокко Франціи". „Мы однимъ ударомъ,—дополняетъ эту мысль германскій посланникъ въ Константинополѣ Фрейхеръ фонъ-Маршалъ,—уничтожили бы свое вліяніе въ Турціи и утратили бы всѣ тѣ преимущества, которыя съ такимъ трудомъ нами пріобрѣтены".

Но для осуществленія широко задуманныхъ плановъ Германіи Турція была слабымъ государствомъ. „У меня никогда не было иллюзій относительно турецкой дѣеспособности",—говоритъ кн. Бюловъ. Представлялось необходимымъ поднять военную мощь Турціи, и Германія принимаетъ участіе въ организаціи военныхъ силъ султана. Эта работа Германіи началась еще при Абдулъ-Гамидѣ. Послѣ низверженія „кроваваго султана", въ медовый мѣсяцъ младотурецкой конституціи, когда въ Турціи взяло верхъ вліяніе демократическихъ государствъ—Англіи и Франціи,—организаторская роль Германіи нѣсколько сократилась. Но съ тѣхъ поръ, какъ младотурецкое правительство показало когти націоналистическаго деспотизма, вновь стало возрастать значеніе Германіи въ военной оборонѣ Турціи и, наконецъ, дошло до того, что въ послѣднее передъ европейской войной время вся техническая сторона военнаго командованія оказалась въ рукахъ германской военной миссіи съ генераломъ Лиманомъ фонъ-Сандерсомъ во главѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ проявлялись заботы о возсозданіи турецкаго флота, при чемъ, съ цѣлью усыпить всякія подозрѣнія, Германія согласилась на участіе англичанъ въ реорганизаціи морскихъ силъ Турціи. Задача эта была поручена англійскимъ морякамъ съ адмираломъ Лимпусомъ во главѣ, которые несли свои обязанности вплоть до конца августа 1914 года, когда были замѣщены германскими офицерами.

Успѣху германской политики въ значительной мѣрѣ содѣйствовало настроеніе правящихъ круговъ Турціи. Младотурки не забыли удара, нанесеннаго Балканской войной въ 1912—1913 г.г., когда Турція потеряла 5/6 территоріи въ Европѣ и 2/3 населенія. У нихъ не могла не зрѣть мысль о реваншѣ, о возстановленіи своихъ европейскихъ владѣній.

---

[5]) Заявленіе это фактически уничтожало силу и значеніе англо-французскаго соглашенія. Франція была вынуждена сдѣлать уступки на конференціи въ Альджезирасѣ 1906 г. и по договору 1909 г. И лишь въ 1911 г. ей удалось окончательно опредѣлить свои правовыя отношенія къ Марокко.

Удача Адріанопольской авантюры возбуждала новыя надежды у честолюбиваго Энвера-паши, мечтавшаго о славѣ Наполеона. Усиленіе вліянія Турціи и всемірнаго значенія ислама—вотъ альфа и омега младотурецкой политической программы. Съ возникновеніемъ европейской войны. Оттоманское правительство сразу почувствовало, что тяготѣвшая надъ Турціей опека Европы вдругъ потеряла въ своемъ вѣсѣ, и младотурки рѣшили использовать эту свободу для осуществленія національныхъ стремленій. Со стороны центральныхъ европейскихъ монархій эта программа встрѣтила содѣйствіе, и панисламизмъ связалъ свою судьбу съ пангерманизмомъ.

II

Непосредственно вслѣдъ за началомъ европейской войны Турція объявила о своемъ нейтралитетѣ, но въ то же время приступила къ военнымъ приготовленіямъ. 20-го іюля былъ проведенъ въ порядкѣ верховнаго управленія новый уставъ о воинской повинности, увеличивавшій составъ арміи, и объявлена всеобщая мобилизація. „Съ цѣлью охраны нашихъ священныхъ правъ я призвалъ моихъ дѣтей подъ оружіе“,—гласитъ манифестъ султана. Въ приказѣ Энвера-паши, опубликованномъ вмѣстѣ съ манифестомъ, звучали болѣе воинственныя ноты: „Наша армія должна будетъ въ свое время принести величайшія жертвы, дабы смыть съ себя съ помощью Божьей черное пятно Балканской войны. Будущее халифата и оттоманизма зависитъ отъ тѣхъ жертвъ и отъ того мужества, какія проявитъ армія въ выполненіи своего долга. Пусть врагъ сѣетъ ужасъ своими пушками и ружьями, мы должны всегда идти впередъ“.

Представители державъ согласія дали понять турецкому правительству, что только вполнѣ лояльнымъ и неукоснительнымъ соблюденіемъ нейтралитета Порта можетъ охранить Европейскую Турцію отъ серьезной опасности и завоевать благожелательное отношеніе великихъ державъ. Въ отвѣтъ имъ были даны успокоительныя завѣренія: Турція останется нейтральной и лишь приметъ нѣкоторыя мѣры предосторожности на случай возможныхъ осложненій.

Между тѣмъ очень скоро дѣйствительность стала рѣзко расходиться съ этими заявленіями. Цѣлый рядъ признаковъ начинаетъ указывать на серьезность военныхъ приготовленій Турціи, которыя выходятъ далеко за предѣлы мѣръ предосторожности. Въ Босфорѣ и Дарданеллахъ возводятся новыя укрѣпленія, разставляются мины, въ странѣ производится реквизиція лошадей и съѣстныхъ припасовъ. Происходитъ передвиженіе войскъ къ нашей и англійской границамъ.

Въ виду этого, Англія предусмотрительно задержала пріобрѣтенные

нея Турціей дредноуты „Османіе“ и „Решадіе“, объявивъ, что предоставитъ ихъ Турціи послѣ войны. Въ Константинополѣ не преминули воспользоваться этимъ случаемъ для усиленія агитаціи противъ державъ согласія и пропаганды въ пользу центральныхъ державъ, тѣмъ болѣе, что Германія тотчасъ же предложила Портѣ свои крейсера „Гебенъ“ и „Бреслау“. Германскіе крейсера, несмотря на энергичные протесты державъ согласія противъ нарушенія Портой нейтралитета [6]), были впущены въ турецкія территоріальныя воды. По пути эти крейсера обстрѣляли Алжирское побережье, въ свою очередь были обстрѣляны англійскими судами и съ довольно значительными поврежденіями вошли 29-го іюля въ Дарданеллы. Въ отвѣтъ на протесты державъ Турція оправдывалась лживымъ заявленіемъ, что крейсера ею куплены до войны. Съ совершившимся фактомъ приходилось мириться, и державы согласія въ своихъ дальнѣйшихъ представленіяхъ Портѣ настаивали на разоруженіи крейсеровъ и удаленіи съ нихъ германскихъ командъ. Великій визирь принцъ Саидъ-Халимъ поспѣшилъ дать торжественныя завѣренія въ своей готовности исполнить эти требованія, морской министръ Джемаль-паша далъ честное слово, что черезъ 2 недѣли въ турецкомъ флотѣ не останется ни одного нѣмца, но въ то же время всякими проволочками, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, исполненіе обѣщанія замедлялось.

„Приходъ „Гебена“ и „Бреслау“,—телеграфируетъ 30-го іюля нашъ посолъ въ Турціи г. Гирсъ,—измѣняетъ положеніе здѣсь не въ нашу пользу. Съ военной точки зрѣнія онъ значительно усиливаетъ боевую готовность Турціи, а съ политической—несомнѣнно имѣетъ самыя серьезныя послѣдствія, сильно поднявъ духъ турокъ, и можетъ побудить ихъ пойти на самыя безразсудныя выступленія“ [7]). И дѣйствительно, вліяніе этого факта вскорѣ начало сказываться на рѣшеніяхъ турецкаго правительства, которыя принимаютъ все болѣе вызывающій характеръ.

1-го августа Порта увѣдомила представителей державъ о своемъ рѣшеніи снимать съ иностранныхъ коммерческихъ пароходовъ, входящихъ въ проливы, аппараты безпроволочнаго телеграфа. Затѣмъ турецкія власти стали задерживать направлявшихся на родину французскихъ и бельгійскихъ запасныхъ. Въ то же время увеличивается активность военныхъ

---

[6]) 56 статья Лондонской морской декларації 1909 г., хотя не ратификованной, однако примѣнявшейся всѣми державами и пріобрѣвшей характеръ обычнаго международнаго морского права, признаетъ переходъ подъ нейтральный флагъ непріятельскаго торговаго судна послѣ открытія военныхъ дѣйствій ничтожнымъ. Тѣмъ болѣе основаній примѣнить это положеніе къ военнымъ судамъ.

[7]) „Сборникъ дипломатическихъ документовъ“. Переговоры отъ 19 іюля до 19 октября 1914 г., предшествовавшіе войнѣ съ Турціей. Изд. министерства иностранныхъ дѣлъ.

приготовленій. Къ границамъ свозятся войска. 10 корпусовъ сосредоточиваются въ Смирнѣ, Ангорѣ, Алеппо, Дамаскѣ, Эрзерумѣ, Эрзинджанѣ, Ванѣ, Мосулѣ, Багдадѣ, Іеменѣ и Геджасѣ. Генералъ фонъ-Сандерсъ ѣдетъ въ Эрзерумъ. Въ Турцію прибываютъ германскіе офицеры и нижніе чины. Изъ Германіи привозятся оружіе, амуниція и золото. Германскимъ запаснымъ разрѣшено вступать въ ряды турецкой арміи. Уже не дѣлается различія между германской и турецкой арміями. Англичане, служившіе въ турецкихъ арсеналахъ и флотѣ, замѣщаются нѣмцами. Подкупленная Германіей и Австро-Венгріей турецкая печать [8]) распространяетъ вымышленныя извѣстія объ успѣхахъ германскаго оружія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Константинополѣ конфискуются египетскія газеты, сообщающія точныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій. Въ мечетяхъ возносятся молитвы о ниспосланіи побѣды покровителю мусульманъ императору Вильгельму. Въ столицѣ и крупныхъ городахъ происходятъ дружественныя Германіи и Австріи манифестаціи. Не остаются въ сторонѣ отъ этого движенія даже турецкія женщины. Депутаціи младотурчанокъ выражаютъ германскому послу благодарность за уступку крейсеровъ. Положеніе подданныхъ державъ согласія, въ виду нарастающаго враждебнаго настроенія турокъ, становится съ каждымъ днемъ тяжелѣе, и они массами начинаютъ покидать Турцію.

Однако, дипломатическіе переговоры продолжаются. Порта повторяетъ заявленіе, что вооруженіе Турціи не направлено ни противъ кого въ частности. 6-го августа уполномоченный Оттоманскаго правительства министръ финансовъ Джавидъ-бей высказалъ представителямъ державъ согласія убѣжденіе даже въ возможности соглашенія съ ними. По его словамъ, нѣмцы расточаютъ обѣщанія настолько соблазнительныя, что противостоять имъ весьма трудно. Въ противовѣсъ этимъ посуламъ, державы согласія, по мнѣнію Джавида-бея, должны бы предложить туркамъ достаточныя выгоды, чтобы удержать правительство отъ неосторожнаго рѣшенія и дать умѣреннымъ членамъ кабинета оружіе для борьбы съ воинственнымъ теченіемъ. Въ числѣ такихъ выгодъ могла бы быть,—указалъ Джавидъ-бей,—отмѣна капитуляцій, т. е., отмѣна договоровъ европейскихъ государствъ съ Турціей, которыми установлено право подданныхъ этихъ государствъ судиться судомъ своихъ консуловъ на турецкой территоріи, и упраздненіе финансоваго контроля Европы, учрежденнаго для урегулированія турецкаго государственнаго долга. На это предложеніе державы согласія выразили готовность дать письменную гарантію

---

[8]) По свѣдѣніямъ нашего посла г. Гирса, главнѣйшія изъ газетъ въ Константинополѣ получаютъ отъ этихъ двухъ государствъ субсидіи въ слѣдующихъ размѣрахъ: „Икдамъ“—3.500 турецкихъ фунтовъ, „Саббахъ“—3.000, „Танинъ“—3.000, „Тасфири-Эфкіаръ“—2.500, „Терджюманъ“—1.000. (См. „Сборникъ дипломатическихъ документовъ“).

въ томъ, что неприкосновенность и независимость Турціи будутъ уважаться ими и что въ мирномъ договорѣ не будетъ заключаться условій, противорѣчащихъ этимъ началамъ. Державы принципіально согласились и на отмѣну капитуляцій, при условіи обезпеченія правъ иностранцевъ. Взамѣнъ этого онѣ требовали, чтобы турецкое правительство письменно обязалось соблюдать нейтралитетъ и облегчать безостановочный и безпрепятственный проходъ торговыхъ судовъ черезъ проливы, а также приступило бы къ немедленному устраненію всѣхъ германскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Несмотря на готовность державъ удовлетворить требованія Турціи, переговоры ею были внезапно прерваны, и 27-го августа было опубликовано ирадэ объ отмѣнѣ капитуляцій. Въ своемъ отношеніи къ этому шагу всѣ державы проявили полное единодушіе. Въ тожественной нотѣ онѣ указали Портѣ, что капитуляціонный режимъ, какъ основанный на двухсторонніхъ соглашеніяхъ, не можетъ быть отмѣненъ самовольно одной стороной, и потому опубликованный актъ турецкаго правительства не имѣетъ юридической силы и недѣйствителенъ (nulle et non avenue). Въ то же время представители державъ не отказывались обсудить немедленно и самымъ дружескимъ образомъ предложеніе Порты по вопросу о капитуляціяхъ, при условіи полученія увѣренности, что Турція будетъ соблюдать нейтралитетъ и воздержится отъ всякаго враждебнаго дѣйствія по отношенію къ какому-либо сосѣднему государству. Справедливость требуетъ отмѣтить, что первоначально къ идентичной нотѣ державъ присоединились и представители Германіи и Австро-Венгріи, но вскорѣ они уклонились отъ солидарности съ державами и рѣшительно стали на сторону Оттоманскаго правительства. Актъ объ отмѣнѣ капитуляцій произвелъ въ Турціи огромное впечатлѣніе, вызвавъ подъемъ патріотическаго воодушевленія. Было необходимо добиться отъ державъ признанія за этимъ актомъ юридической силы. Джавидъ-бей, ссылаясь на успѣшную будто бы борьбу съ воинствующей партіей въ кабинетѣ, заявилъ державамъ согласія, что Турція готова даже демобилизоваться, если онѣ признаютъ дѣйствительнымъ опубликованный актъ. Державы отвѣтили, что принимаютъ предложеніе Турціи, но съ оговоркой, что отмѣна консульской юрисдикціи будетъ осуществлена только послѣ выработки новыхъ нормъ, гарантирующихъ права иностранцевъ, и при условіи, что Турція будетъ соблюдать нейтралитетъ, и въ обезпеченіе этого объявитъ демобилизацію и удалитъ всѣхъ германскихъ военныхъ чиновъ.

III.

Пока велись эти переговоры, военныя приготовленія Турціи шли своимъ порядкомъ, и по мѣрѣ приближенія ихъ къ концу въ образѣ

дѣйствій Порты проявляется все больше рѣшительности и агрессивности. Турція совершаетъ рядъ актовъ съ явной цѣлью провоцировать державы согласія: лишаетъ константинопольскій патріархатъ преимуществъ, касающихся содержанія школъ, выдачи субсидій и т. д., реквизируетъ подвижной составъ французской желѣзной дороги въ Сиріи. Державы стараются игнорировать отдѣльныя распоряженія турецкаго правительства, не желая еще болѣе обострять отношенія. Но Турція идетъ дальше въ томъ же направленіи. Ея суда, окрашенныя въ боевой сѣрый цвѣтъ, выходятъ въ Мраморное море „для учебной стрѣльбы“, а „Гебенъ“ и „Бреслау“ демонстративно появляются даже въ Черномъ морѣ подъ предлогомъ, будто-бы учебная стрѣльба такихъ гигантовъ въ Мраморномъ морѣ опасна. На протестъ нашего посла великій визирь снова далъ успокоительныя завѣренія. Но эти заявленія не представляли достаточной гарантіи, такъ какъ флотъ, находясь въ рукахъ нѣмцевъ и подъ непосредственнымъ начальствомъ Энвера-паши, могъ выйти и безъ вѣдома и согласія Порты. И дѣйствительно, 9-го сентября „Бреслау“ снова появляется въ Черномъ морѣ по распоряженію германскаго посла, который откровенно объясняетъ, что „Гебенъ“ и „Бреслау“ лишь до извѣстной степени подчинены туркамъ и что они предназначены служить главнымъ образомъ германскимъ интересамъ.

Въ виду подчиненія турецкаго флота германскому командованію, Англія рѣшила впредь не допускать выхода турецкихъ судовъ въ Эгейское море, о чемъ и сдѣлала Портѣ соотвѣтствующее предупрежденіе. Несмотря на предостереженіе, турецкій миноносецъ вышелъ 13-го сентября въ Эгейское море, но, встрѣтившись здѣсь съ англійскимъ сторожевымъ судномъ, вынужденъ былъ вернуться въ проливъ. Тогда Порта, подстрекаемая Германіей, дерзнула бросить вызовъ державамъ согласія—она закрыла Дарданеллы для всѣхъ иностранныхъ судовъ. На протестъ державъ оттоманскій совѣтъ министровъ заявилъ, что проливы будутъ закрыты до тѣхъ поръ, пока не будетъ отозванъ изъ Эгейскаго моря англо-французскій флотъ. Требованіе Турціи встрѣтило рѣшительный отпоръ со стороны Англіи и Франціи, еще разъ подтвердившихъ, что пока на турецкихъ военныхъ судахъ остаются германскіе офицеры и команды, суда эти будутъ разсматриваться, какъ составная часть германскаго флота.

18-го сентября Порта прекращаетъ дѣйствіе иностранныхъ почтъ въ Турціи. 20-го отмѣняетъ привиллегіи Ливана. Протесты державъ оставляются безъ вниманія.

Къ этому времени обозначились попытки германо-турокъ вызвать возстаніе въ мусульманскихъ странахъ. Германцы стараются воспользоваться интеллектуально-религіознымъ движеніемъ въ мірѣ ислама. Ихъ эмиссары

ведутъ агитацію во всѣхъ центрахъ, гдѣ скрещиваются и расходятся въ разныя стороны мусульманскаго міра идейныя вліянія. Пропаганда священной войны подъ зеленымъ знаменемъ пророка ведется въ Индіи, Египтѣ, Марокко и Персіи. По свидѣтельству англійской „Бѣлой книги", германцы распространяютъ слухи, что императоръ Вильгельмъ принялъ магометанство.

Однако, планы германо-турокъ рушились, пропаганда „газавата" успѣха не имѣла. Вскорѣ послѣ начала военныхъ дѣйствій, изъ Бомбея. Лагора и Калькутты стали поступать заявленія о непоколебимой лойяльности мусульманскаго населенія. Вождь исламистскаго модернизма Ага-ханъ опубликовалъ воззваніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „никакой исламистскій интересъ не затронутъ настоящей войной, и религія наша не находится въ опасности. Турція теперь потеряла свое положеніе хранительницы ислама и, вынувъ мечъ въ защиту нечистаго дѣла, она потеряетъ свое значеніе великой націи".

Также не оправдались разсчеты Германіи и на возстаніе египетскихъ мусульманъ. Возсталъ противъ Англіи одинъ лишь хедивъ, жившій въ то время въ Константинополѣ и всецѣло подпавшій подъ вліяніе германо-турокъ. Онъ выступилъ съ протестомъ противъ Англіи по поводу удаленія изъ Египта представителей Германіи и Австро-Венгріи, руководившихъ агитаціей въ пользу священной войны. Англія предложила хедиву, съ цѣлью изолировать его отъ вреднаго вліянія, покинуть Константинополь, но тотъ не подчинился, заявивъ, что остается „по приказу своего суверена-султана". Впослѣдствіи строптивый хедивъ поплатился своимъ тономъ.

Во французской Африкѣ германская пропаганда также потерпѣла неудачу. И здѣсь мусульманскій міръ не проявилъ склонности стать на сторону турокъ.

Русское мусульманство, въ преданности котораго Россіи никогда не существовало сомнѣній, съ своей стороны выразило осужденіе агрессивной политикѣ Турціи и вѣрность свою Россіи вскорѣ запечатлѣло кровью въ бояхъ съ турками.

Нѣкотораго успѣха германо-турецкая агитація достигла въ слабой Персіи. Персидскіе курды, совмѣстно съ турецкими, совершаютъ въ районѣ Урмійскаго озера нападенія на русскія войска и на христіанское населеніе. Подстрекающее вліяніе Германіи произвело эффектъ и на персидское правительство, которое рѣшилось даже обратиться къ намъ съ требованіемъ объ эвакуаціи нашихъ войскъ изъ Азербейджана. Претензія мотивировалась тѣмъ, что только при такомъ условіи Турція будетъ уважать нейтралитетъ Персіи. Само собой разумѣется, что требованіе это было нами отвергнуто. Шахское правительство смирилось, объявило о нейтралитетѣ Персіи и уже

не предпринимало противъ насъ никакихъ выступленій, но въ то же время оно оказалось недостаточно сильнымъ, чтобы пресѣчь въ своей странѣ агитацію германо-турокъ, которая продолжала развиваться.

IV.

Съ самаго начала европейской войны въ средѣ оттоманскаго правительства обозначилось два теченія. Одно, выразителемъ котораго былъ Энверъ-паша, требовало немедленнаго вмѣшательства Турціи въ войну; другое теченіе, представителемъ котораго являлся самъ великій визирь, принцъ Саидъ-Халимъ, предпочитало политику выжидательную, до выясненія результатовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Было бы ошибочно называть эти теченія партіей войны и партіей мира, такъ какъ разномысліе у нихъ заключалось не въ выборѣ между войной и миромъ,—споръ шелъ лишь о выборѣ момента для выступленія. Шансы того и другого теченія колебались въ зависимости отъ хода событій на европейскомъ театрѣ войны. Иногда борьба принимала рѣзкія формы. Въ одномъ изъ августовскихъ засѣданій совѣта министровъ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ сторонника второго теченія, Джемаля-паши, Энверъ-паша настаивалъ на немедленномъ выступленіи противъ Россіи, заявивъ, что застрѣлитъ всякаго, кто будетъ этому противиться. Джемаль отвѣтилъ: „убійца Назима способенъ убить кого угодно, но я не допущу гибели Турціи“. Въ тотъ же день на жизнь Энвера-паши было произведено покушеніе. Оправившись отъ полученной раны, Энверъ-паша вернулся къ власти съ ореоломъ мученика за отечество. Джемаль-паша ушелъ въ отставку, и Энверъ становится фактическимъ диктаторомъ.

Между тѣмъ, военныя приготовленія пришли къ концу. Завершена концентрація войскъ. Турція стояла въ полной боевой готовности. Система провокаціи, примѣнявшаяся германо-турками съ цѣлью вызвать починъ разрыва со стороны державъ согласія, не достигала цѣли. Представители державъ согласія въ Константинополѣ прилагали всѣ старанія, чтобы удержать Турцію отъ какихъ бы то ни было безразсудныхъ выступленій.

22-го сентября германскій и австро-венгерскій послы объявили великому визирю, что считаютъ моментъ удобнымъ для открытія военныхъ дѣйствій противъ насъ и что турецкій флотъ долженъ нынѣ же напасть на Черноморское побережье. Принцъ Саидъ-Халимъ отвѣтилъ, что единственнымъ препятствіемъ къ такому выступленію является затруднительное финансовое положеніе Турціи. 28-го сентября Энверъ-паша и министръ внутреннихъ дѣлъ Талаатъ-бей подписали особый актъ, на основаніи котораго Турція обязывалась немедленно выступить противъ Россіи по по-

лученіи денежной субсидіи отъ Германіи. Черезъ нѣсколько дней германское золото прибыло въ Константинополь, и телеграмма нашего посла М. Г. Гирса, датированная 7 октября, лаконически гласитъ: „Въ ближайшіе дни вполнѣ возможно выступленіе Турціи противъ насъ, въ связи съ полученіемъ ею золота изъ Германіи".

Турція выполнила свое обязательство. 16-го октября турецкій флотъ, подъ командой германскихъ моряковъ, бомбардировалъ наше Черноморское побережье.

Великій визирь и послѣ нападенія турокъ на русскіе порты все еще продолжаетъ увѣрять, что ни онъ, ни правительство не желаютъ войны, что онъ не былъ освѣдомленъ о планѣ нападенія германскаго адмирала на Россію. Затѣмъ Порта пробуетъ свалить отвѣтственность за происшедшее на русскій флотъ, который будто бы первый началъ военныя дѣйствія. Турецкій посолъ въ Петроградѣ Фахръ-Эдинъ заявилъ, что „произведенная русскими судами атака застигла турецкій флотъ во время мирныхъ эволюцій его въ Черномъ морѣ". „Несмотря, однако, на такія враждебныя дѣйствія со стороны Россіи,—добавилъ турецкій повѣренный въ дѣлахъ,—Порта готова ликвидировать инцидентъ и вступить съ Императорскимъ Россійскимъ правительствомъ въ переговоры". Заявленіе турецкаго дипломата вызвало рѣзкій отвѣтъ. Ему было указано въ самой категорической формѣ, что никакіе переговоры съ Портой до тѣхъ поръ, пока въ предѣлахъ Турціи останется хоть одинъ нѣмецкій офицеръ, невозможны и что точка зрѣнія русскаго правительства вполнѣ опредѣлилась распоряженіемъ объ отозваніи нашего посла изъ Константинополя. Фахръ-Эдину тотчасъ же послѣ посѣщенія имъ министерства были отосланы паспорта, и всякія сношенія съ турецкимъ посольствомъ были прекращены.

Французское правительство отвѣтило на турецкія извиненія обстоятельной декларацією. Оно припомнило, что въ началѣ войны Франція, подобно Россіи и Англіи, формально завѣрила Порту, что будетъ уважать независимость и цѣлость Оттоманской имперіи, при условіи соблюденія Турцією нейтралитета. Французская декларація перечисляла затѣмъ всѣ случаи несоблюденія нейтралитета Турцією до событія 16-го октября включительно. „Франція,—говорилось въ декларації,—въ согласіи съ Великобританіей надѣясь, что за эти враждебные акты отвѣтственны германскіе офицеры, предложила Турціи освободить свою политику отъ солидарности съ Берлиномъ и для этого немедленно уволить всѣхъ германскихъ офицеровъ. Но Турція ограничилась лишь предложеніемъ отозвать свои военные корабли въ проливы и выразила желаніе поддерживать мирныя отношенія съ Россіей, Франціей и Великобританіей". Предложеніе это не было отвергнуто сразу, а подверглось предварительно обсужденію между державами согласія. Мотивы принятаго рѣшенія изла-

гаются французами такимъ образомъ: „Такъ какъ предложеніе Порты не даетъ гарантіи ея пейтральности и не избавляетъ, слѣдовательно, отъ необходимости держать наготовѣ военныя силы, то оно не представляетъ никакихъ преимуществъ сравнительно съ состояніемъ открытой войны. Не видя въ заявленіяхъ Порты доказательствъ ея искренности, послы державъ согласія потребовали 18-го октября свои паспорта".

Англія дала отвѣтъ, по существу одинаковый, но отличавшійся лишь по формѣ. Она готова была принять объясненія Турціи при условіи представленія гарантій и возмѣщенія за совершенное нападеніе. Англійское правительство, давая столь осторожный отвѣтъ, считалось, какъ съ общественнымъ мнѣніемъ Англіи, не легко мирившимся съ неизбѣжностью войны, такъ и съ настроеніемъ 70 милліоновъ мусульманъ Индіи и Египта. Великобританское правительство поэтому старалось, чтобы всѣ стадіи и возможности переговоровъ отчетливо запечатлѣлись въ умахъ подданныхъ Великобританіи, чтобы не оставалось и тѣни сомнѣнія въ томъ, кто первый началъ войну. И въ тронной рѣчи короля Георга явственно звучитъ этотъ мотивъ: „Въ согласіи съ моими союзниками, я, несмотря на повторныя провокаціонныя дѣйствія Турціи, старался сохранить въ отношеніи ея дружественный нейтралитетъ. Дурные совѣты и постороннія вліянія заставили ее вести политику необдуманныхъ вызововъ и агрессивности. Въ настоящее время между нами происходитъ война. Мои мусульманскіе подданные хорошо знаютъ, что разрывъ съ Турціей былъ мнѣ навязанъ вопреки моему желанію. Я съ удовлетвореніемъ и благодарностью отмѣчаю доказательства лойяльной преданности и ту поддержку, которую они поспѣшили мнѣ дать".

20-го октября Высочайшимъ манифестомъ Государя Императора была объявлена война съ Турціей, и кавказскія войска вступили въ предѣлы Оттоманской имперіи.

V.

Съ вмѣшательствомъ Турціи въ европейскую войну выдвигается въ новой постановкѣ и въ новыхъ условіяхъ старый вопросъ о проливахъ, долгое время бывшій осью нашей международной политики.

Стремленіе Россіи получить обезпеченный отъ случайностей выходъ изъ Чернаго моря въ Средиземное въ теченіе столѣтій встрѣчало противодѣйствіе со стороны европейскихъ державъ.

Былъ періодъ послѣУнкіаръ-искелесскаго договора 1833 года, когда проливы фактически находились въ рукахъ Россіи, и Турція должна была по нашему требованію запирать Дарданеллы для иностранныхъ военныхъ судовъ. Но это преимущественное положеніе наше удержалось недолго-

Уже Лондонская конференція 1841 года постановила „единодушное рѣшеніе сообразоваться съ древнимъ правиломъ Оттоманской имперіи, согласно которому проходъ черезъ Дарданеллы и Босфоръ долженъ быть всегда закрытъ для иностранныхъ военныхъ судовъ, пока Порта находится въ состояніи мира".

Парижскій конгрессъ 1856 г. особой конвенціей установилъ принципъ нейтрализаціи Чернаго моря и свободы торговли въ его водахъ. „Въ виду того,—гласитъ ст. 13 этой конвенціи,—что Черное море становится нейтральнымъ, упраздняется надобность въ сохраненіи или сооруженіи на его побережьѣ военно-морскихъ арсеналовъ". Россія, такимъ образомъ, обязывалась не имѣть на Черномъ морѣ военно-морскихъ арсеналовъ. Она, кромѣ того, принуждалась ограничить свой черноморскій флотъ 10 легкими судами для береговой охраны. Съ такимъ унизительнымъ положеніемъ Россія не могла мириться, и въ 1870 году кн. Горчаковъ потребовалъ отъ державъ измѣненія Парижской конвенціи.

На Лондонской конференціи 1871 года былъ подписанъ новый договоръ, которымъ подтверждались всѣ постановленія Парижскаго конгресса за исключеніемъ нейтрализаціи Чернаго моря. Россія получала свободу сооруженія военныхъ судовъ, крѣпостей и арсеналовъ въ любомъ пунктѣ Черноморскаго побережья. Но съ другой стороны за султаномъ сохранялось право (faculté) „открывать проливы въ мирное время для военныхъ судовъ дружественныхъ и союзныхъ державъ въ тѣхъ случаяхъ, когда Высокая Порта сочтетъ это необходимымъ, чтобы обезпечить исполненіе Парижскаго договора 1856 г."

Ст. 24 Санъ-Стефанскаго договора объявляла проливы открытыми навсегда для торговыхъ судовъ нейтральныхъ государствъ, независимо отъ того, существуетъ ли миръ, или война. Но Берлинскій конгрессъ 1878 г., лишившій Россію значительной части достигнутыхъ ею выгодъ и преимуществъ, отвергъ въ числѣ другихъ и это постановленіе Санъ-Стефанскаго договора, опредѣливъ международное положеніе проливовъ въ томъ же духѣ недовѣрія къ Россіи, какимъ были проникнуты прежніе договоры.

Русская точка зрѣнія была формулирована нашимъ дипломатомъ А. И. Нелидовымъ въ 1877 году: „Свобода сообщеній съ Средиземнымъ моремъ и въ то же время возможность воспрепятствовать непріятельскимъ флотамъ угрожать нашимъ Черноморскимъ берегамъ—таковой должна быть и всегда была главная задача нашей морской политики въ Турціи. Поэтому надо искать сочетанія условій, которыя обезпечили бы намъ однимъ свободу плаванія черезъ проливы съ исключеніемъ всѣхъ другихъ военныхъ флотовъ" [9].

---

[9]) Бар. Б. Э. Нольде. „Внѣшняя политика".

Въ теченіе нынѣшней войны традиціонное отношеніе Англіи и Франціи къ вопросу о проливахъ рѣзко измѣнилось въ благопріятную для Россіи сторону. Обѣ державы не только согласились признать за нами право на обладаніе проливами, но съ оружіемъ въ рукахъ содѣйствуютъ намъ въ достиженіи нашей цѣли. Такимъ образомъ, вѣковая проблема о проливахъ нынѣ рѣшается мечомъ, и осуществленіе нашей исторической задачи стоитъ въ зависимости отъ военнаго счастья державъ согласія.

Другой вопросъ, поставленный на очередь войной съ Турціей, касается судьбы турецкихъ армянъ. Положеніе этого культурнаго, трудолюбиваго народа, „служившаго въ теченіе вѣковъ въ преддверіи Азіи аванпостомъ христіанской цивилизаціи“ [10]), поистинѣ ужасно. Организуемые оттоманскимъ правительствомъ погромы, безнаказанные поборы, безправіе жертвъ и отсутствіе правосудія—таковы условія, въ которыхъ живетъ этотъ народъ-мученикъ подъ владычествомъ турокъ.

Цитированный выше Санъ-Стефанскій договоръ до извѣстной степени открывалъ армянамъ возможность культурнаго существованія. По ст. 16 этого договора „Порта обязывалась немедленно осуществить различныя улучшенія и реформы, вытекающія изъ мѣстныхъ потребностей провинцій, населенныхъ армянами, и гарантировать имъ безопасность отъ курдовъ и черкесовъ“. Проведеніе этихъ улучшеній и реформъ гарантировалось оккупаціей русскими войсками турецкой территоріи. На Берлинскомъ конгрессѣ условія этого договора подверглись коренному измѣненію: русская оккупація была отвергнута, и въ качествѣ гарантіи исполненія обязательствъ былъ принятъ коллективный надзоръ державъ. Но связавшіяся обѣщаніемъ европейскія державы долго не могли сговориться относительно способа дѣйствій, главнымъ образомъ, изъ опасенія, чтобы въ Малой Азіи не возобладало вліяніе Россіи. И до 1914 года вопросъ о реформахъ въ Арменіи оставался неопредѣленнымъ. Лишь въ январѣ 1914 года, благодаря усиліямъ русской дипломатіи, армянскій вопросъ получилъ частичное разрѣшеніе. Проектъ о реформахъ, предложенный Россіей, былъ построенъ на началахъ, приближавшихся къ автономіи, и основанъ на допущеніи въ извѣстныхъ предѣлахъ европейскаго контроля. Но подъ энергичнымъ давленіемъ Германіи, въ проектъ были внесены измѣненія, суживавшія значеніе предположенныхъ реформъ и сводившія европейскій контроль къ фикціи. Въ такомъ видѣ армянскій вопросъ разрѣшенъ соглашеніемъ державъ съ Турціей 26-го января 1914 года.

Но едва было приступлено къ осуществленію реформъ, какъ вспых-

---

[10]) Изъ предисловія Дени Кошэна къ книгѣ А. Чобаняна „Le peuple arménien“. Paris. 1913.

нула европейская война, подъ шумъ которой Турція пріостановила исполненіе.

Армянская проблема ждетъ своего рѣшенія при измѣнившейся международной обстановкѣ. Война раздвинула горизонты, расширила перспективы и открыла новыя возможности въ достиженіи національныхъ идеаловъ. Недаромъ армяне со всѣхъ концовъ земли съ такимъ энтузіазмомъ ринулись на борьбу съ вѣковымъ врагомъ. Освободительные лозунги нынѣшней войны даютъ основаніе вѣрить, что въ случаѣ побѣды четверное согласіе выполнитъ по отношенію къ многострадальному народу свой моральный и политическій долгъ и создастъ для него такія условія жизни, при которыхъ будутъ возможны развитіе матеріальныхъ и духовныхъ силъ армянскаго народа и его національное самоутвержденіе.

Н. Ахумовъ.

Годъ войны на русскомъ фронтѣ.

Начало военныхъ дѣйствій.

Событіе 28 іюля 1914 года не было громомъ, поразившимъ изъ безоблачнаго неба пребывавшихъ въ спокойствіи жителей Европы, а лишь естественнымъ вскрытіемъ давно назрѣвавшей международной болячки, можетъ быть, нѣсколько ускорившей процессъ своего назрѣванія. Поэтому объявленіе войны не застало врасплохъ наши вооруженныя силы, вполнѣ готовыя къ бою, снабженныя всѣмъ необходимымъ для веденія современной войны и заранѣе разработавшія планы ея.

Послѣдніе должны были подчиняться начертанію границъ съ Австріей и Германіей и принимать во вниманіе счастливое обстоятельство нашего союза съ Франціей. Изъ тѣхъ и другихъ выгодныхъ и невыгодныхъ сторонъ нашего положенія въ качествѣ противника австро-германскаго союза вытекалъ образъ дѣйствій, принятый нашей арміей въ первые же дни по объявленіи войны.

Восточная Пруссія и Галиція, занимающія охватывающее положеніе по отношенію къ Царству Польскому, составили нашъ передовой театръ войны. Черезъ него же пролегаютъ кратчайшіе пути къ Берлину, имѣющему важное значеніе. Въ противоположность Россіи, для которой паденіе столицы знаменовало бы лишь продолженіе съ большимъ ожесточеніемъ борьбы, Берлинъ, въ случаѣ появленія въ немъ нашихъ войскъ, олицетворялъ бы собою конецъ германской имперіи.

Такимъ образомъ, одинаково при наступательномъ или оборонительномъ образѣ дѣйствій австро-германскаго союза въ отношеніи Россіи, Восточная Пруссія и Галиція имѣли значеніе театровъ войны, на которыхъ съ началомъ ея неминуемо должны были разыграться крупныя боевыя столкновенія, такъ какъ при нападеніи на насъ вдавленное положеніе Царства Польскаго принуждало къ очищенію крупныхъ территорій и все же наши арміи подвергались бы постоянному натиску на флангахъ и угрозамъ

обхода ихъ; при оборонительномъ же образѣ дѣйствій Германіи наши арміи все равно не могли бы идти по кратчайшимъ и даже сравнительно слабо защищеннымъ путямъ въ Берлинъ, не вытѣснивши первоначально противника изъ Пруссіи и Галиціи, иначе, австро-германцы ударомъ съ Сѣвера, изъ Восточной Пруссіи, и съ Юга, изъ Галиціи, отрѣзали бы насъ отъ Вислы и родины.

Обѣ стороны учитывали по достоинству значеніе названныхъ передовыхъ театровъ войны. Со стороны австро-германскаго союза пониманіе это вызвало и соотвѣтствующія дѣйствія, направленныя къ использованію счастливаго географическаго положенія своихъ территорій, и выразилось въ блестящей во всѣхъ отношеніяхъ боевой подготовкѣ Восточной Пруссіи и Галиціи. Она заключалась въ томъ, что 1) стратегическіе пункты и пути были прекрасно укрѣплены, даже крестьянскія и помѣщичьи усадьбы строились по опредѣленному плану и, каждая, по себѣ, представляли форты и крѣпости; 2) желѣзнодорожная сѣть давала возможность въ кратчайшій срокъ подвозить къ нимъ крупныя боевыя силы, напримѣръ, въ треугольникъ Шензее—Сольдау—Остероде можетъ быть доставлено въ одинъ день до 85 тысячъ солдатъ и 3) была создана цѣлая сѣть складовъ инженернаго, артиллерійскаго и интендантскаго имущества, благодаря чему войска, всегда снабженныя всѣмъ необходимымъ, имѣли прекрасныя базы для наступленія и обороны.

Все это относится къ дѣйствіямъ мирнаго времени. Съ объявленіемъ же войны германцы немедленно выдвинули небольшой заслонъ изъ Восточной Пруссіи и въ Волынь, чтобы упрочить свое охватывающее положеніе, такой же заслонъ выдвинули и на Берлинскихъ и Вѣнскихъ путяхъ до р. Варты, Петрокова и Кѣлецъ. Тщательная подготовка охватывающихъ театровъ войны давала имъ надежду удержать наши войска, пока не будетъ разгромлена Франція, куда и были направлены главныя силы Германской арміи. Австрійская же—группировалась въ Галиціи.

Указанное выше значеніе Восточной Пруссіи и Галиціи предписывало и нашей сторонѣ первыя же военныя дѣйствія открыть здѣсь. Поэтому, не сопротивляясь германцамъ у Калиша и Ченстохова и лишь противодѣйствуя слишкомъ глубокому ихъ продвиженію къ Лодзи, Петрокову и Кѣльцамъ, что отразилось бы на операціяхъ въ Восточной Пруссіи и Галиціи, наше главное командованіе начало операціи на этихъ театрахъ войны. Изъ нихъ болѣе существеннымъ представлялся галиційскій, гдѣ сосредоточена была въ ожиданіи возвращенія германцевъ съ западнаго фронта австро-венгерская армія. Разбить ее до соединенія съ германской требовалось элементарными правилами стратегіи. Въ Восточной же Пруссіи задачи представлялись второстепенными: использовать временную слабость противника, внести разрушеніе въ искусную систему его укрѣпленій и дорогъ,

поднять переполохъ, отвлечь сюда часть силъ съ западнаго фронта. Поэтому въ то же время, какъ въ Галиціи оказались главныя русскія силы, которыя медленно и осторожно развивали операціи противъ австро-венгерцевъ, въ Восточной Пруссіи совершался партизанскій набѣгъ двухъ небольшихъ армій, правда составленныхъ изъ отборныхъ войскъ, въ силу того, что партизанская война, опасная и трудная, требуетъ лучшихъ качествъ отъ дѣлающихъ ее.

Начало военныхъ дѣйствій.

Первое наступленіе въ Восточную Пруссію.

Первыя извѣстія о конфликтѣ, возникшемъ между Россіей и Австро-Венгріей, съ живѣйшимъ интересомъ были приняты въ Восточной Пруссіи. Среди толковъ по этому поводу преобладали увѣренія, что Россія ограничится только дипломатическими переговорами, но не рѣшится на вооруженное столкновеніе. Однако появленіе въ пограничныхъ мѣстечкахъ, какъ нашихъ, такъ и германскихъ, невиданныхъ тамъ раньше солдатъ и офицеровъ породило смутныя опасенія, что война на этотъ разъ разыграется. Какъ только пронесся слухъ, что въ Вержболовѣ появилась русская кавалерія, тотчасъ же прусскіе пограничные городки начали эвакуацію. Многіе жители укладывали свое имущество и уѣзжали вглубь Восточной Пруссіи и дальше.

Война еще не была объявлена, но приближеніе ея было несомнѣнно. И когда пришло извѣстіе изъ Вержболова, что въ Россіи объявлена мобилизація, пограничная полоса Восточной Пруссіи была уже готова къ войнѣ.

28—29 іюля начались усиленныя рекогносцировки германцевъ на границахъ Ковенской и Гродненской губерній. Къ этому времени тамъ развернулись уже русская кавалерія и головныя части корпусовъ арміи Ренненкампфа. Небольшой отрядъ продвинулся къ западу отъ Вержболова и занялъ расположенную въ 8 вер. станцію Эйдкуненъ. На другой же день онъ былъ атакованъ головнымъ отрядомъ подвигавшейся сюда непріятельской колонны. Первое столкновеніе было удачнымъ для насъ, и германцы принуждены были отойти до подхода подкрѣпленій. Получивъ ихъ, германцы снова атаковали нашъ отрядъ. Одновременно съ этимъ наши войска были атакованы, но также сравнительно слабыми силами, въ нѣсколькихъ другихъ пунктахъ, южнѣе. Отбивъ непріятеля, наши войска присоединились къ развернувшимся главнымъ силамъ армій Ренненкампфа и Самсонова и по всему фронту Восточной Пруссіи перешли ея границу.

Районъ восточно-прусскаго театра отличается особымъ богатствомъ озеръ, главная масса которыхъ сосредоточена въ юго-восточной части его. Соединяясь протоками, они составляютъ нѣсколько отдѣльныхъ группъ которыя представляютъ серьезныя препятствія для наступающаго въ предѣлы Восточной Пруссіи, образуя цѣлый рядъ узкихъ перешейковъ, мѣстами поросшихъ лѣсомъ, и затрудняя до крайности связь между отдѣльными колоннами.

Изъ всѣхъ группъ наиболѣе важная Мазурская. Она состоитъ изъ трехъ большихъ озеръ и нѣсколькихъ мелкихъ. Всѣ они соединены между собой каналами, прорѣзывающими перешейки, и составляютъ одну сплошную судоходную линію длиною около 70 верстъ.

Линія Мазурскихъ озеръ, пересѣкая всѣ операціонныя направленія отъ Гродны и Бѣлостока, сама по себѣ представляетъ очень серьезное препятствіе. Германцы усилили ее искусно устроенными проволочными заграждеміями и укрѣпленіями. Проходить черезъ озерную полосу напрямикъ представлялось почти невозможнымъ. Обходъ же съ сѣвера и съ юга затруднялся болотами, лѣсами и удобными для германцевъ оборонительными позиціями.

Наши войска въ небольшихъ силахъ направились на озерные перешейки, главныя же силы предприняли обходъ: съ сѣвера армія Ренекампфа, съ юга, изъ Ломжинской губ.,—Самсонова.

Германцы имѣли въ Восточной Пруссіи небольшія силы, расположенныя тамъ по мирной дислокаціи усиленныя резервными частями и гарнизонами восточно-прусскихъ крѣпостей. Эти силы были раздѣлены на двѣ группы: одна прикрывала Кенигсбергъ, другая болѣе сильная была расположена фронтомъ на югъ и упиралась правымъ крыломъ въ районъ Торна, а лѣвымъ въ Іоганнисбургскіе лѣса, примыкающіе къ Мазурскимъ озерамъ. Связь между ними поддерживали небольшія силы, занимавшія перешейки между озерами.

Такое расположеніе казалось вполнѣ надежнымъ, а слабость силъ вытекала изъ расчета на длительность нашей мобилизаціи, которую должны были усложнить внутреннія наши неурядицы.

Расчетъ оказался невѣрнымъ. Наши арміи очень быстро сосредоточились къ границамъ и повели стремительное наступленіе, всецѣло разсчитанное на психологическое воздѣйствіе на противника. И, дѣйствительно, несмотря на примѣрную дисциплину и исполнительность германскихъ войскъ, они, послѣ короткаго, отчаяннаго сопротивленія, быстро стали отходить вглубь Восточной Пруссіи, такъ что въ руки нашихъ войскъ попадала брошенная ими богатая добыча въ видѣ орудій, боевого снабженія и даже поѣздовъ подъ парами. Отсюда не слѣдуетъ заключать, что продвиженіе за ошеломленнымъ противникомъ не представляло особыхъ затрудненій. Германцы дрались отчаянно и хорошо, и при наличіи тѣхъ средствъ, которыми они располагали, задача нашихъ войскъ должна была оказаться значительно труднѣе. Только подъемъ духа нашихъ войскъ и отсюда стремительность ихъ натиска могли провести ихъ сквозь всѣ затрудненія. 9 августа главная квартира сообщала о занятіи Инстербурга Гольдапа и Ариса, 10 заняты были Іоганисбургъ, Ортельсбургъ, Вилленбергъ и Сольдау, затѣмъ Ангенбургъ, Норденбургъ, Бишофсбургъ, Зенсбургъ и Ротерфлисъ. 14 августа былъ пройденъ уже Тильзитъ, и русскія войска приблизились къ району Кенигсберга, а южная группа (Самсоновъ) заняла Алленштейнъ.

Головокружительная быстрота продвиженія по неприступной непріятельской территоріи возбуждала энергію въ нашихъ войскахъ. Съ одной сто-

роны, она влекла ихъ къ новымъ удачамъ и трудно представить, чѣмъ могло бы кончиться шествіе по Восточной Пруссіи, но съ другой—она затмила качества, необходимыя въ современной войнѣ полководцу, отъ котораго теперь требуется больше разсудка, чѣмъ храбрости. Германцы своевременно оцѣнили опасность потери Восточной Пруссіи и всѣхъ выгодъ ея положенія и приняли мѣры. Того же для укрѣпленія своего быстро пріобрѣтеннаго положенія съ нашей стороны не было сдѣлано. Германцы перебросили съ западнаго фронта значительныя силы и подъ командой Гинденбурга повели наступленіе отъ Кенигсберга и Торна. Пруссія была очищена нами. Тѣмъ не менѣе, несмотря на неудачу, наступленіе не осталось безъ послѣдствій. Они заключались въ отвлеченіи части силъ съ западнаго фронта въ рѣшительную минуту борьбы тамъ. Въ помощи союзникамъ, такимъ образомъ, и заключался результатъ перваго наступленія въ Восточную Пруссію. Для насъ же оно должна была послужить урокомъ и предупрежденіемъ того, насколько опаснымъ является этотъ театръ войны.

Первое наступленіе въ Галицію.

Дѣйствія австро-венгерской арміи вполнѣ сообразовались съ общимъ планомъ австро-германскаго нападенія на Россію и первоначально заслуживали полнаго одобренія.

Австрійцы выдвинули въ Кѣлецкую губернію, на высоту Кѣлецъ, двухсоттысячный заслонъ, поддержанный германскимъ корпусомъ. Онъ равнялся на восточно-прусскую германскую армію и составилъ вмѣстѣ съ нею мѣшокъ, внутри котораго очутилась Польша отъ Варты до Вислы. Главныя силы, раздѣленныя на двѣ группы 600.000 и 200.000, энергично двинулись въ двухъ направленіяхъ. Большая группа, состоящая изъ армій Даниля, Ауфенберга и эрцгерцога Іосифа-Фердинанда, переправилась черезъ Санъ и перешла границы Люблинской и Холмской губ., меньшая, состоящая также изъ 3-хъ армій, образовала восточно-галиційскій заслонъ, который, выйдя изъ Карпатъ, вторгся въ Волынскую и Подольскую губерніи съ первоначальной цѣлью прикрывать операціи главныхъ силъ въ Люблинской и Холмской губерніяхъ, а затѣмъ, когда германскія силы съ Западнаго фронта перейдутъ на Восточный для совмѣстнаго съ Австро-Венгріей похода въ Россію,—продвинуться до Днѣпра.

Сообразно съ своимъ назначеніемъ восточно-галиційская группа австрійцевъ сосредоточила на своемъ лѣвомъ флангѣ крупныя кавалерійскія силы. Конница должна была быстро врѣзаться между нашими арміями сѣвернаго фронта Галиціи и восточнаго и разъединить ихъ. Чтобы ускорить свое продвиженіе по нашей территоріи, пѣхота была посажена на повозки, и такимъ образомъ очень скоро по объявленіи мобилизаціи

Положеніе на восточномъ фронтѣ въ концѣ августа.

австрійцы широкой волной влились въ Малороссію и заняли рядъ населенныхъ пунктовъ. Передовыя наши части отбрасывали ихъ, но, получая подкрѣпленія, австрійцы снова занимали наши селенія, пока не закончилась наша мобилизація и не началось наступленіе нашихъ армій подъ общей командой генерала Иванова.

Сообразно распредѣленію австрійскихъ силъ, принято было такое же расположеніе и у насъ, причемъ такъ же, какъ и у противника, требовалась полная согласованность въ дѣйствіяхъ общихъ группъ.

Перейдя въ наступленіе изъ Кіевскаго округа, арміи Брусилова и Рузскаго быстро потѣснили австрійцевъ на Западъ черезъ лѣвые притоки Днѣстра. Послѣдніе по условіямъ мѣстности представляютъ рядъ удобныхъ для противника позицій, прикрывающихъ доступъ въ Галицію и къ Карпатскимъ проходамъ и расположенныхъ, благодаря искусно разработанной сѣти дорогъ такъ, что наши войска для перехода черезъ Карпаты должны были форсировать Днѣстръ въ наиболѣе трудныхъ мѣстахъ, хорошо при этомъ укрѣпленныхъ.

На протокахъ Днѣстра австрійцы дали нашимъ войскамъ рядъ упорныхъ боевъ, особенно на Гнилой Липѣ, гдѣ они получили первое серьезное пораженіе, потеряли орудія и обозы, оставили множество плѣнныхъ и открыли доступъ одной изъ нашихъ армій къ главнымъ переправамъ черезъ Днѣстръ, гдѣ энергичнымъ натискомъ ею взяты были защищающія переправы небольшія крѣпости Галичъ и Николаевъ.

Заслонъ, прикрывавшій Восточную Галицію, не выполнилъ своего назначенія. Онъ открылъ уязвимое мѣсто австрійскаго расположенія доступъ въ тылъ и заранѣе повліялъ на участь ихъ въ рѣшительной битвѣ у Люблина и Томашова. Неустойчивость австрійцевъ, прикрывающихъ главныя операціи, и въ будущемъ очень неблагопріятно отразилась на нихъ.

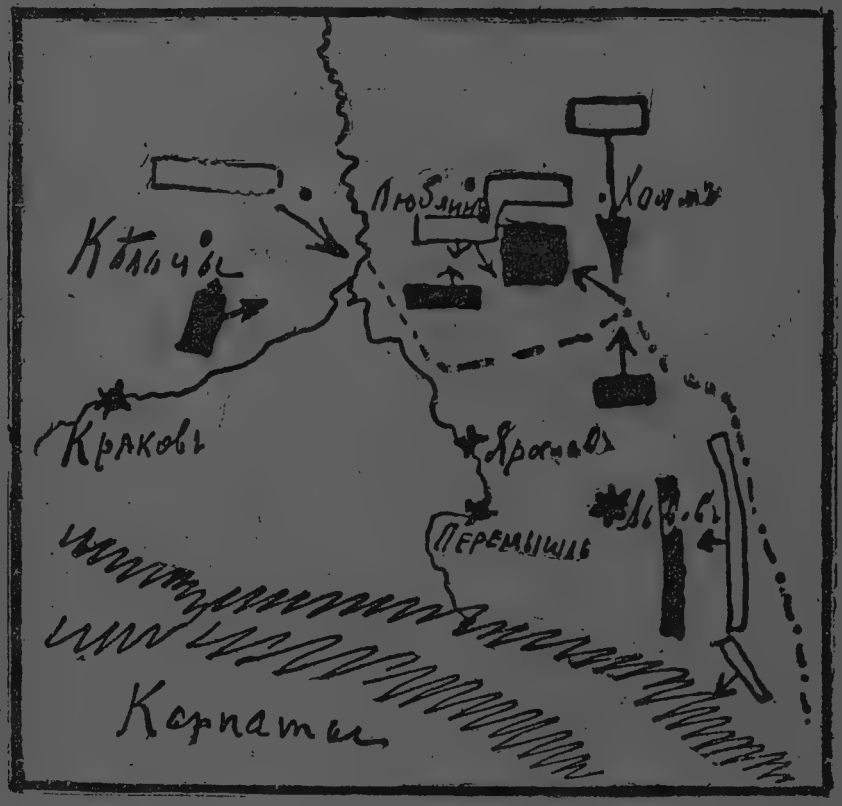
Между тѣмъ, главныя силы австрійцевъ устремились на Люблинскія и Томашевскія позиціи, спѣша занять ихъ до нашего сосредоточенія, чтобы тутъ уже ждать окончанія операцій германцевъ во Франціи.

Наши войска допустили ихъ до названныхъ позицій и здѣсь неожиданно дали австрійцамъ генеральное сраженіе.

Австрійцы устремились главными силами въ Холмскую губернію, надѣясь нанести пораженіе нашему лѣвому флангу, правый же обходили германцы изъ Кѣлецкой группы, которые двигались для этого по лѣвому берегу Вислы.

Наши войска сосредоточили свои главныя силы какъ разъ на лѣвомъ же флангѣ, но умышленно, съ цѣлью завлечь австрійцевъ и подставить ихъ тылъ удару нашихъ армій, оттѣснившихъ уже въ это время восточно-галиційскій заслонъ до Львова и Николаева, этотъ флангъ пятился назадъ. Австрійцы подались на этотъ маневръ и въ образовавшуюся отъ нашего

отхода пустоту немедленно бросили армію эрцгерцога Іосифа, стоявшую уступомъ за ихъ правымъ флангомъ и, кромѣ того, стали перебрасывать сюда, чтобы дополнить наше пораженіе, подкрѣпленія съ своего лѣваго фланга и даже изъ за Вислы. Но лишь только войска Іосифа-Фердинанда углубились въ Холмскую губернію, какъ Львовъ былъ взятъ и армія Рузскаго повернулась отъ него на сѣверъ и стала поражать австрійцевъ, которые очутились подъ ударами съ двухъ сторонъ, потому что къ тому времени наши главныя силы, заманившія ихъ, успѣли перебросится на нашъ правый флангъ. Австрійцы потерпѣли полное пораженіе и, такимъ образомъ, фронтъ ихъ былъ прорванъ.



Галиційская битва.

Положеніе австрійцевъ ухудшилось тѣмъ, что разбиты были главныя силы ихъ. Остатки принуждены были спѣшно отступать. Но и это встрѣтило большія затрудненія, потому что изъ Люблинской губерніи [illegible] конныя части съ артиллеріей были переброшены за Вислу, оттѣснили германцевъ

и стали поражать отходящихъ отъ Люблина изъ за рѣки во флангъ и тылъ, вносили полную дезорганизацію въ исполненіе столь трудной операціи, какъ отходъ подъ давленіемъ превосходныхъ силъ, а въ это же время наши арміи, поразившія восточно-галиційскій заслонъ, продолжали свое наступленіе и преградили австрійцамъ доступъ въ Карпаты. Оставались только пути черезъ нижній Санъ.

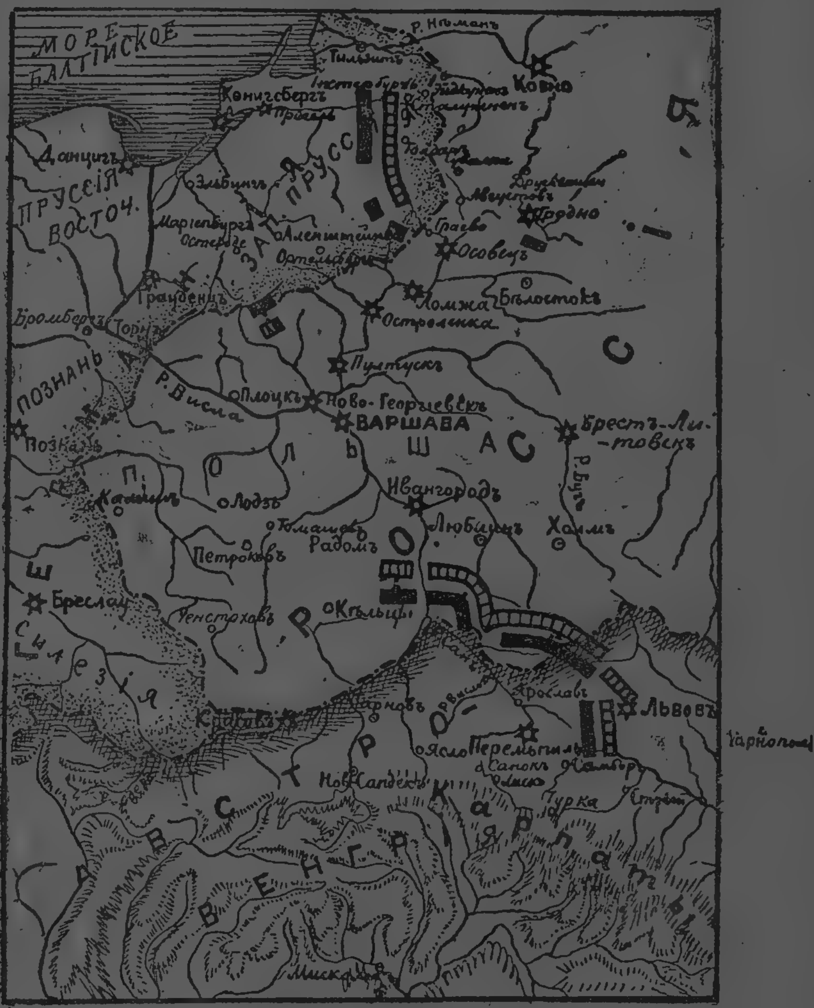
Столь тягостное положеніе австрійской арміи, потерпѣвшей въ началѣ войны ужасное пораженіе, требовало полнаго присутствія духа полководцевъ и чрезвычайной стойкости солдатъ. Предстояло переходить черезъ Санъ, имѣя позади преслѣдующія русскія войска. Надо отмѣтить, что Санъ давалъ рядъ цѣнныхъ преимуществъ для австрійцевъ. На немъ имѣлось много хорошо укрѣпленныхъ переправъ, а позиціи на его лѣвомъ берегу очень сильны отъ природы. Австрійцы могли остановить на Санѣ наше преслѣдованіе, оправиться и снова напасть на насъ или, по крайней мѣрѣ, не пустить дальше. Но духъ австрійской арміи, которая имѣла совершенно ложныя представленія о нашей арміи, подъ вліяніемъ неожиданныхъ результатовъ похода въ Россію, рѣзко понизился, и въ рядахъ войскъ отъ генераловъ до рядовыхъ царило настроеніе, близкое къ паникѣ. Наши войска не давали противнику осмотрѣться и прійти въ себя и энергично вели наступленіе. Благодаря этому, оборонительная линія Сана пала и началась катастрофа непріятельской арміи. Непрерывно стискиваемы, обѣими группами нашихъ армій, австрійцы метались въ стальныхъ тискахъ, неся несчетныя потери, и все ускоряли свое отступленіе, граничившее съ бѣгствомъ, пока въ 120 вер. отъ Кракова нашимъ войскамъ не данъ былъ отбой, послѣ чего преслѣдованіе прекратилось.

Дальше углубляться въ непріятельскую территорію даже вслѣдъ за разбитымъ врагомъ не представлялось возможнымъ, такъ какъ мы рисковали подвергнуться неожиданному удару изъ Венгріи черезъ Карпаты Наступленіе велось слишкомъ стремительно и могло привести къ неудачамъ. Надо было осмотрѣться въ завоеванномъ краѣ и закрѣпить его за собой, тѣмъ болѣе, что, преслѣдуя австрійцевъ, мы попутно обложили лучшую изъ крѣпостей, на выручку къ которой также несомнѣнно должны были явиться свѣжія силы.

Преслѣдованіе прекратилось. Предварительно армія Брусилова заняла горные перевалы Карпатъ, чтобы слѣдить за передвиженіемъ непріятеля въ Венгріи.

Кромѣ указанныхъ обстоятельствъ, необходимость временной пріостановки наступленія диктовалась событіемъ на сѣверѣ, гдѣ переброшенные изъ Франціи новыя силы германцевъ повели наступленіе на оборонительную линію Нѣмана.

Нѣманская операція и второй походъ въ Восточную Пруссію



Положеніе на восточномъ фронтѣ послѣ галиційской битвы

Блестящій починъ нашихъ военныхъ дѣйствій и полное крушеніе боевого счастья австрійской арміи сильно встревожили германское главное командованіе, которое совершенно справедливо усмотрѣло въ событіяхъ, разыгравшихся въ пограничной еще пока полосѣ, серьезную опасность для собственныхъ военныхъ предпріятій, такъ какъ занятіе нами Галиціи, если бы таковое состоялось, лишило бы выгоднаго охватывающаго поло-

5*

женія по отношенію къ намъ нѣмецкихъ державъ, а пораженіе союзника лишило бы ихъ свыше милліонной арміи, которая должна была въ полной сохранности своихъ силъ поддержать на восточномъ фронтѣ утомленныя на западномъ германскія войска. Кромѣ того, общественное мнѣніе Германіи, требовавшее сохраненія принципа неприкосновенности для огня и меча нѣмецкой земли, заставило принять мѣры для удаленія русскихъ войскъ изъ Восточной Пруссіи.

Поэтому, не докончивши кампаніи во Франціи и нарушая принципъ военнаго искусства, недопускающій разбрасыванія силъ, германцы принуждены были идти на полумѣры и съ небольшими сравнительно силами начали кампанію въ Восточной Пруссіи, съ цѣлью вынести военныя дѣйствія до естественной преграды Нѣмана.

Условія борьбы въ Восточной Пруссіи не были благопріятны для насъ. Задержавъ стремительное нападеніе германцевъ, наши войска съ боемъ вышли изъ Восточной Пруссіи. Если бы въ расчеты нашего главнаго командованія входило давать тогда бой германцамъ, то все же этого нельзя было сдѣлать вблизи непріятельскихъ границъ, чтобы не допустить пользованіе ихъ выгодами восточно-прусской базы. Выйдя изъ Восточной Пруссіи, наши войска ушли за Нѣманъ. Здѣсь положеніе рѣзко мѣнялось въ нашу пользу, такъ какъ германцы лишились сѣти дорогъ, принуждены были вести наступленіе на пересѣченной болотистой мѣстности и терпѣть еще цѣлый рядъ другихъ неудобствъ.

Они послѣдовали за нами, повидимому, намѣчая для переправы районъ между Ковной и Гродной и южнѣе Гродны, гдѣ Нѣманъ дѣлаетъ изгибъ.

Здѣсь Нѣманъ и Бугъ образуютъ какъ бы ворота, открытыя для доступа изъ Восточной Пруссіи вглубь нашей страны, минуя водныя преграды. Однако, ворота эти охранялись вынесенной впередъ на болотистую рѣчку Бобръ небольшой крѣпостью, сильной своимъ удачнымъ положеніемъ на единственномъ пути въ ворота, посреди болотъ и трясинъ. Они не дали германцамъ возможности сосредоточить на крѣпости достаточный огонь артиллеріи, которая оказалась безсильной. Штыковымъ же боемъ прорваться за Бобръ имъ не удалось. Поэтому германцы обратились на Нѣманъ.

Онъ оборонялся нами пассивно, т. е. наши войска ушли за рѣку и огнемъ не допускали наводки мостовъ. Приведя въ достаточное разстройство противника стрѣльбой изъ-за Нѣмана, наши войска избрали удобный моментъ и по быстро наведеннымъ мостамъ бросились на него.

Германцы съ боемъ стали отходить. Обычная ихъ предусмотрительность предотвратила катастрофу, подобную Галиційской. Въ тылу ихъ оказались заготовленныя, сильно укрѣпленныя позиціи, на которыхъ противникъ оборонялся одною частью своихъ силъ, пока прочія отходили. Чередуя ихъ,

германцы съ большими потерями отошли къ своей границѣ. Предварительно ухода за нее, они на сильныхъ позиціяхъ дали намъ бой. Главные эпизоды его разыгрались въ Августовскомъ лѣсу, въ 40 вер. отъ Осовца на сѣверъ, гдѣ находился тактическій ключъ позицій. Нашимъ войскамъ удалось провести лѣсныя операціи очень удачно и выйти во флангъ всей линіи обороны. Германцы еще и въ этомъ положеніи пытались обороняться и, пользуясь близкой теперь сѣтью прусскихъ желѣзныхъ дорогъ, бросали подкрѣпленія въ главнѣйшіе участки, гдѣ шла борьба. Такъ разыгрались бои на линіи Рачки—Бакалржево для обратнаго овладѣнія Августовскимъ лѣсомъ.

Въ конечномъ исходѣ успѣхъ оказался на нашей сторонѣ, и, прорвавъ фронтъ германцевъ, наши войска снова проникли въ Восточную Пруссію и заняли тамъ важные стратегическіе пункты.

Такъ нѣманскія операціи германцевъ оказались проигранными. Но, надо признать, что уже вторая схватка врага съ русскими войсками выказала его весьма искуснымъ и упорнымъ противникомъ, гибкимъ и энергичнымъ въ маневрированіи. Побѣда нашихъ войскъ снова должна была послужить урокомъ для будущаго, въ которомъ предстояло сойтись въ рѣшительной схваткѣ со всей, а не съ частью германской арміи.

Пока же, терпя неудачу на одномъ фронтѣ, германцы уже готовили новую кампанію. Они приняли участіе въ приведеніи въ устройство австрійцевъ, послали имъ собственные корпуса и генераловъ, и снова взяли новую часть силъ съ западнаго фронта и изъ глубокаго резерва.

Съ этимъ они начали новую кампанію.

Первый походъ на Вислу.

Въ Восточной Пруссіи небольшая группа войскъ генерала Франсуа должна была удерживать наши войска на линіи Мазурскихъ озеръ. Такой же заслонъ долженъ былъ дѣйствовать въ Буковинѣ. Въ это время сѣверная армія Гинденбурга развернулась на фронтѣ Торнъ—Калишъ, средняя, наиболѣе сильная,—кронпринца,—на фронтѣ Ченстоховъ—Краковъ и правофланговая Ауфенберга (австрійская) между Краковомъ и Сандоміромъ. Общее руководство тремя арміями принялъ Гинденбургъ. Въ Галиціи, опираясь на Краковъ и Дуклинскій проходъ, развернулась усиленная и освѣженная армія Данкля. Далѣе въ Карпатахъ дѣйствовали прочія силы австрійцевъ.

Общій планъ наступленія заключался въ слѣдующемъ.

Русскіе увлечены кампаніей въ Галиціи и на Нѣманѣ, слѣдовательно, все, что между этими театрами войны,—представляетъ уязвимое мѣсто;

сюда и долженъ быть направленъ главный ударъ. Стальной клинъ долженъ былъ направиться черезъ Кѣльцы въ Ивангородъ, гдѣ крѣпость должна была быть взята налетомъ и затѣмъ вышедшія такимъ образомъ на правый берегъ Вислы войска должны прорвать центръ русскаго расположенія. Тогда автоматически очистилось бы пространство между Вислой и Восточной Пруссіей (Плоцкъ, Ломжа), а изъ Галиціи наши войска должны были бы спѣшно уходить, чтобы не подвергнуться окруженію отъ Ивангорода и Карпатъ, откуда на Перемышль стремились австрійцы, поддержанные германцами. Въ конечномъ итогѣ мы были бы отброшены за Бугъ и Нѣманъ.

Какъ только выяснилась группировка непріятельскихъ силъ, наши войска очистили Западную Галицію, сняли блокаду Перемышля и ушли за Санъ. Значительная часть силъ была спѣшно, форсированнымъ маршемъ, переброшена на правый берегъ Вислы, на фронтъ Варшава—Ивангородъ—Сандомиръ, и въ соотвѣтствіи съ этимъ была очищена и Польша почти до Варшавы.

Расчетъ нашъ заключался въ томъ, чтобы втянуть германцевъ и австрійцевъ въ глубокій мѣшокъ, образуемый очищеніемъ Вислы отъ Сандомира до Плоцка, и воспользоваться удлиненіемъ ихъ путей сообщеній, прикрытыхъ отъ насъ Вислой.

Наступившая осень и дождливое время благопріятствовали намъ: солдаты наши легко переносятъ всѣ неудобства и лишенія, противнику же съ его тяжелой артиллеріей и обозами преодолѣвать размокшіе пути и вздувшіяся рѣчки представлялось все болѣе затруднительнымъ. Въ этомъ отношеніи особенную услугу намъ оказала рѣка Пилица съ ея быстрымъ теченіемъ и недоступными берегами; она врѣзалась своимъ русломъ въ наступающія арміи и отдѣлила ихъ, образовавъ двѣ самостоятельныя и трудносвязующіяся группы—петроково-варшавскую и кѣлецко-радомскую, которыя въ дальнѣйшемъ не могли помочь одна другой.

Благодаря предпринятому нами рѣшенію, противникъ двигался къ Вислѣ сравнительно быстро и къ началу октября достигъ этой рѣки, а въ Галиціи—Сана.

Передъ рѣшительными дѣйствіями нѣмцы созвали въ Радомѣ военный совѣтъ, на которомъ, въ виду добытыхъ черезъ шіоновъ свѣдѣній, что Варшава нами яко-бы не будетъ обороняться, было принято рѣшеніе внезапно броситься на нее и занять. Германцы настолько были увѣрены въ своемъ успѣхѣ, что былъ сдѣланъ рядъ приготовленій, разсчитанныхъ на занятіе Варшавы.

Въ районѣ Ивангорода наши войска оставили небольшія силы на лѣвомъ берегу у Козеницъ, въ 20 верстахъ отъ крѣпости. Имъ суждено было принять на себя ожесточенный ударъ первыхъ атакъ на Вислу. Но,

Положеніе на восточномъ фронтѣ во время перваго похода на Вислу.

выдержавъ его, и подкрѣпленныя свѣжими войсками, они не допустили германцевъ и австрійцевъ переправиться. Тѣ ограничились, поэтому, совершенно безплодной бомбардировкой крѣпости. Въ то же время такъ же неудачно пытались они проникнуть въ Варшаву, откуда скоро появились наши сибирскіе полки. Къ югу отъ Ивангорода переправиться также нигдѣ не удалось.

Наконецъ, ни въ районѣ Сандоміра, ни на Санѣ попытки въ томъ же направленіи не имѣли удачи и стоили противнику большихъ жертвъ; между прочимъ, онъ потерялъ всѣ понтонныя сооруженія. Не могли отбросить насъ и венгерскіе корпуса, появившіеся изъ Карпатъ. Мы успѣли быстро распредѣлить протянутые къ Вислѣ отовсюда наши корпуса и сами на всемъ фронтѣ перешли въ наступленіе. Съ этого момента начался рядъ жестокихъ боевъ въ отдѣльныхъ группахъ: сѣвернѣе Пилицы, между Пилицей и Вислой, въ Сандомірскомъ районѣ, на Санѣ и въ предгоріяхъ Карпатъ южнѣе Перемышля, а при выясненіи нашей удачи во всѣхъ этихъ группахъ, число ихъ увеличилось еще Восточно-Прусской, гдѣ начались отчаянныя атаки на насъ у Бакаларжева (на западъ отъ Сувалокъ).

Въ группѣ сѣвернѣе Пилицы успѣхъ быстро и безповоротно перешелъ на нашу сторону, благодаря обходному движенію нашей кавалеріи отъ Новогеоргіевска на Сахачевъ и Ловичъ. Этотъ обходъ сталъ возможенъ, такъ какъ промежутокъ между Вислой и Восточной Пруссіей не былъ ничѣмъ прикрытъ.

Внезапный ударъ во флангъ заставилъ всю эту группу податься назадъ ближе къ Пилицѣ и, сдѣлавъ это движеніе, противникъ пришелъ къ занятію сильной позиціи по рѣчкамъ Бзурѣ, Скерневкѣ и Равкѣ, на линіи Ловичъ—Скерневицы—Рава—Нове-Място (на Пилицѣ), фронтомъ на востокъ, гдѣ и произошли памятные бои, закончившіеся штыковымъ ударомъ для окончательнаго удаленія противника изъ этихъ городовъ.

Въ это время шли не менѣе серьезные бои и въ сосѣдней группѣ, вблизи Варшавы, на линіи Блоне—Пясечно—Гура Кальварія. Однако, успѣхъ нашъ и удаленіе отсюда лѣвой непріятельской группы не могли не повліять на упорство противника во второй группѣ, такъ какъ отступившіе на лѣвомъ берегу Пилицы корпуса оголили флангъ правобережныхъ корпусовъ. Они подались на Раддомъ.

23-го октября началось общее отступленіе непріятельскихъ армій, при этомъ оно шло скачками, отъ группы къ группѣ, что было вызвано чрезвычайно искусными стратегическими маневрами нашихъ войскъ.

Бросивъ только-что упомянутую позицію на лѣвомъ берегу Пилицы, группа корпусовъ (около 5) подъ командой Гинденбурга принуждена была, отбиваясь въ арьергардныхъ стычкахъ, отойти на новые опорные пункты, теряя по пути орудія, автомобили и людей. Положеніе ея ухудшилось тѣмъ

что разъ обошедшая ее, наша кавалерія не теряла своего выгоднаго положенія, а продолжала двигаться параллельно ей вдоль Вислы и тревожить фланги отступающаго. Тѣмъ не менѣе, противникъ, насколько возможно было, отбивался, тщательно портилъ за собой всѣ пути сообщенія и занялъ новую позицію Гомбинъ—Кутно—Ленчица—Лодзь—Петроковъ.

Вообще, относительно арміи Гинденбурга надо признать, что, несмотря на свое крайне затруднительное положеніе, онъ отошелъ значительно благополучнѣе, чѣмъ сосѣдняя армія кронпринца, которая у Радома подверглась расчлененію на двѣ части: германскую и австрійскую. Удачнымъ движеніемъ отъ Радомскихъ лѣсовъ, гдѣ сильно разстроились германцы, мы вогнали клинъ и отбросили кронпринца къ сѣверу отъ австрійцевъ Подвергаясь нападенію почти съ трехъ сторонъ, онъ отошелъ на новое мѣсто, Конскъ и Опочно, гдѣ намъ и предстоялъ новый бой.

Между тѣмъ, положеніе австрійцевъ становилось съ каждымъ днемъ все отчаяннѣе. Солдатамъ и офицерамъ (эта группа состояла изъ венгерцевъ) нельзя отказать въ личной храбрости; но, упорно сражаясь и умирая, они не умѣли создать ни одного удачнаго для себя боя и воспротивиться хоть одному нашему стратегическому ходу.

Въ 30 верстахъ къ югу отъ Радома, упираясь въ г. Илжу, и вдоль рѣчки Хотчи (Илжанки) они встрѣтили оборонительную позицію на правомъ берегу рѣчки. Нанеся имъ ударъ по фронту, мы неожиданно отступили обратно на сѣверъ. Австрійцы, не разобравшись въ обстановкѣ, устремились снова за нами, а въ это время въ оголившемся тылу мы навели мосты черезъ Вислу у Сольца и очутились уже и здѣсь у нихъ въ тылу. Послѣ этого такая же переправа совершена была ниже слѣдующей позиціи, по р. Каменной, а потомъ и въ Завихостѣ. Вслѣдствіе этого, начиная почти отъ Радома и до самыхъ Кѣльцъ, они шли подъ перекрестнымъ огнемъ.

Наконецъ, всѣ отступающія группы выравнялись параллельно теченію Варты. При этомъ Гинденбургъ продвинулся на сѣверо-западъ, расположившись по дугѣ отъ Колы на Волочискъ, Рыпинъ и Млаву; кронпринцъ занялъ прямое фронтальное положеніе: Сѣрадзь—Новорадомскъ—Кѣльцы, австрійцы заняли небольшой промежутокъ между Кѣльцами черезъ Опатовъ на Сандомиръ.

Вся эта свыше трехсотверстная линія войскъ занимала очень выгодное для обороны положеніе, лишь между Колой и Влоцлавскомъ нѣсколько ненадежное, за отсутствіемъ здѣсь опорныхъ пунктовъ, но зато въ кѣлецко-сандомірскомъ районѣ совершенно почти неприступное. Сандомиръ представлялъ гвоздь обороны и, по условіямъ мѣстности, совершенно гарантировалъ правое крыло позиціи.

Благодаря этому пріобрѣли особое значеніе дѣйствія наши въ Галиціи.

Выше говорилось уже, что противникъ, которому по своимъ соображеніямъ мы временно уступили часть завоеванной у него территоріи до Сана, не сумѣлъ продвинуться дальше того, гдѣ положенъ былъ нами предѣлъ.

Однако, онъ не оставлялъ своихъ надеждъ на успѣхъ, хотя бы частичный, и весьма настойчиво пытался къ югу отъ Перемышля охватить нашъ флангъ, а на Санѣ перейти на нашъ берегъ. Мы ограничивались лишь парированіемъ его выпадовъ, выжидая выясненія обстановки на Вислѣ. Когда же противникъ тамъ занялъ только-что указанное положеніе, дѣйствія наши противъ австрійской арміи рѣзко перемѣнились. Часть войски снова была брошена въ Галицію.

Энергичнымъ порывомъ мы перешли Санъ, въ низовьяхъ его, южнѣе Сандоміра, и послѣ штурма позицій у Ниско и Розвадова сразу отбросили сильнымъ толчкомъ корпуса Данкля и съ совершенно правильнымъ расчетомъ потѣснили ихъ, стремясь направить отступающаго не вдоль Вислы къ Кракову, а къ югу на Карпаты.

Благодаря этому маневру, оголилась позиція неприступнаго Сандоміра, а вмѣстѣ съ нимъ пала и вся Кѣлецкая позиція, и австрійцы отступили. На пути природа создала еще нѣсколько естественныхъ твердынь, годныхъ для очень упорной обороны. Но общее потрясеніе войскъ и наше успѣшное и строго согласованное движеніе въ Галицію принуждало ихъ шагъ за шагомъ оставлять позиціи и отступить къ самому Кракову.

Въ самой же Галиціи подъ впечатлѣніемъ нашихъ побѣдъ австрійцы устремились въ Перемышль и въ Венгрію черезъ Карпатскіе перевалы.

Шагъ за шагомъ, пробиваясь черезъ горные проходы, мы овладѣли Карпатами. Дорога въ Венгрію была открыта.

Отчаянное положеніе австрійской арміи и полное разстройство германскихъ корпусовъ, отброшенныхъ нами за Варту, дало возможность нашей главной квартирѣ болѣе серьезно заняться Восточной Пруссіей, но на этотъ разъ наступленіе одновременно началось отъ Млавы на Сольдау, отъ Ломжи на Іоганисбургъ, съ востока и съ сѣвера на Тильзитъ.

Благодаря этому, несмотря на отчаянное сопротивленіе германцевъ, началось вновь завоеваніе Восточной Пруссіи.

Такое положеніе дѣлъ побудило германскій генеральный штабъ принять новыя и экстренныя мѣры для достиженія хоть частичнаго успѣха, съ цѣлью отвлечь насъ отъ опасныхъ мѣстъ.

Борьба германцевъ за сохраненіе своего плана.

Первый походъ на Вислу, предпринятый германцами для спасенія австрійцевъ, не помогъ имъ, напротивъ, въ Перемышль, снова обложенный,

засажена была почти двухсоттысячная армія и Венгріи снова угрожала опасность. Вмѣстѣ съ ней создалось угрожающее положеніе для самой Германіи, такъ какъ полгода войны совершенно опредѣленно показали, что Россія ведетъ наступательную войну съ Австріей. Пораженіе ея открыло бы доступъ въ Вѣну и отсюда въ Берлинъ, минуя всю оборонительную систему, искусно созданную на русско-германской границѣ, раньше, чѣмъ Германія кончила бы кампанію на западномъ фронтѣ.

Поэтому, несмотря на крайнее напряженіе боевъ на Западномъ фронтѣ, когда тамъ употреблялись гигантскія усилія для прорыва въ Кале, германцы принуждены были снова совершить переброску значительной части своихъ силъ на восточный фронтъ. При этомъ, желая отвлечь насъ изъ Восточной Пруссіи и отъ австрійскихъ армій, германцы стремились притянуть и разбить наши войска въ центрѣ. Изъ пассивной обороны на восточномъ фронтѣ они постепенно переходятъ къ активной, убѣждаясь, что маневры не достигаютъ цѣли и необходимо нанести пораженіе нашей арміи. Какъ разъ къ началу ноября главныя силы наши, только-что докончившія ликвидацію похода на Вислу, должны были быть здѣсь на фронтѣ Плоцкъ—Краковъ.

Для дѣйствій прорыва насъ была выдвинута новая армія подъ командой Макензена, спеціализировавшагося на производствѣ прорывовъ, для чего въ избранную точку онъ обычно направляетъ яростныя атаки всѣхъ своихъ силъ и огонь артиллеріи.

Способъ этотъ отличается примитивностью и можетъ быть полезнымъ только при полной инертности атакуемаго.

Армія Макензена развернулась между изгибомъ Варты и Вислой и всѣми своими силами почти бросилась къ Лодзи. Для безопасности ея операцій, армія Гинденбурга, наиболѣе благополучно отошедшая отъ Варшавы, получила подкрѣпленія и заняла выжидательное положеніе на фронтѣ Торнъ—Млава, такъ что одновременно закрывалась южная часть Восточной Пруссіи и наши войска не могли бы напасть на Макензена отъ Плоцка.

Задача Макензена заключалась въ томъ, чтобы прорвать нашъ фронтъ у Лодзи, отрѣзать отъ Варшавы и прижать къ сильной оборонительной линіи Ченстоховъ—Краковъ, на которой тогда были наши войска.

Мы допустили прорывъ, но, какъ только главныя силы Макензена углубились въ мѣшокъ и достигли своими передовыми частями желѣзной дороги изъ Варшавы, чтобы начать окруженіе, наши войска произвели стремительную атаку съ юга на сѣверъ и отрѣзали крупныя силы Макензена, оказавшіяся къ востоку отъ Лодзи. Запертые въ ловушкѣ германскіе корпуса были атакованы конницей, послѣ чего остатки ихъ пробились къ своимъ сѣвернѣе Лодзи.

Когда обнаружилось безвыходное положеніе у Лодзи, Макензенъ попытался произвести новый прорывъ южнѣе ея у Ласка, гдѣ на значительномъ протяженіи съ обѣихъ сторонъ имѣлась только конница. По желѣзной дорогѣ отъ Калиша къ Ласку брошены были подкрѣпленія, которыя оттѣснили нашу конницу. Но съ нашей стороны отъ Петрокова также быстро даны были подкрѣпленія, которыя ликвидировали попытку непріятеля.

Тогда явилась необходимость выступить снова арміи Гинденбурга для того, чтобы ударомъ отъ Млавы на Праснышъ и къ Нареву произвести демонстрацію противъ Новогеоргіевскаго и Варшавскаго районовъ, т. е. въ тылу передового театра и тѣмъ облегчить положеніе Макензена и Данкля, которые снова подверглись сильному натиску.

Быстро переброшенныя съ западнаго фронта подкрѣпленія по вновь сооруженной желѣзной дорогѣ были выдвинуты отъ Торна къ Плоцку и въ то же время мы были атакованы отъ Млавы. Наши войска были потѣснены, но скоро оправились и отбили дальнѣйшія атаки. Наступленіе было остановлено. Тѣмъ не менѣе, операція Гинденбурга оказала помощь арміи Макензена, которая, благодаря нашему отходу подъ натискомъ отъ Торна по правому берегу Вислы, могла продвинуться по лѣвому. Съ кровопролитнымъ боемъ войска Макензена продвинулись мимо Лодзи, такъ что намъ пришлось очистить ее, и вышли къ притоку Вислы, Бзурѣ, протекающей въ 52 верстахъ отъ Варшавы. Параллельно продвиженію арміи Макензена могли продвинуться отъ Кракова и австрійцы. На Бзурѣ, Равкѣ и Скерневкѣ германцы были остановлены и дальше продвинуться не могли. Поэтому остановились и австрійцы. Фронтъ непріятеля протянулся по Бзурѣ черезъ Радомскую губернію до Вислы, въ районѣ впаденія въ нее Вислоки. Благодаря этому, наши войска должны были отойти изъ района Кракова до Вислоки, чтобы не подвергать себя нападенію во флангъ изъ-

Лодзинскій мѣшокъ.

за Вислы. По Вислокѣ наши позиціи перекинулись въ Карпаты. Такимъ образомъ опасность для Познани, Силезіи и Кракова миновала.

Но положеніе для противника все еще оставалось неблагопріятное, т. к. главный районъ Карпатъ былъ подъ нашей угрозой. Перемышль былъ блокированъ вмѣстѣ съ крупными силами, загнанными въ него; правый берегъ Вислы между Плоцкомъ и Млавой, благодаря неудачѣ Гинденбурга, снова былъ въ нашихъ рукахъ, что угрожало положенію Макензена на Бзурѣ, и часть Восточной Пруссіи также была за нами.

Поэтому надвигавшаяся зима не могла сулить затишья на Восточномъ фронтѣ, гдѣ германцамъ, въ виду полной несостоятельности австрійцевъ, предстояло начинать новыя операціи въ явный ущербъ для дѣлъ на Западномъ фронтѣ. Первоначально германцы, надѣясь на то, что условія суровой зимы въ Карпатахъ заставятъ насъ прекратить операціи тамъ до весны, когда будетъ кончена кампанія во Франціи и Бельгіи, дали въ помощь австрійцамъ небольшія силы. Однако наши войска продолжали свои дѣйствія въ полномъ размѣрѣ. Это привело къ цѣлому ряду новыхъ операцій не только въ Карпатахъ но и на другихъ фронтахъ для отвлеченія туда нашихъ силъ.

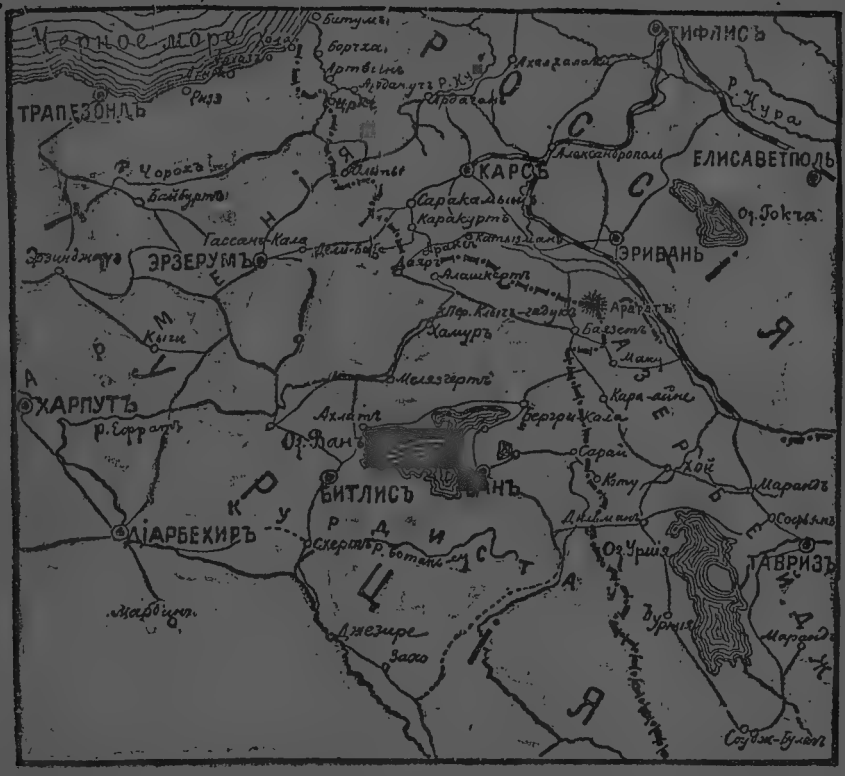
Война на Кавказѣ.

Турецкая армія, прекрасная по личному составу, закаленному въ непрерывныхъ войнахъ, недавно перенесла потрясенія, но германцамъ все же представлялось необходимымъ использовать ее для созданія крупныхъ осложненій во владѣніяхъ англичанъ и на Кавказѣ, что, въ свою очередь, должно было значительно ослабить силы союзниковъ на Восточномъ и Западномъ фронтахъ.

Корпуса турецкой арміи разбросаны. Лучшія части сосредоточены въ Европейской Турціи и въ Арменіи. Распустивъ слухи о походѣ въ Египетъ и даже продемонстрировавъ его, турки собрали противъ Кавказскаго фронта крупныя силы.

Съ объявленіемъ войны Турціей, не заставшей врасплохъ Кавказъ, наши войска немедленно перешли турецкую границу по всему фронту. Угрожая Эрзеруму, мы главныя свои силы направили вдоль персидской границы, чтобы прекратить сообщеніе по транзитнымъ путямъ изъ Персіи въ Турцію и дѣйствовать въ наиболѣе важныхъ политически районахъ, усмирить курдовъ, которые составили прекрасный придатокъ къ турецкой арміи.

Еще до наступленія зимней стужи намъ удалось отбросить турокъ во всѣхъ стратегически важныхъ направленіяхъ и занять всѣ важные перевалы.



Карта кавказскаго театра войны.

Турецкая армія стягивалась медленно, и первоначально мы имѣли дѣло только съ частями войскъ, расположенныхъ въ Арменіи по мирной дислокаціи.

Однако неудачи на восточномъ фронтѣ побудили германцевъ рѣшиться на крайнія мѣры на Кавказѣ, чтобы отвлечь отъ себя наши силы. Энверъ-паша, съ помощью германскаго штаба разработалъ смѣлый, граничащій съ авантюризмомъ, планъ кампаніи на Кавказѣ. Основныя его черты сводились къ слѣдующему: отвлечь наши силы на нашъ лѣвый флангъ (районъ Ванскаго оз.), заманить ихъ глубже на югъ, а въ это время горными неприступными тропами выйти въ Батумскую область, и обойдя Карсъ и Ардаганъ, напасть на Тифлисъ.

Послѣ первыхъ столкновеній на главныхъ путяхъ изъ Карса въ Эрзерумъ, наши войска подверглись нападенію восточнѣе его. Турки атаковали насъ на верховьяхъ Евфрата фронтомъ на сѣверо-востокъ, какъ бы желая отбить занятые нами населенные пункты въ Пассинской долинѣ,

къ востоку отъ озера Ванъ, фронтомъ на Персію, изъ чего можно было заключить, что они хотятъ расколоть наши силы и отбросить часть на сѣверъ, часть въ Персію.

Бои были весьма жестокіе, но затѣмъ, отбитые повсемѣстно, турки сразу подались назадъ и отступили по направленію къ Эрзеруму и въ южномъ направленіи между озеромъ Ванъ и персидской границей. Оказалось что эти бои были лишь маневромъ, а главное подготовлялось очень скрытно совершенно въ другомъ мѣстѣ.

Еще когда завязывались упомянутые только что бои къ востоку отъ Эрзерума, къ сѣверо-западу отъ него на Ольты выдвинута была дивизія, какъ предполагалось для предотвращенія нашего обхода съ этой стороны въ тылъ войскамъ, защищавшимъ позиціи на пути къ Эрзеруму отъ нашей границы.

Собственно говоря, турки могли не бояться насъ на ольтинскомъ направленіи, такъ какъ зимній походъ по горамъ съ высотами отъ 7 до 10 тысячъ футовъ былъ бы, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ рискованнымъ. Къ тому же наше вниманіе было обращено, главнымъ образомъ, въ районъ Евфрата и озера Ванъ.

На правомъ флангѣ у себя мы имѣли черноморскій флотъ, который съ первыхъ же дней войны получилъ превосходство на морѣ и сильно затруднялъ сношеніе кавказской турецкой арміи съ Европейской Турціей и подвозъ подкрѣпленій оттуда. Мы же на лѣвомъ флангѣ изолировали эту армію отъ Персіи, прекратили транзитъ оттуда, занимали значительные населенные пункты и пути въ обходъ Эрзерума съ юга. Кромѣ того, наше присутствіе въ Курдистанѣ благотворно вліяло на курдовъ, въ смыслѣ успокоенія ихъ. Кавказская армія турокъ, такимъ образомъ, была охвачена съ фланговъ и до весны выходить намъ изъ этого положенія не было смысла.

Дивизія, выдвинутая на Ольты, оказалась лишь частью силъ, состоящихъ изъ 9 дивизій. Не взирая на суровую зиму и трудности похода въ стужу по горамъ безъ обозовъ и тяжелой артиллеріи, Энверъ-паша приказалъ командующему арміей Гасанъ-Изетъ-пашѣ обойти нашъ лѣвый флангъ и овладѣть Карсомъ и Ардаганомъ.

Во исполненіе этого приказанія, три корпуса съ частями другихъ корпусовъ выступили въ походъ. Одинъ корпусъ, заманившій насъ отъ верховьевъ Евфрата къ Эрзеруму, быстро передвинулся уже къ сѣверу отъ него и прикрылъ со стороны Карса, служа въ то же время резервомъ 3-й арміи. 9 и 10 корпуса двинулись къ сѣверо-западу отъ Эрзерума на Ольты. Не доходя до города, одна колонна свернула вправо, къ перевалamъ на Сары-Камышъ. Отъ Ольты новая колонна выдѣлилась на Карсъ и пошла прямо на него съ запада, въ то время, какъ еще одна колонна

стала обходить его съ сѣвера. Наконецъ, отъ Ольты же на Мерденекъ былъ двинутъ отрядъ для атаки Ардагана. Въ это время еще другими путями по долинѣ р. Чороха на Арданучъ были двинуты 9-й корпусъ и часть 1-го для нападенія на Ардаганъ съ запада.

Движеніе колоннъ было разсчитано правильно, и къ 14-му декабря мы подверглись нападенію во всѣхъ пунктахъ, намѣченныхъ противникомъ, который густыми массами заполнилъ всѣ долины и дороги.

Какъ только было замѣчено наступленіе, наши войска перебросили часть своихъ силъ на этотъ фронтъ. До прибытія этихъ подкрѣпленій бѣшенный натискъ озвѣрѣлыхъ, изголодавшихъ и намерзшихся турокъ сдерживали лишь незначительныя, во много разъ меньшія противника, силы. Онѣ отбили всѣ атаки и не пустили турокъ на свои позиціи. Съ прибытіемъ же подкрѣпленій началась настоящая бойня, такъ какъ турки шли на проломъ, устилая труппами всѣ скаты горъ, но не прекращали

Нашъ штыковой ударъ у Сары-Камыша остановилъ натискъ противника въ этомъ направленіи. Подоспѣвшія же подкрѣпленія отрѣзали его отъ 11-го корпуса, стоявшаго въ резервѣ у Гасанъ-Кала. Весь командный составъ былъ взятъ въ плѣнъ, съ ними сдалось нѣсколько тысячъ солдатъ и офицеровъ, остальные разсѣялись или полегли въ снѣгахъ, такъ что отъ этого корпуса не осталось здѣсь ничего. Пулеметы и горныя орудія тоже были взяты.

Послѣ этого такая же участь должна была постигнуть и тѣхъ турокъ, которые ушли въ обходъ сарыкамышскихъ позицій на Ардаганъ.

Тамъ повторилась та же картина, что и у Сары-Камыша, и такъ же разбитые турки были отрѣзаны отъ другихъ частей. Отступая, они засѣли на позиціяхъ на горѣ Султанъ-Селимъ. При нашихъ атакахъ на эти позиціи, существенную помощь оказалъ флотъ, обстрѣлявшій Хопу и побережье. Онъ уничтожилъ флотилію судовъ съ провіантомъ, на который, очевидно, надѣялись турки, рѣшаясь на походъ черезъ Зачорохскій край.

Они принуждены были очистить позиціи и отойти. Несмотря на свое отчаянное положеніе, остатки ихъ продолжали отбиваться, хотя надежды на спасеніе не было.

Спасти 9-й и 10-й корпуса долженъ былъ 11-й корпусъ. Онъ двинулся къ Сары-Камышу и по пути у Караургана встрѣтился съ нами.

Воодушевленіе отъ побѣды до такой степени овладѣло нашими войсками, что они оказались въ состояніи сдерживать натискъ свѣжаго турецкаго корпуса при громадномъ неравенствѣ силъ и при этомъ еще изъ нихъ выдѣлить часть для новаго обходнаго движенія. А именно, мы обошли лѣвый флангъ 11-го корпуса, окончательно сдѣлали невозможнымъ свя-

заться ему съ отрѣзанными, которыхъ онъ шелъ выручать, но и ему самому сталъ грозить обходъ въ тылъ уже со стороны Эрзерума. Турки у Караургана принуждены были заботиться уже о собственномъ спасеніи и безопасности Эрзерума. Они спѣшно отступили, торопясь занять прикрывающія его позиціи раньше нашей обходящей колонны. Это имъ удалось.

Между тѣмъ турецкія власти въ лицѣ Энвера-паши жестоко наказали командующаго кавказской арміей, обвиняя его въ крушеніи своихъ плановъ. Изетъ-паша разстрѣлянъ. Кто-то принялъ командованіе вмѣсто него. Это не замедлило сказаться на ходѣ дѣлъ, и погибшіе-было остатки 9-го корпуса снова оказываютъ упорное сопротивленіе, а въ ольтинскомъ направленіи на выручку имъ снова началось наступленіе. Оно отбито, а тѣмъ временъ новыя силы появились въ Персіи, стремясь, повидимому, вовлечь въ войну фанатическую чернь персидскихъ городовъ и обойти уже нашъ лѣвый флангъ.

Нарушивъ нейтралитетъ Персіи, турки разсчитывали напасть на наши незащищенныя области. Операціи въ Персіи протекли очень быстро. Наши войска очистили промежутокъ между озеромъ Ванъ и Персіей и вышли навстрѣчу скопищамъ турокъ и курдовъ въ сѣверной части, черезъ сѣверную границу Персіи.

Въ бояхъ у Софіана и Хоя турки были разбиты и разсѣяны и безъ особаго усилія изгнаны изъ Тавриза. Продвигаясь на плечахъ отступающихъ, мы снова заняли все очищенное и самый городъ Ванъ, откуда начали операціи по направленію къ Тифлису.

Съ тѣхъ поръ турки перешли къ оборонѣ.

Зимняя кампанія.

Въ серединѣ декабря на восточно-прусскомъ фронтѣ снова начинается оживленіе. Наши войска производили тщательный поискъ, такъ какъ имѣлись свѣдѣнія, что германцы готовятъ новое наступленіе. Первыя столкновенія развѣдывательныхъ частей протекали удачно, но скоро онѣ должны были остановиться: за передовыми позиціями германцевъ оказались крупныя силы.

Въ то же время кавалерія произвела энергичную развѣдку на правомъ берегу Вислы и, немного оттѣснивъ германцевъ, также встрѣтила далѣе сильное сопротивленіе. Наибольшимъ оно оказалось на южной границѣ Восточной Пруссіи, гдѣ, повидимому, развернулась сильная армія.

Усиленная развѣдка продолжалась почти до середины января, причемъ по внѣшности создавалась полная картина третьяго похода въ Восточную Пруссію, главнымъ образомъ, черезъ ея южныя, границы.

Энергичныя дѣйствія нашихъ войскъ заставили германцевъ ускорить свои приготовленія. Въ серединѣ января они перешли въ наступленіе въ Восточной Пруссіи, а на Карпатскомъ фронтѣ двинулись снова австрійцы.

Въ Восточной Пруссіи развернулись три арміи: Эйхгорна—для движенія на Ковну, Бюлова—для взятія Осовца и Гинденбурга—для движенія на Наревъ, т. е. въ тылъ нашему расположенію на Бзурѣ.

Третье наступленіе изъ Восточной Пруссіи.

Такимъ образомъ на сѣверѣ насъ должны были оттѣснить за Нѣманъ и Наревъ. До общаго наступленія войска Макензена на Бзурѣ произвели сильную демонстрацію, угрожая прорывомъ черезъ Сохачевъ къ Варшавѣ. Яростныя атаки „дивизій смерти“ были отбиты, а въ это время изъ Пруссіи на насъ устремились всѣ три арміи.

Начало для противника было удачное: ему удалось использовать слабость нашего заслона на крайнемъ правомъ флангѣ, и армія Эйхгорна обошла съ сѣвера нашу 10-ю армію. Дѣйствія Эйхгорна поддержаны были войсками Бюлова и въ результатѣ 10-я армія оказалась въ тяжеломъ

Войска Эйхгорна устремились за уходившими къ Нѣману нашими войсками. Но въ порывѣ увлеченія Эйхгорнъ измѣнилъ свое направленіе и вмѣсто Ковны уклонился на юго-востокъ. Ему удалось окружить въ Августовскомъ лѣсу 20-й корпусъ, который съ боемъ выбился изъ охватившаго его кольца. Между тѣмъ, увлекшись, Эйхгорнъ оставилъ слабо прикрытымъ себя со стороны Ковны, а у Гродненскихъ позицій наткнулся на крупныя наши силы, которыя атаковали и сразу отбросили его на сѣверо-западъ. Тамъ онъ подвергся новымъ ударамъ отъ Ковны, и армія его, стиснутая съ двухъ сторонъ, должна была искать спасенія. Эйхгорнъ задержался у Кальваріи и Сувалокъ на удобныхъ позиціяхъ, но потерялъ возможность дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій. Также неудачны были и дѣйствія Бюлова. Лишь только войска его двинулись къ Ломжѣ и Осовцу, какъ были атакованы, правый флангъ ихъ былъ обойденъ нами и отброшенъ въ тылъ, гдѣ смѣшался съ войсками центра. Бюловъ не могъ продолжать наступленія и также перешелъ къ оборонѣ. Разобравшись въ обстановкѣ, Гинденбургъ взялъ у него и у Эйхгорна часть силъ для пополненія собственной арміи, дѣйствія которой оказались еще менѣе удачными. Положеніе Гинденбурга было труднѣе, потому что пораженіе его арміи грозило вторженіемъ нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію съ юга. Это отрѣзало бы путь отъ Торна къ арміямъ Бюлова и Эйхгорна и грозило, особенно Бюлову, большими осложненіями.

Гинденбургъ началъ свою операцію съ интереснаго маневра. Онъ демонстративно атаковалъ наше лѣвое крыло, а потомъ главными своими силами устремился отъ Млавы, чтобы прорвать нашъ фронтъ. Пять дивизій перешли въ наступленіе въ районѣ Липно-Вѣжунь и потѣснили насъ до линіи Плоцкъ-Раціонжъ. 3, 4 и 5 февраля на этомъ фронтѣ шли упорные бои. Мы дальше не отступали. Тогда, рѣшивъ, что насталъ благопріятный моментъ, такъ какъ на линіи Млава-Виленбургъ сосредоточилось до 3-хъ корпусовъ, а мы были отвлечены боями на линію Плоцкъ-Раціонжъ, германцы перешли въ наступленіе этими 3 корпусами. 5-го февраля передовыя части напали на насъ со стороны Хоржеле, а 7-го большія силы стремительно бросились впередъ, въ обходъ Прасныша съ востока. Онѣ обогнули Прасныш и появились уже у с. Щуки, верстахъ въ 15 южнѣе нашего праваго фланга.

Прасныш являлся крайнимъ правымъ опорнымъ пунктомъ нашего расположенія. Здѣсь была всего одна бригада пѣхоты и немного кавалеріи. Германцы, обойдя этотъ флангъ, могли распространиться и дальше въ нашемъ тылу, отчего получилась картина весьма тягостнаго положенія, но такъ продолжалось недолго.

11-ти верстный участокъ нашего расположенія былъ атакованъ одновременно съ сѣвера и юга. Въ то же время не прекращались атаки на

сосѣдніе фронты. Днемъ 11-го февраля германцы ворвались въ Праснышъ. Но уже въ 6 часовъ утра мы оріентировались въ окружающей обстановкѣ и по всей линіи соприкосновенія съ противникомъ перешли въ рѣшительное наступленіе. Весь фронтъ по р. Оржецъ, который занимали вышеупомянутые заслоны, прикрывавшіе Праснышскую операцію со стороны Нарева, былъ взятъ въ штыки. Нѣмцы сами теперь оказались въ томъ положеніи, которое приготовили намъ, и, чтобы не попасть въ плѣнъ, такъ какъ были атакованы съ двухъ сторонъ, стали поспѣшно отступать. 12-го разбитая дивизія получила подкрѣпленіе, и бой пріобрѣлъ уже встрѣчный характеръ. Однако, они не въ силахъ были сдержать натискъ шедшихъ черезъ переправы Оржеца войскъ и 14-го уже были окончательно отброшены къ Праснышу. Въ то же время, 13-го же вечеромъ, Праснышъ перешелъ въ наши руки. Нѣмцы бросились къ сѣверу на свои прежнія позиціи и тѣмъ на протяженіи 40 верстъ заставили податься назадъ остальныя силы оперирующихъ корпусовъ. Германцы стали тѣсниться къ линіи Млава-Хоржеле. Несмотря на высшее напряженіе боя, наши войска не прекратили наступленія, и только на самой линіи Млава-Хоржеле движеніе ихъ замедлилось, такъ какъ здѣсь передъ нами встали сильно укрѣпленныя позиціи и къ нимъ стали поспѣвать подкрѣпленія съ другихъ фронтовъ (Эйхгорна и Бюлова).

Наше наступленіе остановилось, и борьба снова приняла позиціонный характеръ.

Планъ операцій на австрійскомъ фронтѣ былъ разработанъ германцами, которые дали австрійцамъ для дѣйствій въ Карпатахъ цѣлую армію.

Въ Радомской и Кѣлецкой губерніяхъ были оставлены небольшіе заслоны, также и на Дунайцѣ. Остальныя же силы, до 18 корпусовъ, развернулись въ Карпатахъ.

Послѣднія состоятъ изъ трехъ частей: Западныя Бескиды, Восточныя и Лѣсистыя Карпаты. Наиболѣе доступнымъ райономъ для нашего наступленія являлись Восточныя Бескиды, черезъ которыя проходитъ наибольшее количество путей. Безъ нихъ Карпаты недоступны для военныхъ операцій. Наиболѣе дикой частью являются Лѣсистые Карпаты. Здѣсь самое ограниченное число путей и потому совершенно не предполагались военныя дѣйствія. Наши войска дѣйствовали главнымъ образомъ въ Восточныхъ Бескидахъ. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ мы заняли перевалы небольшими лишь силами, оберегавшими ихъ.

Это обстоятельство было учтено противникомъ. Онъ рѣшилъ воспользоваться Лѣсистыми Карпатами, откуда черезъ Галичъ можно было кратчайшими путями выйти въ Галицію и подать руку помощи осажденному Перемышлю.

Первыя атаки крупныхъ силъ были произведены на фронтѣ Дуклы

Зимнія операціи на Карпатахъ.

и Вышкова, т. е. въ прямомъ направленіи на Перемышль, чтобы внушить намъ, что австрійцы идутъ обычнымъ путемъ на выручку Перемышля. Второй, болѣе сильный нажимъ былъ произведенъ въ Буковинѣ. Мы, казалось, должны были отвлечь свое вниманіе отъ путей на Станиславовъ и сосредоточить его въ Дуклинскихъ воротахъ и въ Буковинѣ.

Дѣйствительно, мы быстро очистили Буковину. Въ Дуклинскихъ же воротахъ передовыя части австрійцевъ встрѣтили сильный отпоръ, стычки авангардовъ постепенно и довольно быстро перешли въ общее большое сраженіе. Мы ежедневно брали плѣнныхъ, но это только утверждало противника въ его предположеніи, что всѣ наши усилія теперь сосредоточены въ Восточныхъ Бескидахъ, на путяхъ къ Перемышлю, и потому путь черезъ Лѣсистые Карпаты свободенъ.

Бой въ Восточныхъ Бескидахъ разгорался. Наши войска успѣшно продвинулись съ боемъ на широкомъ фронтѣ отъ Дуклинскихъ перевaловъ до Верхняго Сана, переваливъ на путяхъ отъ Яслиска къ Мезо-Лаборчу черезъ главный хребетъ. Попытки противника къ востоку отъ перевала Ужокъ отражены съ огромными потерями. Въ это же время было установлено, что упорство атакъ поддерживается присутствіемъ противъ насъ германцевъ.

Успѣшно продвинувшись къ Мезо-Лаборчу и ближайшему съ востока

району, мы заняли здѣсь устойчивое и выгодное положеніе, далѣе же къ востоку перевалы были нами очищены и войска стянуты назадъ.

Въ началѣ февраля австрійцы перешли къ выполненію главной части своего плана и повели очень крупныя силы въ районѣ Свидника—Вышкова и у Ростоки, что близъ границы Буковины. Атаку на наши позиціи производили германцы, что придало имъ характеръ особой ожесточенности, напоминающей кровавую бойню на Изерѣ, во Фландріи.

Для того, чтобы попасть къ перевалamъ на Днѣстрѣ у противника имѣлись три главные пути: черезъ перевалъ у Нижне-Верецка, на Козювку, Стрый и къ Миколаеву; черезъ Надворню на Станиславовъ къ Галичу и Іезуполю; наконецъ средняя дорога по долинѣ рѣки Нечвы до Долины. Отсюда идутъ дороги и на востокъ и на западъ, соединяя только-что упомянутые два пути.

Этотъ фронтъ, ограниченный дорогами, и послужилъ главнымъ объектомъ дѣйствій противника. Германская колонна поднялась въ Лѣсистые Карпаты и безпрепятственно перевалила за Тухолку. Путь ей заградила быстрая рѣчка Орава, на лѣвомъ берегу которой дорога подымается круто въ гору. На вершинѣ расположилось небольшое селеніе, носящее наименованіе Козювка. Ей пришлось сыграть видную роль въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ дальше ея рѣшено было не допускать противника. Дѣйствительно, если бы мы пропустили здѣсь германцевъ, они вышли бы въ долину Опора и Сртыя и получили бы свободный доступъ не только къ г. Стрыю, гдѣ къ нимъ присоединилась бы австрійская колонна, шедшая по средней дорогѣ на Долину—Болеховъ—Стрый, но и легко оказались бы въ тылу нашего расположенія на перевалахъ къ сѣверо-западу отъ Козювки.

Мы заняли вершину и оказали сильное сопротивленіе. Маленькая Козювка видѣла бой, когда число атакъ за день дошло до 22 и идеально дисциплинированные германскіе солдаты шли на вѣрную смерть, чтобы своими трупами вымостить дорогу шедшимъ сзади.

Стойко выдерживая яростный натискъ противника, мы не покидали своей задачи къ сѣверо-западу и въ тотъ же день заняли съ боемъ Раббе къ востоку отъ перевала Лупковъ, чѣмъ и выравняли фронтъ Козювка—Завадка—Мутовиска—Балигородъ—М. Лаборчъ.

Въ послѣдующіе дни, до 30-го января, шла отчаянная борьба за Козювку. Наконецъ, 31-го германцы утомились и окопались въ 40 шагахъ передъ нами, чтобы не позволить намъ продвинуться на югъ. Такое движеніе было бы весьма опаснымъ для той арміи, которая, въ описываемое время, углублялась двумя главными колоннами въ Лѣсистые Карпаты, такъ какъ, занявъ одинъ изъ 3-хъ путей, мы не только тѣснили бы противника, но грозили бы его путямъ сообщенія съ базой.

1-го февраля штабъ Верховнаго Главнокомандующаго доноситъ, что

упорные бои завязались на перевалахъ Тухла—Вышковъ и на путяхъ къ Надворной. По дорогѣ черезъ Вышковъ, на Тухлу двигалась непріятельская колонна.

Тухла приходится на одной высотѣ съ Козювкой, въ 10 верстахъ отъ нея на юго-востокъ. Пройдя Тухлу, противникъ обошелъ бы съ востока и Козювку. Тогда послѣднюю пришлось бы очистить, и двѣ колонны слились бы верстахъ въ 12 къ сѣверу, гдѣ сходятся пути изъ Козювки и Тухлы. Поэтому, мы не нашли возможнымъ уступить Тухлу и сохранили ее за собой.

Вышковъ лежитъ въ 25 верстахъ къ югу отъ Тухлы, на правомъ берегу рѣчки Рожанки. Утвердившись на всемъ теченіи ея отъ Тухлы до Вышкова, мы получили прекрасное фланговое положеніе по отношенію къ колоннѣ, шедшей на Козювку и параллельной къ этому пути дорогѣ по долинѣ р. Опоръ, черезъ перевалъ Бескидъ. Уступать такое положеніе конечно, нельзя было. Позиція по р. Рожанкѣ завершала весь раіонъ отъ Дуклы до границы Лѣсистыхъ Карпатъ. Колонна, шедшая на Козювку, была впущена нами въ только что упомянутый фронтъ и, слѣдовательно исключена изъ войсковой массы главнаго удара противника, что сильно ослабило его.

Далѣе къ востоку мы отступили, такъ какъ австрійцамъ или германцамъ, все равно, гораздо труднѣе было бы вернуться съ береговъ Днѣстра, чѣмъ достигнуть ихъ.

Противникъ быстро шелъ за нашими отступающими отрядами. 2-го февраля онъ перешелъ Серетъ въ Буковинѣ, а сѣвернѣе занялъ Надворную уже въ 40 верстахъ отъ Станиславова.

Дорога къ этому весьма важному стратегически пункту (узелъ всѣхъ путей въ Лѣсистыхъ Карпатахъ) была открыта, и противникъ устремился по ней. 7-го февраля Станиславовъ былъ занятъ. Отсюда всего 22 версты открытаго пути по шоссе къ Галичу и еще меньше къ Іезуполю. По виду операція развивалась вполнѣ благопріятно для австрійцевъ, и уже близки были завѣтныя переправы, за которыми вставали новыя заманчивыя перспективы.

Однако, по мѣрѣ приближенія къ нимъ у противника замѣчается какое-то промедленіе, несмотря на то, что мы легко допускали его впередъ. Это замедленіе было признакомъ того, что въ нашей уступчивости австрійцамъ и германцамъ почудились уже зловѣщіе призраки событій сентября, октября и ноября мѣсяцевъ.

Для облегченія положенія въ Лѣсистыхъ Карпатахъ, на сосѣднемъ фронтѣ въ Восточныхъ Бескидахъ и далѣе по Дунайцу и даже на Нидѣ и у Пилицы (Радомской губ.) начаты были тогда демонстраціи. На Ду-

найдѣ и другихъ упомянутыхъ рѣкахъ онѣ не отличались особой силой. Но въ Бескидахъ австрійцы снова проявили мужество и упорство.

15-го февраля они выставили многочисленную артиллерію и произвели рѣшительный натискъ на шестидесятиверстный участокъ между рѣками Ондавой и Саномъ.

Уже наканунѣ густыя массы австрійской пѣхоты подтягивались на ружейный выстрѣлъ къ нашимъ позиціямъ. Первыя атаки ночью и на разсвѣтѣ были направлены въ раіонъ Творильна, гдѣ, однако, тотчасъ же были встрѣчены нашей контръ-атакой и отброшены. Въ центрѣ въ раіонѣ Раббе—Радзѣево, цѣлый день 15 февраля развивался необыкновенный по упорству и ожесточенію бой. Отчаянныя атаки непріятеля кончились рукопашной схваткой. Потери австрійцевъ были чрезвычайны, всѣ скаты горъ и лощины были завалены тѣлами. Многіе полки ихъ уничтожались до послѣдняго человѣка.

16-го февраля огонь разгорѣлся еще лѣвѣе. Въ раіонѣ къ сѣверу отъ Стропко непріятель всю ночь велъ атаки густыми массами.

Между тѣмъ, штабъ Верховнаго Главнокомандующаго донесъ, что наступленіе въ Галицію остановлено на путяхъ отъ Галича къ Станиславову, и противнику нанесено пораженіе.

Австрійцы не добились ничего ни дѣйствительными атаками, ни демонстраціями и принуждены были начать отступленіе.

Потерявъ надежду на выручку, гарнизонъ Перемышля 9-го марта сдался.

Блокада продолжалась четыре мѣсяца. Боевыя дѣйствія обѣихъ сторонъ очень скудны эфектными событіями, что объясняется исключительно увѣренностью русскихъ въ конечномъ исходѣ своей осады, а со стороны осажденныхъ сначала самоувѣренностью, навѣянной искусствомъ инженеровъ-строителей фортовъ и окоповъ, а потомъ моральнымъ упадкомъ и признаніемъ пораженія еще за долго до поднятія бѣлаго флага.

Съ тактической стороны исторія блокады крѣпости бѣдна.

Загнавъ въ клѣтку бѣгущія войска, русскіе расположились лагеремъ далеко отъ линіи фортовъ и ихъ укрѣпленій. Ближайшія окрестности крѣпости къ востоку отъ этой линіи командуютъ подступами атакующаго и затрудняютъ ему наступленіе, тогда какъ на западѣ командованіе переходитъ къ нему и даетъ очень большія выгоды. Короче, вылазки, было легче производить на востокъ, а штурмъ съ запада.

Вылазки производились гарнизономъ очень незначительныя и очень точно, благодаря воздушной связи, согласовались съ дѣйствіями шедшихъ на выручку войскъ. Во время первой попытки снять блокаду, въ ноябрѣ гарнизонъ Перемышля дѣлалъ вылазку на юго-западъ (Бирча) какъ разъ

въ тотъ моментъ, когда армія выручающая была въ двухъ переходахъ отъ того же пункта (Бирча) и рвалась къ нему.

Во время второй попытки сообразно съ новымъ ея планомъ, въ силу котораго освобождающая рука подавалась черезъ Лѣсистые Карпаты, т. е., съ востока, вылазка была также на востокъ. Она же закончилась сдачей крѣпости.

До этого въ руки нашихъ осаждающихъ попали уже нѣкоторыя укрѣпленія, которыя нужно было занять на случай вылазокъ. Большаго ничего не предпринималось. Артиллерія вела борьбу лишь съ передовой артиллеріей крѣпости, летчики причиняли бомбами нѣкоторыя разрушенія. Они же вели удачную развѣдку, между прочимъ, довольно точно выяснившую, когда надо ждать паденія крѣпости.

Она пала 9 марта.

Паденіе Перемышля не внесло особенныхъ измѣненій въ стратегическое положеніе нашихъ армій и только улучшило желѣзнодорожное сообщеніе съ тыломъ. Операціи въ Карпатахъ продолжались. Австрійцы и германцы упорно защищались.

Въ день паденія Перемышля наши войска двигались впередъ на всемъ фронтѣ отъ Дуклы до Ужокскаго направленія, охватывая австрійцевъ одновременно съ запада, отъ Лупковскаго перевала, и съ востока, отъ верховьевъ Сана, куда направились наши охватывающія части. Австрійцы успѣли стянуть на этотъ фронтъ свыше 300 баталіоновъ въ первую линію, что указываетъ, что дорогу намъ преграждало не менѣе 12—14 корпусовъ. Армія ихъ еще не узнала офиціально о паденіи Перемышля и продолжала стремиться впередъ. Она вела, подобно намъ, двѣ атаки: одну между Бартфельдомъ и Ужкомъ, другую отъ Ужка до Козювки и далѣе до Долины.

Чтобы удержать натискъ нашей вспомогательной группы Бартфельдъ—Лупковъ, австрійцы 11-го же повели контръ-атаку на Мезо-Лаборчъ, уже давно занятый нами. Они дошли до Сальника и Щуко, но здѣсь встрѣчены были контръ-атакой и окопались. Наши войска не довольствовались остановкой австрійцевъ и вторично атаковали уже сами Сальникъ и Щуко и заняли командующія высоты возлѣ нихъ. Деревни были очищены.

Въ это же время разгорался бой и между нашей главной группой и австрійскими главными силами. Лѣсистые склоны были переплетены колючей проволокой и обстрѣливались во всѣхъ направленіяхъ. Ночью 11-го марта наши войска двинулись въ направленіи отъ Балигрода на югъ къ Волѣ Мировой. Австрійцы упорно защищали эту очень важную позицію, представлявшую тактическій ключъ обороны этого раіона хребта. Чтобы сломить упорное сопротивленіе, которое облегчалось противникъ

прочностью и крутизной укрѣпленныхъ скатовъ, приходилось тащить на рукахъ горныя орудія и стрѣлять изъ нихъ съ дистанціи 600—800 шаговъ. Всю ночь шелъ бой за каждый уголокъ окопа или палисадъ. Утромъ все было покрыто трупами убитыхъ, и высоты Воли Мировой, которыя командовали Лупковскимъ переваломъ и представляли собой неприступный фортъ съ множествомъ пулеметовъ и артиллеріи, были заняты нами. Въ это же время начался отходъ австрійцевъ восточнѣе Воли Мировой. Онъ вызванъ былъ неожиданнымъ для противника переходомъ нашихъ черезъ Санъ и рѣшилъ участь боя на этомъ главномъ участкѣ сопротивленія. На лѣвомъ берегу его, видимо, были лишь слабые заслоны. Они растерялись при видѣ переходящихъ по горло въ водѣ русскихъ полковъ и бросились бѣжать. Въ этотъ день австрійцы отошли отъ рѣки на 20 почти верстъ. Не давая имъ опомниться, наши преслѣдовали ихъ съ сѣверо-востока на юго-западъ. Въ результатѣ австрійскія войска, дравшіяся въ это время фронтомъ на сѣверъ, также вынуждены были отступить. Главный участокъ оказался обойденнымъ съ тыла. Австрійцы стали отступать.

Связь между Мезо-Лаборчскимъ направленіемъ и Ужокскимъ была нарушена, и обѣ группы противниковъ предоставлены каждая себѣ. Чтобы исправить дѣло, австрійцы стали перебрасывать войска съ востока и запада на главный участокъ боя. Были начаты энергичныя атаки на верховья Сана съ цѣлью отбросить насъ за рѣку обратно. Въ это же время Ужокская группа усиленно атаковала Козювку и раіоны по сторонамъ ея.

Къ 16-му 110 верстъ по горамъ, отъ Регетова до Волосатѣ, было занято нашими войсками.

Но, утвердившись на главномъ хребтѣ, они не остановились, а тотчасъ же стали спускаться по южнымъ скатамъ. Параллельно главному хребту, къ югу отъ него, тянется слѣдующій хребетъ, отдѣльныя вершины котораго, какъ, напримѣръ, къ юго-востоку отъ Телепоча, Скута (2.800 фут.) и юго-востоку отъ Полена—Козялата (3.000 фут.), необходимо было занять. Онѣ были сильно укрѣплены австрійцами и могли послужить для нихъ опорными пунктами для общей контръ-атаки. Съ другой стороны, и намъ онѣ были нужны, какъ такіе же опорные пункты для дальнѣйшаго движенія по южнымъ склонамъ Карпатъ.

Галиційская трагедія.

Событія въ Карпатахъ и въ Восточной Пруссіи окончательно убѣдили императора Вильгельма въ необходимости рѣшительнаго измѣненія образа

дѣйствій на западномъ и восточномъ фронтѣ. Первоначальный планъ войны состоялъ въ томъ, чтобы самыми рѣшительными операціями во Франціи и Бельгіи добиться тамъ побѣды и принудить Францію къ миру. Въ это время австрійская армія, не ввязываясь въ рѣшительное сраженіе, должна была вмѣстѣ съ частью германскихъ силъ удерживать русскія войска въ предѣлахъ Россіи, пока германская армія, освободившись на Западѣ, не будетъ въ состояніи перебросится на Востокъ и совмѣстно съ австрійцами начать походъ въ „сарматскія степи“. Какъ видно было выше, австрійская армія совершенно не выполнила своего назначенія и для спасенія ея потребовалась командировка германскихъ корпусовъ съ Запада. Но ни разу количество подкрѣпленій не оказывалось достаточнымъ, и всякій разъ присланныя части терпѣли пораженія и для улучшенія здѣсь требовались новыя. Германцы посылали ихъ, не желая отступать отъ принятаго образа дѣйствій, и только торопились путемъ громадныхъ усилій ускорить пораженіе французовъ. Наконецъ, для нихъ стало очевиднымъ, что при такомъ порядкѣ вещей армія, разбитая по частямъ на восточномъ фронтѣ, не добьется ничего на западномъ, и что необходимо добиться, наконецъ, пораженія русской арміи, настойчиво тормозившей ихъ дѣла. Къ тому же на восточномъ фронтѣ создавалось благопріятствующее германскому наступленію положеніе. Увлекшись карпатскими операціями и галиційскими дѣлами, наше командованіе не позаботилось своевременно о дальнѣйшемъ обезпеченіи арміи боевымъ снабженіемъ и людьми, хотя и то и другое было сильно поизрасходовано за первое полугодіе войны. По какому-то недоразумѣнію, граничащему съ преступностью, не приняты были мѣры и послѣ обнаруженія дефектовъ, и къ веснѣ они достигли своего апогея.

Въ это-то время, накопивши невѣроятныя количества орудій и снарядовъ и введя въ ряды арміи свѣжія укомплектованія, германцы перешли къ оборонѣ на западномъ фронтѣ и большие половины всѣхъ своихъ силъ, что вмѣстѣ съ австрійцами, также напрягшими всѣ силы, составило до 4 милліоновъ бойцовъ и нѣсколько тысячъ орудій, снабженныхъ милліонами снарядовъ, бросили на насъ.

Избравши благопріятный моментъ, германцы нашли и удобный районъ для нанесенія нашей арміи удара съ полной надеждой на успѣхъ. Это былъ Дунаецъ, на которомъ были только небольшія силы, главныя же силы увлеклось боями въ Карпатахъ, какъ разъ въ данный моментъ закончивъ овладѣніе Бескидами и начавши наступленіе въ Лѣсистыхъ Карпатахъ.

Планъ германцевъ былъ очень простъ.

Но галиційская кампанія должна была послужить только вступительнымъ актомъ, исправленіемъ ошибки, допущенной австрійцами. Послѣ этого возстановлялось то исходное положеніе, съ котораго должно было

Бои въ Галиціи.)

начаться наступленіе на Россію. Схема его такова, что изъ Восточной Пруссіи и изъ Галиціи должны были устремиться арміи, охватывающія нашъ передовой театръ. Поэтому, приступая къ операціямъ въ Галиціи, имѣвшимъ два главныхъ направленія,—Дунаецъ и Стрый,—германцы одновременно начали дѣйствовать и на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ.

12-го апрѣля у нашихъ береговъ появился германскій флотъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Тильзита на Шавли и отъ Юрбурга вверхъ по Нѣману двинулась германская конница генерала Шметова. Она обошла Ковну и, слѣдовательно, и преграду Нѣмана съ сѣвера и смѣлымъ налетомъ очутилась въ Прибалтійскомъ краѣ. Первоначально этому кавалерійскому походу не придавали значенія. А между тѣмъ онъ послужилъ началомъ охвата нашего праваго фланга, оказавшаго вліяніе на ходъ событій нѣсколькихъ мѣсяцевъ. За конницей появилась пѣхота, и скоро въ Курляндіи оказалась цѣлая армія силой до 10 корпусовъ. Она заняла Либаву, затѣмъ пыталась завладѣть Двинскомъ, но въ районѣ Поневѣжа и Шавлей была задержана. Германцы пытались потомъ проникнуть къ Митавѣ, но и туда не были допущены. Упорной борьбой нашимъ войскамъ удалось ссадить германцевъ къ морю, благодаря чему, линія Двины была удержана нами, что дало возможность задержать германцевъ въ будущемъ, когда, покончивши съ Галиціей, они начали операціи въ Гродненской, Варшавской губ. и далѣе.

Одновременно съ началомъ дѣйствій на сѣверѣ разыгралась и Галиційская кампанія. Въ началѣ апрѣля началось развертываніе австро-германскихъ корпусовъ для операцій, намѣченныхъ въ Галиціи. Чтобы отвлечь наше вниманіе отъ своихъ приготовленій, австрійская армія на Дунайцѣ начала завязывать съ нами бои. Въ это время совершался объѣздъ Карпатскихъ позицій обоими враждебными намъ императорами и Гинденбургомъ. Тамъ имѣлось три основныхъ пункта, безъ которыхъ невозможо было разсчитывать на успѣшныя дѣйствія на флангахъ. Это, Поленъ,—головной пунктъ Бартфельдскаго района; Ужокъ,—у котораго происходила связь арміи Бороевича и Линцингера на Лупковскомъ и Стрыйскомъ направленіяхъ, и Козювка,—обезпечившая лѣвый флангъ операцій въ Буковинѣ. Всѣ эти пункты составляли центръ карпатскаго расположнія, и въ этомъ центрѣ противникъ неизмѣнно терпѣлъ до тѣхъ поръ неудачи. Необходимо было принять здѣсь рѣшительныя мѣры. Императоры и Гинденбургъ приняли ихъ. Закрѣпляя по возможности и обезпечивая свое положеніе въ Карпатахъ, непріятель началъ наступленіе на флангахъ—на Дунайцѣ и въ Буковинѣ.

У Горлице было построено нѣчто въ родѣ древней фаланги, состоявшей изъ лучшихъ и многочисленныхъ войскъ, которая должна была выйти въ тылъ Карпатскому фронту. На фронтѣ одного изъ корпусовъ этой арміи было сосредоточено особенно много силъ. Снабженіе артиллеріей этой фаланги было настолько сильно, что на 24 баталіона

прусскаго гвардейскаго корпуса, занимавшаго ничтожный фронтъ, приходилось 40 батарей наполовину крупнаго калибра. Непріятельскія батареи не помѣщались въ одной линіи, а образовали нѣсколько послѣдовательныхъ рядовъ. При такомъ построеніи фаланга развила необычайный огонь, очень быстро снесшій наши укрѣпленія на Дунайцѣ. Стрѣльба корректировалась тучей аэроплановъ.

Такая форма построенія, несоотвѣтствующая современному состоянію огнестрѣльнаго оружія, принята была только съ однимъ расчетомъ: не считаясь ни съ какими потерями, задавить третью армію массой человѣческихъ тѣлъ. Масса войскъ, собранныхъ для фаланги, затрудняла ея передвиженіе, скорость котораго не превышала 5 верстъ въ день. Медленно, но неуклонно, фаланга двигалась впередъ. Наши войска оцѣнили невыгоды построенія германцевъ и использовали его въ томъ смыслѣ, что стремились нанести ей возможно большія потери. И, дѣйствительно, за 20 дней прохожденія отъ Горлице до Сана германцы по имѣющимся свѣдѣніямъ теряли ежедневно по 10 тысячъ человѣкъ въ первые три дня, а въ остальные еще больше. Тѣмъ не менѣе, продвиженіе ихъ продолжалось. 3-я армія, то отходя, то бросаясь въ контръ-атаку, сдерживала по мѣрѣ возможности движеніе фаланги, а тѣмъ временемъ наши войска въ Карпатахъ съ малыми сравнительно потерями могли совершить отходъ отъ горныхъ позицій и перейти на Санъ и Днѣстръ. Этому маневру много способствовало энергичное воздѣйствіе нашего буковинскаго отряда на армію Пфлянцера и операціи войскъ въ Кѣлецкой губерніи. Въ Буковинѣ войска Пфлянцера не только не могли продвинуться впередъ, но были атакованы нами. Кавалерія и пѣхотныя части наши переправились за Прутъ и привели въ разстройство войска Пфлянцера. Дѣла Данкля, двинувшагося-было отъ Опатова, были еще хуже, такъ какъ наши войска, совершавшія въ соотвѣтствіи съ 3-ей арміей отходъ на Ивангородъ, неожиданно остановились въ районѣ Опатова и нанесли ему пораженіе, стоившее австрійцамъ потери цѣлаго корпуса.

Русская армія избѣжала противника, и послѣднему, очевидно, предстояла долгая и трудная борьба съ ней, все затрудняющаяся отъ того, что съ каждымъ шагомъ назадъ мы получали болѣе сосредоточенное положеніе и большую близость къ базамъ.

Германцы не отказались, однако, отъ своихъ замысловъ и усилили свои арміи новыми позаимствованіями съ запада изъ резерва, да на далекомъ нашемъ правомъ флангѣ отъ Курляндіи продолжали энергично демонстрировать для отвлеченія туда силъ съ главныхъ театровъ.

Къ 1-му мая наше развертываніе на новыхъ позиціяхъ было закончено, и арміи развернулись на Санѣ и Днѣстрѣ, имѣя фланги въ Кѣлецкой губерніи и въ Буковинѣ выступающими впередъ. Опираясь на сильныя

оборонительныя линіи съ вѣромъ путей къ боевому фронту отъ главныхъ стратегическихъ пунктовъ, удачно расположивъ свои фланги, наша армія имѣла полную возможность дать бой превосходному въ силахъ противнику. Къ этому же времени закончилось стратегическое развертываніе его карпатскихъ армій и войскъ, двигавшихся отъ Кракова. 4-го мая началось грандіозное сраженіе на Санѣ и на Днѣстрѣ, въ которомъ противникъ въ первой только линіи развернулъ больше 75 дивизій, т. е. свыше полутора милліона стрѣлковъ и 4 тысячи пушекъ и гаубицъ.

Наши арміи были снова атакованы по всему фронту отъ Опатова до Коломеи, причемъ наибольшее напряженіе боевъ было къ сѣверу и къ югу отъ Перемышля. Видно было, что германцы опасаются крѣпости и хотятъ ее обойти. Къ сѣверу отъ Перемышля фаланга начала переправу черезъ Санъ въ районѣ Ярослава, и съ юга большія силы бросились влѣво отъ Самбора и болотъ Днѣстра, чтобы выйти въ тылъ крѣпости на Мосциску. Въ это же время германцы повели сильное наступленіе къ Днѣстру въ районѣ Галича. Борьба была непосильной, и наши арміи продолжали отбиваться, временами переходя въ наступленіе и отбрасывая противника, а въ это время эвакуировался Перемышль и готовились слѣдующія въ тылу линіи укрѣпленій.

9-го мая германцы прекратили наступленіе, чтобы дать передышку своимъ войскамъ, привести въ порядокъ разстроенныя части и пополнить запасы снарядовъ. Черезъ два дня бой возобновился по всему фронту. Въ это время голова фаланги была уже на правомъ берегу Сана. Натискъ происходилъ по указаннымъ уже тремъ направленіямъ. Австрійцы заняли крѣпость, представлявшую только груду развалинъ.

Послѣ этого вся линія Сана сразу была оставлена, и германцы очутились передъ новыми позиціями на высотѣ Мосциски.

Дальнѣйшему ихъ продвиженію сильно воспрепятствовалъ корпусъ кавказцевъ генерала Ирманова, который переправился съ боемъ на лѣвый берегъ Сана и атаковалъ австрійцевъ, прикрывавшихъ операціи фаланги съ сѣвера. Кавказцы нанесли пораженіе заслону и достигли почти желѣзной дороги, по которой поддерживалась связь германскихъ армій съ Краковомъ и Силезіей. Поэтому германцамъ въ разгарѣ боя пришлось вывести часть войскъ съ главнаго фронта и отправить на помощь австрійцамъ. Кавказцы долго еще тревожили противника своими налетами и этимъ значительно облегчили борьбу нашихъ армій.

Съ отходомъ за Санъ значительно сократился фронтъ боевъ, и арміи приблизились къ своимъ базамъ. Германцы послѣ краткаго перерыва ввели въ бой новыя силы, спѣшно привезенныя съ западнаго фронта, и атаковали насъ.

Идея ихъ была все та же,—они не хотѣли отказаться отъ мысли окру-

жить нашу армію и не выпустить ее изъ Галиціи. Поэтому, не щадя людей, германцы бросились мимо Мосциски на сѣверо-западъ, стремясь обойти Львовъ съ сѣвера, а въ это время арміи, задержавшіяся на Днѣстрѣ, усилили свое стремленіе къ переправамъ. Сообразно съ этимъ, получила подкрѣпленіе Буковинская армія, которая пыталась переправиться черезъ Днѣстръ у нашей границы, чтобы заставить уйти отъ рѣки наши войска, защищавшія переправы у Николаева и Галича. Попытки въ Буковинѣ успѣха не имѣли. Дѣйствія нашихъ войскъ на Днѣстрѣ оказали громадную услугу остальнымъ арміямъ, не боявшимся, поэтому, обхода и всѣ свои усилія сосредоточившимъ на отраженіи главныхъ атакъ. Благодаря этому, нанеся противнику большой уронъ на бескидскихъ позиціяхъ, мы снова могли благополучно отойти сперва на городокскія и послѣ на львовскія позиціи.

Какъ только совершился отходъ съ мосцискихъ позицій, положеніе противника ухудшилось, такъ какъ мы сразу отвели нашъ правый флангъ, который оперся на сильныя пограничныя позиціи. Передъ германцами не стало объекта охвата, но образовалась пустота, потребовавшая большихъ силъ, которыя заполнили бы ее. Кромѣ того, Львовъ разобщилъ обѣ главныя группы войскъ непріятеля: шедшую отъ Сана и все еще задержанную Днѣстровскую. Послѣдней посылались подкрѣпленія, но отчаянныя усилія ихъ не могли сломить упорства нашего на Днѣстрѣ. Благодаря этому, натискъ въ центрѣ потерялъ свою силу. Стало ясно, что окруженіе русскихъ армій не состоится, и потому неожиданное очищеніе безъ боя Львова не внесло торжества въ главную квартиру непріятеля. Предстояла новая борьба уже въ предѣлахъ Россіи.

Австрійцы заняли Львовъ, когда главныя наши силы уже перегруппировались и ушли на люблинскія и холмскія позиціи. Тотчасъ же прекратили сопротивленіе и наши днѣстровскіе отряды и ушли на востокъ. Мы остановились на Золотой Липѣ и въ 20 верстахъ отъ Львова. Австрійцы выставили дозоры, попробовали было продвинуться дальше, но остановились и окопались. Борьба, еще болѣе упорная, предстояла на сѣверѣ, и туда потянули германцы все, что можно было тронуть съ разныхъ фронтовъ.

Девятый валъ.

Описанное выше закончилось къ началу іюля.

Между тѣмъ еще въ началѣ іюня изъ Восточной Пруссіи выдвинулись новыя силы которыя повели наступленіе на Наревъ. Послѣдній представлялъ очень сильную преграду съ рядомъ расположенныхъ впереди стратегиче-

скихъ пунктовъ. Ломжа, Остроленка и др., фланкировался слѣва Новогеоргіевскомъ и Загржемъ, а справа Бобромъ съ Осовцомъ, и прикрывалъ важнѣйшій для насъ Варшавско-Брестскій районъ.

Положеніе на восточномъ фронтѣ къ концу года войны.

Очевидно было, что форсированіе Нарева потребуетъ большихъ жертвъ и усилій. Гораздо проще было взять Варшаву съ запада. Но германцы видимо, не могли разстаться съ перспективами „Седана“ и намѣтили новую трудную операцію для окруженія нашихъ армій въ варшавскомъ районѣ гдѣ послѣ окончанія галиційской кампаніи естественно было ждать сосредоточенія крупныхъ нашихъ силъ.

Къ тому времени войска, прикрывавшія Варшаву съ запада, стали отходить на линію Блоне—Пясечно—Гройцы. За ними послѣдовала новая армія Леопольда Баварскаго. Изъ района Пилицы и Радомской губ. выдвинулась армія Вейрша, которая повела наступленіе на фронтъ Ивангородъ—Завихостъ, готовясь форсировать Вислу. На правомъ флангѣ Вейрша оказалась австрійская армія эрцгерцога Іосифа, которая должна была впослѣдствіи обойти Ивангородъ съ сѣвера.

Къ арміи, шедшей къ Нареву (Гальвица), примыкала въ районѣ Бобра армія Гельца. Такимъ образомъ 6 армій концентрически должны были сойтись между Варшавой и Брестъ-Литовскомъ.

Выйдя изъ Галиціи, германцы атаковали Томашевскія позиціи. Это была XI германская армія Макензена. Лѣвѣе ея отъ р. Танева двигалась армія эрцгерцога Іосифа. Послѣдняя должна была держать связь между группой Макензена, которая черезъ Холмъ направлялась къ Брестъ-Литовску, и арміей Вейрша и т. д. Получилось гигантское полукольцо, грозившее обнять всѣ наши силы. Операціи ихъ съ востока прикрывали нѣсколько армій, двигавшихся на Верхній Бугъ и стоявшихъ къ востоку и югу отъ Львова. Съ сѣвера за лѣвымъ краемъ полукольца проектировалось новое—изъ армій Эйхгорна и Бюлова, имѣвшихъ направленіе на Двину, а ему на югѣ соотвѣтствовали указанныя только-что прикрывающія арміи. Послѣ побѣды меньшаго полукольца, оно растягивалось, вливалось на планѣ въ новое, гигантское: Рига—Каменецъ-Подольскъ. Отсюда концы должны были протянуться до Петрограда и Кіева.

Во исполненіе указанной схемы, германцы и австрійцы атаковали насъ повсюду, направляя главные удары на Наревъ и Люблинъ—Холмъ. На Наревѣ германцы встрѣтили отчаянное сопротивленіе, долго бились въ поискахъ возможности переправиться и окончательно остановились на Остроленкѣ. Дѣйствіямъ ихъ сильно мѣшали наши выступленія со стороны Загржа, а также неудачи арміи Гельца, не могшей покончить съ Осовцомъ и выйти во флангъ защитникамъ Нарева.

На Варшавскомъ фронтѣ было тихо. Далѣе, армія Вейрша, не получивъ успѣха у Ивангорода, избрала мѣсто для переправы между Варшавой и имъ и форсировала рѣку. Армія Іосифа неожиданно понесла сильное пораженіе отъ нашей контръ-атаки и не могла поэтому поддержать дѣйствія Вейрша. Напротивъ, его арміи пришлось перебрасывать свои силы на мѣсто австрійцевъ. Что же касается Холмскихъ позицій, то армія Макензена, обливая ихъ кровью, то продвигалась, то останавливалась. Дѣйствія ея стѣснили наши налеты изъ-за Буга, отъ Владиміра-Волынскаго. Поэтому пришлось принять энергичныя мѣры для вытѣсненія насъ за Бугъ.

Наконецъ германцы переправились за Наревъ, Ивангородъ эвакуировался. Армія Вейрша соединилась съ арміей эрцгерцога Іосифа, и Варшава оказалась на днѣ мѣшка. Насталъ часъ для ея очищенія.

Въ такомъ положеніи застала насъ годовщина войны. Грозный девятый валъ поднялся и, перемахнувъ черезъ Вислу, хлынулъ на пути въ центральную Россію.

Заключеніе.

По странному стеченію обстоятельствъ годъ войны засталъ насъ тамъ, гдѣ предполагалось собственно начать войну Россіи съ Германіей, ибо судьба Варшавы предрѣшена была ея несчастливымъ положеніемъ на передовомъ, неудобномъ театрѣ войны.

Поэтому естественно было слышать недоумѣнные возгласы скорби о жертвахъ, понесенныхъ за годъ тяжелой и столь славной борьбы.

На это необходимо отвѣтить, что годъ ни въ какомъ случаѣ не пропалъ для насъ даромъ. Дѣйствительно для насъ выгоднѣе, можетъ быть, было бы окопаться и ждать за нашими естественными рубежами нашествія враговъ, которыхъ мы встрѣтили бы непочатой силой. Но мы боремся совмѣстно съ союзниками и не трудно представить себѣ, что было бы, если бы спокойные за Восточный фронтъ, германцы бросили бы всѣ $4^1/_2$ милліона свои и 2 милліона австрійцевъ на Францію. Мы не допустили этого. Мы приковали и свели до степени ничтожества не плохую австрійскую армію, мы рвали куски изъ германскаго звѣря, насѣвшаго на нашихъ друзей и заставили, наконецъ, бросить ихъ и идти на борьбу къ намъ. Все это заняло годъ времени и потребовало много жизней нашихъ отцовъ и братьевъ. Но вѣдь пока боремся мы съ врагами, отдохнувшіе друзья сдѣлали то, что германцамъ нечего больше думать о нападеніи на западный фронтъ и приходится уже очень бояться за собственную безопасность тамъ. Въ то же время друзья изъ-за моря шлютъ намъ могучую помощь, которая уже ощущается на поляхъ битвъ.

Другой вопросъ, что было бы, если бы, раздавивъ Францію, германцы всѣ свои соединенныя силы обратили на насъ и мы приняли бы ихъ ударъ въ предѣлахъ своихъ территорій? Ничего, можетъ быть, не было бы, если бы, подобно имъ, мы заранѣе мобилизовали промышленность. Но этого не было и можно думать, что, засыпавъ насъ всѣми своими снарядами, они проникли бы въ наши питающіе центры и парализовали бы ихъ.

Но мы приняли ударъ врага вдали отъ своихъ границъ и когда онъ достигъ ихъ, то силы его оказались наполовину ослабленными. Это дало возможность остановить нашествіе до подхода его къ главнымъ центрамъ, которые теперь готовятъ смерть и уничтоженіе.

Большая жизнь дается суровыми испытаніями и средства вынести ихъ далъ намъ первый годъ войны.

Борисъ Филатовичъ.

Годъ войны на франко-бельгійскомъ фронтѣ.

Планъ войны.

Тщательно изучая условія будущей войны, германцы предвидѣли, что вести ее придется съ Франціей и Россіей одновременно. Поэтому въ основу ихъ приготовленій было положено все то, что связано съ войной на два фронта. Въ такихъ условіяхъ, учитъ военная наука, нападающій долженъ избрать болѣе сильнаго изъ противниковъ и быстро обрушиться на него всѣми своими силами. Разгромивши его и принудивъ къ миру, нападающій обращается на второго противника, не опасаясь больше за свой тылъ. Поэтому германскому генеральному штабу предстояло рѣшить, кто изъ противниковъ долженъ подвергнуться нападенію раньше и подготовить все необходимое для того, чтобы сосредоточеніе германскихъ войскъ на предназначенномъ фронтѣ произошло, какъ можно скорѣе.

Оцѣнивая силы будущихъ противниковъ, творецъ германской стратегіи Мольтке считалъ, что нападеніе должно быть произведено сначала на Францію, такъ какъ несовершенство русской мобилизаціи и ея путей сообщеній дастъ возможность разгромить французовъ пока русская армія будетъ готова къ борьбѣ.

Планъ Мольтке имѣлъ сильнѣйшаго противника въ лицѣ генерала фонъ-Гольца, который высоко цѣнилъ русскую армію и считалъ, что на нее можно напасть только до ея окончательнаго сосредоточенія и развертыванья. Однако, генеральный штабъ и нѣкоторыя придворныя интриги, исходившія отъ матери кронпринца, мечтавшей о тріумфальномъ вступленіи своего сына въ Парижъ, поддержали Мольтке. Въ результатѣ рѣшено было оставить противъ Россіи австрійскую армію и нѣсколько германскихъ корпусовъ и всѣми силами германскихъ войскъ обрушиться на Францію. Для созданія молніеносности этого удара было обращено особое вниманіе на развитіе желѣзнодорожной сѣти и организацію гер-

манской мобилизаціи. На 12-й день съ начала войны германская армія должна была закончить свою мобилизацію, а на 13-й уже вступить въ бой съ французами, раздавить ихъ своимъ численнымъ превосходствомъ и на 16—17-й день принудить ихъ къ миру. На 18—19 й день назначалась перевозка германскихъ корпусовъ на нашу границу, что должно было занять только 6 дней, и на 24—25 день германцы должны были начать кампанію въ Россіи.

Остановившись на такомъ рѣшеніи, германцы должны были разработать планъ нападенія на Францію.

При желаніи они могли бы использовать имѣвшійся въ архивахъ планъ войны 1870 года, приведшій къ побѣдѣ. Однако, генеральный штабъ произвелъ въ немъ коренное измѣненіе. Мольтке велъ армію такъ, что впередъ выдвигалось лѣвое крыло, и этимъ французская армія отрѣзалась отъ южныхъ провинцій съ запасами продовольствія и людскихъ контингентовъ. Новые руководители германскихъ вооруженныхъ силъ рѣшили дѣйствовать наоборотъ и выдвинуть впередъ правое крыло. Такой ходъ давалъ французской арміи выгоды, утраченныя французами въ прошлой войнѣ. Но для германцевъ онъ диктовался идеей молніеносности, такъ какъ въ такомъ случаѣ, минуя трудные пути, германскія арміи попадали кратчайшими и удобнѣйшими путями къ Парижу въ обходъ всей французской арміи. Для достиженія этого необходимо было пройти черезъ Бельгію. Вопросъ о нарушеніи ея нейтралитета обсуждался въ Германіи очень долго. Сопротивленіе, которое могли бы оказать бельгійцы не принималось въ разсчетъ. Походъ черезъ Бельгію былъ рѣшенъ и съ него и началась кампанія на западномъ фронтѣ.

Какъ видно планъ германцевъ смѣлый и опасный для ихъ противниковъ все же страдалъ крупными недостатками. Первый заключался въ томъ, что на западный фронтъ не были направлены всѣ силы австро-германскаго союза и свыше милліона австрійцевъ остались на русскомъ фронтѣ. Это раздѣлило силы австро-германцевъ и привело къ пораженію на западѣ и въ Галиціи по частямъ.

Второй очень крупный недостатокъ обычно повторялся во всѣхъ планахъ прошлыхъ войнъ Австріи и Пруссіи. Это слишкомъ точное распредѣленіе операцій по срокамъ, такъ что не остается мѣста для случайностей, каковыя между тѣмъ, играютъ первенствующую роль на войнѣ. А между тѣмъ по плану германцевъ каждая операція должна была продолжаться точно опредѣленное время. Совершенно исключалась инициатива и воля противника. И поэтому какъ только она была проявлена въ видѣ отчаяннаго сопротивленія бельгійцевъ, затянувшихъ борьбу вмѣсто нѣсколькихъ дней на мѣсяцъ, тотчасъ же въ планахъ отдѣльныхъ операцій произошло смѣшеніе. Всѣ строго расчитанныя движенія поѣздовъ и

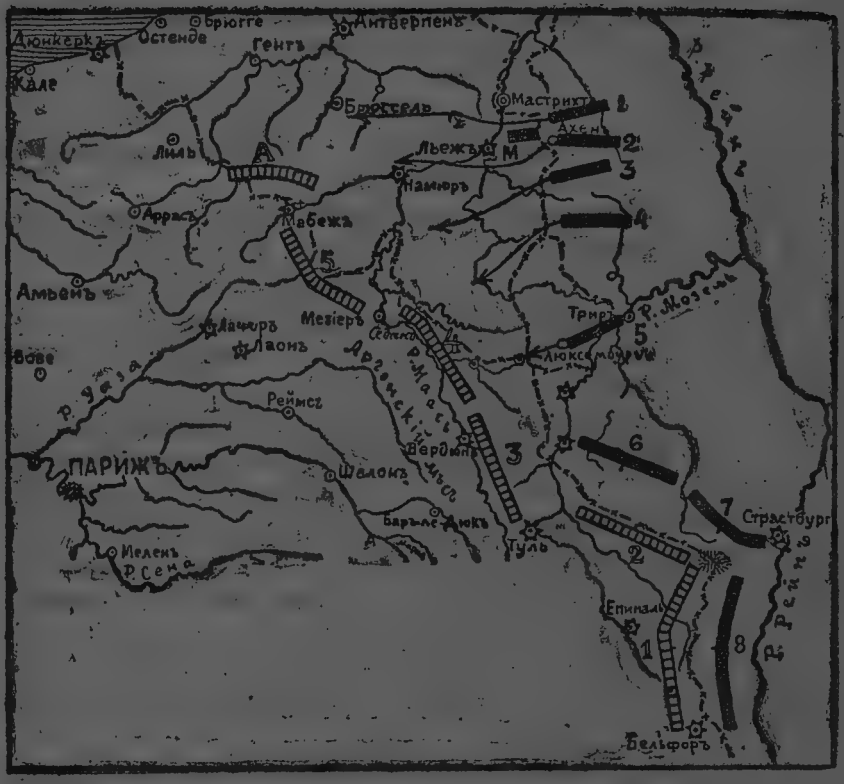
армій тотчасъ же оказались невѣрными. На остановившіяся войска въ тылу, напирали слѣдующія сзади. Станціи оказались забитыми. Германская армія, несмотря на побѣду въ Бельгіи, оказалась въ тяжеломъ положеніи. Смѣшеніемъ всѣхъ расчетовъ могла быть вызвана катастрофа и только неподготовленность французовъ и громадныя усилія воли генеральнаго штаба Германіи дали возможность установить порядокъ. Все-таки время оказалось упущеннымъ и когда германскія арміи снова были двинуты впередъ, передъ ними стала стѣна французскихъ армій.

Нападеніе германцевъ на Бельгію. Демонстрація французовъ въ Имперской области.

Французская армія въ самомъ началѣ войны вынуждена была держаться выжидательнаго образа дѣйствій. Главнокомандующій могъ ждать, что германцы пройдутъ черезъ Маасскія ворота, т. е. между крѣпостями Лонгвиль и Вердюнъ, и попытаются либо обойти лѣвый флангъ или прорвать центръ и броситься къ Парижу. Не зная еще точно, куда направлены взоры германскаго генеральнаго штаба, французы должны были быть одинаково сильными на всемъ фронтѣ. Кромѣ того, въ виду того, что на нихъ должны были обрушиться всѣ почти корпуса германской арміи, естественно имъ слѣдовало уклониться отъ этого страшнаго удара, чтобы принять его уже ослабленными въ болѣе выгодныхъ условіяхъ. Время столкновенія всецѣло зависѣло отъ продолжительности сопротивленія бельгійцевъ, что давало возможность французамъ приготовиться къ отраженію противника.

Поэтому генералиссимусъ Жоффръ распредѣлилъ свои силы равномѣрно по всему фронту и на первое время ограничился лишь удержаніемъ германцевъ для выясненія ихъ дальнѣйшихъ замысловъ.

До перваго столкновенія французскія войска были сгруппированы въ 5 армій. 1-ая Дюбайля расположилась на фронтѣ отъ Швейцарской границы до горы Дононъ. 2-я подъ командою Кастельяно защищала фронтъ Дононъ—Нанси. 3-я Раффая прикрывала Вевръ отъ наступленія германцевъ съ укрѣпленной линіи Мецъ—Тіонвиль. Наконецъ, 4-я и 5-я арміи Ланглe-де-Карн и Ланрезака группировались на бельгійскомъ фронтѣ. Англичане, располагавшіе къ началу войны очень незначительнымъ количествомъ территоріальныхъ войскъ, тѣмъ не менѣе успѣли перевести на французскую территорію 2 армейскихъ корпуса подъ командою фельдмаршала Френча, которые развернулись на крайнемъ лѣвомъ флангѣ общаго расположенія.



Начало военныхъ дѣйствій.

Французы: 1. армія Дюбайля, 2. армія Кастеляно, 3. Руфай, 4. Лангле-де-Кари, 5. Ланрезацъ, А. Англійская армія (Френчъ).

Германцы: Маасская армія (Эммихъ), 1. Армія Клука, 2. Бюловъ, 3. Гауфенъ, 4. Принцъ Вюртенбергскій, 5. Кронпринцъ Прусскій, 6. Кронпринцъ Баварскій, 7 Герингъ, 8. Прикрытіе (Деймлингъ).

Германцы, которые двинули въ боевую линію не только полевые и резервные корпуса, но и ополченцевъ, располагали для перваго столкновенія массой свыше 44 корпусовъ, сведенныхъ въ 9-ть армій. Только одна изъ нихъ и притомъ самая слабая (Деймлинга) прикрывала имперскія области и тылъ германскихъ войскъ, все же остальное двинулось между Ла-Шапелемъ и Страсбургомъ. Это были: 1-я армія Клука, 2-я Бюлова, 3-я фонъ-Гаузена, 4-я принца Вюртенбергскаго, 5-я Кронпринца, 6-я Кронпринца Баварскаго и 7-я Геринга. Кромѣ того, одна армія, составлявшая авангардъ германцевъ на правомъ крылѣ, называлась Маас-

ской (Эммиха) и предназначена была для угрозы королю Альберту, в случаѣ его отказа принять ультиматумъ Германіи, и нападенія на Льежъ.

Ночью съ 3 на 4-е сентября н. с. первые отряды германцевъ перешли границу Бельгіи и на слѣдующій день появились передъ Льежемъ. Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ полутора дивизій полевой пѣхоты подъ командой генерала Лемана. Бельгійцы отбили всѣ бѣшенныя атаки германцевъ съ большими потерями для нихъ.

Крѣпость Льежъ состояла изъ 12 фортовъ въ 2—5 верстахъ одинъ отъ другого, вооруженныхъ 6-ти дюймовыми пушками, размѣщенными въ броневыхъ башняхъ. Башни въ свою очередь были заключены въ бетонные колодцы. Кромѣ этихъ пушекъ имѣлись скорострѣльныя орудія, устроенныя на подымающихся и опускающихся платформахъ. Эти форты постройки знаменитаго инженера Бріальмона не чинились уже болѣе 30 лѣтъ, такъ какъ нейтралитетъ Бельгіи былъ гарантированъ Германіей. Тѣмъ не менѣе они представляли еще очень прочныя постройки. Недостатокъ ихъ былъ тотъ, что они слишкомъ мало были удалены отъ города и снаряды, выпущенные по нимъ попадали и въ городъ, и кромѣ того, вопреки новѣйшимъ требованіямъ военнаго дѣла, артиллерія ихъ находилась тутъ же. Это привлекало на форты всю массу германской артиллеріи и подвергало огню пѣхоту.

Тѣмъ не менѣе Льежъ держался очень упорно, такъ что Эммиху пришлось остановить свое наступленіе и потребовать тяжелую артиллерію.

Послѣ ряда энергичныхъ штурмовъ Эммиху удалось завладѣть нѣсколькими фортами на правомъ берегу Мааса. Сѣверные форты продолжали держаться. Но послѣ паденія первыхъ фортовъ, городъ былъ занятъ германцами, а это облегчило овладѣніе остальными фортами Все же защита бельгійцами своей старой крѣпости тянулась двѣ недѣли, что и послужило первой причиной неудачи германскихъ плановъ, согласно которымъ къ этому сроку долженъ былъ пасть уже Парижъ.

Пока шла борьба за Льежъ, а потомъ за Намюръ, полевая армія бельгійцевъ, къ которымъ стали подходить на помощь французы, сильно тѣснила правый крайній флангъ германцевъ. Приближался 12-й день послѣ объявленія войны и французская мобилизація заканчивалась. Германцы оказались въ затруднительномъ положеніи. Съ сѣвера ихъ тѣснили бельгійцы, опиравшіеся на Брюссель, на западѣ стояла готовая къ бою французская армія. Германцы оказались втиснутыми между бельгійцами и французами и за недостаткомъ мѣста не могли развернуть своихъ силъ. Оставивъ армію Эммиха для борьбы съ Льежемъ, армія Клука двинулась черезъ Маасъ ниже по теченію Льежа, по направленію къ Брюсселю, чтобы такимъ образомъ расширить арену борьбы. Но встрѣченные новымъ

упорнымъ сопротивленіемъ бельгійцевъ, германцы принуждены были искать прохода еще сѣвернѣе. Въ стремленіи вырваться изъ крѣпкой дуги франко-бельгійцевъ, армія Клука дошла до Голландской границы и даже задѣла своими операціями часть нейтральной территоріи.

Такъ Бельгія разстроила планъ германцевъ и для возстановленія необходимаго положенія германская армія принуждена была дать въ Бельгіи цѣлый рядъ боевъ, терять время и людей совсѣмъ не тамъ, гдѣ это предполагалось. Между тѣмъ, французы, не сомнѣваясь болѣе въ намѣреніи Германіи проникнуть черезъ Бельгію, начали кампанію на крайнемъ противоположномъ крылѣ и повели наступленіе въ Эльзасъ.

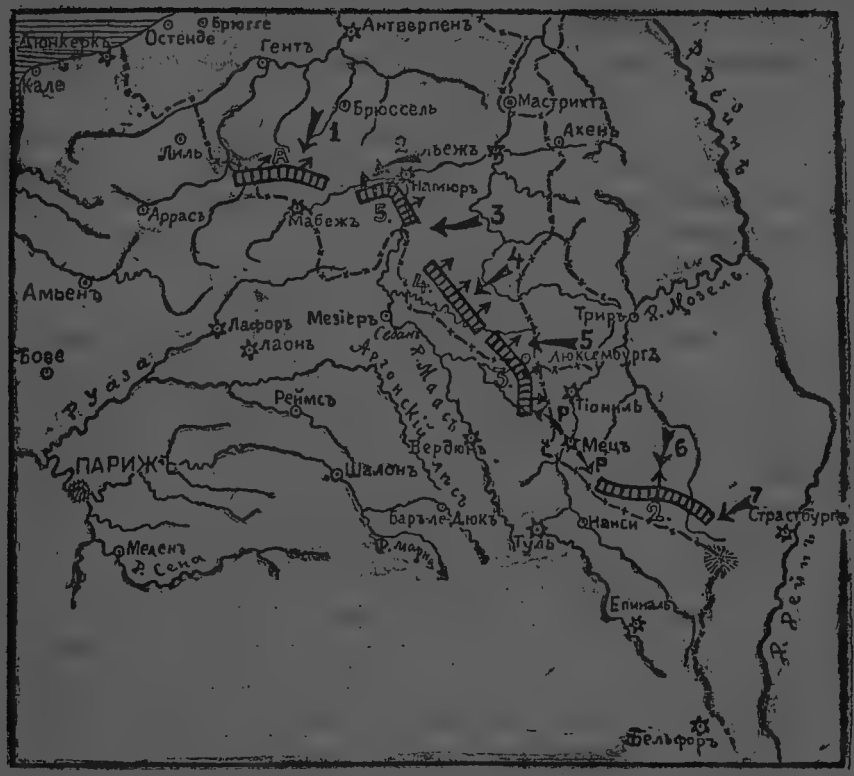
7-го августа бригада арміи Дюбайля отбросила германцевъ, прикрывавшихъ Альткирхенъ и вступила въ Мюлузу. Французскіе стрѣлки проникли черезъ горные проходы Вогезъ и спустились въ долины Эльзаса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Лотарингіи генералъ Кастеляно также повелъ наступленіе и къ 18-му августа занялъ уже линію Дельме—Моранжъ и Сарребургъ.

Демонстрируя такимъ образомъ на правомъ флангѣ германцевъ угрозой имперскимъ провинціямъ и, можетъ быть, даже выходомъ въ долину Рейна, французы кромѣ косвенной помощи бельгійцамъ не переставали посылать имъ подкрѣпленія. 10-го августа н. с. лѣвое крыло французскихъ армій начало наступленіе въ Бельгію и вообще по всему французскому фронту произошла подвижка армій въ ту сторону. Армія Рюффея заняла мѣсто Лянгле-де-Кари и т. д. Въ тоже время развернулась англійская армія фронтомъ на Брюссель съ юга.

Главныя силы еще не принимали участія въ бояхъ.

Первое генеральное сраженіе и отступленіе французовъ.

Положеніе въ Бельгіи внушало самое серьезное опасеніе германцамъ. Война затягивалась. Необходимо было сломить сопротивленіе бельгійцевъ и разбить французскую армію раньше, чѣмъ она окончательно завершитъ свои приготовленія. Поэтому, пославъ значительныя подкрѣпленія на правый флангъ и въ Эльзасъ для вытѣсненія оттуда французовъ, германцы въ тоже время снялись съ своихъ позицій и перешли въ наступленіе по всему фронту. Армія Клука переправилась черезъ Маасъ, атаковала бельгійскую армію, насчитывавшую въ своихъ рядахъ не болѣе 150.000 человѣкъ, отбросила ее къ Антверпену и заняла Брюссель. Армія Бюлова (2 я) переправилась черезъ притокъ Мааса въ направленіи къ Дюи, перешла черезъ Маасъ и въ этомъ районѣ и оттѣснила французовъ къ Мобежу. Генералъ Гаузенъ и принцъ Вюртембергскій (4 и 5-я арміи) прошли Арденны. На ихъ лѣвомъ флангѣ двинулась 5-я армія кронпринца, нарушив-



Первое сраженіе.

шая нейтралитетъ Люксембурга. Въ то же время къ востоку отъ Меца 6-я армія кронпринца Баварскаго атаковала Кастелано.

Въ такомъ положеніи разразился первый генеральный бой, въ которомъ французамъ имѣвшимъ не много болѣе 1.000.000 штыковъ и сабель, пришлось выдержать натискъ $2^1/_2$-милліонной арміи германцевъ, причемъ на лѣвое крыло обрушилось сразу четыре арміи, которыя разъединили французовъ и бельгійцевъ и стали обходить лѣвый флангъ французскаго расположенія. Французы, атакованные такимъ образомъ сразу съ трехъ сторонъ, не могли и думать о движеніи впередъ, такъ какъ достаточно было пораженія одного корпуса, чтобы тонкая линія войскъ была прорвана и наступила катастрофа. Поэтому, отдавъ приказаніе своему правому крылу постепенно уходить съ германской территоріи, Жоффръ сталъ осторожно оттягивать назадъ весь свой фронтъ.

Первымъ началъ отступленіе Кастеляно. Его поддержалъ гарнизонъ Туля и часть арміи Дюбайля. Съ помощью ихъ Кастеляно благополучно

избѣжалъ катастрофы но только къ 7-му сентября могъ остановиться на новыхъ позиціяхъ, такъ какъ въ это время разыгрались событія на Марнѣ, потребовавшія полнаго напряженія, вниманія и силъ германцевъ.

Пока отступало правое крыло, 3-я и 4-я арміи были атакованы въ Бельгіи 4-й и 3-й германскими арміями, вышедшими изъ Люксембурга. Лѣсистая мѣстность не давала произвести кавалерійскую или воздушную развѣдку, артиллерія не имѣла совершенно обстрѣла, отдѣльныя части пѣхоты подвергались окруженію. Положеніе французовъ было очень тяжелое. Выбиваясь изъ желѣзныхъ объятій германцевъ, они отбрасывали ихъ отъ себя и отходили на западъ. Отходъ ихъ обнажилъ правое плечо 5-й французскіой арміи, которая въ это время, пройдя Шарлеруа, задержалась въ окрестностяхъ Намюра. Она оказалась охваченной съ сѣвера 2-й германской арміей, съ юга 3-й арміей и изогнута въ дугу. Въ это же время англійскія войска должны были сдерживать натискъ всѣхъ силъ армій Клука. 27-го августа англичане оказались сильно сжатыми между Ландресье и Камбри.

Въ то же время бельгійцы, предоставленные самимъ себѣ, съ помощью незначительнаго количества оставшихся съ ними французовъ, продолжали бороться съ окупаціонной арміей, прижавшей ихъ къ Антверпену.

Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, сдерживая потрясающій натискъ германской арміи, французы постепенно отходили въ глубь своей территоріи, приближаясь къ Парижу, и требовалось исключительное хладнокровіе генералиссимуса и вѣра въ него Франціи, чтобы эти операціи вмѣсто катастрофы обратить въ великолѣпный стратегическій маневръ, въ которомъ соединилась удивительная прозорливость, пониманіе врага, умѣнье обратить его же оружіе противъ него самого, громадное хладнокровіе, вѣра въ армію, маневръ, который не забудется въ исторіи народовъ.

Генаралиссимусу Жоффру предстояло рѣшить: идти ли на Парижъ подъ защиту величайшей въ мірѣ крѣпости и тамъ дать германцамъ сраженіе, или пожертвовать имъ въ надеждѣ найти болѣе удобное положеніе, въ которомъ можно было бы сразиться съ германцами. Но отлично сознавая, что для арміи недопустимо спасаться подъ крѣпостныя стѣны, гдѣ можетъ ждать ихъ „Седанъ“, Жоффръ повелъ свои арміи на Юго-Востокъ, въ промежутокъ между Парижемъ и Верденомъ. Здѣсь были сосредоточены всѣ его силы, заново перегруппированныя съ новыми талантливыми военачальниками, значительно увеличенныя. Правѣе Вердена оставлена была только 2-ая армія, такъ какъ ясно было, что германцы, вѣрные своей доктринѣ, имѣютъ всѣ свои силы на лѣвомъ крылѣ французовъ съ цѣлью обойти его и совершить окруженіе около мертвыхъ точекъ Вердена и Туля.

Поэтому словно поддаваясь замысламъ германцевъ, Жоффръ провелъ

свое лѣвое крыло даже мимо Парижа, для защиты котораго осталась небольшая армія Манури (6-я).

Германцамъ также предстояло два рѣшенія, броситься на Парижъ и захватить столицу Франціи, или обратить ее въ простой географическій пунктъ и, минуя ее, броситься въ погоню за уходящими на юго-востокъ отъ Парижа французами, чтобы довершить ихъ пораженіе.

Графъ Мольтке, вѣроятно, вопреки желаніямъ императора, не пошелъ въ Парижъ, а провелъ свое правое крыло (армія Клука) мимо Парижа, юго-восточнѣе его, вслѣдъ за лѣвымъ крыломъ французовъ. Для прикрытія же своихъ армій отъ всякихъ случайностей, онъ оставилъ противъ арміи Манури одинъ корпусъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію стратегіи двухъ полководцевъ, нужно признать, что ни тѣмъ не другимъ не сдѣлано было ошибки. Она совершена была гораздо ранѣе, еще за долго до начала войны, рѣшеніемъ германскаго генеральнаго штаба вести наступленіе во Франціи сѣвернымъ крыломъ, а не южнымъ. Разъ такъ было рѣшено, то графу Мольтке, послѣ того, какъ ему не удалось прыжкомъ черезъ Бельгію охватить французовъ и разбить ихъ на границѣ, ничего не оставалось другого, какъ стремительно гнаться за ними, давить ихъ всѣми своими силами, не давать опомниться и нанести имъ пораженіе гдѣ-нибудь въ предѣлахъ Франціи, пока страна не успѣетъ сорганизоваться для борьбы. Послѣ того, какъ Жоффръ миновалъ Парижъ и стало очевиднымъ, что борьба за оставленный правительствомъ городъ можетъ свестись только къ простому эпизоду, для Мольтке совершенно не представлялось выгоднымъ осаждать Парижъ. Это потребовало бы много времени и значительныхъ силъ, а между тѣмъ, французская армія уходила въ южныя провинціи, гдѣ ее ждали запасы продовольствія и людскія контингенты. Конечно, надо было не давая передышки французамъ, гнаться за ними, заставить ихъ принять бой.

Французы отступали со скоростью 40 — 50 киллометровъ въ день. Германцы, вполнѣ естественно, могли считать этотъ походъ почти бѣгствомъ и потому стремительно посылали впередъ свое правое крыло, чтобы охватить лѣвое крыло французовъ и отбросить снова на сѣверъ и на сѣверо-востокъ, навстрѣчу остальнымъ своимъ арміямъ.

Но тутъ произошло неожиданное. Французы, пройдя мимо Парижа, не очистили, однако, Вердена. Фронтъ Парижъ—Верденъ образовалъ гигантскую дугу съ двумя могучими крѣпостями на концахъ. Отъ Вердена къ югу тянулись войска, отошедшія изъ Эльзаса, прикрывая собой тылъ фронта Парижъ—Верденъ. Французы стремительно перешли черезъ Марну, такимъ образомъ, вышли изъ соприкосновенія съ германскими авангардами.

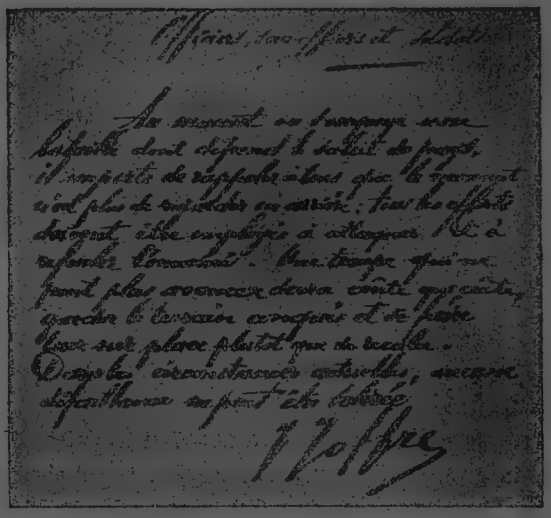
Положеніе французовъ по дугѣ, перетянутой Марной, съ двумя крѣпостями на концахъ, было первымъ выгоднымъ за эту кампанію. Зоркій глазъ Жоффра не упустилъ удачнаго момента и здѣсь онъ рѣшилъ остановиться и дать бой германцамъ

4-го сентября онъ пишетъ слѣдующій приказъ, данный арміи 5-го сентября:

„Главная квартира. 5-го сентября. Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты. Въ моментъ, когда завязывается сраженіе, отъ котораго зависитъ спасеніе страны, слѣдуетъ напомнить всѣмъ, что теперь не время оглядываться назадъ; всѣ усилія должны быть направлены на то, что-бы атаковать непріятеля и отбросить его. Армія, которая не можетъ больше продвигаться впередъ, должна во чтобы то ни стало удержать занятыя ею позиціи и скорѣе умретъ чѣмъ отступитъ.

Въ настоящихъ условіяхъ никакая слабость не можетъ быть терпима.

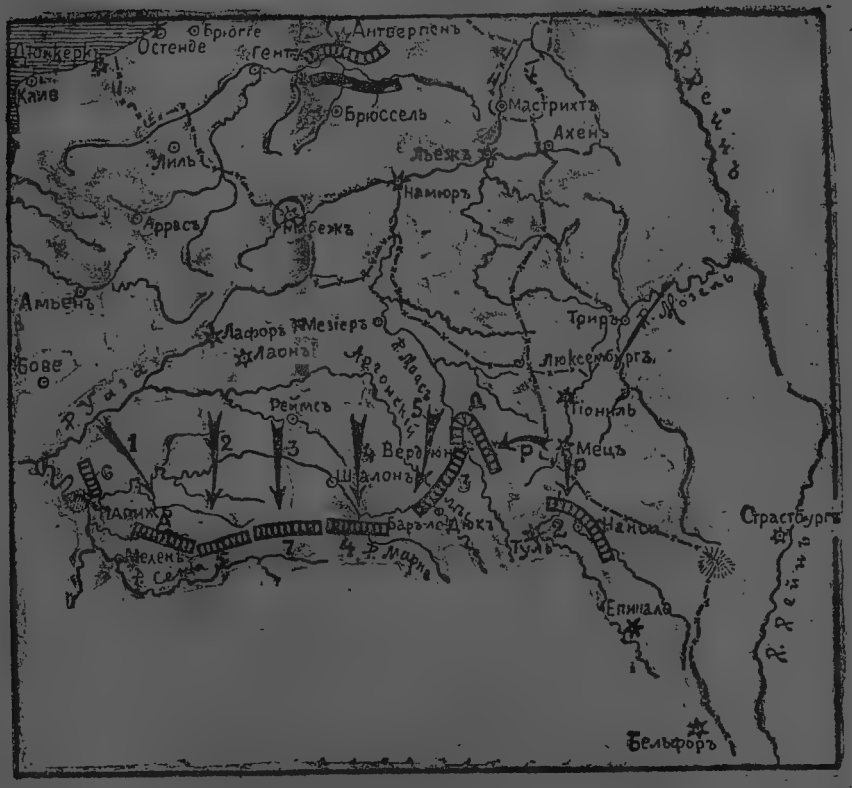
Ж. Жоффръ".



Приказъ Жоффра.

5-го числа солдаты читали приказъ и запоминали его наизусть. Войска занимали свои мѣста согласно диспозиціи на 6-е число, когда одновременно всѣ должны были броситься на врага. Но уже 4-го на лѣвомъ крылѣ войска Манури начали свое страшное дѣло.

Битва на Марнѣ.



Битва на Марнѣ.

5-го сентября н. с. англо-французская и германская армія занимали слѣдующее положеніе.

6-я армія генерала Манури состоялъ изъ 7-го корпуса, 45-й дивизіи, двухъ резервныхъ дивизій (55-й и 56-й) и трехъ кавалерійскихъ дивизій. Впослѣдствіи она была усилена еще 6-й резервной дивизіей и къ ней присоединился гарнизонъ Парижа; затѣмъ къ ней приданы были еще 4-й корпусъ, взятый изъ арміи Сарайля и подъ конецъ сраженія къ ней подошла еще 62-я резервная дивизія изъ резерва Парижа. Ея назначеніе было прикрывать Парижъ съ сѣверо-востока. Къ правому плечу 6-й арміи примыкали войска фельдмаршала Френча, состоявшія изъ 6-ти дивизій 3, 2 и 1 корпуса. Войска Френча занимали раіонъ къ юго-востоку отъ Куломье. Далѣе находилась 5-я армія подъ командой генерала Эспери, состоящая изъ 18-го, 3-го, 1-го и 10-го корпусовъ, группы 51, 53 и 69

резервныхъ дивизій, кавалерійскаго корпуса и бригады стрѣлковъ 2-й дивизіи. Эта армія прикрывала плато къ сѣверу отъ Праванса до Седзана. По сосѣдству съ 5-й арміей стала 9-я армія генера Фоша, сформированная въ концѣ августа изъ 9-го и II-го корпусовъ и 42-й дивизіи пѣхоты, дивизіи мароканъ, 52-й и 60-й дивизіи резерва и 9-й кавалерійской дивизіи. Генералъ Фошъ занималъ фронтъ отъ Седана до Мелли. Справа къ Фошу примыкала армія генерала де-Кари, состоявшая изъ 17-го и 12-го корпусовъ, колоніальнаго корпуса и 2-го корпуса генерала Герарда. Фронтъ 4-й арміи простирался на югъ отъ Орнена до Сермеза. Наконецъ, 3-я армія генерала Сорейля состояла изъ 4-го корпуса, который затѣмъ переброшенъ былъ въ армію Манури, 5-го корпуса, 6-го, части 42-й дивизіи, перешедшей потомъ въ 9-ю армію, части 5-й дивизіи, группы резервныхъ дивизій генерала Дюранда (65-й, 67-й и 75-й) и 7-й кавалерійской дивизіи. Эта армія простиралась по направленію къ Вердену.

Перечисленные корпуса и дивизіи и дрались въ битвѣ на Марнѣ.

Къ тому же времени германцы занимали слѣдующее расположеніе. На крайнемъ правомъ флангѣ 1-я армія фонъ-Клука, состоящая изъ 2, 3, 4 и 9 корпусовъ, и 4-го и 9-го резервныхъ корпусовъ и одного кавалерійскаго корпуса. Онъ слѣдовалъ по правому берегу рѣки Эна, по направленію къ Парижу. На правомъ флангѣ онъ имѣлъ прикрывающій его дѣйствія 4-й резервный корпусъ. Лѣвѣе 1-й арміи расположилась 2-я армія, состоящая изъ гвардіи, 7-го и 10-го армейскихъ корпусовъ и корпуса кавалеріи подъ командою генерала Бюлова. Къ востоку отъ Бюлова двигалась 3-я армія Гаузена, состоявшая изъ 12-го и 19-го Саксонскихъ корпусовъ. Далѣе слѣдовала 4-й армія принца Альберта Вюртенбергскаго, состоявшая изъ 6-го, 8-го и 18-го армейскихъ корпусовъ и 8 и 18 резервныхъ корпусовъ съ дивизіей кавалеріи. Наконецъ 5-я армія, подъ командой кронпринца, состоявшая изъ 5, 13 и 16 армейскихъ корпусовъ, 5 и 6 резервныхъ корпусовъ и дивизіи кавалеріи, упиралась своимъ лѣвымъ плечомъ изъ Верденъ. Далѣе 6-я и 7-я арміи принца Рупрехта Баварскаго и Геринга, дѣйствовали къ юго-востоку отъ Вердена противъ армій и Сарайля и Костеляно.

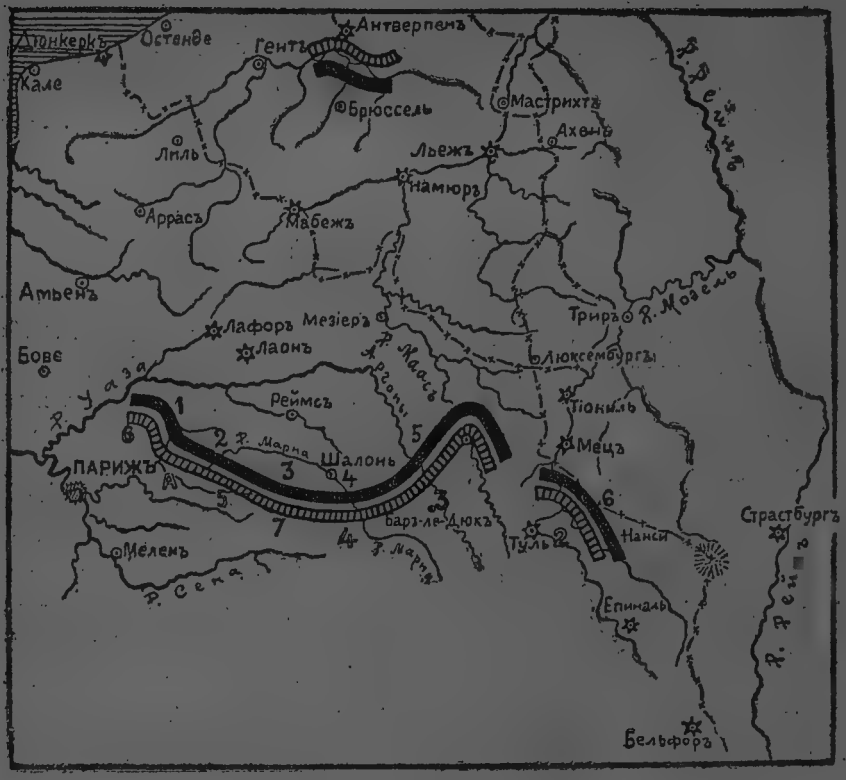
Общая атака французскихъ войскъ была назначена на 6-е, но уже 4-го вечеромъ 4-й корпусъ арміи Манури выдвинулся впередъ и атаковалъ 4-й германскій резервный корпусъ, прикрывающій Клука со стороны Парижа. Бой загорѣлся на очень неудобной мѣстности. Клукъ тотчасъ же понялъ опасность, угрожавшую ему со стороны Парижа, и немедленно послалъ на помощь своему прикрытію еще 2-й и 4-й корпуса. 5-го вечеромъ французы, несмотря на удачныя дѣйствія мароканской кавалеріи, были оттѣснены на прежнія позиціи. 6-го бой возобновился, движеніе Клука на югъ окончательно указало Жоффру опасность положенія праваго

германскаго крыла, подверженнаго нападенію отъ Парижа. Немедленно онъ даетъ подкрѣпленіе Манури и, приказывая ему атаковать всѣми силами правое крыло Клука, въ то же время, въ виду предстоящихъ событій на правомъ крылѣ германцевъ, производитъ перемѣщеніе нѣкоторыхъ корпусовъ справа налѣво. Воодушевленные приказомъ главнокомандующаго и сознавая, что отъ исхода боя зависитъ участь всей войны, французы съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ бросились на германцевъ. Клукъ былъ сразу смятъ и отброшенъ за рѣку Уркъ, въ тылъ арміи Бюлова, образовавъ съ ней острый уголъ. Манури бросался на него, постепенно выдвигаясь на сѣверо-востокъ, чтобы охватить правое крыло Клука. Въ это время англичане, замѣтивъ тяжелое положеніе Клука, также бросились на него, и въ результатѣ армія, смятая и сломанная пополамъ, была отброшена уже къ вечеру 7-го сентября за рѣку Энъ. Англичане перешли рѣку и снова атаковали Клука. Положеніе его было ужасное. Прижатый на небольшомъ неудобномъ участкѣ, онъ неминуемо долженъ былъ быть раздавленнымъ и этимъ сдѣлать брешь въ линіи германскихъ войскъ.

Видя пораженіе своего праваго крыла, германцы, несмотря на то, что сраженіе на фронтѣ, образованномъ французскими арміями, было для нихъ крайне нежелательно, принужденны были для спасенія арміи Клука и предотвращенія катастрофы броситься на французовъ. Этимъ и вызвано было грандіозное сраженіе на Марнѣ.

Удача Манури и англичанъ стала извѣстна всей арміи. Французы бросились навстрѣчу германцамъ. Произошло столкновеніе, длившееся 6-ть дней. На Марнѣ германцы обрушились громадными силами въ центръ (9-я армія Фоша), стремясь прорвать его. Несмотря на общій порывъ и крайній героизмъ, проявленный всей французской арміей, положеніе на отдѣльныхъ участкахъ иногда становилось критическимъ. Но одушевленіе и вѣра въ побѣду спасали все. Генералъ Фошъ, изнемогая подъ ударами двухъ германскихъ армій, въ самую критическую минуту тѣмъ не менѣе доноситъ Жоффру, что положеніе его блестяще. Прорывъ фронта не удался. 5-я и 9-я арміи французовъ отбросили, наконецъ, германцевъ, а правое крыло перешло черезъ Марну. Къ вечеру 8-го сентября германцы оказались въ мѣшкѣ, отдѣленные отъ своего тыла Марной, въ то время какъ французы яростно тѣснили Клука и Кронпринца, загибая, такимъ бразомъ, края мѣшка.

Видя, что борьба на Марнѣ не только не помогаетъ положенію праваго крыла, но дѣлаетъ положеніе всей германской арміи тяжелымъ и опаснымъ, германцы начинаютъ постепенно переносить центръ тяжести своихъ силъ на правый флангъ, чтобы непосредственно воздѣйствовать на Манури и англичанъ. Къ 11-му сентября всѣ германскія арміи уже были уведены



Послѣ пораженія Клука.

на правый берегъ Марны и, сдерживая натискъ французовъ на линіи Реймсъ—Витри-ле-Франсуа, Мольтке начинаетъ изгибать ихъ дугой, стремясь занять охватывающее положеніе. Усиленное правое крыло стремится на сѣверъ, чтобы прорвать тонкую линію французской кавалеріи, связывающей главный театръ борьбы съ бельгійскимъ фронтомъ и охватить съ сѣвера французовъ. Отсюда начинается параллельное движеніе соперниковъ отъ Парижа на сѣверъ, такъ какъ каждому порыву германцевъ охватить лѣвое крыло французовъ, имъ приходилось противопоставлять удлиненіе его. 12-го сентября побѣда французовъ выяснилась въ полной мѣрѣ и германцы, цѣпляясь за позиціи, съ которыхъ они были отброшены, всю свою активность перенесли на сѣверъ, противъ лѣваго крыла французовъ и бельгійцевъ.

Съ этого времени началась новая эра борьбы. Франція была спасена и дальнѣйшія операціи германцевъ уже не представлялись грозными для нея, ибо выиграно было время и каждый день ослаблялъ опасность для

Франціи. Разочарованные въ надеждахъ на быструю и легкую побѣду во Франціи, германцы всю свою ярость обратили на Бельгію и Англію, вслѣдствіе чего дальнѣйшая борьба въ главныхъ своихъ эпизодахъ протекала во Фландріи, для выхода германской арміи къ морю и угрозы оттуда англичанамъ.

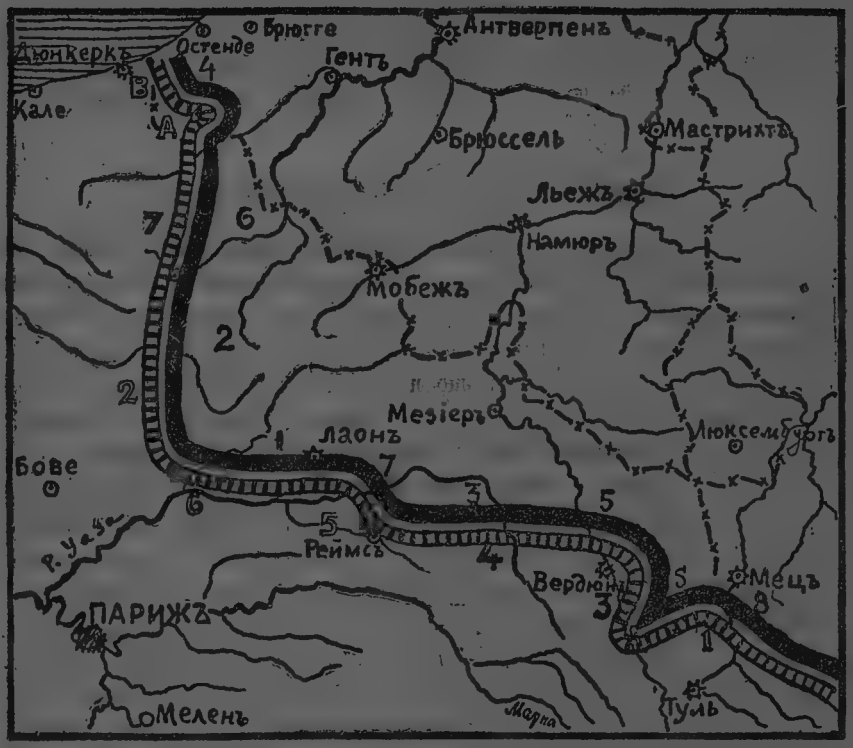
Борьба во Фландріи.

Послѣ битвы на Марнѣ, положеніе бельгійцевъ стало болѣе затруднительнымъ, такъ какъ сюда перенесенъ былъ германцами центръ тяжести борьбы. На первую очередь было поставлено овладѣніе Антверпеномъ, борьба съ которымъ усилилась во время битвы на Марнѣ, такъ какъ демонстраціей на крайнемъ сѣверѣ германцы хотѣли отвлечь туда часть французскихъ силъ. Крѣпость Антверпенъ является одною изъ лучшихъ въ мірѣ. Германцамъ она нужна была для того, чтобы устроить здѣсь базу воздушнаго и подводнаго флота для нападенія на англійскіе берега. Кромѣ того, они надѣялись, что бельгійцы будутъ бороться за нее и будучи прикованными къ крѣпости, дадутъ себя окружить. Однако король Альбертъ не нашелъ нужнымъ особенно долго удерживаться у Антверпена и когда борьба за него достигла высшаго напряженія, въ Антверпенѣ были затоплены и уничтожены всѣ запасы продовольствія, а бельгійская армія благополучно пробилась за рѣку Лисъ, вышла на морское побережье и соединилась съ лѣвымъ крыломъ французовъ. Такимъ образомъ борьба въ Бельгіи была закончена и германцы водворились тамъ, оставивъ въ распоряженіи короля Альберта лишь небольшую прибрежную полосу.

Паденіе послѣдняго оплота Бельгіи и соединеніе бельгійской арміи съ французской положило начало новому періоду войны, ставшей позиціонною. Оба противника теперь стремились прочнѣе укрѣпиться на своихъ позиціяхъ и создали изъ нихъ сплошную линію подземныхъ крѣпостей, въ которыхъ укрылись орудія, солдаты и боевые припасы.

Послѣ взятія Антверпена 100.000-я армія, осаждавшая его, присоединилась къ правому крылу германской арміи и усилила это крыло. Съ своей стороны лѣвое крыло французовъ было усилено бельгійской арміей. Правое крыло германцевъ протянулось на 400 верстъ, до самаго побережья Сѣвернаго моря.

Приблизившись къ морскому берегу, германцы попали въ сферу огня артиллеріи англійскихъ кораблей. Для борьбы съ ними германцы выставили на берегу моря многочисленныя батареи тяжелой артиллеріи, имѣвшія назначеніе прикрывать операціи своего праваго крыла, а также не допускать воздушныхъ налетовъ англійскихъ летчиковъ, которые разрушали всѣ сооруженія какъ оставленныя бельгійцами, такъ и возведенныя



Послѣднее положеніе сторонъ.

германцами. Въ то же время, чтобы успокоить общественное мнѣніе Германіи, возбужденное неудачами на западномъ и на восточномъ фронтахъ, германцы предприняли операціи для прорыва въ Кале, какъ ближайшаго пункта отъ Англіи. Въ осеннюю непогоду на каналахъ и рѣкахъ Фландріи германцы двинули двѣ арміи. Послѣ ряда боевъ, стоившихъ имъ свыше 250.000 человѣкъ, германцы окончательно отказались отъ операцій и на этомъ крылѣ. Послѣдняя ожесточенная атака въ районѣ Диксмюнде и Ипра при участіи лучшихъ корпусовъ германской арміи, добровольно пожертвовавшихъ собой, чтобы доставить радость императору прорывомъ къ Кале, была отбита и германцы оказались окончательно отброшенными за Ипрскій каналъ. Официально эта неудача была объяснена состояніемъ погоды, дѣйствительно очень неблагопріятствовавшей операціямъ.

Въ декабрѣ минувшаго года главная квартира французовъ официально отмѣтила переломъ войны и засвидѣтельствовала неудачи германскихъ замысловъ во Франціи. Отчетъ генеральнаго штаба французовъ перечислилъ пять главныхъ неудачъ германской арміи: 1) отбитіе ускоренной

атаки на Нанси, 2) остановка движенія на Парижъ, 3) неудача охвата лѣваго фланга французовъ въ августѣ, 4) неудавшійся прорывъ центра въ сентябрѣ и 5) неудачныя попытки прорваться къ Кале въ октябрѣ.

Позиціонная война на западномъ фронтѣ.

Зимой на западномъ фронтѣ воцарилось кажущееся затишье. Въ дѣйствительности же борьба продолжалась, вырывая изъ рядовъ армій многочисленныя жертвы ради захвата ничтожнаго клочка земли. Борьба велась за отдѣльные участки, наиболѣе важные въ той или иной мѣстности, для того, чтобы постепенно подготовить удобное исходное положеніе для будущаго наступленія. Французы обѣщали произвести его весной, а пока же мобилизованный тылъ напрягалъ всѣ усилія для снабженія арміи людьми и боевыми припасами. Тоже дѣлали и англичане. Прозорливымъ взглядомъ окинувъ надвигающіяся событія, англичане вѣрно оцѣнили ихъ и стали готовиться къ затяжной войнѣ. Объявленіе войны поставило передъ британцами цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ. Не имѣя воинской повинности, Англія принуждена была создавать вновь крупныя боевыя силы, причемъ для снабженія ихъ, начиная съ пуговицъ и кончая орудіями, потребовалось созданіе сѣти новыхъ фабрикъ и заводовъ. Ровно черезъ полгода послѣ начала войны англичане сдержали свое слово, высадили на берега Франціи новую армію и обѣщали создать еще. Борьба велась на фронтѣ до 1.000 километровъ протяженіемъ. Особое вниманіе французовъ обращено было въ сторону Аргонъ, гдѣ постепенно ими подготовлялось наступленіе. Аргоны представляютъ собою лѣсистую возвышенность, всю покрытую холмами и изрѣзанную оврагами. Они тянутся съ юго-востока на сѣверо-западъ на протяженіи 70 верстъ. Барьеръ этотъ пересѣкается 5-ю ущельями. Французы повели наступленіе вдоль Аргонъ, постепенно оттѣсняя германцевъ къ сѣверу. Открытая атака здѣсь невозможна и французы принуждены были сооружать минныя галлереи и вести упорную и долгую борьбу за отдѣльные участки въ 20—25 сажень. Постепенное передвиженіе въ Аргонахъ и обладаніе позиціями въ нихъ все увеличивали значеніе крѣпости Вердена, которая служила опорнымъ пунктомъ. Образовался острый клинъ и дальнѣйшія усилія французовъ направлены были на его уничтоженіе.

Съ теченіемъ времени, когда положеніе на нѣкоторыхъ участкахъ въ центрѣ стало рѣзко склоняться въ сторону французовъ, усилили они снова оборону своихъ позицій, достигши въ этомъ высшей степени искусства. Германскія траншеи, расположенныя въ нѣсколько рядовъ, представлялись совершенно неприступными и для борьбы съ ними потребовалось созданіе

новыхъ родовъ оружія въ видѣ пушекъ, стрѣляющихъ якорями, бомбометовъ, минометовъ и т. п.

Втѣстѣ съ тѣмъ германцы усилили свою дѣятельность на флангахъ. Во Фландріи французы, англичане и бельгійцы повели медленное наступленіе и стали подвигаться къ Остенде по грядамъ песчаныхъ дюнъ, а также по правому берегу Изерскаго канала. Германцамъ пришлось усиливать свои войска на правомъ флангѣ и начать контръ-наступленіе.

Въ Эльзасѣ же происходило слѣдующее. 23-го декабря французы атаковали Штейнбахъ, захватили высоты, командующія надъ главными дорогами, и затѣмъ двинулись къ Мелузѣ. Другая колонна французовъ двинулась къ Альткирхену, угрожая сообщенію Страсбурга съ Эльзасомъ. Операціи въ Эльзасѣ развивались быстро и энергично, что вызвало даже предположеніе, что Жоффръ готовитъ рѣшительный ударъ въ долинѣ Рейна.

Общественное мнѣніе Германіи снова было встревожено и, чтобы успокоить его, германцы предприняли частную операцію въ районѣ Суассона, гдѣ имѣли временный успѣхъ, и создали значительную угрозу французамъ.

На правомъ берегу Эна французскія траншеи тянулись къ востоку отъ Суассона, по гребню, огибавшему самый высокій участокъ долины рѣки. Большое разстояніе между берегами этой долины исключало возможность поддержать выдвинутыя на лѣвый берегъ рѣки траншеи. Сообщеніе между ними и главными позиціями поддерживалось по двумъ мостамъ. Германцы удачно использовали наводненіе, благодаря которому мосты были сорваны и часть французскихъ силъ на лѣвомъ берегу оказалась отрѣзанною. Тотчасъ же на нихъ были двинуты 6-ть дивизій противъ одной. Бой длился три дня и французы были оттѣснены къ самой рѣкѣ. Германцы готовились опрокинуть ихъ въ рѣку и переправиться черезъ нее. Но тутъ впервые представилась возможность развернуть всю силу французской артиллеріи, которая воочію доказала свое превосходство надъ германской и разгромивъ германскія батареи и войска, спасла положеніе. Суассонъ оказался внѣ опасности и французы даже нѣсколько продвинулись впередъ и захватили германскія траншеи. Въ Эльзасѣ же движеніе французовъ пріобрѣло еще большую интенсивность, явно угрожавшую лѣвому флангу германцевъ. На это германцы, въ свою очередь, отвѣтили рядомъ короткихъ ударовъ по всему фронту и особенно во Фландріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ большія подкрѣпленія были двинуты въ Эльзасъ.

26-го февраля французы и англичане подвели итоги своимъ дѣйствіямъ, причемъ отмѣчена была полная солидарность съ дѣйствіями на Восточномъ фронтѣ. По ихъ заявленію, всякое оживленіе дѣятельности германцевъ на русскомъ фронтѣ немедленно вызывало противодѣйствіе на Западномъ. Къ 1-му апрѣля окончательно центръ тяжести событій перенесся на

русскій фронтъ. Противъ французовъ оставлено было 35 корпусовъ общей численностью до 1½ милліоновъ человѣкъ, къ которымъ добавлено было еще 7 вновь сформированныхъ корпусовъ.

Развивая грандіозныя операціи противъ Россіи, германцы окончательно отказались отъ всякихъ серьезныхъ попытокъ противъ союзниковъ и ограничивались тамъ только отдѣльными выступленіям.

9-го апрѣля впервые ими примѣнено было дѣйствіе удушливыхъ газовъ. Это было на Ипрѣ. Новый факторъ борьбы первоначально имѣлъ большой успѣхъ, но скоро ему найдено было противодѣйствіе и, надѣвъ маски, союзники снова продолжали борьбу.

Въ серединѣ апрѣля германцы опять нанесли по всему западному фронту рядъ короткихъ ударовъ. Они атаковали французовъ въ западной Фландріи, въ области Вевра, въ Верхнемъ Эльзасѣ.

Область Вевра между Маасомъ и Мозелемъ лежитъ въ сферѣ вліянія трехъ крѣпостей: Вердена, Туля и Метца. Онѣ образуютъ треугольникъ со сторонами, длиною въ 60 верстъ каждая. Внутри его и лежитъ область Вевра. Наступленіе въ Шампань не удалось германцемъ благодаря первымъ двумъ крѣпостямъ, однако, втиснувшись между Тулемъ и Верденомъ и образовавъ своимъ положеніемъ глубокій клинъ, съ вершиной у С.-Міэля, они сильно укрѣпились и здѣсь упорно сопротивлялись. Французы много положили силъ для борьбы съ этимъ клиномъ, значеніе котораго заключалось въ томъ, что этимъ они прикрывали доступъ въ Лотарингію. Весной французы энергично взялись за этотъ клинъ. На сѣверо-западной сторонѣ его началось наступленіе къ юго-востоку отъ Вердена. Движеніе продолжалось два мѣсяца и конецъ года войны еще не засталъ здѣсь окончательнаго торжества.

Въ концѣ апрѣля германцы усиленно бомбардировали и лѣвое крыло французовъ. Но событія на русскомъ фронтѣ не позволяли имъ выйти изъ сферы отдѣльныхъ не связанныхъ въ цѣлое операцій. Наоборотъ, принужденные упорствомъ борьбы русской арміи отвлекать все новыя и новыя силы съ западнаго фронта, германцы сами опасались выступленія французовъ и англичанъ, тѣмъ болѣе, что обстановка міровой войны властно требовала этого.

Но французы не наступали и все продолжали вести позиціонную войну, накопляя свои силы для будущаго наступленія. Это заставляло германцевъ быть все время на готовѣ и въ этомъ заключалась помощь союзниковъ Россіи въ тяжкіе дни ея испытанія.

Борисъ Филатовичъ.

Война на морѣ.

Участвующія въ войнѣ великія державы по силѣ своихъ флотовъ распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ: Англія, Германія, Японія, Франція, Италія и Австрія, и театры морской войны занимаютъ почти всѣ океаны и моря земного шара. Всѣ воюющія державы имѣютъ крупные экономическіе интересы на моряхъ и всѣ онѣ граничатъ съ извѣстными районами воднаго пространства. поэтому, ихъ морскія силы принимаютъ дѣятельное участіе въ войнѣ и имѣютъ громадное значеніе какъ на исходъ военныхъ операцій, такъ и на способность любой страны находить новые рессурсы для ея веденія. Это же обстоятельство облегчеатъ для населенія несеніе бремени войны, которая не можетъ не отзываться на экономической жизни.

Во время этой войны, какъ и во всѣхъ предыдущихъ, наибольшее значеніе для ея окончанія имѣетъ владѣніе моремъ; за него борются воюющія стороны съ перваго же дня боевыхъ столкновеній. Въ отличіе отъ всѣхъ предыдущихъ войнъ на морѣ, эта война отличается нѣкоторыми характерными особенностями, изъ которыхъ наиболѣе яркой и оригинальной является то положеніе на морѣ, когда владѣніе имъ достигнуто почти въ полной мѣрѣ Англіей и ея союзниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ главныя морскіяы силъ противниковъ не уничтожены; это до настоящей войны считалось невозможнымъ, такъ какъ законъ стратегіи требовалъ, прежде всего, уничтоженія непріятельскаго флота, безъ чего владѣніе моремъ не можетъ быть прочнымъ. Но, несмотря на то, что война продолжается уже пятнадцать мѣсяцевъ, непріятельскіе флоты не только не уничтожены, но и не понесли чувствительныхъ потерь въ судовомъ составѣ и только приведены къ полной невозможности появиться въ морѣ и оказать какое-либо вліяніе на ходъ событій войны. Подобное положеніе было достигнуто при помощи напряженной работы нашего и союзныхъ намъ флотовъ, фактическая сторона дѣятельности, которыхъ отдѣльно по государствамъ и морямъ за минувшее время выражается въ слѣдующемъ видѣ

РУССКІЙ ФЛОТЪ.

Балтійское море.

Обзоръ дѣятельности нашего флота не можетъ быть полнымъ, такъ какъ многое,—при этомъ самое важное и интересное,—остается пока скрытымъ покровомъ необходимой военной тайны, и о дѣлахъ флота можно судить только на основаніи офиціальныхъ свѣдѣній, своевременно опубликованныхъ въ печати.

Военныя дѣйствія на Балтійскомъ морѣ начались 21-го іюля бомбардировкой германскимъ легкимъ крейсеромъ „Аусбургъ“ Либавы. Эта бомбардировка продолжалась менѣе часа, обстрѣливался преимущественно городъ и незначительно пострадало нѣсколько зданій. Послѣ этого нерѣшительнаго выступленія германскаго флота, въ продолженіе конца іюля, всего августа и до послѣднихъ чиселъ сентября на Балтійскомъ морѣ не произошло выдающихся событій; германскій флотъ ограничивался развѣдкой и нащупываніемъ нашихъ силъ, а нашъ, закончивъ свое боевое развертываніе, надлежащимъ образомъ подготовилъ къ оборонѣ тѣ части Балтійскаго моря, которыя имѣли стратегическое значеніе, и находясь въ полной готовности отразить врага, парализовалъ всѣ его нерѣшительныя выступленія. Изъ наиболѣе выдающихся событій за этотъ періодъ была постановка на мель 13-го августа германскаго легкаго крейсера „Магдебургъ“ у Оденсхольма, причемъ его экипажъ частью бѣжалъ на сопровождавшемъ его миноносцѣ, частью попалъ къ намъ въ плѣнъ. Затѣмъ, 24-го августа, у входа въ Финскій заливъ появились значительныя германскія морскія силы, дѣятельность которыхъ ограничилась разрушеніемъ маяка Богшеръ и потопленіемъ финлянскаго парохода „Улеаборгъ“. Съ конца сентября нѣмцы приступаютъ къ нападеніямъ на нашъ флотъ при помощи подводныхъ лодокъ; 24-го сентября они неудачно атакуютъ крейсеръ „Адмиралъ Макаровъ“, а 28-го сентября имъ удается потопить нашъ крейсеръ „Паллада“. Послѣ этого до 28-го ноября ихъ лодки 19 разъ атакуютъ наши суда и всегда, кромѣ „Паллады“, неудачно, причемъ есть основаніе предполагать, что они потеряли за это время нѣсколько лодокъ, потопленныхъ нашими судами и погибшихъ на нашихъ минахъ. Кромѣ выступленій подводныхъ лодокъ непріятель за этотъ періодъ до конца 1914 года предпринималъ рядъ демонстративныхъ дѣйствій, изъ которыхъ надо отмѣтить подходъ къ Виндавѣ 11-го сентября и бомбардировку Либавы 4-го ноября. Въ этотъ же періодъ нѣмцы потеряли на минахъ въ нашихъ водахъ броненосный крейсеръ „Фридрихъ-Карлъ“, а наши суда постепенно развивали свою дѣятельность, о сущности которой говорить пока не представляется возможнымъ.

Въ 1915-мъ году 14 и 16-го января успѣшно дѣйствовали у герман-

скихъ береговъ англійскія подводныя лодки, прикомандированныя къ нашему флоту, тогда-то былъ тяжело поврежденъ у острова Рюгенъ германскій легкій крейсеръ „Газелла“, а у острова Фемарнъ потопленъ миноносецъ. Послѣ этого только въ мартѣ непріятель начинаетъ появляться въ нашихъ водахъ, и 15-го и 16-го марта германцы опять бомбардируютъ Либаву, но безъ ощутительныхъ результатовъ. Затѣмъ, въ апрѣлѣ, нѣмецкія суда довольно часто появлялись у Либавскаго побережья и разъ даже заходили въ Рижскій заливъ (24-го апрѣля), 26-го апрѣля германскія войска при содѣйствіи флота заняли Либаву. 27-го апрѣля около этого порта былъ потопленъ англійской подводной лодкой большой германскій транспортъ, и германскія суда все время до конца мая держались между Либавой и Виндавой, всегда уходя при приближеніи нашихъ судовъ.

7-го мая нашъ флотъ понесъ тяжелую потерю: скончался въ Ревелѣ адмиралъ Н. О. Эссенъ, такъ много сдѣлавшій для флота. 21-го и 22-го мая нѣмцы произвели свою первую попытку прорваться въ Рижскій заливъ, причемъ потерпѣли неудачу и потеряли 3 своихъ судна. Кромѣ того, 21-го наша подводная лодка „Окунь“ атаковала между Виндавой и островомъ Готландъ эскадру изъ 10-ти линейныхъ кораблей, причемъ тяжело повредила одинъ изъ нихъ, а 22-го германская подводная лодка потопила нашъ заградитель „Енисей“. Затѣмъ, 25-го іюня нѣмецкія суда бомбардировали Виндаву и сдѣлали попытку высадить дессантъ; при этой операціи они потеряли одинъ миноносецъ; 19-го іюня нашъ крейсерскій отрядъ, встрѣтивъ германскій отрядъ у острова Готландъ, заставилъ заградитель „Альбатросъ“ выброситься на берегъ и нанесъ большія поврежденія броненосному крейсеру „Роонъ“. Затѣмъ въ тотъ же день англійская подводная лодка серьезно повредила у Данцига германскій крейсеръ „Принцъ Адальбертъ“. 5-го іюля нѣмцы заняли Виндаву, а 26-го ихъ суда пытались опять прорваться въ Рижскій заливъ, но потерпѣли неудачу и потеряли 1 крейсеръ и 2 миноносца. 28-го іюля опять германскія суда подходили ковходу въ этотъ заливъ, а другія произвели демонстрацію у Аландскихъ острововъ. Съ 3-го по 8-е августа была произведена попытка завладѣть Рижскимъ заливомъ при помощи большихъ силъ, но несмотря на то, что германскія суда вошли въ заливъ и даже пытались произвести высадку у Пернова, ихъ предпріятіе кончилось полной неудачей, причемъ къ 8-му числу ихъ суда очистили Рижскій заливъ, потерявъ не менѣе 3-хъ крейсеровъ и 8-ми миноносцевъ, а въ Балтійскомъ морѣ былъ поврежденъ англійской подводной лодкой крейсеръ-дредноутъ „Мольтке“. Послѣ этого германскія суда оставили попытку проникнуть въ Рижскій заливъ, и здѣсь появлялись только ихъ гидропланы, отгоняемые нашими судами. Но зато наши суда въ этомъ заливѣ продолжали свои операціи у побережья, занятаго германскими войсками, въ которое упи-

рается лѣвый флангъ германскаго боевого фронта; они обстрѣливали германскія позиціи и изъ этихъ боевъ нашихъ судовъ съ непріятельскими укрѣпленіями извѣстны бои 30 августа и 12-го сентября. Что же касается германскаго флота, то онъ послѣ начала августа не предпринималъ ничего, чтобы помочь своей арміи, упорно стремящейся завладѣть Ригой.

Черное море.

На этомъ морѣ военныя дѣйствія начались съ фактическимъ присоединеніемъ Турціи къ нашимъ врагамъ. Въ ночь съ 15-го на 16-ое октября 1914 г. турецкіе миноносцы безъ объявленія войны появились у Одессы, гдѣ потопили канонерскую лодку „Донецъ“ и обстрѣляли портъ, послѣ чего были прогнаны нашей лодкой „Кубанецъ“, а 16-го октября, утромъ у Севастополя появился германско-турецкій крейсеръ-дредноутъ „Гебенъ“ и обстрѣливалъ наши батареи, послѣ чего ушелъ въ море. Тамъ „Гебенъ“ встрѣтился съ нашимъ транспортомъ „Прутъ“, который, не желая сдаться врагу, былъ потопленъ своимъ командиромъ. Въ тотъ же день крейсера „Бреслау“ и „Гамидіе“ бомбардировали Ѳеодосію и Новороссійскъ и разбросали мины у входа въ Керченскій проливъ. Несмотря на всѣ эти выступленія германо-турецкихъ судовъ, нашъ флотъ не занялся поисками непріятельскихъ судовъ по Черному морю, на что они разсчитывали, а немедленно приступилъ къ оказанію содѣйствія нашей кавказской арміи. Благодаря операціямъ флота прекратилось сообщеніе портовъ восточной Анатоліи съ Константинополемъ, операціи флота начались, слѣдовательно, въ тылу турецкой кавказской арміи. Изъ первыхъ шаговъ нашего флота въ этомъ направленіи извѣстны обстрѣлъ Загулдака и потопленіе тамъ 4-хъ пароходовъ съ военнымъ грузомъ для арміи (26-го октября) и обстрѣлъ Трапезонда—4-го ноября.

5-го ноября у береговъ Крыма произошелъ первый бой нашихъ линейныхъ кораблей съ „Гебеномъ“, который съ серьезными поврежденіями поспѣшилъ скрыться въ Босфоръ и послѣ этого наши суда почти безпрерывно держатся у анатолійскаго побережья, несмотря на то, что по временамъ турецкія суда показываются иногда около нашихъ портовъ. Къ концу 1914 года турецкія суда постепенно выходятъ изъ строя. Такъ, 23-го ноября „Гамидіе“ былъ подорванъ у Босфора на нашей минѣ, а 13-го декабря подорвался тамъ же „Гебенъ“. Наши же суда регулярно показываются у турецкихъ портовъ, обстрѣливаютъ ихъ и топятъ суда съ грузомъ для закавказской арміи. Въ 1915 году, послѣ середины февраля, когда положеніе на закавказскомъ театрѣ войны достаточно опредѣлилось, наши суда переносятъ свою дѣятельность, главнымъ образомъ, къ угольному

районъ анатолійскаго побережья и къ Босфору. 22-го февраля разрушаются ими портовыя сооруженія въ Загулдакѣ, Козлу и Килимли, а 15-го марта происходитъ первый бой нашихъ кораблей съ укрѣпленіями Босфора. Послѣ этого въ указанномъ районѣ часто появляются наши корабли. Попытка германо-турокъ отвлечь наши силы къ нашимъ берегамъ кончается печально для нихъ 21-го марта. У Одессы на нашей минѣ гибнетъ турецкій крейсеръ „Меджидіе“, теперь нами поднятый и зачисленный въ списки флота, а подошедшіе къ Севастополю „Гебенъ“ и „Бреслау“, должны бѣжать въ Босфоръ, преслѣдуемые нашимъ флотомъ. 12-го апрѣля происходитъ 2-й бой нашихъ кораблей съ укрѣпленіями Босфора, 19-го опять происходитъ такой же бой, а 27-го у Босфора наши суда встрѣчаются съ „Гебеномъ“, наносятъ ему серьезныя поврежденія и ему едва удается скрыться въ проливѣ. Послѣ этого въ продолженіе всего лѣта наши суда, преимущественно миноносцы, безпрерывно рыщутъ у анатолійскаго побережья, топятъ турецкіе пароходы и парусныя суда, разрушаютъ портовыя сооруженія въ угольномъ районѣ, верфи для постройки парусныхъ судовъ во многихъ пунктахъ этого побережья и вообще не даютъ возможности туркамъ получить уголь и другіе столь нужные имъ припасы. Что же касается турецкихъ судовъ, то изрѣдка выходятъ въ море „Бреслау“ и „Гамидіе“, но всегда они встрѣчаются съ нашими миноносцами и послѣ боя уходятъ съ тяжелыми поврежденіями, не облегчивъ участи своихъ торговыхъ судовъ, которыя регулярно отправляются нашими судами на дно Чернаго моря. Съ іюля мѣсяца въ этихъ операціяхъ принимаютъ участіе и наши подводныя лодки, и надъ Константинополемъ появляются наши гидропланы. Въ концѣ августа и въ началѣ сентября турки выпускаютъ въ Черное море свой послѣдній козырь, германскія подводныя лодки, но ихъ операціи проходятъ безуспѣшно и не мѣшаютъ нашимъ судамъ дѣйствовать у анатолійскаго побережья. 8-го сентября у этихъ береговъ появляется кое-какъ исправленный „Гебенъ“, но и онъ не мѣняетъ положенія. 18-го сентября наши корабли опять производятъ разгромъ Загулдака и другихъ портовъ угольнаго района. Въ результатѣ такой дѣятельности нашего флота, онъ оказывается полнымъ хозяиномъ на Черномъ морѣ и совершенно парализуетъ турецкій флотъ. Усиліями нашихъ судовъ и англійскихъ подводныхъ лодокъ въ Мраморномъ морѣ турецкій флотъ превращенъ въ ничтожную, неспособную къ бою величину. Что касается турецкаго транспортнаго флота, то нашими судами потоплено болѣе 80 пароходовъ съ углемъ и другими запасами и болѣе тысячи парусныхъ судовъ. Нашъ же флотъ, послѣ перваго дня войны, не потерялъ больше ни одного судна, потери же его въ личномъ составѣ крайне ничтожны.

На другихъ моряхъ къ началу войны у насъ было только 2 крейсера „Аскольдъ“ и „Жемчугъ“ во Владивостокѣ. Они 12-го августа вышли въ

море для совмѣстной дѣятельности по поимкѣ въ Тихомъ и Индійскомъ океанахъ германскихъ крейсеровъ и для охраны морской торговли. Изъ этихъ судовъ „Жемчугъ“ былъ потопленъ 16-го октября въ Пенангѣ германскимъ крейсеромъ „Эмденъ“, а „Аскольдъ“, послѣ очищенія океановъ отъ германскихъ крейсеровъ, пришелъ вначалѣ декабря въ Средиземное море. Здѣсь онъ сначала оперировалъ у береговъ Сиріи, захвативъ нѣсколько германскихъ пароходовъ и имѣлъ перестрѣлку съ турецкими позиціями на берегу моря, а 19-го февраля присоединился къ союзной эскадрѣ у Дарданеллъ и все время принималъ самое энергичное, неоднократно отмѣченное нашими союзниками, участіе во всѣхъ операціяхъ у этого пролива, у Смирны, и, наконецъ, у болгарскихъ береговъ.

ФЛОТЫ НАШИХЪ СОЮЗНИКОВЪ.

Сѣверное море и Англійскій каналъ.

Всѣ операціи нашего и союзныхъ флотовъ происходятъ по взаимному соглашенію и имѣютъ между собой связь, но фактически нашимъ Балтійскому и Черноморскому флотамъ приходится выступать на отдѣльныхъ моряхъ, которыя пока отрѣзаны отъ другихъ морей и океановъ, гдѣ оперируютъ суда нашихъ союзниковъ. Только въ Балтійское море проникли черезъ минированные датскіе проливы и кордонъ германскихъ судовъ англійскія подводныя лодки. Вслѣдствіе этого дѣйствія нашихъ флотовъ надо было разсмотрѣть отдѣльно. Что касается флотовъ нашихъ союзниковъ, то они дѣйствуютъ совмѣстно на всѣхъ морскихъ театрахъ войны, изъ которыхъ самымъ важнымъ является Сѣверное море. Тамъ сосредоточены главныя морскія силы самаго серьезнаго нашего противника—Германіи. Съ уничтоженіемъ германскаго флота въ Сѣверномъ морѣ долженъ окончательно выясниться исходъ войны на морѣ.

На этомъ морѣ война, которая была объявлена Англіей Германіи 23-го іюля, застала англійскій флотъ въ полной боевой готовности и мобилизированнымъ, причемъ его главныя силы „Home-fleet“, затѣмъ переименованныя въ „Grand Fleet“, находились въ морѣ и были готовы нанести пораженіе германскому флоту, еслибы онъ вышелъ въ море. Но основныя силы германскаго флота „Hochsee flotte“ 16-го іюля изъ Норвежскихъ водъ спѣшно пришли въ Киль и Германія начала войну 23-го іюля попыткой поставить минное заграждение у англійскихъ береговъ, вблизи порта Гарвичъ, причемъ германскій заградитель „Königin Louise“ былъ потопленъ. На одной изъ поставленныхъ имъ минъ погибъ англійскій легкій крейсеръ „Amphion“. Послѣ этого германскія суда приступили къ выполненію своего плана войны, который заключался въ по

степенномъ уничтоженіи судовъ англійскаго флота посредствомъ минъ и подводныхъ лодокъ, причемъ ихъ главныя силы заперлись въ своихъ укрѣпленныхъ портахъ у входа въ Кильскій каналъ. Что касается англійскаго флота, то онъ приступилъ къ наблюденію за германскими главными силами и къ охранѣ путей сообщенія между Англіей и Франціей, что было необходимо для перевозки англійскихъ войскъ на континентъ. Кромѣ того, какъ въ Сѣверномъ морѣ, такъ и въ Англійскомъ каналѣ и вообще вокругъ острововъ Великобританіи, англійскій флотъ приступилъ къ охранѣ торговыхъ путей и входовъ въ свои порты. Дѣятельность германскихъ судовъ не оправдала надеждъ Германіи, такъ какъ, начиная съ перваго выступленія ихъ подводныхъ лодокъ, 28-го іюля, когда была потоплена крейсеромъ „Birmingham“ лодка „V. 15“ у Ньюкестля и до конца декабр. имъ удалось при помощи своихъ минъ и подводныхъ лодокъ потопить одинъ старый броненосецъ, 3 старыхъ броненосныхъ крейсера, 2 старыхъ бронепалубныхъ крейсера, 1 легкій крейсеръ и 2 канонерскихъ лодки. До конца 1914 года въ Сѣверномъ морѣ можно отмѣтить слѣдующія наиболѣе выдающіеся событія: бой 15-го августа у Гельголанда когда англійскія суда произвели усиленную развѣдку и потопили 3 легкихъ германскихъ крейсера и 2 миноносца; затѣмъ въ октябрѣ и началѣ ноября англійскія суда въ высшей степени успѣшно оперировали у береговъ Бельгіи, поддерживая крайній лѣвый флангъ франко-бельгійской арміи, и принимали участіе въ пріостановкѣ движенія нѣмцевъ на Калэ. 19-го декабря былъ произведенъ чрезвычайно смѣлый набѣгъ англійскихъ легкихъ крейсеровъ, подводныхъ лодокъ и гидроплановъ на Куксгафенъ, въ которомъ воздушныя суда разрушили нѣкоторыя важныя портовыя сооруженія. Что же касается германскаго флота, то его главныя силы не показывались въ морѣ и только 21-го октября и 4-го декабря отрядъ германскихъ крейсеровъ произвелъ набѣги на незащищенныя англійскіе города, въ первомъ случаѣ на Ярмутъ и Ловестофтъ, а во второмъ на Гардпуль, Уитби и Скарборо, при чемъ во время бомбардировокъ этихъ городовъ были разрушены частныя зданія и убито и ранено много мирныхъ жителей. Въ 1915 году, 11-го января, нѣмцы хотѣли повторить такой же набѣгъ, но онъ кончился для нихъ неудачно; въ Сѣверномъ морѣ у Доггеръ-банки они были встрѣчены англійской эскадрой линейныхъ крейсеровъ. Во время происшедшаго боя, являющагося самымъ значительнымъ морскимъ боемъ этой войны, былъ потопленъ германскій броненосный крейсеръ „Блюхеръ“ и получили очень тяжелыя поврежденія линейные крейсера „Зейдлицъ“ и „Дерфflингеръ“.

Послѣ этого боя нѣмцы переходятъ къ другой тактикѣ для нанесенія Англіи рѣшительнаго удара. Тактика эта заключалась въ блокадѣ береговъ Англіи, при помощи подводныхъ лодокъ, которыя должны были то-

пить всѣ торговыя суда какъ входящія, такъ и выходящія изъ англійскихъ портовъ. Такого рода дѣятельность германскихъ подводныхъ лодокъ фактически началась 17-го января, но сама „блокада“ была объявлена 5-го февраля и результатомъ дѣятельности этихъ судовъ было потопленіе около 300 пароходовъ, парусныхъ и рыбачьихъ судовъ какъ англійскихъ и союзныхъ съ нею державъ, такъ и нейтральныхъ, причемъ послѣдніе составляютъ около 30 процентовъ всѣхъ потопленныхъ судовъ. Эти дѣйствія германскихъ подводныхъ лодокъ представляли собой полное нарушеніе всѣхъ нормъ международнаго права, такъ какъ суда топились безъ осмотра, предупрежденія и вмѣстѣ съ экипажемъ и пассажирами. Самымъ звѣрскимъ поступкомъ было потопленіе 24-го апрѣля громаднаго трансатлантическаго парохода „Лузитанія“, на которомъ погибло болѣе тысячи человѣкъ. Но этой дѣятельностью нѣмцы совершенно не достигли своей цѣли, такъ какъ морская торговля Англіи производилась почти безъ затрудненій. Если нѣмцы и топили въ рѣдкихъ случаяхъ 10—12 судовъ въ недѣлю изъ выходившихъ и входившихъ въ англійскіе порты 1.500 судовъ, то они потеряли до 60 своихъ подводныхъ лодокъ. Англичане приняли, разумѣется, самыя энергичныя и разнообразныя мѣры для уничтоженія этихъ судовъ, и мѣры эти въ концѣ-концовъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Что касается остальныхъ событій на Сѣверномъ и другихъ, окружающихъ Англію моряхъ, то они заключались въ рѣдкихъ встрѣчахъ мелкихъ англійскихъ и французскихъ судовъ съ германскими. Главныя силы англійскаго флота несли безпрерывное наблюденіе за берегами Германіи, сторожа выходъ основныхъ силъ ея флота и не допуская въ ея порты какихъ-либо судовъ, это обстоятельство привело Германію въ отношеніи моря въ положеніе осажденной крѣпости. На ряду съ этимъ продолжалась безпрерывная перевозка англійскихъ войскъ на континентъ. Операція эта не ознаменовалась ни однимъ случаемъ нападенія на транспорты германскихъ подводныхъ лодокъ, какъ ни стремились онѣ къ этому. Наконецъ, у бельгійскаго побережья англійскія суда постоянно разрушали германскія укрѣпленія, особенно у Зеебрюгге, гдѣ нѣмцы устроили базу для своихъ подводныхъ лодокъ.

Средиземное море.

Въ западной части Средиземнаго моря и въ Адріатическомъ морѣ съ начала военныхъ дѣйствій союзный франко-англійскій флотъ, состоявшій преимущественно изъ французскихъ судовъ, выполнялъ главнымъ образомъ двѣ задачи: 1) обезпеченіе свободнаго сообщенія по Сѣверному морю, по

которому, кромѣ торговыхъ судовъ, плавало много транспортовъ съ войсками, перевозимыми изъ англійскихъ и французскихъ колоній на континентъ Европы, и 2) уничтоженіе или приведеніе къ бездѣйствію австрійскаго флота. Первую часть этой второй задачи выполнить не удалось, такъ какъ австрійскій флотъ, послѣдовавъ совѣту союзнаго, германскаго флота, заперся въ своихъ укрѣпленныхъ портахъ Полѣ и Каттарро и не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, кромѣ разбрасыванія минъ и рѣдкихъ выступленій подводныхъ лодокъ, которымъ удалось за все время операцій французскаго флота, до вступленія въ ряды воюющихъ державъ Италіи, потопить только одинъ французскій броненосный крейсеръ „Леонъ-Гамбетта“. Что касается французскаго флота и части англійскихъ судовъ, то они въ Адріатическомъ морѣ прекратили всѣ морскія сношенія Австріи съ внѣшнимъ міромъ и нѣсколько разъ бомбардировали Каттарро. Изъ морскихъ боевъ былъ только одинъ 3-го августа у послѣдняго порта, когда былъ потопленъ австрійскій легкій крейсеръ „Зента“.

11-го мая Италія объявила войну Австріи и всѣ операціи въ этомъ морѣ велись съ этого времени итальянскимъ флотомъ при нѣкоторомъ содѣйствіи англійскихъ и французскихъ судовъ. За это время крупныхъ столкновеній между итальянскими и австрійскими морскими силами не было. Австрійцы пытались лишь производить набѣги на итальянскіе города легкими крейсерами и миноносцами, что всегда кончалось ничтожными результатами, а итальянцы разрушили на островахъ Далматинскаго архипелага наблюдательные пункты и нѣкоторыя укрѣпленія, заняли островъ Пелагоза и поддерживали на берегу моря правый флангъ своей арміи. За это время итальянцы потеряли два броненосныхъ крейсера („Амальфи“ и „Гарибальди“), одинъ миноносецъ и одну подводную лодку, а австрійцы нѣсколько подводныхъ лодокъ и миноносцевъ.

Въ восточной части Средиземнаго моря военныя дѣйствія начались со вступленіемъ Турціи въ число воюющихъ державъ. Въ 1914-мъ году англо-французская эскадра ограничилась только наблюденіемъ за турецкими берегами и производствомъ развѣдки какъ у Дарданеллъ, такъ и у Смирны, у береговъ Сиріи и въ другихъ пунктахъ. Укрѣпленія Дарданеллъ были подвергнуты обстрѣлу первый разъ 22-го октября. Изъ выдающихся событій за это время слѣдуетъ отмѣтить въ высшей степени смѣлую развѣдку Дарданеллъ англійской подводной лодкой „Б. II“; она потопила 2-го декабря турецкій броненосецъ „Мессудіе“. Затѣмъ Англія, въ виду войны съ Турціей, объявила объ аннексіи острова Крита и своемъ протекторатѣ надъ Египтомъ, которые до этого времени были оккупированы англійскими войсками, первый съ 1878 года, а второй съ 1882 г. Въ январѣ 1915 года союзнымъ судамъ пришлось принять дѣятельное участіе въ оборонѣ Суэцкаго канала, который пытались занять турки и по-

терпѣли въ этомъ полную неудачу. Съ окончаніемъ операцій по защитѣ этого канала союзники приступили къ давно подготовлявшимся систематическимъ дѣйствіямъ у Дарданеллъ, имѣвшимъ цѣлью занять берега этого пролива и пройти въ Мраморное море. Эта операція началась 6-го февраля бомбардировкой входныхъ укрѣпленій пролива, послѣ чего союзныя суда почти ежедневно вели бой съ турецкими батареями. Самый серьезный бой уже во внутренней части пролива произошелъ 5-го марта. Во время этого боя отъ пловучихъ минъ погибли два англійскихъ и одинъ французскій броненосецъ. Послѣ этого, когда были закончены подготовительныя работы по высадкѣ на Галлипольскій полуостровъ экспедиціонной арміи, 12-го апрѣля началась эта въ высшей степени трудная операція, и союзники черезъ нѣсколько дней заняли южную оконечность полуострова и мѣстность у м. Габа-Тепе. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени идетъ постепенное продвиженіе союзныхъ войскъ на этомъ полуостровѣ, при чемъ военныя дѣйствія съ мая мѣсяца приняли позиціонный характеръ со всѣми признаками затяжной военной операціи. Суда союзнаго флота оказываютъ въ высшей степени существенную помощь сухопутнымъ войскамъ и безпрерывно ведутъ бой съ турецкими укрѣпленіями и позиціями турецкихъ войскъ, при чемъ они владѣютъ южной частью пролива до его наиболѣе узкаго мѣста Килидъ-Баръ-Чанакъ-Калеси. Кромѣ того, начиная съ конца апрѣля, союзныя подводныя лодки нашли возможность проникать въ Мраморное море, гдѣ онѣ дѣйствуютъ на путяхъ сообщеній укрѣпленнаго района Дарданеллъ съ Константинополемъ, топя германскіе транспорты съ войсками и боевыми припасами и часто появляясь у столицы Турціи и главной базы турецкихъ армій и флота.

Изъ другихъ операцій въ этомъ районѣ Средиземнаго моря союзники поддерживали блокаду береговъ Турціи отъ Дарданеллъ до Египта, вели подготовительныя операціи для занятія Смирны и обстрѣливали различные пункты Малоазіатскаго побережья. Въ началѣ мая въ Эгейскомъ морѣ появились германскія подводныя лодки, которыя должны были дѣйствовать на путяхъ сообщенія вспомогательныхъ базъ союзниковъ у пролива съ Египтомъ и другими пунктами Средиземнаго моря и въ срединѣ мая потопили у Дарданеллъ два англійскихъ броненосца. Послѣ этого союзникамъ пришлось принять энергичныя мѣры для обнаруженія базъ непріятельскихъ подводныхъ лодокъ и для ихъ уничтоженія.

Другіе театры морской войны.

На другихъ моряхъ и океанахъ заслуживаютъ вниманія операціи по парализованію дѣятельности германскихъ крейсеровъ и по занятію бывшихъ

германскихъ колоній. Къ началу войны нѣмцы имѣли въ Тихомъ океанѣ два броненосныхъ и 3 легкихъ крейсера, въ Индійскомъ—одинъ легкій крейсеръ и въ Атлантическомъ—одно такое же судно. Затѣмъ имѣлось нѣсколько болѣе мелкихъ судовъ, и были вооружены и посланы въ море быстроходные торговые пароходы. Нѣмцы пытались при помощи этихъ судовъ подорвать морскую торговлю своихъ противниковъ. У нихъ была создана превосходная организація по снабженію топливомъ и пищевыми припасами этихъ судовъ, независимо отъ ихъ базъ—колоній, отъ которыхъ они были отрѣзаны съ первыхъ же дней войны. Но, несмотря на это, нѣмецкимъ судамъ удалось нанести незначительный вредъ нашимъ союзникамъ, ихъ крейсера потопили всего около 60 торговыхъ судовъ, что не оказало ни малѣйшаго вліянія на морскую торговлю Англіи и союзныхъ ей державъ. Въ частности, 2 броненосныхъ и 3 легкихъ крейсера оперировали въ Тихомъ океанѣ, и 24 октября имъ удалось у береговъ Чили потопить послѣ упорнаго боя 2 англійскихъ броненосныхъ крейсера, но затѣмъ эти суда были загнаны въ Атлантическій океанъ, гдѣ 26-го ноября, у Фалкландскихъ острововъ, послѣ боя были потоплены 2 броненосныхъ и 2 легкихъ крейсера, а третій ушелъ и былъ уничтоженъ въ Тихомъ океанѣ 3 марта. Въ Индѣйскомъ океанѣ оперировали 2 легкихъ крейсера, причемъ наиболѣе отличился крейсеръ „Эмденъ“, но и онъ кончилъ свою карьеру 29-го октября, будучи уничтоженъ у Кокосовыхъ острововъ, а второй крейсеръ „Кенигсбергъ“ былъ также 29-го октября запертъ въ рѣкѣ Руфиджи на восточномъ берегу Африки и послѣ нѣсколькихъ попытокъ англичанъ былъ окончательно уничтоженъ 21-го іюня 1915 г. двумя англійскими мониторами, пришедшими для этой цѣли изъ Англіи. Наконецъ, послѣдній крейсеръ „Карлсруе“ послѣ удачной дѣятельности въ Атлантическомъ океанѣ погибъ отъ взрыва въ январѣ 1915 г. Что же касается вспомогательныхъ крейсеровъ, то они были частью потоплены англичанами, частью скрылись въ нейтральные порты, гдѣ и были разоружены.

Что касается германскихъ колоній, то къ началу войны Германія владѣла въ Азіи, Африкѣ и въ Тихомъ океанѣ колоніями общимъ пространствомъ въ 2.907.900 квадратныхъ верстъ и съ населеніемъ въ 12 милліоновъ человѣкъ. Владѣнія эти очень быстро перешли въ руки союзниковъ или были отрѣзаны отъ моря и обречены на постепенное завоеваніе. Изъ этихъ колоній наиболѣе значительной въ стратегическомъ отношеніи была Кіао-Чао въ Китаѣ. Она была завоевана японцами, начавшими операціи противъ этой крѣпости одновременно съ объявленіемъ войны Германіи, т. е. 13-го августа. 25-го октября эта сильно укрѣпленная германская база сдалась. Въ продолженіе августа и сентября англичанами и японцами были заняты всѣ германскія владѣнія въ Тихомъ океанѣ, на-

примѣръ, острова Самоа, Нов. Гвинея, Маршальскіе, Каролинскіе и Маріанскіе. Въ Африкѣ первымъ былъ занятъ Тоголандъ, затѣмъ были заняты береговые пункты въ Камерунѣ, въ Юго Западной и Восточной Африкѣ. Эти операціи были закончены къ концу 1914 года. Окончательное завоеваніе Юго-Западной Африки было завершено въ концѣ іюня. Въ другихъ колоніяхъ нѣмцы еще до сихъ поръ продолжаютъ оказывать сопротивленіе, но ихъ войска загнаны вглубь страны, вдаль отъ берега моря и желѣзныхъ дорогъ, и фактически эти владѣнія уже принадлежатъ союзникамъ.

Наконецъ, англичане ведутъ еще операціи въ Нереизскомъ заливѣ, гдѣ ихъ войска успѣшно продвигаются впередъ въ Мессопотамію и находятся далеко отъ Багдада. Въ связи съ операціями у Суецкаго канала, англійскимъ и французскимъ судамъ пришлось дѣйствовать въ Красномъ морѣ, причемъ всѣ эти вспомогательныя операціи происходили съ успѣхомъ, и нѣмцамъ и туркамъ приходилось только отступать.

Въ такомъ видѣ представляются въ главныхъ чертахъ операціи на моряхъ во время этой войны, причемъ здѣсь событія изложены до начала сентября, т. е. до выступленія Болгаріи на сторонѣ нашихъ враговъ и до послѣднихъ событій на Балтійскомъ морѣ, когда начались операціи подводныхъ лодокъ на путяхъ сообщенія Германіи съ Скандинавскими странами.

Отсюда видно, что, за исключеніемъ рѣдкихъ неудачъ, успѣхъ всегда сопутствовалъ нашему и союзнымъ намъ флотамъ, что надо приписать не только превосходству въ силахъ надъ непріятелемъ, чего въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, на Балтійскомъ морѣ не было, но и лучшей боевой подготовкѣ морскихъ силъ державъ четверного согласія и опытности ихъ личнаго состава, а также и крупнымъ ошибкамъ, допущеннымъ Германіей при использованіи своей многочисленной и отличной морской силы, забывшей уроки стратегіи и пустившейся въ авантюристскія предпріятія на морѣ, плоды чего она пожинаетъ въ настоящее время, когда ея морская сила не имѣетъ никакого вліянія на ходъ событій этой войны.

Влад. Энгельманъ.

Внутренняя жизнь.

I.

Великая война разразилась, когда внутренняя жизнь Россіи шла по старому, проторенному послѣдними годами, пути. Первая половина 1914 г. носила въ себѣ типическіе признаки прочно установившагося политическаго курса. Н. А. Маклаковъ, И. Г. Щегловитовъ и Л. А. Кассо—эти Государственные дѣятели осуществляли политику, смыслъ и значеніе которой и въ обществѣ, и въ законодательныхъ учрежденіяхъ вызывали вполнѣ опредѣленную оцѣнку. Въ обществѣ чувствовалось глухое недовольство, которое раздѣлялось и наиболѣе умѣренными элементами. Это отражалось и на дѣятельности законодательныхъ палатъ, постоянно приходившихъ въ столкновеніе, какъ между собою, такъ и съ кабинетомъ. Верхняя палата вела свою линію, не считаясь ни съ чѣмъ. Гос. Совѣтъ въ первую половину 1914 г. отклонилъ думскіе проекты объ отдыхѣ торгово-промышленныхъ служащихъ, о волостномъ земствѣ, о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ, и послѣднимъ актомъ „нормальной“ дѣятельности верхней палаты было отверженіе той формы государственной росписи, которая была принята Гос. Думой. Гос. Дума пыталась бороться, подвергая рѣзкой критикѣ политическій курсъ, и передъ самой войной выразила свое отношеніе къ нему въ видѣ крайне отрицательныхъ формулъ, принятыхъ громаднымъ большинствомъ при обсужденіи смѣтъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Формула, предложенная октябристами и группой центра въ засѣданіи Гос. Думы 4 мая 1914 г., между прочимъ, гласитъ: „... Гос. дума находитъ: 1) что политика министерства, стѣсняющая и ограничивающая дѣятельность земскихъ и городскихъ учрежденій, подрываетъ мѣстныя силы, которыя въ теченіе 50 лѣтъ принимали самое дѣятельное участіе въ духовномъ и экономическомъ развитіи страны; 2) что, поощряя повсемѣстный административный

произволъ, она вызываетъ недовольство и глухое броженіе въ широкихъ спокойныхъ слояхъ населенія и тѣмъ способствуетъ возникновенію и усиленію противогосударственныхъ теченій; 3) что, препятствуя проведенію въ жизнь ряда Высочайшихъ манифестовъ и указовъ, она противодѣйствуетъ возвѣщенной съ высоты Престола непреклонной волѣ Монарха, и 4) что такое положеніе, ослабляя мощь Россіи, угрожаетъ ей неисчислимыми бѣдствіями,—Гос. Дума обращаетъ вниманіе правительства на опасность этой политики".

Эта формула была принята октябристами, оппозиціей и группой центра и сопровождалась криками—„въ отставку, въ отставку!" Не менѣе опредѣленна формула, принятая по поводу смѣты министерства народнаго просвѣщенія. И здѣсь устанавливается, что политика министерства „неминуемо самымъ печальнымъ образомъ должна отразиться на общемъ культурномъ ростѣ населенія Россіи", что „отношеніе къ материнскимъ языкамъ въ школѣ вызываетъ непріязненное чувство въ инородческомъ населеніи къ правительству и власти и тѣмъ вредитъ русской государственности".

Мы приводимъ эти формулы, какъ яркое, сжатое выраженіе внутреннополитическихъ настроеній наканунѣ войны. Къ этому нужно еще прибавить, что лѣто 1914 г. ознаменовалось рабочими безпорядками въ Петроградѣ, причемъ волненія сопровождались большими эксцессами.

Вся эта картина, будто по мановенію волшебнаго жезла, претерпѣла поистинѣ чудесное превращеніе съ объявленіемъ войны. Призывъ манифеста „оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди великихъ державъ" встрѣтилъ откликъ среди всего населенія Имперіи. Лозунгъ манифеста 20 іюля—„въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри"—сталъ сразу дѣйствительностью. Глубоко государственное настроеніе охватило всѣ слои и группы населенія. Шумныя манифестаціи первыхъ дней и всѣ бурныя проявленія политическаго настроенія смѣнились особой сосредоточенностью и сознаніемъ важности и отвѣтственности момента. Разгромъ дома германскаго посольства въ Петроградѣ и нѣсколькихъ магазиновъ съ нѣмецкими вывѣсками былъ только единичнымъ печальнымъ инцидентомъ, нарушившимъ общее настроеніе. Первая мобилизація прошла не только образцово, въ смыслѣ соблюденія порядка, но и съ такой быстротой, которая превзошла расчеты, и несомнѣнно, что этотъ крупный военный фактъ, въ значительной степени обусловившій наши успѣхи при первомъ наступленіи на Восточную Пруссію, былъ тѣсно связанъ съ общимъ настроеніемъ народныхъ массъ. Первый разъ въ Россіи мобилизація была трезвая. Повсемѣстно на время мобилизаціи были закрыты винныя лавки, трактиры и пивныя, и результаты получились столь блестящіе, что со всѣхъ сторонъ въ Петроградъ полетѣли ходатайства о продленіи

запрещенія. Ходатайствовали органы самоуправленія, крестьянскія общества и всякія общественныя организаціи. О благодѣтельномъ вліяніи смѣлаго опыта въ первое время писалось чрезвычайно много. „Русское Слово“, при посредствѣ телеграфа, устроило анкету по всѣмъ мѣстамъ Россіи и получило рядъ данныхъ, свидѣтельствовавшихъ о чудесныхъ экономическихъ и моральныхъ послѣдствіяхъ запрета. Изъ Симбирска сообщили, что преступность уменьшилась на 90%, изъ Орла это сокращеніе опредѣляли въ 80%, въ Ярославлѣ въ маѣ и іюнѣ въ полицейскихъ участкахъ было зарегистрировано около 1900 задержанныхъ за пьянство, а въ первый мѣсяцъ запрета—только 32. Отовсюду корреспонденты посылали восторженныя вѣсти о полномъ измѣненіи внѣшняго облика жизни деревни, объ облагороженіи и т. п.

Въ первые же дни войны ярко проявилось и государственное единеніе народностей, населяющихъ Россію. Поляки, литовцы, евреи, армяне, латыши и татары, всѣ наперерывъ спѣшили выразить чувства, воодушевлявшія ихъ, и готовность бороться за государство, въ сохраненіи и развитіи котораго они видятъ залогъ и своего благополучія. И настроеніе было таково, что никому не приходило въ голову, что эти заявленія могутъ быть неискренни. Чувствовалась стихійная тяга къ государственности, какъ къ великому цѣлому, которое усиливаетъ и сливаетъ разнообразныя части страны. Интересно отмѣтить, что въ сторонѣ отъ этого движенія не остались и финляндцы. Они проявили не только совершенную лойяльность, но и большую активность въ оказаніи помощи русскимъ путешественникамъ, возвращавшимся изъ-за границы, и въ содѣйствіи мобилизаціи, поскольку она касалась Финляндіи.

Эти настроенія были углублены созывомъ Гос. Думы, указъ о чемъ послѣдовалъ одновременно съ объявленіемъ войны.

„Въ виду ниспосланныхъ отечеству Нашему тяжкихъ испытаній, желая быть въ полномъ единеніи съ народомъ, признали Мы за благо созвать Гос. Думу и Гос. Совѣтъ“,—въ такихъ выраженіяхъ Высочайшій указъ 20 іюля изъяснилъ необходимость возобновленія занятій законодательныхъ палатъ.

Установленіе начала, что при тяжкихъ испытаніяхъ, ниспосланныхъ родинѣ, народное представительство должно быть налицо, встрѣтило сочувственный откликъ со всѣхъ сторонъ; въ общественное сознаніе прочно вошелъ принципъ, что Гос. Дума должна явиться тѣмъ національнымъ центромъ, вокругъ котораго будутъ группироваться всѣ общественныя силы, что именно во время испытанія объединяющая и организующая роль естественно выпадаетъ народному представительству. Въ теченіе всего страшнаго года именно эта идея росла и укрѣплялась, и на этой именно почвѣ и происходили наиболѣе драматическіе уклоны нашей внутренней политики, наиболѣе рѣзкія несогласія съ общественностью.

Первая думская сессія, начавшаяся и кончившаяся въ одинъ день, 26 іюля, носила характеръ грандіозной, исторической демонстраціи. Страна, въ лицѣ представительныхъ учрежденій, выявляла полное свое единство и свою рѣшимость сохранить Русское государство въ полной неприкосновенности, сохранить, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, великодержавность и политическое положеніе Россіи. Наибольшій интересъ, конечно, представляла позиція, которую заняли тѣ общественныя группы, которыя до того признавались недостаточно преданными существующему строю, именно, инородцы и представители оппозиціи. Сила государственной тяги и здѣсь праздновала полную побѣду. Представители всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ Россіи, сдѣлали декларацiи, проникнутыя глубокой преданностью Русскому государству.

Поляки говорили о трагизмѣ своего положенія, при которомъ „разорванный на три части польскій народъ увидитъ сыновъ своихъ во вражескихъ другъ другу станахъ“. „Но, разъединенные территоріально,—говорилъ представитель польскаго коло Яронскій:—мы въ чувствахъ своихъ и симпатіяхъ къ славянамъ должны составлять единое. Это намъ подсказываетъ не только то правое дѣло, за которое вступилась Россія, но и политическій разумъ“.

Міровое значеніе переживаемаго времени должно отодвинуть на второй планъ всѣ внутренніе счеты...

„Въ исключительно тяжелыхъ правовыхъ условіяхъ жили и живемъ мы, евреи,—говорилъ представитель еврейскаго населенія:—и, тѣмъ не менѣе, мы всегда чувствовали себя гражданами Россіи и всегда были вѣрными сынами своего отечества, и никакія силы не отторгнутъ насъ отъ нашей родины-Россіи, отъ земли, съ которой мы связаны вѣковыми узами, и въ защиту нашей родины отъ иноземнаго нашествія мы выступаемъ не только по чувству совѣсти, но и по чувству глубокой привязанности...“.

Отъ имени латышей и эстонцевъ было заявлено, что „мы... въ настоящей святой и справедливой борьбѣ пойдемъ съ русскимъ народомъ до конца“. „Литовскій народъ,—сказалъ деп. Ичасъ:—... идетъ на эту войну, какъ на священную; онъ забываетъ всѣ свои обиды, надѣясь увидѣть Россію свободной и счастливой послѣ этой войны, и надѣется, что литовцы, раскроенные надвое, послѣ сокрушенія нѣмецкой силы будутъ соединены подъ однимъ русскимъ знаменемъ“.

Прибалтійскіе нѣмцы и колонисты заявили, что они всегда считали Россію своей матерью, родиной и по примѣру предковъ готовы жертвовать жизнью и имуществомъ за единство могучей Россіи.

Таковы были декларацiи, сдѣланныя отъ имени національностей. Не менѣе рѣшительны были заявленія представителей тѣхъ политическихъ

группъ, которыя до войны были принципіальными противниками современнаго политическаго курса.

Въ декларацiи фракцiи народной свободы была опредѣлена патріотическая позиція русскаго либерализма. Не отказываясь отъ своихъ политическихъ принциповъ и обѣщая вновь заговорить о нихъ, когда настанетъ время, лидеръ к.-д. П. Н. Милюковъ заявилъ: „Но въ эту минуту всѣхъ насъ слишкомъ глубоко захватили другіе вопросы... намъ нужно сосредоточить всѣ свои силы на защитѣ государства отъ внѣшняго врага... Наше дѣло—правое дѣло: мы ведемъ борьбу за освобожденіе нашей родины отъ иноземнаго нашествія, Европы и славянства—отъ германскаго преобладанія, всего міра—отъ невыносимаго гнета постоянно растущихъ вооруженій, разоряющихъ мирныхъ тружениковъ... Въ этой борьбѣ мы всѣ заодно, мы не ставимъ условій и требованій, мы просто кладемъ на вѣсы борьбы нашу твердую волю одолѣть насильника“.

„Каково бы ни было отношеніе къ внутренней политикѣ правительства,—нашъ первый долгъ сохранить нашу страну единой и нераздѣльной и удержать за ней то положеніе въ ряду міровыхъ державъ, которое оспаривается врагами. Отложимъ же внутренніе споры и не дадимъ врагу ни малѣйшаго повода надѣяться на раздѣляющія насъ разногласія.. Пусть наши защитники не обращаются съ тревогой назадъ, а смѣло идутъ впередъ, навстрѣчу побѣдѣ и лучшему будущему“.

Представитель трудовой группы А. Керенскій, подчеркивая, что при осуществленіи идеаловъ демократіи войны бы не было, и, осуждая нашу внутреннюю политику, вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ увѣренность, что „великая стихія россійской демократіи, вмѣстѣ съ другими силами, дастъ рѣшительный отпоръ нападающему врагу и защититъ свои родныя земли, культуру, созданныя потомъ и кровью поколѣній. „Мы вѣримъ,—говорилъ Керенскій,—что на поляхъ бранныхъ въ великихъ страданіяхъ укрѣпится братство народовъ Россіи, родится единная воля и освободитъ страну отъ страшныхъ внутреннихъ путъ...“ „Крестьяне и рабочіе!—закончилъ свою рѣчь представитель трудовой группы,—всѣ, кто хочетъ счастья и благополучія Россіи, въ великихъ испытаніяхъ закалится духъ вашъ. Соберите всѣ ваши силы и, защитивъ страну, освободите ее“.

Мы подробно остановились на засѣданіи Гос. Думы 26 іюля 1914 г. потому, что именно оно очень ярко воплотило и общественное настроеніе перваго періода войны и тѣ лозунги, которые были выдвинуты, какъ цѣль великой борьбы. Общество „приняло“ войну, признало ее своимъ дѣломъ,—таковъ былъ основной фонъ. Заявленіе представителя соціалъ-демократической партіи въ Гос. Думѣ, напомнившаго, что пролетаріатъ и теперь не мѣняетъ своей принципіальной позиціи, прозвучало еле слышно. Наиболѣе вліятельная часть оппозиціи выразила готовность отказаться отъ партійной

борьбы и, вмѣстѣ со всѣми другими жизнеспособными группами, посвятить всю свою энергію дѣлу войны въ смыслѣ развертыванія творческихъ силъ страны, организаціи ихъ и высшаго напряженія общественной самодѣятельности и иниціативы, столь нужныхъ въ моментъ такого историческаго испытанія. Общество не ставило ни условій, ни требованій, но оно было увѣрено, что принципъ единенія—есть начало двустороннее. Предполагалось, что если общество горитъ жаждой творческой работы для войны, если оно стремится всемѣрно помогать государственности, то изъ этого само собой вытекаетъ, что и обществу будетъ оказано довѣріе, что будутъ устранены всѣ препоны стараго курса для общественной дѣятельности. Общество во время войны не ждало радикальныхъ преобразованій, но измѣненіе духа управленія въ смыслѣ соотвѣтствія его новому общественному настроенію подразумѣвалось само собою.

II.

Историческая сессія Гос. Думы продолжалась всего одинъ день. Вопросъ о возобновленіи занятій палатъ былъ поставленъ еще до 26 іюля. Правительство предполагало созвать вновь Гос. Думу только въ ноябрѣ 1915 г. Парламентскіе дѣятели держались того взгляда, что Гос. Дума, какъ объединяющій національный центръ, не можетъ надолго прекращать своего вліянія и что непрерывное дѣйствіе его крайне необходимо для организаціи внутреннихъ силъ страны. Эти взгляды были изложены И. Л. Горемыкину представителями фракцій. Въ указѣ о роспускѣ Думы срокъ новой сессіи былъ опредѣленъ „не позднѣе 1 февраля 1915 г., въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ“.

Во вторую половину 1914 г. законодательство и управленіе находилось внѣ всякаго вліянія народнаго представительства, и то громадное количество законодательныхъ актовъ, которое было издано за это время, исходило по премуществу отъ совѣта министровъ, который широко примѣнялъ 87 ст. Осн. Зак. Этотъ чрезвычайный путь законодательства, установленный на случай такихъ неожиданныхъ событій, какъ объявленіе войны и т. п., предполагаетъ, однако, что всѣ постановленія, издаваемыя по 87 ст., черезъ короткое время будутъ подвергаться провѣркѣ со стороны Гос. Думы. Большой перерывъ между сессіями крайне затрудняетъ эту провѣрку и дѣлаетъ ее призрачной. Поэтому уже въ концѣ августа, когда въ министерствѣ финансовъ происходили совѣщанія съ участіемъ членовъ Гос. Думы о введеніи новыхъ налоговъ, парламентскіе дѣятели указывали, что для проведенія такихъ „налоговыхъ“ законовъ необходимъ созывъ законодательныхъ палатъ и что участіе отдѣльныхъ членовъ Г. Думы въ правительственныхъ совѣщаніяхъ ни въ какомъ случаѣ

не можетъ замѣнить самихъ палатъ. Это заявленіе не оказало какого-нибудь вліянія, и въ порядкѣ чрезвычайномъ во всѣхъ областяхъ управленія былъ осуществленъ рядъ чрезвычайно важныхъ и серьезныхъ мѣръ, вызванныхъ потребностями войны. Эти мѣры принимались не только совѣтомъ министровъ, но и другими высшими учрежденіями, имѣющими право издавать общія распоряженія. Военный совѣтъ, адмиралтействъ-совѣтъ, отдѣльные министры, комитетъ финансовъ, разные спеціальные комитеты и совѣщанія—вотъ тѣ учрежденія, которыя усиленно создавали новое военное право. Главная задача состояла въ томъ, чтобы приспособить все управленіе и всю внутреннюю жизнь къ задачамъ войны. Въ первые же дни всѣ органы власти были надѣлены чрезвычайными полномочіями. Весь предполагаемый районъ военныхъ дѣйствій, а также и мѣстности, прилегающія къ нему, были объявлены на военномъ положеніи Во всей же остальной Россіи была введена чрезвычайная охрана, которая тоже предоставляетъ главноначальствующимъ чрезвычайно обширныя права. 20 іюля былъ изданъ указъ, который далъ министру внутр. дѣлъ право воспрещать сообщенія въ рѣчахъ и публичныхъ докладахъ всякаго рода свѣдѣній, относящихся къ внѣшней безопасности и предметамъ обороны. Главнокомандующіе и командующіе отдѣльными арміями получили тогда же право воспрещать всякія собранія, пріостанавливать повременныя изданія и запрещать передачу почтовыхъ отправленій и телеграммъ. Наибольшій объемъ правъ надъ гражданскимъ населеніемъ предоставленъ военной власти на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Изданное въ началѣ войны „Положеніе о полевомъ управленіи войскъ“, части котораго были опубликованы, подчиняетъ и „гражданское управленіе“ и судъ военной власти. Для этихъ же мѣстностей, а также для района, объявленнаго на военномъ положеніи, большое значеніе имѣетъ законъ 30 іюля 1914 г. о судѣ военнаго времени. Чрезвычайнымъ военнымъ судамъ, особенно корпуснымъ, подсудны не только лица, принадлежащія къ арміи, но и цѣлыя категоріи гражданскаго населенія за преступленія, такъ или иначе связанныя съ войной.

Вліяніе новыхъ исключительныхъ законовъ на внутреннюю жизнь у насъ не ощущалось особенно остро, такъ какъ и до появленія ихъ у насъ, въ болѣе смягченной формѣ, дѣйствовала усиленная охрана. Но все же новыя полномочія сказались. Въ разныхъ мѣстахъ послѣдовалъ рядъ распоряженій о пріостановленіи и закрытіи многихъ обществъ (Петроградское литературное общество, общество народныхъ университетовъ), профессіональныхъ организацій и др. Но особенно сильно состояніе войны отразилось на судьбахъ печати.

Временное положеніе о военной цензурѣ было издано въ первый же день войны, оно содержитъ въ себѣ постановленія о цензурѣ произведеній

печати, о предварительномъ просмотрѣ почтово-телеграфныхъ сообщеній и цензурѣ рѣчей и докладовъ, произносимыхъ въ публичныхъ собраніяхъ Цѣль закона, выраженная въ первой статьѣ, состоитъ въ томъ, чтобы въ военное время, въ виду исключительныхъ условій, не допускать оглашенія свѣдѣній, могущихъ повредить военнымъ интересамъ государства. Конечно, мѣры для предупрежденія появленія вредныхъ для обороны свѣдѣній необходимы и противъ нихъ никто не возражалъ. Но неопредѣленность многихъ статей временнаго закона о военной цензурѣ, а особенно сильное участіе въ этомъ учрежденіи представителей министерства внутр. дѣлъ, превратили эту исключительную мѣру, преслѣдующую спеціально военныя цѣли, въ общую предварительную цензуру добраго стараго времени. По закону полная цензура, въ видѣ предварительнаго просмотра всѣхъ произведеній печати, вводится только на театрѣ военныхъ дѣйствій. Во всѣхъ же остальныхъ мѣстностяхъ устанавливается цензура частичная, касающаяся телеграммъ и писемъ. Въ дѣйствительности же это раздѣленіе оказалось затруднительнымъ и не привело къ какимъ-нибудь результатамъ. Петроградъ и другіе крупные центры оказались въ режимѣ полной военной цензуры, но такъ какъ сама власть признала неудобнымъ установить предварительный контроль надъ всѣмъ литературнымъ матеріаломъ, то по частному соглашенію газетамъ и журналамъ было предоставлено право посылать въ цензуру только статьи и свѣдѣнія, имѣющія отношеніе къ войнѣ. Благодаря неопредѣленности этого понятія, для печати создались крайне тяжелыя условія. Путемъ практики и спеціальныхъ циркуляровъ военная цензура превратилась въ цензуру политическую и цѣлый рядъ вопросовъ былъ изъятъ изъ обсужденія. Не лучше дѣло было въ провинціи, гдѣ дѣйствовала частичная цензура. И здѣсь фактически была возстановлена предварительная цензура, достигавшая во многихъ мѣстностяхъ необычайной суровости. Уже впослѣдствіи, когда законъ о военной цензурѣ обсуждался въ Гос. Думѣ (въ іюлѣ и августѣ 1915 г.), депутаты самыхъ противоположныхъ политическихъ партій—П. Н. Милюковъ и націоналистъ Савенковъ—приводили яркія иллюстраціи того, какъ широко дѣйствовала цензура, совершенно не стѣсняясь спеціальными цѣлями войны. Суровый цензурный режимъ тѣмъ болѣе былъ тяжелъ для печати, что съ самаго начала войны всѣ органы печати были проникнуты однимъ стремленіемъ—поднять духъ страны и принять активное участіе въ той общественной мобилизаціи, которая была выдвинута войной.

Примѣненіе закона о военной цензурѣ за этотъ періодъ было далеко не ровное и зависѣло отъ политическихъ вѣяній и настроеній. Особенно сильно была ограничена свобода слова до ухода мин. вн. дѣлъ. Н. А. Маклакова, наименѣе ощущался цензурный режимъ при кн. Щербатовѣ, во время функціонированія Гос. Думы въ іюлѣ и августѣ 1915 г.

Наряду съ актами, относящимися къ полиціи безопасности, правительство издало громадное количество общихъ распоряженій, непосредственно связанныхъ съ организаціей военныхъ силъ. Мы коснемся здѣсь только нѣкоторыхъ, имѣющихъ особое значеніе для внутренней жизни. Безпримѣрное напряженіе борьбы народовъ предъявляло и предъявляетъ неслыханныя требованія живой силы. Прежнія нормы, опредѣлявшія притокъ этой силы въ армію, оказались недостаточными. Соотвѣтственно этому, серьезныя измѣненія внесены въ уставъ о воинской повинности. Отмѣнена жеребьевка, не допускается замѣна однихъ членовъ семействъ другими, установлены досрочные призывы лицъ, подлежавшихъ воинской повинности въ 1915—16 и 17 г.г., предоставлено военному министру право привлекать въ войска студентовъ, опредѣленъ порядокъ призыва меннонитовъ, внесено существенное измѣненіе въ положеніе объ ополченіи, а именно ратники ополченія 2-го разряда по новому закону могутъ быть назначаемы не только въ ополченскія дружины, какъ прежде, но и во всѣ войсковыя части; особенно энергичныя мѣры приняты для пополненія кадровъ корпуса офицеровъ, для чего облегчены условія поступленія въ военныя училища. Эти всѣ измѣненія проведены путемъ указовъ, изданныхъ въ сентябрѣ, ноябрѣ, декабрѣ 1914 г. и въ январѣ, февралѣ, мартѣ 1915 г.

Вмѣшательство государства въ экономическую жизнь во время войны проявляется въ размѣрахъ, которые совершенно невозможны въ мирное время. Выступаетъ основная задача доставить арміи и флоту всѣ необходимые предметы; къ этой задачѣ приходится приспособить всю промышленную дѣятельность, все финансовое хозяйство. Конечно, въ осуществленіи этой грандіозной задачи, затрагивающей самыя основы экономической структуры страны, дѣятельное и активное участіе общества представляется особенно важнымъ. Этотъ принципъ въ первое время войны не получилъ достаточнаго примѣненія. Сказалось старое недовѣріе къ общественнымъ силамъ, и порывъ, который охватилъ общество, не былъ въ этомъ направленіи использованъ. Правительство ограничивалось дѣятельностью своихъ органовъ и изданіемъ актовъ административнаго и законодательнаго характера. 3 августа 1914 г. было утверждено положеніе о порядкѣ производства реквизицій въ районѣ военныхъ дѣйствій, 4 сентября 1914 г. была установлена обязанность промышленныхъ заведеній исполнять заказы военнаго и морского вѣдомства премущественно передъ всѣми прочими заказами. Такое же право власть получила и относительно использованія сырья и матерьяловъ въ торговыхъ предпріятіяхъ.

Цѣлый рядъ мѣръ былъ предпринятъ для правильнаго распредѣленія припасовъ по странѣ. Но и здѣсь не была проведена какая-либо система. Предоставленіе начальникамъ военныхъ округовъ (во всѣхъ мѣстностяхъ

Россіи) права устанавливать цѣны на припасы и фуражъ, производить реквизиціи и запрещать вывозъ извѣстныхъ продуктовъ изъ даннаго района привело къ неожиданнымъ послѣдствіямъ: запретъ вывоза изъ одной мѣстности въ другую, создавая экономически-автономные районы, затрагивалъ уже не мѣстные, а общіе интересы и внесъ дезорганизацію въ дѣло снабженія многихъ районовъ предметами первой необходимости.

Финансовыя мѣры, предпринятыя властью для усиленія средствъ государства, составятъ предметъ особой статьи, мы здѣсь отмѣтимъ только, что большинство налоговъ было проведено по 87 ст., и Госуд. Дума, благодаря кратковременности сессій (январьской, іюльско-августовской 1915 г.), не успѣла ихъ разсмотрѣть въ нормальномъ законодательномъ порядкѣ.

На внутреннюю жизнь громадное вліяніе имѣла мѣра, относящаяся къ области финансоваго управленія, но своими результатами далеко выходящая за его предѣлы. Мы говоримъ о запрещеніи продажи вина, носившемъ сначала временный характеръ мѣры, пріуроченной къ мобилизаціи. Единодушное сочувствіе, съ которымъ была встрѣчена идея отрезвленія Россіи, поставило вопросъ о замѣнѣ временной мѣры постояннымъ закономъ, хотя бы изданнымъ по 87 ст.

Высочайшее повелѣніе 22 августа 1914 г. гласитъ: „Предсѣдатель совѣта министровъ увѣдомилъ министра юстиціи, что Государь Императоръ 22 августа 1914 г. Высочайше повелѣть соизволилъ существующее воспрещеніе продажи спирта, вина и водочныхъ издѣлій для мѣстнаго потребленія въ Имперіи продолжить впредь до окончанія военнаго времени". Этотъ актъ и является пока единственнымъ юридическимъ основаніемъ грандіозной реформы. Само собой разумѣется, что сложная система казенной монополіи, пустившая такіе глубокіе корни въ нашемъ быту, для своего ниспроверженія требуетъ ряда законодательныхъ мѣръ, которыя, съ одной стороны, должны ликвидировать всѣ юридическія отношенія, основанныя на монополіи, а съ другой—создать при участіи общественныхъ силъ и органовъ самоуправленія такія учрежденія, которыя могли бы закрѣпить грандіозную реформу и превратить ее изъ чрезвычайнаго опыта въ нормальный устой нашей жизни. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ этого сдѣлано не было. Даже законодательство по 87 ст., такъ легко примѣнявшееся къ самымъ мелкимъ вопросамъ, возникавшимъ за это время, почему-то примѣнено очень скупо къ этой области. Крупный актъ этого рода, имѣющій общее значеніе,—это постановленіе совѣта министровъ (27 сентября 1914 г.), предоставляющее волостнымъ сельскимъ обществамъ и городскимъ органамъ управленія право возбуждать ходатайства о воспрещеніи въ состоящихъ въ ихъ вѣдѣніи мѣстностяхъ продажи крѣпкихъ напитковъ. Эта мѣра придала реформѣ пестрый характеръ. Нормы, устанавливающія степень отрезвленія, оказались разнообразными:

въ однѣхъ мѣстностяхъ дѣйствовалъ и дѣйствуетъ полный запретъ всѣхъ крѣпкихъ напитковъ, въ другихъ—допускается продажа виноград ва вина. и т. д., и т. д. Все это вноситъ въ реформу характеръ неопредѣленности и случайности. Достаточно сказать, что правила о нарушеніи контрактовъ по найму помѣщеній, предназначавшихся для торговли крѣпкими напитками, были изданы только въ концѣ октября 1915 г., т. е. больше чѣмъ черезъ годъ послѣ начала реформы. Реформа и теперь не вылилась въ систему, благодаря чему, создалось настроеніе, при которомъ заинтересованные круги могутъ разсчитывать, что по окончаніи войны возстановится прежній порядокъ, принесшій столько зла странѣ.

Отсутствіе учрежденій, въ которыхъ народныя массы могли бы использовать свой досугъ, изгнаніе изъ обихода всякаго рода напитковъ, хотя бы съ незначительнымъ процентомъ алкоголя (пива, винограднаго вина), все это создало почву для совершенно уродливаго явленія — по бленія крайне опасныхъ для народонаселенія денатурата, „ханжи“, одеколона, политуры и т. п. суррогатовъ спиртныхъ напитковъ. Борьба съ этимъ ужаснымъ явленіемъ ведется опять-таки пока только путемъ чисто полицейскихъ запретовъ, которые большой пользы принести не могутъ. Самая благодѣтельная реформа этого періода, отъ которой ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должна отказаться страна, нуждается еще, такимъ образомъ, въ фундаментѣ...

III.

Общественное настроеніе, которое такъ ярко проявилось въ историческомъ засѣданіи Гос. Думы 26 іюля 1914 г., естественно имѣло стремленіе вылиться въ какія-нибудь практическія формы. Общество жадно стремилось къ работѣ на пользу общаго дѣла, но традиціонныя условія далеко не содѣйствовали усиленію этого порыва. Уже въ 1914 г. Вольное Экономическое общество указало на чрезвычайную важность мобилизаціи народнаго хозяйства, на необходимую реорганизацію продовольственнаго дѣла и на ту громадную роль, которую должны играть органы самоуправленія и общественныя силы. Всероссійскій земскій союзъ, возникшій 30 іюля, хотя и получилъ возможность работать, но первое время явно сквозила тенденція ограничивать его функціи. То же самое происходило и съ союзомъ городовъ, конституировавшимся въ Москвѣ 8 августа. Но все же воодушевленіе оставалось достаточно сильнымъ и захватывало круги, которые раньше стояли совершенно въ сторонѣ отъ національныхъ задачъ. Общее настроеніе перекинулось за рубежъ. Такіе видные эмигранты, какъ В. Л. Бурцевъ и кн. Крапоткинъ, выступили съ публичными заявленіями, въ которыхъ они присоединялись къ лозунгамъ, провозглашеннымъ, какъ пѣли

войны. Особенное впечатлѣніе произвело письмо Кропоткина о борьбѣ съ германскимъ милитаризмомъ. В. Л. Бурцевъ рѣшилъ вернуться на родину. Заграничная печать говорила о предстоящей политической амнистіи, которой нетерпѣливо ждали многіе русскіе изгнанники, готовившіеся посвятить свои силы служенію родинѣ. Интересно отмѣтить, что и въ русской соціалъ-демократіи за границей это теченіе нашло своихъ представителей въ лицѣ такихъ видныхъ дѣятелей, какъ Г. В. Плехановъ, Л. Дейчъ, Алексинскій и др.

Освободительный характеръ войны подчеркивался всѣми партіями—и только въ немногихъ группахъ, не имѣвшихъ особаго вліянія на общественную жизнь, вызывалъ къ себѣ скептическое отношеніе. Особенно сильны были ожиданія въ сферѣ національнаго вопроса, который выступилъ на первый планъ.

1 августа 1914 г. появилось извѣстное воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ, въ которомъ, между прочимъ, было заявлено „Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части Польскій народъ. Да возсоединится онъ воедино подъ скипетромъ Русскаго Царя! Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, языкѣ, въ самоуправленіи. Одного ждетъ отъ васъ Россія—такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которымъ связала васъ исторія. Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой идетъ вамъ навстрѣчу Великая Росссія“.

Въ Польшѣ и въ Россіи воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго было встрѣчено въ высокой степени сочувственно. Провозглашеннымъ въ немъ лозунгамъ было придано общее значеніе. Русское общество усмотрѣло въ нихъ признаніе принциповъ равноправія, свободнаго самоуправленія національностей въ культурномъ отношеніи и терпимости, которые всегда отстаивались русскими прогрессивными кругами. Коренныя преобразованія въ новомъ духѣ до окончанія войны не ожидались, но предполагалось, что они должны имѣть вліяніе на ходъ внутренней политики, и эти чаянія раздѣлялись всѣми народами, населяющими Россію и готовыми защищать русскую государственность.

Въ органѣ украинцевъ „Украинская Жизнь“ появилась декларація малороссовъ, въ которой подчеркивалось, что „національное развитіе части украинскаго народа, вошедшей въ составъ Россіи, всегда мыслилось въ предѣлахъ послѣдней и въ тѣсномъ союзѣ съ народами, ее населяющими“. Въ воззваніяхъ Главнокомандующаго, обращенныхъ къ „русскому народу“ и къ народамъ Австро-Венгріи снова подтверждалось, что Россія „ничего иного не ищетъ, кромѣ возстановленія права и справедливости“, что она несетъ теперь „свободу и осуществленіе“ народныхъ вожделѣній. Россія стремится, чтобы каждый изъ народовъ могъ развиваться и благоденство-

вать, „храня драгоцѣнное достояніе отцовъ—языкъ и вѣру, и, объединенный съ родными братьями,—жить въ мирѣ и согласіи съ сосѣдями, уважая ихъ самобытность".

Конечно, и оптимисты не надѣялись на то, что немедленно будутъ проведены соотвѣтствующія реформы, но преобладало мнѣніе, что лозунги предопредѣляютъ перемѣну общаго политическаго настроенія, что это скажется въ исчезновеніи традиціонныхъ пріемовъ, которые составляли сущность такъ называемой окраинной и инородческой политики.

Диссонансы, которые прозвучали уже въ самомъ началѣ войны въ отношеніи къ общественной иниціативѣ и самодѣятельности, оказались однако, еще болѣе сильными въ этой области. Инородческая политика в общемъ не отступила отъ традиціонной. Обсужденіе проектовъ о преобразованіяхъ въ Царствѣ Польскомъ не допускалось, и самое слово „автономія" долго признавалось запретнымъ. При занятіи Галиціи окраинная политика вылилась въ прежнія формы. Націоналисты съ епископомъ Евлогіемъ во главѣ проводили опредѣленную „обрусительную линію". Все украинское въ Галиціи было объявлено мазепинствомъ. Извѣстный украинскій дѣятель митрополитъ Шептицкій и рядъ мѣстныхъ дѣятелей были арестованы и высланы. Составъ русской администраціи въ Галиціи, даже по признанію наиболѣе умѣренныхъ элементовъ, былъ подобранъ крайне неудачно. Украинскіе общества и союзы были закрыты; подъ запретомъ оказалась украинская печать не только въ Галиціи, но и въ Россіи. Впослѣдствіи эта обрусительная политика была ярко освѣщена въ Гос. Думѣ (іюль и августъ 1915 г.), и П. Н. Милюковъ, на основаніи фактическаго матеріала, имъ собраннаго, заявилъ по поводу административныхъ экспериментовъ въ Галиціи: „Мы присутствовали при невѣжественной и наивной попыткѣ посягнуть на вѣру населенія только-что пріобрѣтенной провинціи, для управленія которой были посланы отбросы русскаго провинціальнаго чиновничества. Мало того, что эти новые ташкентцы оттолкнули отъ насъ родственное намъ населеніе, они пытались затмить лучезарный ликъ великой освободительной войны, они посягнули на одушевляющій насъ и нашихъ союзниковъ идеалъ грядущей самостоятельности и малыхъ народностей".

Еще рѣзче сказалась живучесть старыхъ пріемовъ и традицій въ вопросѣ еврейскомъ. Обостренныя польско-еврейскія отношенія создали крайне благопріятную атмосферу для развитія самаго крайняго антисемитизма. Пользуясь благопріятнымъ моментомъ, извѣстная часть польскихъ народовцевъ рѣшила „радикально" разрѣшить еврейскій вопросъ. Прежній „бойкотъ" евреевъ не только не прекратился, но осложнился цѣлымъ рядомъ легендъ и слуховъ, которые производили свое дѣйствіе. Если до войны польскіе народовцы обвиняли евреевъ за ихъ „обрусительныя„

тенденціи, то потомъ была пущена въ ходъ версія о „германофильскихъ“ симпатіяхъ. На этой почвѣ выросъ страшный навѣтъ—все еврейское населеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій было заподозрѣно въ шпіонствѣ. Этотъ навѣтъ служилъ, съ одной стороны, матеріаломъ для кампаніи нашихъ крайнихъ правыхъ газетъ, съ другой—вызвалъ рядъ мѣръ противъ еврейскаго населенія, отличавшихся невѣроятной суровостью. Положеніе ухудшилось еще тѣмъ, что поведеніе галиційскихъ евреевъ, подданныхъ Австріи, ставилось въ счетъ евреямъ русскимъ (въ Польшѣ и Литвѣ). Съ октября 1914 г. началось въ Царствѣ Польскомъ поголовное выселеніе еврейскаго населенія изъ многихъ мѣстечекъ и сельскихъ мѣстностей. Въ другихъ мѣстностяхъ были взяты заложники. Представитель евреевъ въ Гос. Думѣ Фридманъ уже въ январѣ 1915 г., подчеркивая лойяльность евреевъ, вынужденъ былъ въ засѣданіи 28 января заявить, что за протекшіе 6 мѣсяцевъ войны евреи пережили многое и страшное. Конкретно содержаніе этого „страшнаго“ было вскрыто уже въ III военной сессіи Гос. Думы, въ засѣданіи 21 іюля, на которомъ тотъ же депутатъ Фридманъ на основаніи собраннаго фактическаго матеріала нарисовалъ крайне тяжелую картину положенія евреевъ. По сообщенію Фридмана, выселено было около полумилліона человѣкъ. Выселенія производились часто въ теченіе сутокъ, иногда двухъ. Выселялись женщины, старцы, больные. Извлекали даже сумасшедшихъ изъ сумасшедшихъ домовъ и заставляли евреевъ брать ихъ съ собой. „Я видѣлъ,—говорилъ депутатъ Фридманъ,—среди выселенцевъ еврейскихъ дамъ и дѣвушекъ, которыя работали вмѣстѣ съ русскими дамами, вмѣстѣ шили бѣлье, собирали пожертвованія, а теперь лежали на полотнѣ желѣзной дороги. Я видѣлъ семьи запасныхъ, я видѣлъ среди выселенцевъ раненыхъ солдатъ съ георгіевскими крестами“.

Чтобы покончить съ національнымъ вопросомъ, нужно сказать нѣсколько словъ и о положеніи, которое приняла уже въ первую половину разсматриваемаго періода борьба съ такъ наз. нѣмецкимъ засильемъ.

Въ Россіи, какъ и въ другихъ воюющихъ странахъ, былъ принятъ рядъ мѣръ противъ подданныхъ враждебныхъ странъ. И у насъ, какъ и въ другихъ государствахъ, данныя мѣры отличаются большей суровостью въ настоящую войну, чѣмъ въ другія. Это объясняется и напряженіемъ нынѣшней борьбы, размѣромъ ея, и тѣмъ народнымъ характеромъ, который она получила. Германскіе, австрійскіе, а потомъ турецкіе подданные, оставшіеся въ Россіи, были лишены всѣхъ льготъ, установленныхъ договорами, а иностранцы этихъ категорій въ призывномъ возрастѣ были признаны военноплѣнными и разосланы по внутреннимъ губерніямъ. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ указовъ, которыми запрещено было непріятельскимъ подданнымъ пріобрѣтать имущества, заключать арендные договоры, заниматься промыслами и торговлей. Былъ установленъ контроль за акціонерными обще-

ствами и компаніями, въ которыхъ принимаютъ участіе иностранцы; запрещено было выдавать до окончанія войны денежные вклады и производить платежи и т. д. Такія мѣры, направленныя противъ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ, въ той или иной формѣ принимались и въ Англіи, и во Франціи. Но у насъ дѣло осложнилось и перенесено было въ другую плоскость. Наши націоналистическія группы и органы печати, проводившіе идеи этихъ группъ, борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ чрезвычайно расширили. Агитація была направлена не только противъ вліянія Германіи и германцевъ, не только противъ непріятельскихъ подданныхъ, но и противъ русскихъ гражданъ нѣмецкаго происхожденія, противъ всего, что носило нѣмецкое имя. Нѣкоторые органы сдѣлали изъ этой кампаніи противъ нѣмцевъ своеобразную спеціальность, не останавливаясь передъ самыми демагогическими пріемами, совершенно недопустимыми съ точки зрѣнія государственной. Въ этой агитаціи смѣшивались въ одну кучу и несправедливыя соціальныя привиллегіи прибалтійскихъ бароновъ, и вліяніе Германіи на высшіе круги нашего общества, и роль германскаго капитала, и значительное число чиновниковъ съ нѣмецкими фамиліями въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ, и чисто культурныя явленія, какъ преподаваніе нѣмецкаго языка въ школахъ—все это было объединено однимъ понятіемъ „нѣмецкаго засилья“. Особенно жестокая кампанія велась противъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, которыхъ еще столь недавно наши охранители считали лояльнѣйшимъ элементомъ. Теперь они были взяты подъ подозрѣніе, и всѣ указанія на то, что въ рядахъ нашей арміи сражаются многія тысячи русскихъ нѣмцевъ, не производили никакого впечатлѣнія. Эта агитація привела къ весьма печальнымъ результатамъ, и нѣмецкій погромъ, происшедшій въ маѣ 1915 г. въ Москвѣ, о которомъ будемъ говорить ниже, несомнѣнно находился въ тѣсной связи съ этой антиобщественной травлей.

IV.

Вторая „военная“ сессія Гос. Думы была созвана въ концѣ января для обсужденія и принятія бюджета. Къ этому времени тѣ диссонансы, о которыхъ мы говорили выше, произвели свое дѣйствіе. Нельзя сказать, чтобы настроеніе общества круто измѣнилось. Подъемъ былъ налицо, стремленіе употребить всю энергію для организаціи побѣды было сильно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалась, особенно въ нѣкоторыхъ политическихъ кругахъ, потребность обсудить ходъ внутренней политики, ея соотвѣтствіе съ тѣми задачами, которыя выпали на долю русскому обществу. Это настроеніе поддерживалось нѣкоторыми фактами, вызвавшими толки и слухи. Такъ, въ ноябрѣ появилось извѣстіе о какой-то запискѣ правыхъ, которые изъ

опасенія возможности внутреннихъ осложненій добивались будто бы скорѣйшаго заключенія мира. Откликъ эти слухи нашли въ телеграммѣ московской городской думы о необходимости вести войну до конца, до достиженія тѣхъ цѣлей, которыя ею поставлены.

Въ болѣе лѣвыхъ кругахъ подвергалась критикѣ позиція, занятая к.-д. и прогрессистами. Указывалось, что полное игнорированіе внутреннихъ вопросовъ при наличности рѣзкихъ „диссонансовъ“ не соотвѣтствуетъ задачамъ общественности и совсѣмъ не вызывается состояніемъ войны. Арестъ В. Л. Бурцева, возвратившагося въ Россію, а особенно задержаніе пяти депутатовъ, членовъ фракціи с.-д. „большевиковъ“, дали новый матеріалъ для этого теченія.

Въ засѣданіяхъ бюджетной комиссіи, предшествовавшихъ январской сессіи, наиболѣе злободневные внутренніе вопросы—еврейскій, польскій и украинскій, а также и другія проблемы, выдвинутыя войной, именно—положеніе печати, амнистія за политическія преступленія, вопросъ о большей свободѣ для общественной иниціативы—были затронуты; но на общихъ собраніяхъ Г. Думы (27—28 января 1915 г.) большинство рѣчей было посвящено новымъ декларативнымъ заявленіямъ о единеніи, о необходимости вести борьбу до конца, о готовности принести необходимыя жертвы.

Предсѣдатель совѣта министровъ И. Л. Горемыкинъ въ своей рѣчи констатировалъ общее единеніе, упомянулъ объ освобожденіи народа отъ вѣкового тяжкаго недуга пьянства и въ качествѣ ближайшихъ очередныхъ задачъ выдвинулъ освобожденіе промышленности и землевладѣнія отъ нѣмецкой зависимости и созданіе общихъ условій, которыя могли бы обезпечить родинѣ здоровое развитіе на началахъ полной и твердо выраженной самобытности во всѣхъ областяхъ ея жизни; проведеніе крупныхъ проектовъ, по мнѣнію И. Л. Горемыкина—дѣло будущаго, когда война кончится: „касаться этихъ вопросовъ теперь не время“. Большинство представителей политическихъ группъ въ своихъ выступленіяхъ не предъявили никакихъ возраженій противъ этого взгляда главы правительства.

Только отъ имени с.-д. Чхеидзе коснулся внутренней политики, упомянулъ о репрессіяхъ противъ евреевъ, о предварительной цензурѣ, о закрытіи профессіональныхъ обществъ, объ арестѣ депутатовъ и выразилъ рѣзкое осужденіе лозунгу молчанія, за которымъ, по его мнѣнію, скрывается попытка реставраціи стараго порядка для однихъ и неспособности къ рѣшительной борьбѣ у другихъ. Заключеніе рѣчи Чхеидзе состояло въ традиціонномъ с.-д. провозглашеніи лозунга мира. Въ нѣсколько иной плоскости говорилъ лидеръ трудовиковъ Керенскій и Дзюбинскій. Первый сравнивалъ положеніе демократическихъ представителей у насъ и за границей; тамъ ушедшіе на фронтъ спокойны, сзади у нихъ нѣтъ враговъ, а у насъ—„сзади врагъ, который хочетъ нанести ударъ въ спину“.

Въ рѣчи праваго депутата Левашева былъ выдвинутъ вопросъ о мѣрахъ противъ нѣмецкаго засилія.

Самое разсмотрѣніе росписи прошло скоро, и бюджетъ былъ принятъ громадньмъ большинствомъ Гос. Думы.

Январская сессія Гос. Думы ни въ обществѣ, ни въ политическихъ кругахъ не вызвала того полнаго удовлетворенія, какое ощущалось послѣ историческаго засѣданія 26 іюля. Чувствовалось, что событія перваго полугодія войны во внутренней жизни требовали со стороны народнаго представительства извѣстнаго отклика, что патріотизмъ Г. Думы долженъ былъ въ этотъ моментъ вылиться уже въ болѣе дѣйственныя формы. Между тѣмъ, жизнь шла своимъ ходомъ, и факты, уже раньше вызывавшіе толки и всякаго рода слухи, получили свое завершеніе.

30 января 1915 г. было временно закрыто Императорское Вольное Экономическое общество, которое съ самаго начала войны развило чрезвычайно энергичную дѣятельность какъ въ сферѣ помощи жертвамъ войны, такъ и въ дѣлѣ выясненія всякаго рода экономичеекихъ и финансовыхъ вопросовъ, связанныхъ съ потрясеніями военнаго времени. Основаніемъ этой мѣры послужило то обстоятельство, что въ библіотекахъ, разосланныхъ обществомъ въ лазареты, оказались книги, признанныя нежелательными.

10—13 февраля въ Петроградской судебной палатѣ слушалось дѣло пяти с.-д.-депутатовъ, арестованныхъ въ ноябрѣ. Первоначальные слухи, отчасти отразившіеся и въ первомъ офиціальномъ сообщеніи, говорили объ измѣнническихъ дѣйствіяхъ. Суду были преданы Петровскій, Бадаевъ, Мурановъ, Самойловъ и Шаговъ, по ст. 102 Уг. Улож., которая караетъ за принадлежность къ преступному революціонному обществу. Такъ какъ статья эта и раньше примѣнялась при процессахъ соц.-демократовъ, то и обвинительный приговоръ (ссылка на поселеніе) установилъ принадлежность обвиняемыхъ къ политической группѣ, которая никогда своей программы вообще, а, въ частности, своихъ взглядовъ на войну, не скрывала; эти взгляды, при всемъ своемъ несоотвѣтствіи общему настроенію страны, при всемъ своемъ противорѣчіи даже съ позиціей, занятой западно-европейской соціалъ-демократіей, все-таки не тождественны съ измѣной, и въ этомъ смыслѣ суровый приговоръ по 102 ст. разсѣялъ тревожные слухи о предательствѣ народныхъ представителей. Что же касается существа дѣла, то, какъ видно изъ офиціальнаго сообщенія и судебныхъ отчетовъ, депутаты въ томъ собраніи, гдѣ они были арестованы, обсуждали проекты резолюцій, выражающихъ отношеніе лѣваго крыла соціалъ-демократіи, такъ наз. „большевиковъ“, къ войнѣ. Поводомъ къ этому обсужденію явилось извѣстное письмо бельгійскаго вождя соціалистовъ Вандервельде, предлагавшее и русской соціалъ-демократіи примкнуть къ общей борьбѣ противъ герман-

скаго милитаризма. Въ проектѣ резолюціи, долженствовавшей послужить отвѣтомъ на письмо Вандервельде, было выражено рѣзко отрицательное отношеніе къ предложенію Вандервельде и къ войнѣ вообще. Во время процесса выяснилось, однако, что даже самые крайніе представители русской соціалъ-демократіи не признали возможнымъ принять опредѣленно-„пораженческой“ формулы, которую предлагала заграничная группа съ Ленинымъ во главѣ.

Въ сферѣ національнаго вопроса то теченіе, о которомъ мы говорили выше, разливалось все шире. 2 февраля появился законъ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія. Согласно правиламъ этого закона, недвижимыя имущества внѣ городскихъ поселеній, состоящія въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ во владѣніи австрійскихъ, германскихъ или венгерскихъ подданныхъ, должны быть въ извѣстный срокъ отчуждены добровольно; если это не произойдетъ, то имущество продается съ публичнаго торга. Такія же постановленія имѣются въ законѣ и относительно недвижимаго имущества цѣлой категоріи уже не иностранцевъ, а русскихъ гражданъ,—именно выходцевъ изъ непріятельскихъ странъ (колонистовъ), принявшихъ русское подданство послѣ 1880 года. Въ печати и обществѣ по поводу этой мѣры, весьма глубоко захватывающей аграрныя отношенія въ рядѣ губерній, между прочимъ, былъ поставленъ вопросъ, можно ли такую реформу, разсчитанную не только на обстоятельства военнаго времени, но и на мирное время, проводить въ порядкѣ чрезвычайнаго законодательства, по 87 ст., а не черезъ Гос. Думу. Этотъ вопросъ былъ тѣмъ обоснованнѣе, что вскорѣ послѣ изданія закона 2 февраля въ печати появились свѣдѣнія о запискѣ главноуправляющаго землеустройствомъ А. В. Кривошеина, который предлагалъ воспользоваться при посредствѣ Крестьянскаго банка отчужденіемъ для того, чтобы создать возможность увеличенія земельнаго обезпеченія вернувшихся съ войны сельскихъ обывателей. Не приходится говорить о томъ, что такія соціальныя предположенія выходятъ далеко за предѣлы временныхъ мѣръ борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ, и этимъ можно объяснить, что осуществленіе закона 2 февраля наталкивается на препятствія, которыя устранить еще трудно; до сихъ поръ продолжаются колебанія и идетъ борьба даже среди бюрократіи, часть которой указываетъ на несоотвѣтствіе принципа принудительнаго отчужденія общему частноправовому строю.

Гораздо меньше вниманія привлекъ къ себѣ другой актъ, изданный въ это время, именно обнародованный 17 марта законъ (въ порядкѣ 87 ст.) о распространеніи городового положенія на города Царства Польскаго. Этотъ законъ воспроизводитъ законопроектъ въ той его редакціи, которая получилась послѣ многочисленныхъ исправленій и пререканій между Гос. Совѣтомъ и Гос. Думой. Проектъ въ законодательныхъ палатахъ, какъ

извѣстно, потерпѣлъ крушеніе вслѣдствіе непримиримости верхней палаты, которая не захотѣла допустить употребленія польскаго языка; теперь онъ былъ проведенъ въ порядкѣ чрезвычайномъ, и осуществленіе закона должно было начаться не позднѣе 1 января 1916 г. Нужно замѣтить, что при тѣхъ національныхъ перспективахъ, какія открылись полякамъ воззваніемъ Верховнаго Главнокомандующаго, городовая реформа въ польскомъ обществѣ была встрѣчена довольно безразлично: въ ней поляки не увидѣли еще воплощенія новыхъ началъ устройства Царства Польскаго.

Всѣ перечисленные чисто-политическіе факты вскорѣ отступили на второй планъ передъ новыми надвигавшимися проблемами внутренней жизни, тѣснѣйшимъ образомъ связанными съ войной. Новыя задачи выступили прежде всего въ сферѣ экономической. По естественнымъ своимъ богатствамъ, по громадному количеству сырья и всякаго рода продуктовъ, Россія, конечно, находится въ очень счастливыхъ условіяхъ среди воюющихъ странъ. Но для правильнаго распредѣленія предметовъ потребленія между разными районами необходима была стройная организація продовольственнаго дѣла въ центрѣ и на мѣстахъ, необходимо было строго продуманное, приспособленное къ особенностямъ военнаго времени, использованіе желѣзнодорожныхъ и иныхъ путей сообщенія. Данные принципы не получили полнаго примѣненія, и это дало свои результаты въ первую половину 1915 года. Прежде всего, въ крупныхъ центрахъ сталъ ощущаться недостатокъ топлива; началось повышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости. Экономическіе вопросы стали оживленно обсуждаться въ бюрократическихъ совѣщаніяхъ и общественныхъ организаціяхъ. Въ экономическомъ совѣщаніи членовъ Гос. Совѣта, носившемъ частный характеръ, принимали участіе и нѣкоторые члены кабинета. Съѣздъ представителей торговли и сельскихъ хозяевъ, работавшій въ началѣ апрѣля, уже выдвинулъ вопросъ о необходимости экономической мобилизаціи страны для успѣха борьбы и о крайне важномъ значеніи самодѣятельности общества. Отчасти въ связи съ новымъ общественнымъ движеніемъ стояла отставка министра торговли и промышленности С. И. Тимашева, мѣсто котораго занялъ кн. Шаховской.

Когда въ апрѣлѣ германцы начали новое наступленіе, то со всѣхъ сторонъ стали доходить извѣстія, что главная причина нашихъ неудачъ— недостаточное снабженіе нашей арміи снарядами и снаряженіемъ. Во всѣхъ кругахъ общества поднялась патріотическая тревога, создалось настроеніе, которое выдвинуло лозунгъ активнаго и непосредственнаго участія общества въ организаціи обороны и въ устраненіи всѣхъ причинъ общаго и частнаго характера, приведшихъ къ неудачамъ. Особенно ярко сказалось новое настроеніе на очередномъ съѣздѣ, созванномъ въ концѣ мая совѣтомъ съѣздовъ торговли и промышленности. Сильное впечатлѣніе произвела рѣчь

П. П. Рябушинскаго, который лично наблюдалъ ужасныя послѣдствія неправильнаго снабженія арміи. Резолюція совѣта предлагала объединеніе всѣхъ промышленныхъ силъ страны для обслуживанія нуждъ арміи. Для этой цѣли было признано необходимымъ образовать рядъ организацій, во главѣ которыхъ сталъ центральный военно-промышленный комитетъ. Съѣздъ остановился и на общихъ правовыхъ и политическихъ условіяхъ, которыя должны содѣйствовать этой мобилизаціи; онъ осудилъ всѣ явленія, препятствующія объединенію, указалъ на необходимость свободной дѣятельности союзовъ и обществъ; на важность широкаго привлеченія къ участію въ новыхъ учрежденіяхъ земскаго и городского союзовъ. Тогда же было высказано, что исключительныя условія момента требуютъ немедленнаго созыва законодательныхъ палатъ. Надо имѣть въ виду, что и до промышленнаго съѣзда вопросъ о необходимости ускорить созывъ Г. Думы обсуждался весьма оживленно и въ обществѣ, и въ частныхъ совѣщаніяхъ депутатовъ; въ печати тема эта считалась совершенно запретной до конца мая.

Патріотическая тревога общества нашла исходъ въ работѣ надъ созданіемъ организацій, которыя должны были объединить живыя силы страны для работы въ пользу арміи, и въ этомъ смыслѣ настроеніе было патріотическимъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Нѣмецкій погромъ въ Москвѣ однако, показалъ, что „тревога“ можетъ быть направлена въ другую сторону. Въ теченіе двухъ дней подъ флагомъ борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ производился толпой разгромъ магазиновъ, фабрикъ, квартиръ, уничтожались громадныя цѣнности. Погромъ носилъ организованный характеръ: были вожаки, были списки, по которымъ производилась провѣрка документовъ для установленія того, кому принадлежитъ подлежащее разгрому имущество. Однако, „организація“ оказалась несостоятельной, и погромъ принялъ совершенно стихійный характеръ, при которомъ національный вопросъ отошелъ на второй планъ. Германскихъ и австрійскихъ подданныхъ пострадало около 120, а русскихъ (многіе притомъ съ чисторусскими фамиліями)—около 500. Погромъ въ широкихъ кругахъ русскаго общества вызвалъ негодованіе; поведеніе мѣстной власти, не принявшей мѣръ къ недопущенію и прекращенію погрома, вызывало осужденіе вездѣ. Московскій градоначальникъ ген. Адріановъ былъ уволенъ отъ должности, вскорѣ ушелъ въ отставку и московскій генералъ-губернаторъ кн. Юсуповъ; была назначена ревизія сенатора Крашенинникова, которая разслѣдовала событія и причины московскаго погрома; до сихъ поръ результаты ревизіи не опубликованы.

Московскій погромъ, показалъ, какъ опасна демагогическая травля шовинистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ еще болѣе подчеркнулъ патріотическое значеніе той положительной работы, которая была выдвинута въ видѣ

лозунга мобилизаціи общественныхъ силъ. Было еще одно послѣдствіе печальныхъ событій, происшедшихъ въ Москвѣ. Когда выяснилось, что министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ не былъ даже достаточно освѣдомленъ о тѣхъ настроеніяхъ, которыя привели къ погрому, то это дало новый матеріалъ для возбужденія вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ руководители вѣдомствъ соотвѣтствуютъ тѣмъ громаднымъ и сложнымъ заданіямъ, которыя поставила передъ Россіей великая война.

V.

Вопросъ объ обновленіи кабинета, о необходимости такого состава правительства, который могъ бы безъ труда осуществить единеніе власти съ обществомъ, еще раньше обсуждался въ политическихъ кругахъ. Естественно, что въ моментъ испытаній, когда важность единенія почувствовалась особенно остро, постановка этого вопроса получила большую опредѣленность и выразительность, особенно въ связи съ лозунгомъ общественной мобилизаціи. На совѣщаніи представителей губернскихъ земствъ, происходившемъ въ Москвѣ 5 іюня, предсѣдатель всероссійскаго земскаго союза кн. Г. Е. Львовъ формулировалъ общія пожеланія о созывѣ Гос. Думы и объ установленіи согласной, исполненной взаимнаго довѣрія, работы общественныхъ и правительственныхъ силъ.

Еще болѣе конкретно эта идея была выражена на съѣздѣ городскомъ, происходившемъ одновременно съ земскимъ: прямо было указано на необходимость обновленія министерства привлеченіемъ въ него лучшихъ силъ.

Въ началѣ іюля въ Петроградѣ начались совѣщанія представителей разныхъ парламентскихъ партій. Ближайшій предметъ совѣщанія состоялъ въ обсужденіи проекта о созданіи органа, который долженъ былъ бы объединить всѣ мѣропріятія по снабженію арміи и организаціи тыла. Въ этихъ совѣщаніяхъ выяснилось, что подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени партіи, далеко отстоящія другъ отъ друга, подошли довольно близко къ оцѣнкѣ того, что необходимо въ нашей внутренней политической жизни для организаціи побѣды. Созывъ Гос. Думы для длительной законодательной работы, обновленіе кабинета въ смыслѣ или отвѣтственнаго министерства (пожеланіе прогрессистовъ), или министерства, пользующагося довѣріемъ населенія (партія к.-д. и др.),—вотъ политическіе лозунги, принятые въ началѣ іюля наиболѣе вліятельными политическими группами и поддержанные органами самоуправленія и общественными организаціями. 10 іюля совѣщаніе старѣйшинъ Гос. Думы постановило черезъ предсѣдателя Думы войти въ переговоры съ правительствомъ о досрочномъ созывѣ Гос. Думы.

Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 14 іюня на имя И. Л. Горемыкина, была признана необходимость „приблизить время созыва законода-

тельныхъ учрежденій, дабы выслушать голосъ Земли Русской". Срокъ созыва Г. Думы былъ опредѣленъ терминомъ „не позднѣе августа".

Между президіумомъ Гос. Думы и И. Л. Горемыкинымъ въ теченіе іюля происходили переговоры о томъ, чтобы Гос. Дума могла, какъ можно скорѣе, приступить къ своей работѣ. Указъ о возобновленіи занятій Гос. Думы былъ обнародованъ 9 іюля, а начало новой сессіи было назначено на 19 іюля.

Еще до того, какъ вопросъ о созывѣ Гос. Думы былъ окончательно рѣшенъ, начались перемѣны въ составѣ кабинета, въ связи съ тѣми общественными настроеніями, о которыхъ мы говорили выше. Мы уже упомянули объ отставкѣ министра торговли и промышленности, С. И. Тимашева, состоявшейся въ февралѣ, когда на сцену выступили первыя проявленія экономическаго разстройства. Еще раньше, въ январѣ, произошло весьма важное назначеніе гр. П. Н. Игнатьева министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто скончавшагося Л. А. Кассо. Новый руководитель вѣдомства просвѣщенія рѣзко порвалъ съ системой Кассо, вызвавшей такое единодушное осужденіе всѣхъ круговъ русскаго общества. Въ областикакъ высшей такъ и средней школы гр. Игнатьевъ сдѣлалъ въ порядкѣ управленія весьма многое, чтобы ослабить тиски, сжимавшіе русскую школу, и внести въ нее новый духъ.

Назначенію гр. Игнатьева и кн. Шаховского не придавалось политическаго значенія. Совершенно иной смыслъ получили отставки министра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакова, министра юстиціи И. Г. Щегловитова, оберъ-прокурора синода В. К. Саблера и военнаго министра В. А. Сухомлинова. Первые три были воплощеніемъ антиобщественнаго курса внутренней политики, и Гос. Дума еще до войны не разъ выносила рѣзкое осужденіе принципамъ, которые они проводили. В. А. Сухомлиновъ признавался однимъ изъ виновниковъ нашихъ неудачъ, къ которому предъявляли весьма серьезныя обвиненія. Между прочимъ, уже потомъ, во время іюньско—августовской сессіи, стало извѣстно, что въ январѣ, когда Гос. Дума была созвана для обсужденія бюджета и когда въ комиссіи многіе депутаты, встревоженные извѣстіями съ фронта, предложили В. А. Сухомлинову вопросъ о снабженіи арміи, военный министръ вполнѣ успокоилъ народныхъ представителей завѣреніемъ, что никакого недостатка въ снарядахъ армія испытывать не можетъ. Мѣсто военнаго министра занялъ теперь А. А. Поливановъ, который имѣлъ репутацію дѣятеля, желавшаго работать въ единеніи съ Гос. Думой. При своемъ назначеніи А. А. Поливановъ, въ бесѣдахъ съ журналистами, подтвердилъ свои прежніе взгляды и выразилъ полное сочувствіе мобилизаціи общественныхъ силъ, въ цѣляхъ усиленія средствъ обороны.

Управляя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ призванъ кн. Н. Б.

Щербатовъ, который въ послѣднее время занималъ пость главноуправляющаго государственнымъ коннозаводствомъ. Кн. Щербатовъ въ предыдущей своей дѣятельности былъ провинціальнымъ земцемъ весьма умѣреннаго образа мыслей, былъ и предводителемъ дворянства и, наконецъ, членомъ Гос. Совѣта по выборамъ (отъ Полтавскаго земства). Въ своихъ программныхъ заявленіяхъ новый руководитель вѣдомства внутреннихъ дѣлъ проявилъ благожелательность къ общественнымъ силамъ, высказался за необходимость облегчить положеніе печати и не скрылъ своего сочувствія скорѣйшему созыву Гос. Думы. Политическое міросозерцаніе новаго министра не было формулировано имъ съ достаточной опредѣленностью: онъ ограничился заявленіемъ, что ни къ какой партіи не принадлежитъ и что при немъ „лейбъ-партіи“ министерства внутреннихъ дѣлъ не будетъ. Этимъ, очевидно, подчеркивалось, что кн. Щербатовъ не будетъ поддерживать близкихъ отношеній къ правымъ и черносотеннымъ организаціямъ, какъ это дѣлалъ Н. А. Маклаковъ. Относительно программы ближайшей своей дѣятельности кн. Щербатовъ заявилъ, что теперь центръ тяжести не въ проектахъ реформъ. Въ самомъ непродолжительномъ времени стало ясно, что кн. Щербатовъ, при несомнѣнной благожелательности къ общественнымъ силамъ, совсѣмъ не является дѣятелемъ того типа, который въ состояніи былъ бы повести свою опредѣленную линію во внутренней политикѣ, и въ кратковременное управленіе его министерствомъ внутреннихъ дѣлъ онъ не сумѣлъ осуществить ни одной крупной мѣры, кромѣ временной отмѣны черты еврейской осѣдлости, проведенной черезъ совѣтъ министровъ путемъ циркуляра 13 августа. Во всякомъ случаѣ, кн. Щербатовъ не обладалъ тѣми качествами, которыхъ общество ждало отъ дѣятелей грядущаго обновленнаго кабинета.

Еще менѣе удовлетворялъ этимъ ожиданіямъ новый министръ юстиціи, А. А. Хвостовъ, старый судебный бюрократъ, который въ Гос. Совѣтѣ занималъ мѣсто среди правыхъ и который подтвердилъ свое „правое“ политическое міросозерцаніе при выступленіи въ должность въ бесѣдахъ съ представителями печатіи.

Новый оберъ-прокуроръ св. синода А. Д. Самаринъ въ политическихъ кругахъ тоже имѣлъ репутацію крайняго праваго, славянофильскаго оттѣнка. Въ качествѣ земскаго дѣятеля, онъ велъ борьбу съ третьимъ элементомъ—интеллигенціей, былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ „объединеннаго дворянства“ и, по словамъ газетныхъ освѣдомителей, считалъ долгомъ поддерживать церковь и духовенство, какъ „фундаментъ въ народномъ сознаніи для основныхъ символовъ его политическаго міросозерцанія“.

Такимъ образомъ, политическій смыслъ происшедшихъ перемѣнъ въ составѣ министерства состоялъ главнымъ образомъ въ отставкѣ наиболѣе яркихъ представителей стараго режима, съ которыми народному предста-

вительству было особенно трудно столковаться и работать; обновленія же кабинета въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ вопросъ былъ поставленъ общественными и политическими организаціями, не произошло.

VI.

Въ первыхъ засѣданіяхъ Гос. Думы, начавшей свои работы 19 іюня, обнаружилось то единство общественнаго настроенія, которое было создано патріотической тревогой. Громадное большинство Гос. Думы, начиная съ націоналистовъ и кончая к.-д., выдвинуло на первый планъ организацію страны для побѣды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, признало, что именно для этой цѣли необходимо осуществленіе опредѣленныхъ лозунговъ во внутренней политикѣ. За время съ января до іюня къ этой точкѣ зрѣнія приблизились тѣ политическія группы, которыя раньше были совершенно чужды ея. Это стало очевиднымъ въ первомъ же засѣданіи. Особенно знаменательна была рѣчь гр. Вл. Бобринскаго. Ораторъ націоналистовъ призналъ необходимость внутреннихъ реформъ и заявилъ, что его группа пойдетъ за правительствомъ, если правительство можетъ и хочетъ идти навстрѣчу обществу и народу.

Представитель октябристовъ Савичъ подробно остановился на недостаткахъ управленія, непосредственно связанныхъ съ дѣломъ снабженія и снаряженія арміи, указалъ, какъ игнорировались въ этой области пожеланія народнаго представительства, и связалъ всѣ эти недостатки съ общими условіями административной организаціи.

Яркую и детальную картину общаго положенія далъ П. Н. Милюковъ. Онъ коснулся въ своей рѣчи всѣхъ тѣхъ диссонансовъ, которые обнаружились за время войны во внутренней жизни вслѣдствіе ненормальнаго отношенія власти къ общественнымъ силамъ; онъ напомнилъ всѣ факты, которые способны были ослабить общій патріотическій энтузіазмъ, такъ ярко вспыхнувшій при началѣ войны; онъ говорилъ о національномъ вопросѣ, о положеніи печати, объ образѣ дѣйствій администраціи въ Галиціи, о необходимости немедленныхъ реформъ, способныхъ поднять духъ народа и его самодѣятельность.

И. Н. Ефремовъ, отъ имени прогрессистовъ, рѣзко обличалъ явленія, приведшія къ неудачамъ, заявилъ о готовности народнаго представительства поддержать власть, но при условіи отвѣтственности ея передъ народнымъ представительствомъ.

Представители лѣвыхъ партій Н. С. Чхеидзе, (соц.-дем.,) и А. Ф. Керенскій (трудов.) дали рѣзкую критику системы управленія, но не примкнули къ конкретнымъ требованіямъ другихъ группъ, ограничившись общими программными заявленіями.

Выступленіе представителей національностей, особенно чрезвычайно богатая фактами рѣчь еврейскаго депутата Н. Фридмана, дополнили общую картину. Сильное впечатлѣніе произвела рѣчь крестьянина Евсѣева, который съ глубокимъ волненіемъ говорилъ о той правдѣ, что теперь только обнаружилась передъ народными представителями.

Общія пренія кончились принятіемъ формулы націоналистовъ, въ которой было заявлено, что все населеніе Имперіи имѣетъ непреклонную и единодушную рѣшимость продолжать, совмѣстно съ нашими вѣрными союзниками, борьбу до успѣшнаго конца и не заключать мира до рѣшительной побѣды. Далѣе формула гласитъ: „Скорѣйшая побѣда должна быть достигнута воодушевленнымъ участіемъ всего населенія въ созданіи новыхъ средствъ борьбы, а это послѣднее требуетъ упроченія внутренняго мира, примиренія и забвенія старой политической борьбы, а также благожелательнаго вниманія власти къ интересамъ всѣхъ вѣрныхъ Россіи гражданъ безъ различія племени, языка и вѣры; привести къ скорой побѣдѣ можетъ лишь единеніе со всей страной правительства, пользующагося полнымъ ея довѣріемъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гос. Дума въ принятой формулѣ выразила твердое убѣжденіе въ томъ, что бывшіе до сихъ поръ недостатки въ дѣлѣ снабженія арміи будутъ, при участіи законодательныхъ учрежденій и широкихъ общественныхъ силъ, безотлагательно устранены, а виновные въ обнаруженныхъ недочетахъ, въ бездѣйствіи и преступленіяхъ понесутъ суровую законную кару, независимо отъ служебнаго положенія ихъ.

При голосованіи этой формулы былъ поставленъ вопросъ объ отвѣтственномъ министерствѣ, за которое рѣшительно высказались прогрессисты. К.-д. выяснили, что отвѣтственное министерство въ смыслѣ парламентскомъ предполагаетъ принадлежность министровъ къ руководящему большинству палаты; при нынѣшнемъ составѣ Г. Думы осуществленіе этого партійнаго лозунга и борьба за него несвоевременны, и нужно ограничиться болѣе широкой формулой: „министерства, пользующагося довѣріемъ страны". Характерно, что и представитель октябристовъ гр. Беннигсенъ, отказываясь въ настоящій моментъ поддерживать идею отвѣтственнаго министерства, заявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что октябристы признаютъ этотъ парламентскій принципъ и по окончаніи войны будутъ бороться за него.

Декларація предсѣдателя совѣта министровъ содержала въ себѣ общія выраженія объ участіи общественныхъ силъ въ дѣлѣ обороны страны, о необходимости „автономіи" Польши, о безпристрастномъ и благожелательномъ вниманіи ко всѣмъ вѣрнымъ гражданамъ Россіи, безъ различія племени, языка и вѣры; что же касается законопроектовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Г. Думы, то И. Л. Горемыкинъ назвалъ только три: о призывѣ ратниковъ ополченія II разряда; о созданіи органа, объединяющаго дѣло снабженія, и о расширеніи эмиссіоннаго права гос. банка. Такимъ обра-

зомъ, основные принципіальные вопросы политическаго характера были въ декларацiи обойдены молчаніемъ.

Гос. Дума приступила къ комиссіоннымъ работамъ. Выборы въ военно-морскую комиссію явились яркой иллюстраціей того общаго настроенія и партійнаго сближенія, которыя были созданы послѣднимъ годомъ. Предсѣдателемъ комиссіи, въ которую во время III Гос. Думы оппозиція не допускалась, былъ избранъ к.-д. А. И. Шингаревъ, при чемъ за него голосовали не только депутаты оппозиціи.

Главнымъ предметомъ дѣловыхъ занятій общихъ собраній Гос. Думы въ эту сессію явилось разсмотрѣніе проекта центральнаго органа по снабженію арміи и тыла. Необходимость такого учрежденія сознавалась и раньше; еще 29 мая было утверждено положеніе объ особомъ комитетѣ при военномъ министрѣ, имѣвшемъ цѣлью создать контроль надъ распредѣленіемъ и исполненіемъ казенныхъ заказовъ, при чемъ въ этотъ комитетъ вошли предсѣдатель и члены Гос. Думы.

Вопросъ о формахъ участія народнаго представительства въ такихъ совѣщаніяхъ вызывалъ серьезные споры. Многіе (представители к.-д.) указывали, что участіе народныхъ представителей въ административныхъ комиссіяхъ противорѣчитъ идеѣ контроля, воплощаемой Г. Думой въ ея цѣломъ. Большинство палаты, однако, держалось другого мнѣнія, и правительственный проектъ, хотя съ измѣненіями, былъ принятъ Гос. Думой. Учреждены были четыре совѣщанія: по снабженію, по продовольствію, по топливу и перевозкамъ. Въ совѣщанія, кромѣ представителей вѣдомствъ, введены члены законодательныхъ палатъ. Для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ совѣщанія могутъ соединяться въ общихъ засѣданіяхъ.

Когда Гос. Дума справилась съ правительственнымъ проектомъ, то остро всталъ вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи ея работъ. Мы уже указывали, что громадное большинство Гос. Думы стояло на той точкѣ зрѣнія, что народное представительство должно функціонировать длительно и трудиться надъ осуществленіемъ тѣхъ мѣръ внутренней политики, которыя необходимы для организаціи побѣды. Кабинетъ или, по крайней мѣрѣ, предсѣдатель его держались другого мнѣнія. Политическимъ группамъ, необходимо было сговориться между собою относительно того, какія мѣры подлежатъ осуществленію въ первую очередь для единой цѣли, признаваемой всѣми. Задача была, конечно, нелегкая. Всѣ парламентскія фракціи стремились сохранить свои партійныя программы, и компромиссъ былъ возможенъ лишь путемъ серьезныхъ уступокъ. Переговоры шли недѣли двѣ и кончились образованіемъ, такъ наз., прогрессивнаго блока, въ который вошли лѣвые націоналисты, земцы-октябристы, группа 17 октября, прогрессисты и к.-д.; къ блоку присоединились нѣкоторыя группы Гос. Совѣта, часть центра, безпартійная и академическая группа.

Программа блока устанавливаетъ, прежде всего, положеніе, что „только сильная, твердая и дѣятельная власть можетъ привести отечество къ побѣдѣ и что такою можетъ быть лишь власть, опирающаяся на народное довѣріе и способная организовать активное сотрудничество всѣхъ гражданъ". Но осуществленіе этой важнѣйшей задачи невозможно внѣ опредѣленныхъ условій, которыя формулированы въ программѣ блока слѣдующимъ образомъ:

„1) Созданіе объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и согласившихся съ законодательными учрежденіями относительно выполненія въ ближайшій срокъ опредѣленной программы.

2) Рѣшительное измѣненіе всѣхъ примѣнявшихся до сихъ поръ пріемовъ управленія, основывавшихся на недовѣріи къ общественной самодѣятельности, въ частности: а) строгое проведеніе началъ законности въ управленіи; б) устраненіе двоевластія военной и гражданской власти въ вопросахъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ веденію военныхъ операцій; в) обновленіе состава мѣстной администраціи; г) разумная и послѣдовательная политика, направленная на сохраненіе внутренняго мира и устраненіе розни между національностями и классами.

Для осуществленія такой политики должны быть приняты слѣдующія мѣры, какъ въ порядкѣ управленія, такъ и въ порядкѣ законодательства:

1) Въ путяхъ Монаршаго милосердія прекращеніе дѣлъ, возбужденныхъ по обвиненію въ чисто-политическихъ и религіозныхъ преступленіяхъ, не отягченныхъ преступленіями обще-уголовнаго характера; освобожденіе отъ наказанія и возстановленіе въ правахъ, включая право участія въ выборахъ въ Гос. Думу, въ земскія и городскія учрежденія и т. д., лицъ, осужденныхъ за тѣ преступленія, и смягченіе участи остальныхъ осужденныхъ за политическія и религіозныя преступленія, за исключеніемъ шпіоновъ и предателей.

2) Возвращеніе высланныхъ въ административномъ порядкѣ за дѣла политическаго и религіознаго характера.

3) Полное и рѣшительное прекращеніе дѣлъ за вѣру подъ какими бы то ни было предлогами и отмѣна циркуляровъ, послѣдовавшихъ въ ограниченіе и извращеніе смысла указа 17 апрѣля 1905 г.

4) Разрѣшеніе русско-польскаго вопроса, а именно: отмѣна ограниченій въ правахъ поляковъ на пространствѣ всей Россіи, незамедлительная разработка и внесеніе въ законодательныя учрежденія законопроекта объ автономіи Царства Польскаго и одновременный пересмотръ узаконеній о польскомъ землевладѣніи.

5) Вступленіе на путь отмѣны ограниченій въ правахъ евреевъ, въ частности, дальнѣйшіе шаги къ отмѣнѣ черты осѣдлости, облегченіе доступа въ учебныя заведенія и отмѣна стѣсненій въ выборѣ профессій. Возстановленіе еврейской печати.

6) Примирительная политика въ финляндскомъ вопросѣ, въ частности, перемѣны въ составѣ администраціи и сената, прекращеніе преслѣдованій противъ должностныхъ лицъ.

7) Возстановленіе молорусской печати: немедленный пересмотръ дѣлъ жителей Галиціи, содержащихся подъ стражей и сосланныхъ, и освобожденіе тѣхъ изъ нихъ, которые подверглись преслѣдованію невинно.

8) Возстановленіе дѣятельности профессіональныхъ союзовъ и прекращеніе преслѣдованій представителей рабочихъ въ больничныхъ кассахъ по подозрѣнію въ принадлежности къ нелегализированной партіи. Возстановленіе рабочей печати.

9) Соглашеніе правительства съ законодательными учрежденіями относительно скорѣйшаго проведенія:

а) всѣхъ законопроектовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ національной оборонѣ, снабженію арміи, обезпеченію раненыхъ, устройству участи бѣженцевъ и другимъ вопросамъ, непосредственно связаннымъ съ войной;

б) слѣдующей программы законодательныхъ работъ, направленныхъ къ организаціи страны для содѣйствія побѣдѣ и къ поддержанію внутренняго мира: уравненіе крестьянъ съ другими сословіями; введеніе волостного земства; измѣненіе земскаго положенія 1890 г.; измѣненіе городового положенія 1892 г.; введеніе земскихъ учрежденій на окраинахъ, какъ-то— въ Сибири, Архангельской губ., Донской области, на Кавказѣ и т. д.; законопроектъ о кооперативахъ; законопроектъ объ отдыхѣ торговыхъ служащихъ; улучшеніе матеріальнаго положенія почтово-телеграфныхъ служащихъ; утвержденіе трезвости навсегда; проведеніе закона о земскихъ и городскихъ съѣздахъ и союзахъ; уставъ о ревизіи; введеніе мирового суда въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введеніе его пріостановлено по финансовымъ соображеніямъ; осуществленіе законодательныхъ мѣръ, въ которыхъ можетъ встрѣтиться необходимость при выполненіи въ порядкѣ управленія намѣченной выше программы дѣятельности".

Направленіе работъ Гос. Думы и особенно объединеніе партій въ блокъ съ опредѣленной политической программой вызвало усиленную дѣятельность со стороны правыхъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія засѣданій Гос. Думы, въ „совѣтѣ объединеннаго дворянства", который сыгралъ такую роковую роль въ послѣднее десятилѣтіе русской исторіи, начались разговоры о необходимости принять „мѣры", и 22 августа предсѣдатель совѣта объединеннаго дворянства обратился къ И. Л. Горемыкину съ письмомъ, въ которомъ подчеркивалъ всю опасность блока и несоотвѣтствіе его программы традиціоннымъ устоямъ и требованіямъ момента. Одновременно съ этимъ въ правой печати началась компанія противъ Гос. Думы.

3 сентября Гос. Дума была распущена. Фракціи, вошедшія въ блокъ, послѣ офиціальнаго засѣданія, въ которомъ былъ выслушанъ актъ о

роспускѣ, устроили частное совѣщаніе, въ которомъ было обсуждено положеніе, создавшееся перерывомъ занятій Гос. Думы. Тотъ же вопросъ былъ предметомъ занятій земскаго и городского съѣздовъ, которые приняли основные принципы объединенныхъ въ блокъ партій Гос. Думы.

Программа блока стала въ послѣдующіе мѣсяцы тѣмъ центромъ, вокругъ котораго идетъ борьба двухъ основныхъ теченій политической жизни. Отставка министра внутреннихъ дѣлъ кн. Щербатова и назначеніе на его мѣсто бывшаго нижегородскаго губернатора и лидера правыхъ въ Г. Думѣ А. Н. Хвостова была истолкована, какъ побѣда противниковъ блока. Такой же политическій смыслъ былъ приданъ и отставкѣ въ концѣ октября министра земледѣлія А. В. Кривошеина, который въ послѣднее время обнаруживалъ склонность считаться съ общественнымъ настроеніемъ, нашедшимъ свое отраженіе въ программѣ блока. Такимъ образомъ, происшедшія въ кабинетѣ перемѣны дали несомнѣнное преобладаніе правому теченію.

Трудно дѣлать выводы, предвидѣть, какъ сложатся наши внутреннія отношенія въ ближайшемъ будущемъ. Несомнѣнно одно—всѣ политическіе факты, которые будутъ служить къ подъему нашей общественности, къ усиленію самодѣятельности, иниціативы и бодрости, всѣ мѣры управленія и законодательства, содѣйствующія сплоченію общества и препятствующія его распыленію,—все это имѣетъ громадное значеніе для исхода великой борьбы, которую съ такимъ напряженіемъ ведетъ страна.

М. Ганфманъ.

Работа общественныхъ силъ.

I.

Міровое потрясеніе, разразившееся въ концѣ іюля 1914 г., застало русскую общественность въ критическій моментъ. Угаръ реакціонныхъ настроеній, поднятый событіями 1905—06 годовъ, явно разсѣивался. Культурные запросы страны вырисовывались съ еще большей настоятельностью и въ еще болѣе крупныхъ размѣрахъ, чѣмъ то было десять лѣтъ назадъ. Стремленіе къ организаціи опять начало охватывать самые разнообразные круги. Съѣзды дѣятелей по народному образованію, съѣздъ торговопромышленныхъ служащихъ, съѣзды дѣятелей кустарной промышленности и кооперативнаго движенія и всякіе другіе съѣзды и совѣщанія какъ всероссійскіе, такъ и областные, свидѣтельствовали о томъ, что въ глубокихъ пластахъ народной жизни идетъ своя работа, направленная къ собиранію силъ русской земли, что потенціальная общественная энергія накоплена въ значительномъ количествѣ и, только вслѣдствіе внѣшнихъ условій, не находитъ себѣ достаточно яркаго и сильнаго выраженія. Громъ войны явился тѣмъ толчкомъ, который вызвалъ эту энергію наружу. Въ первые же дни мобилизаціи, не зная и не слыша никакихъ благожелательныхъ обращеній къ себѣ со стороны власти, общество почувствовало необходимость дѣятельнаго вмѣшательства своего въ ту работу, которая получила наименованіе „укрѣпленія хозяйственнаго и культурнаго тыла страны“.

„Жизнь не должна останавливаться!“ — вотъ лозунгъ, съ которымъ выступили общественныя силы. Формула эта была провозглашена однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Вольно-экономическаго Общества, извѣстнымъ публицистомъ-историкомъ В. Я. Яковлевымъ-Богучарскимъ, и горячо подхвачена и въ столицахъ, и въ провинціи значительными слоями интеллигенціи, городскими и земскими дѣятелями. Формула эта нашла себѣ дѣйственный откликъ и въ болѣе широкихъ и болѣе глубокихъ пластахъ

народа. Руководители кооперативнаго движенія съ чувствомъ глубокаго и радостнаго удовлетворенія могли удостовѣриться, что идея мірской самопомощи и мірской солидарности жива въ народѣ и въ наставшіе трудные дни проявилась въ довольно широкихъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сами кооператоры объявили своей насущной задачей работу для сохраненія въ цѣлости и въ полномъ порядкѣ кооперативныхъ учрежденій, а также поддержаніе крестьянскихъ хозяйствъ. Интереснымъ и характернымъ отраженіемъ этихъ стремленій явилась газета „Защита“, издававшаяся въ первые мѣсяцы войны въ Москвѣ кн. Д. И. Шаховскимъ и извѣстнымъ кооператоромъ А. А. Евдокимовымъ.

Задача „укрѣпленія тыла“ представлялась сознанію руководящихъ круговъ вообще очень разнообразной, захватывающей всѣ отрасли общественной культуры. Съ теченіемъ времени—и очень скоро—частности и детали этой работы уяснились и опредѣлились, и на этой почвѣ создалось извѣстное раздѣленіе труда соціально-интеллигентныхъ силъ страны. Огромное мѣсто въ этой работѣ должно было занять, конечно, обслуживаніе нуждъ самой арміи и военной кампаніи вообще. Призрѣніе больныхъ и раненыхъ воиновъ, организація путемъ сложенія общественныхъ силъ лазаретной помощи, обслуживаніе раненыхъ по перевозкѣ и доставкѣ ихъ въ тылъ, санитарные поѣзда и другія, сопряженныя съ этой задачей мѣропріятія и предпріятія—вотъ поприще, на которое устремились также въ первую очередь организованныя общественныя силы, прежде всего объединившіяся во всероссійскіе союзы города и земства. Обезпеченіе семей призванныхъ на войну, борьба съ дороговизной жизни и всякими иными хозяйственными и культурными разстройствами—во всѣхъ разнообразныхъ проявленіяхъ ихъ—составляли другой циклъ заботъ, принятыхъ на себя общественными организаціями, изъ которыхъ нѣкоторыя были вызваны къ жизни этими заботами, а иныя лишь расширились и усложнились подъ вліяніемъ разразившихся событій. Мало популярныя передъ тѣмъ и слабо развитыя городскія попечительства о бѣдныхъ сдѣлались притягательными центрами, куда устремились многія живыя силы изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, и дѣятельность этихъ оргинизацій вскорѣ развилась и вышла значительно за предѣлы узкой благотворительности.

Несли свою долю работы,—подчасъ, очень не малую,—въ этомъ общемъ дѣлѣ и всевозможныя культурныя общества.

„Огненнымъ поясомъ охватилъ міровой пожаръ наши границы—и остались мы одинъ на одинъ въ борьбѣ съ опаснѣйшимъ врагомъ—хозяйственной разрухой. И въ этой борьбѣ у насъ не будетъ союзниковъ! Только геній свободнаго строительства народнаго можетъ провести благополучно государство черезъ всѣ грядущія испытанія. Граждане! необходима напряженная работа всѣхъ силъ страны, необходима широкая самодѣятель-

ность населенія, необходимъ дѣйственный союзъ земствъ и городовъ со всѣми общественными организаціями. Нужна вся сила свободной мысли и свободнаго творчества населенія. Сомкнутыми рядами должны мы пойти на борьбу съ голодомъ, нищетой и разореніемъ страны". Эти выдержки изъ воззванія Вольно-экономическаго Общества, опубликованнаго въ первыя недѣли войны, достаточно иллюстрируютъ настроеніе, охватившее широкіе общественные круги и тотъ размахъ, съ которымъ выступало русское общество, движимое мучительнымъ страхомъ за судьбу своей родины.

Сейчасъ, конечно, еще не настало время для подведенія итоговъ, сказавшихся въ результатѣ этихъ общественныхъ стремленій. Исторію не пишутъ въ разгарѣ самихъ событій. Воздержимся, поэтому, отъ оцѣнки работы, произведенной въ теченіе минувшаго перваго года войны, воздержимся по возможности и отъ указаній, въ какой обстановкѣ въ смыслѣ внѣшнихъ условій, велась эта работа общественныхъ организацій. Напомнимъ лишь главные пути и направленія ея, обозначимъ самыя усилія общества и народа сдѣлать то, что казалось возможнымъ и осуществимымъ ему выполнить и передадимъ вкратцѣ ходъ развитія общественныхъ дѣйствій и исканій, и усложненія задачъ, разроставшихся вмѣстѣ со всѣми перипетіями грандіозной и неимовѣрно затянувшейся исторической драмы.

II.

Свой очеркъ дѣятельности общественныхъ организацій мы начнемъ съ обзора тѣхъ работъ, которыя взяли на себя общеземскій и общегородской союзы. Эти двѣ крупнѣйшія организаціи, объединившія, такъ сказать, готовыя общественныя силы, естественно стали во многихъ отношеніяхъ центрами приложенія общественной энергіи. Имъ легче было проявлять наибольшую иниціативу въ обслуживаніи нуждъ какъ фронта, такъ и тыла, съ ними и правительство находило нужнымъ считаться болѣе серьезно, хотя финансированіе этихъ организацій всякій разъ осложнялось длиннѣйшей и мучительнѣйшей проволочкой.

Идея всероссійскаго объединенія земствъ и городовъ родилась и отчетливо формулирована была въ атмосферѣ того общественнаго подъема, который явился отвѣтомъ на первыя же извѣстія о непріятельскомъ нашествіи. Въ общественное сознаніе вошла мысль о необходимости немедленно же принять участіе въ развертывающихся событіяхъ, принести весь накопленный опытъ общественной работы и общественныхъ навыковъ и вложить его въ великое національное дѣло, многообразіе и сложность котораго тогда еще невозможно было сознать вполнѣ. Было ясно лишь то, что грандіозная, небывалая по размѣрамъ война сразу же создаетъ цѣлый рядъ крупнѣйшихъ задачъ государственнаго значенія, удовлетворительное

разрѣшеніе которыхъ невозможно безъ вмѣшательства и широкаго участія общественныхъ круговъ и напряженія всѣхъ организованныхъ общественныхъ силъ страны.

Въ недавнемъ прошломъ, когда нашему отечеству приходилось переживать испытаніе неизмѣримо меньшаго—и по идеѣ, и по размѣрамъ—значенія, мы уже имѣли опытъ общественнаго участія въ дѣлѣ эвакуаціи раненыхъ—въ видѣ общеземской организаціи. Идея такой организаціи возрождалась и теперь, но расширенная и углубленная въ своемъ значеніи. На-ряду съ объединенной земской дѣятельностью на тотъ же путь содѣйствія государству въ разрѣшеніи задачъ, вызванныхъ войной, выступили русскіе города, объединившіеся въ этихъ цѣляхъ въ единую союзную организацію. Не можетъ быть сомнѣнія, что это выступленіе городовъ внутренне находится въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ развитіемъ городской жизни и городской дѣятельности, которое обозначилось въ послѣднее десятилѣтіе. Это обстоятельство, отчасти, указано было и въ рѣчи б. московскаго городского головы, которою былъ открытъ 1-й съѣздъ представителей русскихъ городовъ 8 августа. Упомянувъ объ объединеніи земствъ, г. Брянскій сказалъ тогда: „Очередь за городами. Для городовъ объединеніе, быть можетъ, даже болѣе необходимо, чѣмъ для земства, если имѣть въ виду ту роль, которую въ общественной жизни любой страны играютъ города,—эти разсадники просвѣщенія и искусствъ, средоточія промышленности и торговли".

„Только внѣшнія неблагопріятныя условія,—писалъ тогда же и кн. Д. И. Шаховской,—препятствовали на дѣлѣ осуществить давно назрѣвшую мысль о городскомъ союзѣ. Отдѣльные города могутъ оказаться передъ необычайными задачами, которыя поставитъ новая Россія съ ея новыми формами жизни, новымъ хозяйственнымъ и общественнымъ укладомъ".

Оба союза—земскій и городской—и возникли дѣйствительно одновременно.

Организація всероссійскаго земскаго союза положена была съѣздомъ представителей 43 земствъ, состоявшимся 30 іюля въ Москвѣ. 12 августа эта организація была легализована. Союзу было обѣщано содѣйствіе Правительства и Краснаго Креста, и изъ средствъ Государственнаго Казначейства было передано 4 милліона рублей. Во главѣ союза всталъ извѣстный земскій дѣятель, основатель общеземской организаціи въ Японскую войну, кн. Г. Е. Львовъ, избранный главноуполномоченнымъ союза. Главнымъ органомъ союза является собраніе уполномоченныхъ по два отъ каждаго губернскаго земства (одинъ по выбору губернской управы, другой—губернземскаго собранія). Это собраніе уполномоченныхъ выбираетъ комитетъ союза изъ 10 лицъ съ главноуполномоченнымъ во главѣ. Мѣстными органами союза являются губернскіе и уѣздные комитеты, избираемые уѣздными

собраніями, представителями санитарныхъ союзовъ, мѣстныхъ попечительствъ и пр.

Образованіе всероссійскаго союза городовъ было предрѣшено еще въ чрезвычайномъ засѣданіи московской городской думы, состоявшемся даже до объявленія войны—18 іюля 1914 года. На этомъ засѣданіи образована была „военная городская комиссія“, которой поручено было приступить немедленно къ выработкѣ мѣръ врачебно-санитарнаго характера какъ на мѣстахъ военныхъ дѣйствій, такъ и въ самой Москвѣ. Комиссія въ первомъ же своемъ засѣданіи рѣшила созвать въ Москвѣ съѣздъ городскихъ головъ, который и состоялся 8—9 августа. Съ этого дня союзъ городовъ и можетъ считать свое существованіе. Окончательное сформированіе союза относится къ 14—15 сентября, къ днямъ второго съѣзда городскихъ представителей. На этомъ съѣздѣ главноуполномоченнымъ союза былъ избранъ М. В. Челноковъ.

При легализаціи союзовъ программа ихъ дѣятельности была опредѣлена, исключительно какъ помощь больнымъ и раненымъ воинамъ въ теченіе настоящей войны. Обѣ организаціи дѣйствительно и начали съ того, что занялись открытіемъ лазаретовъ для раненыхъ и больныхъ воиновъ, оборудованіемъ въ нихъ коекъ и разсѣиваніемъ прибывающихъ съ фронта раненыхъ по областямъ и городамъ. Въ связи съ этимъ союзы стали формировать и оборудывать санитарные поѣзда, разборочныя платформы, подыскивать медицинскій персоналъ, устраивать по пути движенія войскъ и раненыхъ питательные пункты, организовывать склады перевязочныхъ средствъ и медикаментовъ, устраивать сборы пожертвованій и т. д. Но уже очень скоро выяснилось, что всѣми этими мѣропріятіями, какъ ни много брали они силъ и времени, дѣятельность союзовъ ограничиться не можетъ. Духъ общественности, заложенный въ этихъ организаціяхъ, заставлялъ участниковъ и работниковъ ихъ смотрѣть дальше и заранѣе намѣчать новыя отрасли дѣятельности въ отвѣтъ на потребности, создаваемыя самимъ ходомъ военной кампаніи. Такъ, уже въ октябрѣ мѣсяцѣ центральныя и областныя организаціи союзовъ поставили передъ собою вопросъ о выработкѣ плана мѣропріятій по предупрежденію эпидемическихъ заболѣваній въ арміи и въ тылу.

Въ цѣломъ рядѣ городовъ, близкихъ къ фронту и расположенныхъ по линіямъ эвакуаціи раненыхъ, были организованы лечебные пункты, устроены заразные бараки, назначеніе которыхъ было служить барьерами противъ распространенія заразы во внутреннія губерніи страны. Одновременно съ этимъ союзы поставили передъ собой задачу призрѣнія воиновъ, подвергшихся душевнымъ заболѣваніямъ и съ этой цѣлью въ Петроградѣ и другихъ мѣстахъ были устроены спеціальные психіатрическіе госпитали. Работая въ томъ же направленіи, союзы пришли къ необходимости устраивать

для больныхъ и раненыхъ воиновъ особыя санаторіи, которыя были открыть частью въ обычныхъ курортныхъ мѣстахъ, частью въ новыхъ пунктахъ, спеціально приспособленныхъ къ курортнымъ цѣлямъ. Въ этомъ отношеніи были использованы до нѣкоторой степени и Крымъ, и Финляндія. Кромѣ того, лѣтомъ по Волгѣ курсировалъ спеціальный плавучій санаторій—пароходъ „Великая кн. Ксенія“, оборудованный петроградскимъ областнымъ комитетомъ.

Обслуживаніе раненыхъ и больныхъ воиновъ производилось не только въ тылу. Когда выяснились многіе дефекты въ способахъ подбиранія раненыхъ съ полей сраженій, союзъ городовъ и земствъ поставилъ своей задачей прійти на помощь и въ этомъ дѣлѣ и началъ организовывать особые отряды „санитарно-транспортные“, снабжая ихъ всѣми необходимыми перевозочными средствами. Отряды эти устраивали вблизи позицій питательные пункты, организовали подвозъ чая къ самимъ окопамъ, устраивали для солдатъ бани и прачешныя, словомъ, старались обслужить всѣ потребности воиновъ. Въ большинствѣ случаевъ отрядамъ приходилось работать подъ дѣйствіемъ непріятельскаго огня и раздѣлять съ арміей всѣ перипетіи кампаніи: переживать отступленія войскъ, зачастую въ такіе моменты, когда пылали желѣзнодорожныя сооруженія, оказываться въ плѣну, терять лошадей и людей. Особенно тяжела была потеря сестры милосердія при I передовомъ Сибирскомъ отрядѣ союза городовъ, О. И. Шишмаревой, смертельно раненой подъ Опочно, въ февралѣ 1915 г. Самоотверженная работа отрядовъ не разъ удостаивалась хвалебныхъ отзывовъ и награ со стороны командировъ тѣхъ частей, при которыхъ они работали.

III

Что обслуживаніе арміи и ея тыла не можетъ быть, однако, ограничено одной помощью раненымъ и больнымъ воинамъ, было ясно съ самаго начала. Организаторы и дѣятели союзовъ не спорили по поводу рамокъ, отведенныхъ ихъ дѣятельности, отлично сознавая, что послѣдней инстанціей въ этомъ вопросѣ явится сама жизнь съ ея неумолимыми требованіями. И вѣроятно самымъ неумолимымъ требованіемъ въ этомъ отношеніи явилась необходимость смягчить тяжелыя условія, создаваемыя все растущей дороговизной жизни. Борьбу съ этой невзгодой союзъ городовъ намѣчалъ въ программѣ при самомъ своемъ возникновеніи. Въ первое полугодіе, однако, эта задача фактически предоставлена была вѣдѣнію отдѣльныхъ городовъ. Но съ весны, когда въ столицахъ и крупнѣйшихъ центрахъ стали ощущаться первыя серьезныя затрудненія по части продовольствія и топлива и стало ясно, что борьба съ дороговизной должна вестись въ крупномъ масштабѣ, центральныя и областныя организаціи союзовъ со-

звали рядъ совѣщаній и съѣздовъ, посвященныхъ этому вопросу, подготовивъ къ этимъ съѣздамъ матеріалы путемъ спеціальныхъ анкетъ.

Выдающимся моментомъ въ этой дѣятельности явился съѣздъ 11—15 іюля въ Москвѣ. Особенностью этого съѣзда было то, что по составу своему онъ явился представительствомъ не только городскихъ самоуправленій и мѣстныхъ учрежденій союза городовъ, но и другихъ общественныхъ организацій, кооперативовъ, рабочихъ профессіональныхъ союзовъ, городской интеллигенціи и проч. Это была первая встрѣча широкихъ общественныхъ круговъ и различныхъ соціальныхъ группъ. И такъ какъ моментъ съѣзда совпалъ съ рѣзко обозначавшимся кризисомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, то естественно, что на съѣздѣ проявилась больше чѣмъ когда-нибудь борьба мнѣній, и самый вопросъ о дороговизнѣ жизни былъ поставленъ на широкую соціально-политическую почву. Демократическіе элементы, влившіеся въ составъ съѣзда, формулировали свои требованія, конечно, гораздо радикальнѣе, а оффиціальные представители городовъ и члены городского союза, само собой разумѣется, оказались значительно умѣреннѣе и скромнѣе. Тѣмъ не менѣе, съѣздъ принялъ такія, напримѣръ, резолюціи: онъ призналъ необходимымъ незамедлительную реформу мѣстнаго самоуправленія на широкихъ демократическихъ началахъ, расширеніе его правъ и предоставленіе ему независимости. Самая борьба съ дороговизною жизни представлялась съѣзду раціональной лишь при томъ условіи, если городскія управленія привлекутъ къ активной дѣятельности по продовольствованію населенія, на-ряду съ лицами, имѣющими право участія въ городскихъ выборахъ, также и другихъ лицъ, въ частности представителей мѣстныхъ комитетовъ союза городовъ, кооперативныхъ, профессіональныхъ и другихъ организацій. Кромѣ того съѣздъ призналъ необходимымъ предоставить теперь же городскимъ управленіямъ право привлекать въ составъ органовъ, ведущихъ дѣло продовольствія, лицъ, не пользующихся правомъ голоса на городскихъ выборахъ, предоставить возможность и средства производить учетъ запасовъ продовольствія, имѣющихся въ городахъ, расширить право издавать обязательныя постановленія, необходимыя для борьбы съ дороговизной и т. п. Впослѣдствіи, съ наступленіемъ осени, эти постановленія нашли себѣ отголосокъ въ возникшихъ и широко распространившихся въ общественныхъ кругахъ толкахъ о необходимости созданія т. наз. обывательскихъ комитетовъ.

Съѣздъ охватилъ вообще чрезвычайное разнообразіе вопросовъ, входящихъ въ сферу соціальной политики текущаго момента. Правительственныя мѣропріятія въ дѣлѣ борьбы съ дороговизной подверглись критикѣ въ докладѣ А. И. Шингарева. О запрещеніи вывоза продуктовъ изъ отдѣльныхъ районовъ представилъ докладъ С. Н. Прокоповичъ. Два доклада были спеціально посвящены вопросу объ урегулированіи транспорта. Рядъ докла-

довъ касался вопросовъ о взаимоотношеніяхъ между городами и кооперативами въ дѣлѣ борьбы съ дороговизною. Представители статистики и экономической науки представили свои соображенія объ учетѣ производства, обмѣна и транспорта продуктовъ массового потребленія, о реквизиціи продуктовъ, объ измѣненіи товарныхъ цѣнъ въ Россіи за время войны и т. д. Общій докладъ объ участіи общественныхъ организацій въ дѣлѣ продовольствія, вызвавшій наиболѣе горячія пренія и вскрывшій отчасти противорѣчія соціальныхъ интересовъ въ данномъ вопросѣ, представленъ былъ Н. И. Астровымъ, а отдѣльныя стороны этого вопроса были развиты въ докладахъ проф. Мануйлова и Литошенко.

Общее настроеніе съѣзда вылилось въ опредѣленной политической резолюціи, объединившей, несмотря на разнородный составъ съѣзда, подавляющее большинство его.

Нельзя не отмѣтить, однако, что практическое значеніе постановленій съѣзда, касающихся собственно борьбы съ экономическими невзгодами, оказалось невелико. И тутъ трудно винить комитеты союза и даже самыя городскія самоуправленія, ибо россійская дороговизна жизни представляется сложнымъ явленіемъ не только экономическимъ, но и бытовымъ. Стихійность экономическихъ вліяній осложнилась здѣсь такими бытовыми явленіями, бороться съ которыми оказывалось не подъ силу не только общественнымъ дѣятелямъ, но даже занимающимъ высокіе посты представителямъ правительственной власти. Одинъ изъ важнѣйшихъ узловъ всей проблемы завязался въ области организаціи подвоза продуктовъ, а эта сфера по неисповѣдимымъ путямъ русской дѣйствительности, оказалась внѣ предѣловъ досягаемости для воздѣйствія общественныхъ силъ.

Не меньшія трудности встрѣтилъ земско-городской союзъ и въ томъ дѣлѣ, какое выросло передъ страной внезапно въ концѣ весны, когда вдругъ обнаружились недостатки снаряженія нашей арміи, вызвавшія нашъ отходъ изъ Галиціи. Земско-городскіе элементы приступили къ этому дѣлу уже тогда, когда стали дѣйствовать военно-промышленные комитеты, организованные послѣ майскаго (26—28 мая) съѣзда представителей торговли и промышленности. Земско-городской союзъ ставилъ тутъ передъ собой двѣ задачи. Во-первыхъ, организовать мелкую промышленность, оставленную за бортомъ военно-промышленными комитетами и, во-вторыхъ, внести во все дѣло тотъ духъ общественности, недостатокъ котораго сказался въ первоначальныхъ организаціяхъ промышленниковъ. Такъ создались земско-городскіе областные комитеты снабженія арміи, при которыхъ учрежденъ былъ рядъ секцій: снарядная, вооруженія, электрическая, химическая, автомобильная, техническо-справочная и т. д., а также отдѣлы заказовъ, матеріальный, отдѣлы производствъ, связей и транспорта и пр. 25—27 іюля, на съѣздѣ военно-промышленныхъ комитетовъ, представители земско-городского

союза были введены въ составъ центральнаго военнаго комитета. Эта новая дѣятельность земско-городского союза, по выраженію кн. Г. Е. Львова, представляется „почти противоположной по сравненію съ первоначальной задачей—помощью жертвамъ войны". „Но,—писалъ кн. Львовъ,—это лишь различныя проявленія одной силы, связавшей земства, связавшей города, связавшей воедино всю страну, силы живого національнаго чувства, чувства незаглушимой, какъ голосъ совѣсти, національной отвѣтственности".

Новая задача потребовала и новой затраты энергіи, направленной теперь къ мобилизаціи техническихъ и культурныхъ силъ страны, привлеченію людей научнаго знанія и практическаго опыта. И тутъ земско-городскому союзу пришлось почувствовать, какъ не тверда его почва отъ отсутствія организованности въ болѣе глубокихъ пластахъ народа. Если бы не сельская кооперація, откликнувшаяся на общій призывъ къ работѣ по снабженію арміи, союзу пришлось бы почти все начинать съ начала.

Не успѣлъ, однако, земско-городской союзъ развить свою дѣятельность въ этомъ направленіи, какъ передъ нимъ встала новая забота, уклониться отъ которой онъ тоже не счелъ себя въ правѣ,—это забота объ облегченіи участи бѣженцевъ. Бѣженское движеніе началось съ первыхъ дней войны и въ началѣ оно, вѣроятно, не отличалось ничѣмъ отъ аналогичныхъ явленій во Франціи и въ Бельгіи. Затѣмъ оно осложнилось новой системой принудительнаго выселенія сплошь всего населенія изъ мѣстечекъ и городовъ, и на этой почвѣ возникъ вопросъ даже о пересмотрѣ закона о чертѣ осѣдлости. Затѣмъ, по мѣрѣ углубленія непріятеля внутрь страны, бѣженское движеніе, отчасти добровольное, отчасти, попрежнему, принудительное, приняло характеръ огромнаго хаотическаго потока людей, навѣрно, еще небывалаго въ исторіи. Справиться съ этимъ движеніемъ при помощи мѣръ административнаго воздѣйствія было, конечно, невозможно, хотя у насъ постарались первоначально встать именно на этотъ путь. Такъ какъ въ бѣженство вовлечены были, главнымъ образомъ, инородческіе элементы, то на помощь бѣженцамъ пришли національные комитеты, образовавшіеся въ Москвѣ, Петроградѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. А затѣмъ выступилъ на сцену и земско-городской союзъ, образовавшій при своихъ областныхъ комитетахъ спеціальные отдѣлы помощи бѣженцамъ. Для выработки плана дѣйствій и координированія ихъ съ работой всѣхъ другихъ организацій были созваны совѣщанія въ Москвѣ при главномъ комитетѣ союза и въ Петроградѣ при его областной организаціи. Петроградскій областной съѣздъ, состоявшійся при участіи представителей министерства внутреннихъ дѣлъ, Татьянинскаго комитета и національныхъ организацій, формулировалъ общіе лозунги, которые пущены были въ широкіе слои населенія и восприняты на мѣстахъ, въ

провинціи. Главнѣйшій лозунгъ, возвѣщенный этимъ совѣщаніемъ, гласилъ о необходимости объединенія и согласованія дѣятельности всѣхъ общественныхъ силъ, взявшихъ на себя заботу о бѣженцахъ.

IV.

Дѣятельность земско-городского союза, въ особенности въ области укрѣпленія хозяйственнаго тыла, какъ указано было выше, сильно затруднялась отсутствіемъ на мѣстахъ мелкой общественно-хозяйственной единицы. На земскихъ съѣздахъ и въ земскихъ собраніяхъ „военныхъ сессій“ дѣлались по этому поводу соотвѣтствующія заявленія и принимались резолюціи о желательности скорѣйшаго разрѣшенія вопроса о мелкой земской единицѣ.

Роль этой отсутствующей организаціи въ значительной мѣрѣ восполнила наша молодая сельская кооперація. Съ первыхъ же дней войны руководители кооперативнаго движенія формулировали программу дѣятельности кооперативовъ на все время военной кампаніи, и эта программа имѣла въ виду не только поддержаніе въ прежнемъ состояніи уже существующихъ кооперативныхъ ячекъ, но указывала на необходимость вмѣшательства во всю сферу общественно-хозяйственныхъ отношеній и звала къ работѣ на всѣхъ поприщахъ культурной самопомощи.

„Мы, россійскіе кооператоры,—писала московская „Кооперативная Жизнь“ спустя первый мѣсяцъ послѣ начала войны,—встрѣчаемъ грядущія, можетъ быть, крайне трудныя времена, съ бодрымъ, приподнятымъ настроеніемъ. Изъ глубинъ трудовыхъ народныхъ массъ, изъ глубинъ народнаго сознанія, изъ сокровенныхъ кладезей народнаго духа взметнулся такой сильный токъ отпора германскому нашествію, такой стихійный импульсъ къ защитѣ своихъ полей, своей культуры и свободы, что наши учрежденія, наиболѣе близкія народу, не могли ни дрогнуть, ни впасть въ уныніе“.

Первое, къ чему пришлось кооперативамъ примѣнить свое содѣйствіе была организація помощи для завершенія сельско-хозяйственныхъ работъ въ осенній сезонъ 1914-го года. Русская деревня, освобожденная отъ пьянаго угара, пошла навстрѣчу этому движенію, сама проявивъ мірскую самопомощь въ широкихъ размѣрахъ и оказавъ поддержку хозяйствамъ своихъ мобилизованныхъ сочленовъ.

Въ дѣлѣ помощи арміи и раненымъ кооперативы также приняли горячее участіе, дѣйствуя рука объ руку съ различными мѣстными благотворительными и общественными учрежденіями. Гордость кооперативныхъ и просто крестьянскихъ организацій—устройство собственныхъ лазаретовъ. Такъ, въ Курской губерніи былъ устроенъ кооперативный лазаретъ на

50 кроватей, въ Городищенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Селикса, былъ открытъ такой же лазаретъ на средства четырехъ товариществъ. Кооперативныя товарищества Казанской губ. открыли лазаретъ на 35 кроватей и т. д. Крестьяне Пермской губ., путемъ самообложенія и пожертвованій, собрали 72.000 руб., оборудовали лазаретъ и послали его на театръ военныхъ дѣйствій подъ именемъ „лазарета крестьянъ Пермской губ.“ 19 обществъ Екатеринославскаго уѣзда передали губернскому комитету 31 тысячу рублей для устройства лазарета и коекъ имени каждаго общества. Въ селѣ Фоминкахъ оборудованъ лазаретъ на подушный сборъ съ крестьянъ волости по 20 коп. съ души. Въ Кіевѣ на съѣздѣ, собравшемъ около 200 представителей кредитныхъ кооперативовъ, было постановлено образовать фондъ помощи членамъ кооперативовъ, утратившимъ на войнѣ трудоспособность, и ихъ семьямъ. Для этого каждый членъ кооператива облагается десятью коп., и, кромѣ того, кооперативы отказываются отъ дивиденда за три года отъ объединяющаго ихъ Кіевскаго союза мелкаго кредита. По предположенію г. Н. Огановскаго, за первую половину войны лепта трудящихся должна составить не менѣе трехъ съ половиною милліоновъ рублей, не считая того, что сдѣлали кооперативы для семей призванныхъ на войну и разныхъ видовъ оказанной ими натуральной помощи.

Но благотворительное дѣло и самопомощь далеко не исчерпали силъ кооперации. Война открыла ей доступъ на широкое государственное поприще. Въ этомъ отношеніи особенно интересно намѣчалась роль кооперации по снабженію арміи, участіе ея въ поставкахъ и т. п. Къ сожалѣнію, всякаго рода вѣдомственныя тренія и вѣдомственное недовѣріе, а также образъ дѣйствій правительственныхъ уполномоченныхъ, чуждыхъ духа общественности, не дали возможности кооперации проявить себя въ этой области такъ, какъ бы она могла.

Съ наступленіемъ весны, когда раздался общій кличъ къ мобилизаціи общественныхъ и культурныхъ силъ для доведенія войны до побѣдоноснаго конца, и въ кооперативной средѣ началось соотвѣтствующее движеніе. Открылась новая сессія кооперативныхъ съѣздовъ и совѣщаній, на которыхъ принимались резолюціи объ образованіи губернскихъ кооперативныхъ комитетовъ. Эти кооперативные комитеты и вообще кооперативныя учрежденія предлагали теперь свои услуги по организаціи сельскихъ кустарей, ремесленниковъ и земледѣльцевъ для снабженія арміи предметами военнаго снаряженія, обмундированія, продовольствія и фуража. Кооперативный комитетъ при обществѣ сельскаго хозяйства южной Россіи, отмѣчая, что многія кредитныя учрежденія юга Россіи уже съ первыхъ мѣсяцевъ войны безуспѣшно добиваются полученія заказовъ по снабженію арміи, настаивалъ передъ мѣстными военно-промышленными комитетами

на необходимости измѣнить въ этомъ отношеніи политику и использовать кооперативы, которые успѣли доказать свою пригодность въ этомъ дѣлѣ и своимъ добросовѣстнымъ исполненіемъ заказовъ и своимъ содѣйствіемъ въ ослабленіи безработицы и въ борьбѣ съ посредниками и подрядчиками.

Это расширеніе дѣятельности кооперативовъ отразилось и на общественномъ самосознаніи кооператоровъ. Идея союзнаго объединенія, и прежде находившая себѣ почву въ нашемъ кооперативномъ движеніи, теперь выдвинулась на первую очередь, а вмѣстѣ съ тѣмъ обострился до крайности вопросъ объ упорядоченіи правового положенія кооперации, о созданіи для нея прочной конституціи, отвѣчающей запросамъ жизни. Къ моменту іюльскаго созыва Гос. Думы въ печати появилось нѣсколько проектовъ кооперативнаго закона, предусматривавшихъ свободу союзнаго объединенія. Вопросы о союзномъ объединеніи не сходили съ очереди на всѣхъ кооперативныхъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ. И, несмотря на то, что министерство внутреннихъ дѣлъ при Н. А. Маклаковѣ относилось къ этому движенію съ недовѣріемъ,—идея эта побѣдила даже въ вѣдомственныхъ сферахъ и въ текущемъ году министерству финансовъ и главному управленію земледѣлія удалось разрѣшить цѣлый рядъ союзныхъ организацій.

Объединительное движеніе въ кооперации завершилось крупнымъ событіемъ—образованіемъ всероссійскаго кооперативнаго союза, цѣли и задачи котораго формулированы были слѣдующимъ образомъ. Центральный кооперативный комитетъ объединяетъ дѣятельность мѣстныхъ комитетовъ и уже существующія центральныя кооперативныя организаціи: московскій союзъ потребительныхъ обществъ, московскій народный банкъ, комитетъ о ссудо-сберегат. товариществахъ и т. п.—объединяетъ, словомъ, всю русскую кооперацію для разрѣшенія очередныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ войной,—организаціи снабженія и снаряженія арміи, борьбы съ дороговизной, помощи жертвамъ войны и проведенія кооперативнаго закона. Дѣятельность этого союза рѣшено было согласовать съ дѣятельностью мѣстныхъ и центральныхъ учрежденій союза земствъ и городовъ, а также военно-промышленныхъ комитетовъ. Помощь бѣженцамъ была также включена въ программу дѣятельности этого новаго союза и московскіе кооперативы первыми стали сообщать свѣдѣнія, гдѣ и какъ могутъ быть устроены бѣженцы при кооперативныхъ ячейкахъ.

V.

Участіе общественныхъ силъ въ работѣ въ тылу и на фронтѣ не ограничивалось дѣятельностью перечисленныхъ организацій союза. Профессіональныя корпораціи, ученыя и культурныя общества, учащаяся молодежь, наконецъ, просто частные обывательскіе кружки и организаціи, все это

различными ручейками сливалось въ общій потокъ общественной работы. И тутъ на первомъ планѣ стояли, конечно, задачи товарищеской самопомощи, облегченія участи семей призванныхъ на войну и, вообще жертвъ войны, а также поддержанія культурныхъ учрежденій и культурной жизни страны вообще.

Видную роль во всей этой работѣ сыграли народные учителя и педагоги вообще. При широкомъ содѣйствіи и поддержкѣ общества, на театрѣ военныхъ дѣйствій развернулся передовой отрядъ имени русскаго учительства. Лазаретъ на 100 кроватей, питательный и одѣвальный пунктъ, перевязочные пункты, сообщающіеся со своимъ отрядомъ при посредствѣ автомобилей, оборудованы были самымъ тщательнымъ образомъ. Педагогическія общества и организаціи оказывали помощь семьямъ призванныхъ, учителямъ-бѣженцамъ и т. п. Организаціонное движеніе среди педагоговъ завершилось учрежденіемъ 6 мая въ Петроградѣ „Всероссійскаго педагогическаго общества“, имѣющаго своей цѣлью, между проч., содѣйствіе учительскимъ и педагогическимъ организаціямъ въ осуществленіи задачъ, предусмотрѣнныхъ ихъ уставами. „Посильно помогая работѣ всѣхъ организацій, имѣющихъ цѣлью экономическій подъемъ страны или матеріальную помощь многочисленнымъ жертвамъ войны, учительство должно стать на стражѣ духовной культуры, просвѣтительной дѣятельности“,—такъ формулировалъ задачи учительства одинъ изъ видныхъ его руководителей, С. А. Золотаревъ.

„Нужно,—призывалъ онъ,—входить во всѣ мѣстныя организаціи, имѣющія общественный характеръ, быть ихъ мозгомъ и сердцемъ, направлять ихъ къ одной задачѣ—къ наилучшему выполненію общенароднаго дѣла борьбы съ разрушительными послѣдствіями войны“.

Задачи просвѣщенія во время войны и культурная работа въ разныхъ ея видахъ не только не были затѣнены вопросами военной кампаніи, но, наоборотъ, благодаря обнаружившейся опять культурной отсталости Россіи, а также въ связи съ уничтоженіемъ винной торговли, пріобрѣли еще большее значеніе. Мѣсто „казенки“ въ деревнѣ должны занять народные дома—вотъ лозунгъ, который раздался вслѣдъ за закрытіемъ винныхъ лавокъ и который былъ поддержанъ въ цѣломъ рядѣ земскихъ собраній. Конечно, эти стремленія столкнулись съ обычными тормозами россійской дѣйствительности, и запросы народа остались въ значительной мѣрѣ неудовлетворенными. Много говорилось и писалось также о необходимости дать деревнѣ хорошій матерьялъ для чтенія, о доступѣ въ деревню журналамъ и газетамъ, хотя бы въ цѣляхъ ознакомленія и правильнаго освѣщенія для народа военныхъ событій. Нѣкоторыя земства разсылали телеграммы „Петроградскаго агентства“, но дальше этого не рисковали идти. Въ свое время на широкіе круги общества произвело

большое впечатлѣніе письмо епископа Никона о темнотѣ народной и о смутныхъ представленіяхъ крестьянъ о задачахъ нынѣшней войны.

. . . . . .

Пока функціонировало Вольно-экономическое общество, оно въ своихъ общихъ собраніяхъ удѣляло особое вниманіе громадной важности финансовымъ и экономическимъ задачамъ, вызваннымъ какъ войной, такъ и отказомъ отъ пьянаго бюджета. На этихъ собраніяхъ выступали извѣстные спеціалисты по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ, и въ обмѣнѣ мнѣніями по этимъ вопросамъ приняли участіе многіе дѣятели науки и законадательныхъ учрежденій. Бумажно-денежное обращеніе, различные виды налоговъ и займовъ, новые источники государственныхъ доходовъ,— всѣ эти вопросы подверглись подробному разсмотрѣнію и содѣйствовали распространенію въ широкихъ кругахъ общества правильныхъ и разумныхъ взглядовъ.

Вѣрное своимъ традиціямъ, то же Вольно-Экономическое общество приняло участіе въ судьбѣ населенія въ мѣстностяхъ, пораженныхъ недородомъ. Путемъ сношенія съ правительствомъ, земствами и кооперативами оно старалось содѣйствовать устраненію переживаемыхъ затрудненій. Въ сознаніи важности сохраненія культурныхъ и хозяйственныхъ улучшеній, совѣтъ общества обратился ко всѣмъ земскимъ собраніямъ съ воззваніемъ, въ которомъ указывалось, что, несмотря на всю исключительность переживаемаго момента, земствамъ надлежитъ воздержаться отъ сокращенія расходовъ на культурныя потребности страны. Это воззваніе было встрѣчено во многихъ собраніяхъ весьма сочувственно, и основныя мысли его нашли себѣ отраженіе какъ въ работахъ земствъ, такъ и въ работахъ Государственной Думы.

Многіе дѣятели Вольно-Экономическаго общества принимали самое непосредственное участіе въ борьбѣ за спасеніе родины отъ непріятельскаго нашествія. Члены совѣта кн. В. А. Оболенскій и Г. А. Фальборкъ и члены общества Н. В. Некрасовъ, погибшій кн. Геловани и другіе находились во главѣ санитарныхъ и питательныхъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ на позиціяхъ, другіе, какъ А. М. Рыкачевъ и А. М. Колюбакинъ, сложили свои головы въ рядахъ дѣйствующей арміи, первый, какъ добровольцъ, другой также собственными усиліями добился права исполнить свой долгъ гражданина и офицера.

Важную задачу выполнило и другое почтенное ученое общество—Московское общество имени А. И. Чупрова, много потрудившееся для разработки вопросовъ, связаныхъ съ дороговизной жизни. Культурныя силы русскаго общества вообще искали всяческихъ выходовъ своей энергіи и своимъ стремленіямъ придти на помощь родинѣ въ трудную годину. Всероссійскія организаціи земствъ и городовъ были однимъ изъ крупныхъ

центровъ приложенія этихъ силъ. Здѣсь быстро сформировались кадры новаго третьяго элемента, благодаря которому, и больничное дѣло, и лазаретная статистика, и санитарно-предупредительная работа, и помощь бѣженцамъ, и другія задачи получили широкую общественную постановку. Самая благотворительность жертвамъ войны, сосредоточившаяся въ городскихъ попечительствахъ о бѣдныхъ, благодаря притоку въ эти организаціи интеллигенціи, получила новое направленіе, болѣе соотвѣтствующее запросамъ населенія. Въ частности, большое вниманіе было удѣлено интеллигентными работниками въ попечительствахъ правильной постановкѣ трудовой помощи населенію организаціей посредническихъ бюро и биржъ труда.

Не перечисляя здѣсь, по недостатку мѣста, работы всѣхъ профессіональныхъ корпорацій, упомянемъ лишь о дѣятельности адвокатуры, мировыхъ судей, артистовъ и художниковъ, дѣятелей народныхъ университетовъ и т. д. На средства петроградской адвокатуры былъ сформированъ передовой санитарно-транспортный отрядъ, во главѣ котораго стоитъ извѣстный петроградскій присяжный повѣренный П. Н. Переверзевъ. Такіе же отряды сформированы были и другими группами.

Въ работу всѣхъ этихъ организацій вкраплены были силы учащейся молодежи, представителей которой было-такъ много и среди санитаровъ, работавшихъ подъ выстрѣлами, и въ дружинахъ, дѣйствовавшихъ на питательныхъ пунктахъ, и среди сестеръ милосердія, и въ различныхъ учрежденіяхъ тыла, включительно до городскихъ попечительствъ. Добровольческій элементъ нашей арміи тоже насчитываетъ немало юношей, прервавшихъ свое образованіе для того, чтобы раздѣлить участь вооруженнаго народа...

На нужды военнаго времени мобилизованы были и совсѣмъ юныя силы изъ среды учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изъ нихъ были организованы т. наз. „трудовыя дружины“, которыя работали лѣтомъ на полевыхъ работахъ, помогая крестьянамъ ссобенно при обработкѣ полей, принадлежащихъ семьямъ воиновъ.

VI.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о дѣятельности классовыхъ организацій. Организованное дворянство, кромѣ устройства нѣсколькихъ лазаретовъ ничѣмъ не проявило себя,—по крайней мѣрѣ, о дѣятельности его въ обслуживаніи нуждъ войны въ печать не проникло никакихъ свѣдѣній. Гораздо болѣе активно отозвался торгово-промышленный классъ. Для него разразившіяся событія представили собой великую пробу его государственнаго сознанія и самодѣятельности. Поддержаніе и укрѣпленіе хозяйственнаго тыла было свя-

зано съ необходимостью развитія отечественнаго производства,—и не только въ рамкахъ вопроса объ освобожденіи русской промышленности отъ германскаго ига. Въ первое время, однако, вопросъ поставленъ былъ именно на такую національную точку зрѣнія; но, когда московское купеческое общество обратилось къ представителямъ промышленности и торговли съ анкетой по вопросу о мѣрахъ, какими можно освободиться отъ германскаго засилья, отвѣты получились очень характерные. Наши промышленники добросовѣстно указывали на недостатокъ собственной самодѣятельности, а нѣкоторые рѣзко подчеркнули тормозящее вліяніе общихъ условій русской жизни. Впослѣдствіи эти ноты еще болѣе усилились, и выступленія торгово-промышленной буржуазіи еще рѣзче окрасились въ политическомъ смыслѣ.

Что касается роли промышленнаго класса въ обслуживаніи арміи, то, помимо вспомоществованія жертвамъ войны, промышленники уже съ первыхъ мѣсяцевъ войны начали настаивать на томъ, чтобы правительство пользовалось работой промышленныхъ организацій, не только какъ услугами поставщиковъ, но и какъ указаніями совѣтниковъ. Еще въ сентябрѣ 1914 г. промышленники доказывали, что, только опираясь на организованную промышленную силу, правительство сможетъ справиться съ трудной задачей, которую возложила на него война.

Нашъ отходъ изъ Галиціи и обнаружившаяся нехватка въ снарядахъ вызвали въ промышленной средѣ сильное движеніе, которое проявилось на майскомъ съѣздѣ (26—28 мая) представителей промышленности и торговли. На этомъ съѣздѣ было положено основаніе военно-промышленнымъ комитетамъ, задачей которыхъ было, путемъ объединенія мѣстной промышленности и торговли, оказать все свое содѣйствіе снабженію и снаряженію арміи. Дѣятельность этихъ военно-промышленныхъ комитетовъ вызвала, однако, вскорѣ противъ себя нареканія въ нѣкоторой односторонности въ смыслѣ особеннаго вниманія къ интересамъ торгово-промышленнаго класса и потребовался коррективъ со стороны общественныхъ силъ: въ составъ центральныхъ учрежденій „военной промышленности“ введены были представители земско-городского союза и другихъ общественныхъ организацій.

Болѣе сложно было отношеніе рабочаго класса къ нуждамъ войны. Конечно, на многихъ фабрикахъ и заводахъ рабочіе принимали участіе и сами устраивали сборы въ пользу жертвъ войны и семей товарищей, призванныхъ на театръ военныхъ дѣйствій. Въ мѣстностяхъ, близкихъ къ фронту, рабочіе проявляли активное участіе въ устройствѣ столовыхъ для безработныхъ, бюро труда и т. под. учрежденій. Больничныя кассы рабочихъ брали на себя заботу по изысканію средствъ для помощи семьямъ призванныхъ и, вообще, пострадавшимъ отъ войны. Фактовъ подобнаго

рода откликовъ со стороны рабочихъ можно было бы привести очень много, но всѣ они довольно разрозненны. . . . . .

* * *

Заканчивая на этомъ нашъ бѣглый обзоръ дѣятельности общественныхъ силъ въ первый годъ войны, не можемъ не отмѣтить, что вся эта работа находилась, конечно, въ довольно тѣсной связи съ отношеніемъ широкихъ круговъ общества къ общимъ вопросамъ русской жизни. Всѣ зигзаги курса внутренней политики отражались и на общественной дѣятельности, направленной на удовлетвореніе нуждъ арміи и тыла. Бывали моменты, когда не только частныя общественныя организаціи, но даже земско-городской союзъ ощущалъ колебаніе почвы подъ собою.

Тѣмъ не менѣе, русское общество показало свою зрѣлость тѣмъ, что, вопреки непрекращающимся тормозамъ, оно считало нужнымъ откликаться активно и самодѣятельно на всѣ нужды военной кампаніи, въ глубокомъ сознаніи историческаго значенія совершающихся событій и въ стремленіи придать войнѣ народный характеръ и оттѣнить ея освободительную идею.

Вик. Португаловъ.

Война и экономическая жизнь.

Четыре десятилѣтія мирной жизни Европы были ознаменованы необыкновенно широкимъ и глубокимъ развитіемъ международныхъ идей и отношеній. Политическій горизонтъ далеко не всегда оставался безоблачнымъ. Много разъ нависали тяжелыя грозовыя тучи, грозя пролиться надъ Европой кровавымъ дождемъ. Но тучи разсѣивались, а ростъ и усиленіе международныхъ связей и скрѣпленій не останавливался ни на одну историческую минуту.

Въ мірѣ искусства и промышленности, въ мірѣ идей и торговыхъ оборотовъ все болѣе крѣпли международныя начала и вся наша культура, и внѣшняя и внутренняя, все болѣе ими пропитывалась.

Но особенно сильно и ярко это сказывалось въ экономической области. Тутъ развитіе хозяйственнаго оборота съ каждымъ историческимъ днемъ все болѣе связывало міръ въ одно хозяйственное цѣлое. Міровое хозяйство давно уже вытѣснило національныя хозяйства и міровой рынокъ давно уже преобразилъ національные рынки.

Рейсы пароходовъ и рейсы желѣзныхъ дорогъ, непрестанный обмѣнъ товарами, международный кредитъ, международные хозяйственные союзы, все это связало весь европейскій міръ въ одно хозяйственно недѣлимое цѣлое.

Воспитанные въ хозяйственной обстановкѣ и идейной атмосферѣ международнаго сотрудничества и международной солидарности, мы попросту не могли вмѣстить, объять идею міровой европейской войны.

О ней не мало писали, въ особенности экономисты. И всѣ эти писанія экономистовъ почти безъ исключенія, приходили къ заключенію, что хозяйственная жизнь, сложившаяся на основѣ международныхъ отношеній, не можетъ выдержать болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ войны. Черезъ три мѣсяца войны, доказывали экономисты, вся хозяйственая жизнь Европы будетъ на-

ходится въ тяжеломъ параличѣ. Продолженіе войны сдѣлается невозможнымъ.

Экономисты мыслили грядущую европейскую войну не иначе, какъ чудовищною хозяйственною катострофою, которая разворивъ всѣ государства, волею неволею поставитъ точку войнѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

И чѣмъ сильнѣе въ промышленномъ отношеніи развито государство, чѣмъ больше втянулось оно въ круговоротъ мірового хозяйства, тѣмъ менѣе устойчивымъ окажется оно подъ ударами войны и тѣмъ скорѣе капитулируетъ.

Россія съ этой точки зрѣнія казалось въ наиболѣе благопріятномъ положеніи въ случаѣ наступленія европейской войны. Россія ввозитъ фабрикаты и вывозитъ пищевые продукты и сырье. Она—житница Европы. Въ ней вдоволь хлѣба, яицъ, масла, мяса, кожъ, словомъ, всяческой снѣди и сырья. Война не угрожала Россіи тѣмъ, чѣмъ съ самаго начала угрожала Германіи—недостаткомъ продуктовъ и сырья. Кромѣ того, русское народное хозяйство несравненно меньше втянулось, чѣмъ западно-европейское, въ міровой оборотъ. Въ ней еще сохранились многія черты натуральнаго хозяйственнаго строя и при этихъ условіяхъ война въ хозяйственномъ отношеніи угрожала Россіи меньше чѣмъ любому изъ государствъ Западной Европы и въ особенности Германіи.

Наступила европейская война въ размѣрахъ, которыхъ не могли ожидать. Вся Европа превратилась въ бушующее пожарище войны.

И случилось то, что ученые экономисты считали немыслимымъ, невозможнымъ. Европа воюетъ цѣлый годъ, мы перевалили во второй годъ войны и кто рѣшится сказать, что какое-либо изъ государствъ подошло къ послѣдней чертѣ своей хозяйственной выносливости?

Даже Германія, наиболѣе уязвимая въ этомъ отношеніи, обнаружила необычайную силу сопротивленія и приспособленія хозяйственнаго организма. И когда наступитъ тихое и мирное время, многіе ученые люди погрузятся въ разработку темы о необычайной выносливости и силѣ, которыя обнаружилъ экономическій организмъ воюющихъ странъ.

Годъ войны скопилъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно большой поучительный матеріалъ, который, конечно, во всей полности и глубинѣ будетъ разработанъ и освѣщенъ лишь послѣ войны, но уже и теперь вырисовались поучительные итоги и обобщенія.

Мы остановимся лишь на Россіи и посмотримъ, что принесла ей война съ экономической и финансовой стороны. Тѣсныя рамки небольшой статьи заставляютъ насъ остановиться лишь на болѣе крупныхъ и выразительныхъ данныхъ, освѣщающихъ главныя стороны въ развитіи интересующаго насъ явленія.

Какъ долго и мучительно ни назрѣвала нынѣшняя война, рождая ли-

хорадочное, возбужденное настроеніе, все же разразились она внезапно.

Тажело груженные поѣзда и корабли или изъ Россіи и въ Россію и были застигнуты разразившеюся грозою міровой войны въ пути.

Сразу наступилъ хозяйственный хаосъ. Банки мгновенно закрыли свои двери. Хозяйственныя взаимоотношенія были сразу разрублены мечомъ войны. Кредитъ прекратился. Будущее было погружено въ безпросвѣтную тьму. Наступила хозяйственная растерянность. Экономическая жизнь страны была поставлена передъ множествомъ неизвѣстныхъ и никто ничего не могъ сказать о завтрашнемъ днѣ.

Какъ только немного улеглась паника, наступило все какое успокоеніе и начала медленно налаживаться хозяйственная жизнь воюющей страны, стало какъ будто бы подтверждаться утвержденіе, выдвинутое еще до войны экономистами—Россія, какъ страна богатая продуктами и вывозящая ихъ въ Европу, не можетъ чувствовать недостатка и даже просто дороговизны пищевыхъ припасовъ. Прекращеніе вывоза въ Германію оставитъ внутри Россіи высокія горы всяческой снѣди и это будетъ давить на цѣны и понижать ихъ.

Война, оставивъ внутри Россіи всю ту неисчислимую массу всяческихъ продуктовъ, которая вывозилась заграницу, должна будетъ вызвать чрезвычайно обильное предложеніе этихъ продуктовъ внутри страны и въ силу этого сильное паденіе цѣнъ.

И первые мѣсяцы войны какъ будто приносили подтвержденіе этого теоретическаго обобщенія.

Внезапно оборвавшійся вывозъ продуктовъ за границу вызвалъ скопленіе ихъ на мѣстныхъ рынкахъ и отсюда паденіе цѣнъ. Этотъ процессъ замѣчался въ особенности въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ, въ огромномъ количествѣ вывозившихъ въ Германію птицу, яйца, масло, хлѣбъ, овощи.

Цѣны на всѣ продукты стремительно падали и еще въ сентябрѣ мѣстами можно было „ни почемъ“ пріобрѣсти яйца, птицу, масло.

Предложеніе всѣхъ этихъ продуктовъ сразу сильно превысило спросъ на нихъ и крупные гуси продавались по рублю, цѣна на яйца упала мѣстами до двадцати копѣекъ десятокъ, чрезвычайно низкія цѣны стояли на овощи, масло, молоко. Все это заставляло предполагать, что европейская война, какъ и предсказывали экономисты, прекративъ вывозъ продуктовъ изъ Россіи, или во всякомъ случаѣ чрезвычайно сильно его сокративъ, этимъ самымъ приведетъ къ тому, что жизненные припасы внутри страны сильно подешевѣютъ. Предложеніе—благодаря отсутствію вывоза,—будетъ сильно превышать спросъ и при этихъ условіяхъ паденіе цѣнъ и удержаніе ихъ на низкомъ уровнѣ на протяженіи всей войны, неизбѣжны.

Ясно было, что всю ту огромную массу всяческой снѣди, которую до

сихъ поръ Россія вывозила на западно-европейскіе рынки, кормя ею всѣ страны, теперь придется размѣстить и потребить внутри и, конечно, при низшихъ цѣнахъ.

Война такимъ образомъ несла съ собою Россіи низкія цѣны на пищевые продукты, т. е. сулила сильное удешевленіе жизни. И просматривая газеты первыхъ мѣсяцевъ войны, мы постоянно наталкиваемся на корреспонденціи, сообщенія о подающихъ цѣнахъ на всѣ продукты, о дешевѣющей жизни.

Правда, очень скоро обнаружился противоположный процессъ въ области фабрикатовъ. Тутъ отсутствіе ввоза начало поднимать уровень цѣнъ. Стали дорожать товары, не только провозившіеся изъ-за границы, но и свои, русскіе. Это было естественное и предвидѣнное явленіе, вытекавшее изъ отсталости нашей промышленности и обилія отсюда на нашихъ рынкахъ заграничныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, товаровъ.

Но вздорожаніе фабрикатовъ, казалось, будетъ съ лихвою уравновѣшено удешевленіемъ пищевыхъ продуктовъ и общая схема экономической жизни подъ вліяніемъ войны рисовалась въ видѣ сильной дешевизны продуктовъ при дороговизнѣ фабрикатовъ.

Однако, уже съ осени началъ явственно намѣчаться процессъ подъема всѣхъ цѣнъ и на продукты питанія, а отсюда и двусторонній процессъ вздорожанія жизни—повышались въ цѣнѣ, и притомъ быстро и сильно, и фабрикаты и пищевые продукты.

Намѣтившись уже глубокою осенью 1914-го года, этотъ процессъ всесторонняго вздорожанія жизни явно сказался зимою и съ этихъ поръ неуклонно и быстро шло вздорожаніе жизни, постепенно захватывая всѣ области и отрасли и съ особенною остротою сказываясь въ большихъ городахъ.

Продукты не только чрезвычайно дорожали, но ихъ попросту не хватало, они точно сквозь землю провалились и началась полоса „голодовъ"—угольнаго, дровянаго, сахарнаго, мучного и т. д., и т. д.

Вмѣсто предсказаннаго и вначалѣ дѣйствительно наступившаго удешевленія и изобилія продуктовъ, по мѣрѣ развитія военныхъ дѣйствій обнаружилось чрезвычайное ихъ вздорожаніе и сильный недостатокъ.

Поднимался въ цѣнѣ и основной источникъ питанія—хлѣбъ, что представлялось вначалѣ совершенно необъяснимымъ или объяснимымъ лишь злостною спекуляціею. Въ самомъ дѣлѣ, вывозъ хлѣба составлялъ основную статью въ торговлѣ Россіи, война этотъ вывозъ до крайности сократила. Объ этомъ свидѣтельствуютъ офиціальныя цифры.

За августъ—декабрь 1914-го года изъ Россіи было вывезено хлѣбныхъ продуктовъ всего 21 милл. пудовъ противъ 386.315 мил. пудовъ за соотвѣтственные мѣсяца 1913 и 1912 годовъ. За январь—іюнь

1915-го года было вывезено 13 мил. пудовъ противъ 317 мил. пудовъ за тѣ же мѣсяцы 1914-го года.

Такимъ образомъ, въ Россіи должно было остаться многіе сотни милліоновъ пудовъ невывезеннаго хлѣба. Онъ долженъ былъ быть размѣщенъ на внутреннемъ рынкѣ и эти огромныя горы хлѣба должны были тяжело давить на цѣны и понижать ихъ.

То же самое явленіе въ нѣсколько меньшемъ масштабѣ мы наблюдаемъ и въ области другихъ пищевыхъ продуктовъ—масла, яицъ, птицы и т. д.

Съ перваго взгляда это явленіе казалось объяснимымъ лишь злою волею спекулянтовъ и торговцевъ.

И были приняты соотвѣтствующія мѣры. Прежде всего губернаторамъ было дано право запрещать вывозъ тѣхъ или иныхъ продуктовъ изъ ввѣренной имъ губерніи. Этимъ правомъ губернаторы воспользовались чрезвычайно широко. Въ одной губерніи за другой объявлялось запрещеніе вывозить продукты, причемъ эти мѣры принимались огульно, безъ предварительнаго разслѣдованія, безъ всякой детализаціи. Въ нихъ склонны были видѣть панацею отъ дороговизны и губенаторы за губерніей не видѣли Россіи. А въ итогѣ этихъ мѣръ Россія превратилилась въ разъединенные штаты. Была объявлена блокада каждой отдѣльной губерніи, не считаясь совершенно съ особенностями ея хозяйственной жизни, соотношеніемъ спроса и предложенія, географическимъ положеніемъ и т. д.

Свободное товарообращеніе страны было этимъ въ значительной степени пріостановлено и создалась необычайная хозяйственная путаница. Въ одной губерніи скоплялось множество скота, не находившаго себѣ сбыта и остро чувствовался недостатокъ муки, а въ сосѣдней губерніи было изобиліе муки и остро ощущался недостатокъ въ мясѣ. И вслѣдствіе губернаторскаго запрещенія обѣ эти губерніи для обоюдной пользы не могли обмѣниваться продуктами.

Примитивное регулированіе потребленія съ помощью огульнаго и массоваго запрещенія вывоза продуктовъ изъ всей губерніи, натворивъ много бѣдъ и чрезвычайно обострив и запутавъ положеніе дѣла, было отмѣнено. Продуктамъ была возвращена свобода передвиженія, они были освобождены отъ прикрѣпленія къ губерніи и это несомнѣнно было благою мѣрою, которая, однако, не положила и, конечно, не могла положить конца дальнѣйшему росту дороговизны.

Широко былъ использованъ и аппаратъ административнаго давленія на цѣны—установленіе таксъ и штрафовъ. И на этотъ аппаратъ регулированія цѣнъ возлагали большія, не сбывшіяся надежды. Губернаторы и градоначальники широко примѣняли таксы и штрафы, но долгій опытъ на пространствѣ всей Россіи показалъ, что этимъ однимъ путемъ во всякомъ

случаѣ не остановитъ роста цѣнъ и не урегулируетъ потребленія. И таксы, и штрафы сами по себѣ являются несомнѣнно необходимымъ „холоднымъ“ оружіемъ въ борьбѣ съ злостной спекуляціей торговцевъ. Осторожно и умѣло примѣняемые, они даютъ карательное орудіе въ руки власти и служатъ этимъ мѣрою пресѣченія многихъ злоупотребленій торговцевъ.

Но сами по себѣ они, какъ это достаточно показалъ опытъ, безсильны были остановить ростъ дороговизны и доставить недостающіе продукты.

Таксы и штрафы не устранили самыхъ острыхъ періодическихъ „голодовъ“, во многихъ мѣстахъ, гдѣ они примѣнялись съ особою строгостью и систематичностью; недостатокъ продуктовъ усилился, такъ какъ направляемые торговцами, продукты стали обходить мѣста, особенно пораженые штрафами и таксами. Да и таксы, огульно и широко примѣняемыя, не могли быстро приспособляться къ рѣзко измѣняющимся условіямъ рынка, къ соотношенію спроса и предложенія, оптовыхъ и розничныхъ цѣнъ и въ итогѣ они тормазили привозъ продуктовъ, а случалось порою, что и задерживали пониженіе цѣнъ, такъ какъ ниже таксы уже никто не продавалъ даже и въ случаѣ большого предложенія продуктовъ.

Неуспѣшность чисто репрессивныхъ механическихъ мѣръ борьбы съ дороговизною ясно показала, что передъ нами тутъ явленіе очень сложное, выросшее изъ всей совокупности созданныхъ войною условій.

Та злая воля торговцевъ, въ которой многіе склонны видѣть причину всѣхъ бѣдъ, хотя безъ всякаго сомнѣнія сказалась въ этомъ явленіи, но она—величина тутъ не первоначальная, а производная. Все дѣло въ томъ, что создались условія, въ которыхъ этой злой волѣ „есть разгуляться гдѣ на волѣ“, что алчность торговцевъ не наткнулась на неодолимыя преграды.

Но чѣмъ же было вызвано самое явленіе дороговизны, составляющее столь печальную сторону въ экономической жизни Россіи? Какимъ же это образомъ житница Европы, ежегодно заваливавшая всѣ западно-европейскіе рынки всяческою снѣдью, съ прекращеніемъ вывоза очутилась лицомъ къ лицу съ невѣроятною дороговизною и цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ голодовъ? Куда дѣвалось то несомнѣнное и огромное преимущество Россіи передъ западными странами и въ особенности Германіей, о которомъ такъ много и охотно говорили до войны и вначалѣ войны—изобиліе и дешевизна всяческихъ продуктовъ?

Это явленіе нельзя объяснить, исходя изъ какого-либо одного начала. Оно можетъ быть понято лишь изъ совокупности созданныхъ войною хозяйственныхъ условій. Тутъ прежде всего нужно упомянуть, конечно, объ отвлеченіи силъ отъ сельско-хозяйственнаго труда и реквизиціи лошадей. Это не могло не отозваться на производительности сельско-хозяй-

ственнаго производства. Но данный факторъ не сыгралъ крупной роли, благодаря обилію людского матеріала въ Россіи и хорошему урожаю. Гораздо большее значеніе имѣло образованіе въ лицѣ арміи чрезвычайно обширнаго рынка.

Милліонная армія и ея богатый конный составъ представляютъ чрезвычайно большой рынокъ, поглощающій несмѣтное количество всяческой снѣди. Конечно, армія составляется изъ тѣхъ же элементовъ, которые входятъ въ населеніе страны и которые и внѣ арміи представляли такое же количество потребляющихъ единицъ.

Но необходимо принять во вниманіе, что въ арміи входящія въ ея составъ единицы питаются несравненно лучше, потребляютъ значительно больше, чѣмъ онѣ потребляли дома. Мужикъ-солдатъ питается лучше чѣмъ мужикъ, остающій дома. Въ виду этого образованіе многомилліонной арміи значительно увеличило потребленіе продуктовъ.

Арміи, кромѣ того, дѣлаютъ обширные запасы на долго впередъ. Многіе изъ этихъ запасовъ, въ виду приближенія непріятеля погибаютъ и ихъ приходится возобновлять. Многіе приходится уничтожать въ занимаемыхъ непріятелемъ мѣстностяхъ. Многіе, наконецъ, попадаютъ въ руки непріятеля.

Уже это превращаетъ армію въ чрезвычайно ёмкій рынокъ, постоянно поглощающій несмѣтное количество продуктовъ и предъявляющій спросъ все на новые и новые. Этотъ спросъ арміи долженъ быть принятъ во вниманіе при учетѣ выросшаго спроса страны во время войны.

Вторымъ, опять таки непредвидѣннымъ теоретиками явленіемъ хозяйственной жизни воюющей Россіи, представляется повышеніе спроса на продукты и со стороны широкой массы населенія.

Какъ это непреложно свидѣтельствуютъ многократно зарегистрированные факты, война не только не понизила, но наоборотъ повысила спросъ населенія и на продукты, и на фабрикаты.

Въ объясненіе этого неожиданнаго явленія надо, прежде всего, указать на внезапное отрезвленіе, на упраздненіе водки, о которомъ намъ еще придется говорить ниже, въ связи съ финансовою стороною войны.

Пока же отмѣтимъ, что милліардъ, который населеніе ежегодно относило въ кабаки, въ значительной степени остался въ народныхъ карманахъ. И вотъ эти-то деньги, сбереженныя на водкѣ, пошли на увеличеніе народнаго спроса на фабрикатъ и продукты. Всѣ наблюдатели народной жизни въ одинъ голосъ отмѣчаютъ, что во время войны широкія массы населенія, несмотря на высокія цѣны, обзаводились обстановкою, покупали новую одежду, обувь, вообще культурнѣе обставили свою внѣшнюю жизнь.

Улучшилось и ихъ питаніе. То, что уходило прежде на водку, теперь шло на покупку одежды, утвари и улучшеніе питанія.

Отсюда, наряду съ указаннымъ воздѣйствіемъ арміи, какъ рынка сбыта, шелъ повышенный спросъ на всѣ продукты.

Кромѣ того, и крестьянинъ деньги, которыя онъ тратилъ на водку, теперь сталъ употреблять на то же улучшеніе утвари, одежды и пищи. А послѣднее означало, что онъ меньше сталъ вывозить на рынокъ. Давно извѣстно, что деревенская Россія вывозила на внутренній и внѣшній рынокъ свои продукты не столько отъ избытка производства, сколько отъ недостатка потребленія, не столько отъ перепроизводства, сколько отъ недоѣданія.

Извѣстна фраза мин. фин. Вышнеградскаго, кратко сформулировавшая финансовую программу—не доѣдимъ, а вывеземъ. И дѣйствительно нашъ вывозъ опирался на недоѣданіи.

Стоило бы поднять потребленіе народной массы до нормальнаго уровня и намъ, какъ это давно указывали статистики, нечего было бы вывозить, такъ какъ развитіе сельско-хозяйственной техники и производительности давно и сильно отстаетъ у насъ отъ роста населенія.

Выросшія требованія такого обширнаго рынка, какъ армія, и улучшеніе питанія широкой массы населенія подъ вліяніемъ упраздненія водки, привели къ сильному сокращенію излишковъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, поступающихъ въ продажу. Вслѣдствіе этого было сокращено предложеніе продуктовъ и это послужило толчкомъ къ росту цѣнъ. Но одно это еще не можетъ объяснить намъ, почему вздорожаніе приняло такой массовый характеръ.

Для объясненія этого явленія необходимо принять во вниманіе еще и ростъ спекуляціи, усиленные выпуски бумажныхъ денегъ и—что чрезвычайно важно—разстройство транспорта. Спекуляція пышно разцвѣла на почвѣ дороговизны. Оптовые и розничные торговцы широко использовали создавшееся тяжелое положеніе и вели азартную игру на повышеніе цѣнъ. Въ этомъ содѣйствовали имъ нѣкоторые банки, задерживавшіе огромные запасы продуктовъ, въ особенности сахара.

Но какъ мы выше отмѣчали, эта алчная, отвратительная спекуляція распустилась махровымъ цвѣтомъ уже на подготовленной почвѣ дороговизны. Спекуляція не создала дороговизны, она лишь ее обострила, усилила, придала ей злостный характеръ. Устраненіе спекуляціи несомнѣнно ослабило бы, притупило бы дороговизну, но не настолько, чтобы она перестала быть тяжкимъ бременемъ. Роль обилія бумажныхъ денегъ какъ фактора вздорожанія продуктовъ и вообще всѣхъ товаровъ, трудно поддается измѣренію и точному выраженію. Несомнѣнно, что въ итогѣ широкаго печатанія денегъ, покупательная сила рубля ослабѣла. На международномъ рынкѣ это явно и сильно сказалось. Но на внутреннемъ рынкѣ при обстоя-

ствахъ военнаго времени это паденіе покупательной силы рубля сказалось въ формѣ и размѣрахъ трудно установимыхъ и измѣряемыхъ.

Но внимательное наблюденіе надъ экономическою жизнью и общія теоретическія предпосылки съ несомнѣнностью указываютъ, что непрерывный выпускъ бумажныхъ денегъ понижалъ покупательную способность рубля. Деньги дешевѣли, а это удешевленіе денегъ, измѣренное въ цѣнахъ продуктовъ и товаровъ, означало вздорожаніе жизни.

Мы подходимъ теперь къ третьему фактору вздорожанія жизни — къ разстройству транспорта.

Долгое время у насъ этотъ факторъ вздорожанія жизни вольно и невольно игнорировали. Говорили о спекуляціи, объ уменьшеніи предложенія, даже о бумажныхъ деньгахъ, но условія желѣзнодорожной перевозки, т. е. условія доставки товаровъ обходили вольнымъ и невольнымъ молчаніемъ.

А, между тѣмъ, какъ все больше выяснялось, въ этой области лежитъ хотя и не исключительная, но чрезвычайно важная, одна изъ крупнѣйшихъ причинъ вздорожанія жизни.

И въ мирное время наша желѣзнодорожная сѣть плохо справлялась съ своевременнымъ и быстрымъ распредѣленіемъ продуктовъ по лицу всей земли.

Пресловутыя залежи представляли ежегодное зло въ области реализаціи урожая и въ самое страдное время перевозки хлѣба на узловыхъ станціяхъ выростали высокія горы зерна и отправители по долгимъ недѣлямъ нетерпѣливо ожидали своей очереди.

А. Чеховъ въ разсказѣ „Холодная кровь“, ярко изобразилъ это зло желѣзнодорожныхъ перевозокъ, тормазящихъ всю хозяйственную жизнь страны и для кое какого урегулированія постоянно требовавшихъ взятокъ. Если такъ обстояло дѣло въ мирное время, то съ наступленіемъ военныхъ дѣйствій въ области перевозокъ наступила великая путаница. Само собою разумѣется, что передъ военными грузами и нуждами, штатскія требованія къ желѣзнымъ дорогамъ отступили на второй планъ.

Но бѣда въ томъ, что плана тутъ никакого не оказалось. Штатскіе грузы попали въ полную распутицу. Они передвигались безъ всякой системы и плана, мѣстами загромождая пути на огромномъ пространствѣ и по пусту простаивая въ вагонахъ мѣсяцами, мѣстами же мѣсяцами тщетно ждали вагоновъ, чтобы быть погруженными.

Для своего движенія вагоны съ грузами требовали обильной смазки взятками. И ни для кого не тайна, что вагоны приводились въ движеніе взятками. Образовались даже особые спеціалисты этого дѣла, „толкачи“, установившіе своего рода таксы.

Въ итогѣ громозкіе и дешевые продукты, не выносившіе накладныхъ расходовъ въ видѣ большихъ взятокъ, немилосердно задерживались, а ва-

гоны съ дорогими продуктами, позволявшими платить по высокому взяточному тарифу, передвигались быстро.

Безсистемное передвиженіе вагоновъ, неумѣніе использовать ихъ подвижной составъ для быстраго и равномѣрнаго передвиженія, гнѣздо взяточничества, все это вмѣстѣ создало ту путейскую распутицу, которая устранила всякую возможность какого-либо разсчета относительно срока доставки товаровъ и чрезвычайно подняла цѣны за провозъ, такъ какъ приходилось разсчитывать на медленное передвиженіе товаровъ, порчу ихъ, большіе „накладные“ расходы и т. д. Хаосъ перевозки привелъ къ тому, что въ однихъ пунктахъ Россіи скопились тяжелыя горы всяческихъ продуктовъ, ждущихъ сбыта, а въ другихъ и часто близко расположенныхъ—форменный голодъ на эти продукты, и цѣны на нихъ растутъ не по днямъ, а по часамъ. Недавняя поѣздка мин. внут. дѣлъ въ Москву открыла около Первопрестольной длиннѣйшіе поѣзда, тяжело груженные всяческими продуктами и безконечно ждущіе своей очереди быть передвинутыми въ обѣ столицы.

Разстройство путей сообщенія, безпомощность и злоупотребленія не даютъ возможности использовать и распредѣлить по всей странѣ тѣ огромные запасы продуктовъ, которые въ ней имѣются.

И ясно, что какія бы мѣры въ борьбѣ съ дороговизною мы ни принимали, какихъ бы побѣдъ ни одержали надъ спекуляціей и алчностью торговцевъ, все это не приведетъ само по себѣ ни къ чему, если не будетъ урегулированъ подвозъ, если не будетъ обезпеченъ правильный, вымѣренный притокъ продуктовъ къ опредѣленнымъ пунктамъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что дороговизна, составляющая самое большое зло экономической жизни Россіи въ военное время, выросла изъ нѣсколькихъ корней, и борьба съ нею требуетъ чрезвычайно сложной и планомѣрной организаціи, въ основу которой должна быть положена та истина, что у насъ дороговизна и недостатокъ продуктовъ вызываются не органическими причинами, а организаціонными недостатками.

У насъ продуктовъ достаточно для того, чтобы вся страна была ими насыщена не по ростовщическимъ цѣнамъ. Если нѣмцамъ нужно было проявить чудеса организаціи, чтобы выйти изъ тисковъ голода и разрѣшить безконечно трудную продовольственную задачу, то у насъ никакихъ чудесъ не нужно для этого. Достаточно самой элементарной организаціи, въ основу которой было бы положено единое руководящее начало. Нужно чтобы былъ центръ, въ которомъ сосредоточено было бы все продовольственное дѣло и который располагалъ бы достаточными возможностями и полномочіями, чтобы передвигать продукты правильно по всей странѣ, чтобы въ нужное время они были въ нужномъ мѣстѣ въ соотвѣтствующемъ количествѣ.

Какъ показалъ достаточно долгій опытъ, ни вѣдомства, ни городскія

самоуправленія не могутъ справится съ этимъ сложнымъ дѣломъ и на мѣстахъ должны быть созданы общественныя организаціи обывателей, которыя приняли бы самое дѣятельное и непосредственное участіе въ распредѣленіи и организаціи поступающихъ продуктовъ. Нужна и борьба со спекуляціей, и самое широкое привлеченіе кооперативовъ, и обывательскія организаціи, и центральная продовольственная система, которая направляла бы всѣмъ обращеніемъ продуктовъ въ странѣ и вызывала правильный приливъ ихъ къ пунктамъ потребленія, заранѣе учтеннаго, измѣреннаго и организованнаго. Чтобы покончить съ вопросомъ о дороговизнѣ, мы дадимъ сжатое описаніе этого самаго сложнаго и тяжкаго явленія въ экономической жизни тыла.

Всероссійскій союзъ городовъ произвелъ любопытную анкету о дороговизнѣ, пользуясь которой мы можемъ въ общихъ чертахъ обрисовать размѣры, распространеніе и характеръ дороговизны.

„Уже бѣглый просмотръ полученнаго матеріала—резюмируетъ авторъ анкеты—убѣждаетъ въ томъ, что дороговизна приняла характеръ народнаго бѣдствія, которое съ теченіемъ времени—и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи—принимаетъ все большіе размѣры“.

И въ самомъ дѣлѣ. Изъ 78 большихъ городовъ, отвѣтившихъ на анкету, 77 отмѣчаютъ у себя общее вздорожаніе продуктовъ. Изъ 100 городовъ меньшаго размѣра 85 отмѣчаютъ общую дороговизну, 8—вздорожаніе отдѣльныхъ продуктовъ и лишь 7 городовъ говорятъ о нормальныхъ цѣнахъ, но изъ этихъ семи четыре заброшены въ отдаленныхъ пунктахъ Азіатской Россіи, гдѣ и вообще вліяніе войны не почувствовалось. Любопытно, что отвѣчая на вопросъ о причинѣ дороговизны, города ставятъ на первое мѣсто разстройство транспорта.

Многіе города указываютъ, что вагоны достаются съ помощью взятокъ. Городъ Симферополь прямо пишетъ объ установившейся здѣсь „за подачу вагоновъ“. Городъ Шуша говоритъ:

„Городская управа ходатайствуетъ передъ губернаторомъ о разрѣшеніи отпуска наряда, но изъ словъ торговцевъ усматривается, что эти разрѣшенія не достигаютъ цѣли, а вагоны выдаются по усмотрѣнію дорогъ лицамъ, не имѣющимъ такихъ удостовѣреній, что торговцы принуждены брать вагоны у третьихъ лицъ, на что тратятся большія деньги“. Подавляющее большинство отвѣтившихъ на анкету городовъ видитъ въ спекуляціи не первопричину, а производное явленіе дороговизны.

Путемъ долгаго и горькаго опыта города пришли къ выводу, что съ такимъ сложнымъ, всѣми условіями военнаго времени вырощеннымъ явленіемъ, какъ дороговизна, нельзя бороться только средствами для внѣшняго употребленія, какъ таксы и штрафы.

Резюмируя отвѣты городовъ, анкета городского союза говоритъ:

— „Съ явленіями общими для всего государства и порожденными общимъ комплексомъ причинъ, можно и должно бороться лишь организованными усиліями всей страны. Эта мысль очевидно глубоко проникла въ сознаніе городовъ“.

* * *

Отъ продуктовъ обратимся къ фабрикатамъ. Въ этой области вздорожаніе явилось прямымъ слѣдствіемъ отсталости нашей промышленности И до войны было извѣстно, что огромная доля потребляемыхъ страною фабрикатовъ ввозится изъ-за-границы, главнымъ образомъ изъ Германія, а изъ тѣхъ фабрикатовъ, которые изготовляются въ Россіи, многое множество въ процессѣ производства пользуется иностранными составными частями. Но какъ бы ни были мы знакомы съ этою истиною, все же военная дѣйствительность принесла большіе и горькіе сюрпризы. Обнаружилась всесторонняя наша зависимость отъ иностранной и главнымъ образомъ нѣмецкой промышленности. Промышленная безпомощность огромнѣйшей страны, располагающей всѣми природными богатствами, даровитымъ населеніемъ, ухлопавшей на насажденіе отечественной промышленности неисчислимые милліоны, раскрылась въ этой войнѣ во всей своей непокрытой наготѣ и постыдности. Не оказалось у насъ самыхъ элементарныхъ вещей массоваго потребленія. Не было пуговицъ, самыхъ простѣйшихъ химическихъ и аптекарскихъ препаратовъ и красокъ. Экспортеры сибирскаго масла и дичи жаловались, что съ наступленіемъ войны они оказались лишенными буковыхъ клепокъ, идущихъ на упаковку. Эти буковыя клепки выписывались, оказывается, изъ Германіи, несмотря на то, что у насъ существуетъ великолѣпный букъ. Въ Россіи не оказалось ни одного завода, выдѣлывающаго фасадный облицовочный кирпичъ и этотъ громоздкій тяжелый товаръ, выдѣлка котораго не представляетъ никакихъ затрудненій, цѣликомъ выписывался изъ Германіи.

Россія издавна славилась своими мѣхами и мѣховою торговлею, но до сихъ поръ выдѣлка и окраска русскихъ мѣховъ сосредоточена была главнымъ образомъ въ Германіи. Наши мѣха везутъ изъ далекой Сибири въ Германію для очистки, окраски и отдѣлки, а затѣмъ вновь привозятъ въ Россію. Война широко раскрыла глаза на всю нашу огромную и постыдную промышленную безпомощность, обломовщину, барство.

И естественно, что прекратившійся ввозъ изъ Германіи тотчасъ же вызвалъ повышеніе цѣнъ на всѣ фабрикаты и недостатокъ многихъ изъ нихъ.

Сильнѣе всего шелъ ростъ цѣнъ на тѣ предметы, которые нужны были для производства снарядовъ и амуниціи. Баснословно вздорожали металлы

и химическія вещества. Цѣны на нихъ росли со сказочной быстротою, но и за неслыханныя цѣны не всегда можно было достать искомый товаръ.

Привозъ иностранныхъ товаровъ не былъ вполнѣ оборванъ войною — онъ продолжался черезъ Швецію и Архангельскъ. Но этотъ привозъ, обставленный большими затрудненіями и требующій большихъ расходовъ, не могъ возмѣстить прекратившійся провозъ изъ Германіи и Австріи и всѣ товары неуклонно и быстро дорожали. И тутъ во многихъ отрасляхъ скоро обнаружился „голодъ“ и многіе фабрикаты нельзя было достать въ нужномъ колочествѣ даже по очень повышеннымъ цѣнамъ. Упраздненіе водки, повысившее, какъ мы уже отмѣчали достатокъ всего населенія, усилило спросъ на одежду, утварь, предметы хозяйственной техники.

Трудящіеся классы, сберегая деньги, которыя уходили на водку, покупали теперь лишнюю одежду, обзаводились кое-какою новою обстановкою, улучшили сельско-хозяйственный инвентарь. Это, какъ и въ области продовольствія, создало повышенный спросъ.

А между тѣмъ отвлеченіе рабочихъ силъ, поглощеніе многихъ фабрикъ и заводовъ исключительно военными заказами и отсутствіе заграничнаго привоза чрезвычайно уменьшили предложеніе товаровъ, поступающихъ на рынокъ. Если сюда прибавить еще рядъ тѣхъ причинъ, которыя мы уже перечислили говоря о вздорожаніи продуктовъ (спекуляція, условія транспорта, обиліе бумажныхъ денегъ), то выяснится общая картина чрезвычайнаго вздорожанія всѣхъ товаровъ.

На этой почвѣ выросло своеобразное явленіе, чрезвычайно характерное для экономики военнаго времени: не товаръ ищетъ покупателя, а покупатель—товаръ.

Это сказывалось и въ повседневномъ хозяйственномъ оборотѣ и на генеральномъ смотру русской экономической жизни — на нижегродской ярмаркѣ.

Нижегородская ярмарка прошла вяло не изъ-за недостатка покупателей, а изъ-за недостатка товаровъ. Многія крупныя фирмы ничего не привезли на ярмарку, такъ какъ имъ везти было нечего. Не товару приходилось искать покупателя, а покупателю товаръ.

Привозъ, напр., металлическихъ издѣлій по количеству достигъ лишь одной трети обычнаго. Цѣны на скобяной товаръ поднялись на 50%.

Привезенная эмалированная посуда продавалась вдвое дороже, чѣмъ въ прошломъ году.

На мануфактурномъ рынкѣ остро чувствовался недостатокъ тяжелыхъ тканей, причемъ и тутъ оказалось, что безъ нѣмецкой краски нечѣмъ было ихъ окрасить.

На Крещенской ярмаркѣ, въ Харьковѣ, дѣла отличались еще большею вялостью. Оборотъ ярмарки былъ менѣе прошлогодняго на 3.279.400 руб.

На Кіевской контрактовой ярмаркѣ обороты тоже сильно упали; и тутъ незамѣтно оказалось (да и по условіямъ транспорта это сопряжено было съ большими трудностями и расходами) возить товары къ покупателямъ, когда сами покупатели розыскивали товары.

Обороты внѣшней торговли по европейской границѣ Россіи достигли въ 1914-мъ году 1.802 милл. руб., изъ которыхъ 866 милл. руб. падаетъ на вывозъ и 936 милл. на привозъ. По сравненію съ 1913 г. вывозъ продуктовъ понизился на 39%, а ввозъ иностранныхъ товаровъ упалъ на 23%.

Сообразно съ этимъ балансъ внѣшней торговли въ истекшемъ году оказался пассивнымъ на 70.1 милл. руб.

Балансъ внѣшней торговли за первое полугодіе 1915 года тоже явился пассивнымъ, причемъ цѣнность вывоза упала на 86%, а цѣнность привоза—на 74,5%.

Активность нашего торговаго баланса всегда представляла одинъ изъ китовъ нашей финансовой системы.

Съ помощью превышенія цѣнности вывоза надъ цѣнностью ввоза мы покрывали денежныя обязательства за границей и преграждали отливъ золота за границу.

Пассивность нашего баланса, которая въ дальнѣйшемъ росла по мѣрѣ роста военныхъ заказовъ за границею, тяжело давила на курсъ рубля и понижала его цѣнность на международномъ рынкѣ.

Отсталость нашей промышленности, сразу почувствовавшаяся, такъ сказать, на штатскомъ рынкѣ, въ первое время не давала себя остро чувствовать въ военной области. Огромный запасъ снарядовъ и всей вообще амуниціи, подготовленный въ мирное время, успѣхи въ Галиціи, давшіе русской арміи большіе запасы, все это первое время не давало чувствовать слабость нашихъ промышленныхъ силъ въ недостаткѣ снарядовъ. Но по мѣрѣ того, какъ Германія придавала своимъ дѣйствіямъ все большую активность и напрягала технику вооруженій до высшей точки, тратя снаряды съ ураганною расточительностью, отсталость нашей промышленности сказывалась все чувствительнѣе и чувствительнѣе и въ военной области.

Конечно, тотъ недостатокъ снарядовъ, тѣ прорѣхи техники, которыя зіяли въ нашей военной организаціи и заставили о себѣ такъ много и гнѣвно говорить, коренились не въ одной только отсталости промышленности. Тутъ сказались и великіе недостатки политическаго механизма страны. Но въ этой статьѣ мы можемъ остановиться лишь на роли промышленности, слабость и инертность которой такъ сильно сказалась въ отсутствіи снарядовъ.

Движеніе мобилизаціи промышленности, которому будущій историкъ

отведетъ почетное мѣсто въ судьбахъ нынѣшней войны, захватило широкіе общественные слои и въ ихъ числѣ, конечно, и промышленниковъ. Промышленники, въ лицѣ своихъ вождей, несомнѣнно, обнаружили политическую зрѣлость и лозунги, провозглашенные П. Рябушинскимъ, сыграли большую роль въ дѣлѣ прояснения и концентраціи общественнаго сознанія. Но эта общественная сторона движенія мобилизаціи промышленности выходитъ изъ рамокъ далной статьи.

Лозунгъ мобилизаціи промышленности вызвалъ чрезвычайное напряженіе всѣхъ промышленныхъ силъ страны. Заводы лихорадочно напрягали всю свою энергію, расширяли производство, повышали производительность и интенсивность труда. На скорую руку сооружались новые заводы и мастерскія.

Но несмотря на всю эту напряженную работу, несмотря на обезпеченіе неисчерпаемыми заказами, наша промышленность по прежнему могла удовлетворить лишь извѣстную долю военныхъ заказовъ и огромная часть ихъ должна была выполняться въ Америкѣ, Англіи, Франціи, Японіи.

Въ рѣчи, произнесенной пред. Госуд. Думы М. Родзянко депутаціи промышленниковъ въ Харьковѣ, съ горечью указывалось на то, что промышленники не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ и мобилизованная промышленность не дала тѣхъ военныхъ итоговъ, которыхъ отъ [illegible].

И это безусловно справедливо. Въ 24 часа нельзя создать цвѣтущей промышленности. Въ той политической атмосферѣ и культурной обстановкѣ, въ которой жила страна столѣтіями, не могла развиться мощная, энергичная промышленность. У нашей промышленности оказались атрофированными всѣ тѣ качества, которыя нужны для экономической борьбы. Воспитанная на казенныхъ хлѣбахъ, охраняемая высокою стѣною протекціанизма, лишенная воли и иниціативы, наша промышленность выросла рахитичнымъ дѣтищемъ, которое оказалось немощнымъ, слабовольнымъ и слабосильнымъ, когда тяжелая историческая страда потребовала исполинскихъ силъ, богатырскаго размаха.

Конечно, и тутъ, какъ въ и продовольственномъ вопросѣ, сказались и алчная спекуляція, и жадное стремленіе использовать моментъ, и отношеніе къ государственнымъ вопросамъ съ точки зрѣнія всяческихъ „прода“, но причина обнаруженной нашею промышленностью блѣдной немочи лежала въ условіяхъ ея политическаго образованія и воспитанія.

Демагогическія попытки свести все зло къ нѣмецкому засилью и злостной волѣ спекулянтовъ лишь затемняли вопросъ и отвлекали общественное вниманіе въ ту сторону, которая не открывала никакого выхода, заводила въ тупикъ. И къ чести вожаковъ нашей буржуазіи надо сказать, что въ эти дни войны они поняли, какая глубокая и нерасторжимая связь

существуетъ между промышленнымъ и политическимъ строемъ страны и какъ необходимы извѣстныя европейскія политическія условія для того, чтобы могла развиться у насъ европейская промышленность.

Въ Москвѣ образована была особая комиссія по выясненію мѣръ борьбы съ пресловутымъ нѣмецкимъ засильемъ въ торговлѣ и промышленности. Эта комиссія организовала обширную анкету, результатъ которой былъ опубликованъ.

Несмотря на то, что анкетою опрошены были сами же торговцы и промышленники, многіе изъ нихъ открыто и откровенно признаютъ, что русскіе коммерческіе дѣятели противопоставили нѣмецкой энергіи, превосходному знанію дѣла, готовности удовольствоваться малою прибылью лишь обломовщину и рутину.

Все время, варьируясь на разные лады, мелькаютъ отзывы:—„Нашимъ фабрикантамъ,—пишетъ ахтырскій купецъ,—нужно непремѣнно научиться у нѣмцевъ 1) дѣлать товаръ безъ браку, въ то же время стараясь всемѣрно удешевлять его, не понижая качества, 2) въ высшей степени предупредительному отношенію ко всѣмъ покупателямъ, 3) не приспособлять рынокъ къ своимъ издѣліямъ, а издѣлія приспособлять къ покупателю, и многому другому".

„Русскихъ купцовъ и промышленниковъ—вторитъ мыловаренный заводчикъ—надо заставить удовольствоваться небольшой пользою, а не пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы брать огромные, ничѣмъ не оправдываемые барыши. Нужно измѣнить торговую этику".

Переходя же къ вопросу, какъ же перевоспитать русскихъ промышленниковъ и торговцевъ, какъ влить въ нихъ новую энергію, сдѣлать ихъ просвѣщенными и предпріимчивыми, анкета повсюду отмѣчаетъ необходимость широкаго общаго и профессіональнаго образованія, повышеніе культурнаго уровня страны, реформу законодательства, отмѣну ограничительныхъ законовъ, направленныхъ противъ той или иной народности.

А на съѣздахъ промышленниковъ этотъ вопросъ былъ углубленъ и расширенъ. Были сжато и ярко сформулированы тѣ политическія требованія-предпосылки, которыя однѣ только откроютъ возможность мощнаго хозяйственнаго развитія страны.

Война, такимъ образомъ, предъявивъ громадныя требованія къ промышленнымъ силамъ страны, обнаружила какая велпая національная и государственная опасность скрыта въ экономической отсталости страны и какъ хозяйственная отсталость и безсиліе являются неизбѣжнымъ спутникомъ политической отсталости.

Переходя отъ экономической стороны военнаго времени къ финансовой мы, прежде всего, сталкиваемся съ однимъ изъ величайшихъ соціально-финансовыхъ экспериментовъ—упраздненіемъ водки.

Громъ войны поразилъ водочную монополію въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Она уже давно превратилась въ одинъ изъ фактовъ нашей финансовой системы и чѣмъ дальше, тѣмъ больше бюджетъ нашъ пропитывался алкоголизмомъ, недаромъ получивъ названіе „пьянаго“ бюджета. Водочная монополія доставляла безъ малаго милліардъ валового дохода и въ мирное время даже утописты не мечтали о возможности отказа отъ такого обширнаго и растущаго источника финансоваго благополучія.

Для успокоенія души водочная монополія отчисляла на борьбу съ пьянствомъ, на общества трезвости, но ясно было, что разъ въ водкѣ стали черпать финансовыя средства, разъ на нее возложили питаніе нашего бюджета, то водочная монополія будетъ расти изъ года въ годъ.

И она росла.

Война поставила насъ лицомъ къ лицу передъ необходимостью героическихъ средствъ и ввела насъ въ міръ умопомрачительныхъ, космическихъ цифръ. Расходуя въ день до двадцати милліоновъ, война примирила съ мыслью о потерѣ еще полмилліарда въ годъ.

Войдя въ міръ милліардныхъ измѣреній и исчисленій, мы утратили страхъ передъ потерей водочнаго полумилліарда въ годъ.

Водка была упразднена. Этимъ была пробита широкая брешь въ нашемъ бюджетѣ, и на-ряду съ прорѣхами, внесенными войною, приходилось подумать о созданіи финансовыхъ источниковъ, могущихъ замѣнить водку.

Но упраздненіе водки съ экономической стороны очень скоро обнаружило благотворные результаты.

Питая бюджетъ, водка систематически подтачивала народныя силы страны и понижала производительность и интенсивность русскаго труда.

Это тотчасъ же почувствовалось послѣ упраздненія водки. Со всѣхъ фабрикъ и заводовъ стали поступать свѣдѣнія о сильномъ сокращеніи прогульныхъ дней, объ уменьшеніи порчи матерьяла и машинъ, о пониженіи числа увѣчій и, наконецъ, о непрестанномъ и сильномъ ростѣ производительности и интенсивности труда.

Трезвый рабочій вырабатывалъ въ единицу времени больше, чѣмъ пьющій, меньше притомъ портилъ матерьяла и машинъ и меньше зналъ прогульныхъ дней. Общая производительность труда на русскихъ фабрикахъ и заводахъ, благодаря этому, значительно повысилась, а качественно работа улучшилась.

Собранныя по этому вопросу на нѣкоторыхъ московскихъ фабрикахъ цифровыя данныя показываютъ и даже измѣряютъ тѣ огромныя преиму-

щества, которыя принесъ съ собою русской промышленности отрезвленный трудъ.

Затѣмъ, какъ мы уже отмѣтили, сбереженныя на водкѣ деньги пошли на повышеніе потребленія широкими массами всякихъ фабрикатовъ.

Конечно, военное время мало благопріятствовало проявленію и развитію этихъ сторонъ упраздненія водки, но тѣмъ примѣчательнѣе, что онѣ умѣли сказаться и въ періодъ войны.

И съ чисто финансовой стороны, хотя упраздненіе водки и пробило окую брешь въ нашемъ бюджетѣ, оно повысило поступленіе платежей, уменьшило недоимочность, не говоря уже о томъ, что повышеніе потребленія обогащало и казну.

Но все же упраздненная водка на-ряду съ остальными сторонами военной экономики требовала созданія новыхъ финансовыхъ источниковъ.

Какъ обнаружили событія, наше министерство финансовъ было совершенно не подготовлено къ войнѣ. У него не оказалось никакого плана, никакой системы. Уже въ самомъ процессѣ войны началъ обсуждаться планъ финансовыхъ дѣйствій, и образовавшіяся щели затыкались первымъ попавшимся подъ руку налогомъ.

Чисто механическое нагроможденіе разрозненныхъ, ничѣмъ другъ съ другомъ не связанныхъ, новыхъ налоговъ только подчеркивало отсутствіе плана и системы. А такіе, напр., непродуманные первые попавшіеся подъ руку новые налоги, какъ желѣзнодорожные фрахты, очень скоро обнаружили всю свою экономическую непріемлемость, и на очередь былъ поставленъ вопросъ объ ихъ упраздненіи.

Разрозненные, случайные новые налоги въ общей суммѣ разсчитаны на 750 милл. руб. Конечно, эта сумма сама по себѣ лишь возмѣщала потерю поступленій отъ винной монополіи, но она не могла возмѣстить недочеты по штатскому бюджету, не говоря уже о военныхъ расходахъ, которые нечего было и думать вычерпать ковшомъ налоговъ.

Приходилось, въ виду этого, отъ механическаго нагроможденія разрозненныхъ налоговъ обратиться къ проведенію опредѣленнаго финансоваго плана, системы. Она могла заключаться лишь въ переустройствѣ всей нашей финансовой системы, возведеніи ея на новыхъ началахъ.

Первымъ шагомъ на этомъ пути явился проектъ подоходнаго налога.

Этотъ потомственный проектъ всѣхъ четырехъ Государственныхъ Думъ былъ на этотъ разъ двинутъ болѣе энергично, и наши промышленныя группы, тормазившія его проведеніе, на этотъ разъ примирились съ нимъ. Но тѣснины Госуд. Совѣта этотъ проектъ еще не прошелъ. Надо, однако, думать, что на этотъ разъ тридцатилѣтній проектъ, наконецъ, станетъ

Самъ по себѣ подоходный налогъ не можетъ дать особенно много. Расчеты тутъ гадательны, но врядъ ли есть основаніе разсчитывать больше, чѣмъ на 100 мил. Но внесеніе его важно, какъ основаніе, какъ краеугольный камень для перестройки въ новомъ европейскомъ стилѣ нашей безсистемной, безстильной, разсыпанной храминѣ налоговой организаціи.

Въ томъ видѣ, какъ онъ внесенъ, подоходный налогъ полонъ крупными недостатками и недодѣланностями.

Кромѣ того, онъ долженъ быть дополненъ налогомъ на наслѣдства и т. д.

Въ бесѣдѣ мин. фин. были намѣчены и другіе предстоящія крупные финансовые проекты—чайная, кофейная монополія и т. д. Но все это еще въ области проектовъ.

Мы уже отмѣтили, что съ помощью налоговъ можно еще, да и то съ огромнымъ напряженіемъ, задѣлать бреши въ обыкновенномъ бюджетѣ, но, конечно, нечего и говорить о покрытіи этимъ путемъ военныхъ расходовъ.

За первый годъ войны Россія истратила 6 милліардовъ, на второй годъ войны расходы возросли, достигнувъ въ среднемъ 20 милл. р. въ день, т. е. второй годъ войны обойдется приблизительно $7^1/_2$ милліард. Или два года войны будутъ стоить $13^1/_2$ милліардовъ рублей! Необходимо обезпечить эти апокалипсическія суммы и необходимо создать финансовую возможность покрытія процентовъ по нимъ, достигающихъ 700—800 мил. р. въ годъ!

И въ этой области наше министерство финансовъ не было подготовлено, не имѣло никакой системы. Въ началѣ войны финансовыя сферы долго колебались, куда перенести центръ тяжести—въ выпускъ ли бумажныхъ денегъ, во-внутренніе займы или во-внѣшніе займы?

Всѣ эти пути были использованы. Широко прибѣгли къ печатанію бумажныхъ денегъ. До войны золотое обезпеченіе достигло у насъ высокой ступени, почти всецѣло покрывая кредитные билеты.

Ко времени объявленія войны кредитныхъ билетовъ было въ обращеніи на 1.860 милл. р. На 1-ое янв. 1915 г. ихъ было уже на 3031 милл. р.; на 1-ое іюня текущаго года—уже на 3.477 милл. руб., а на 16-е іюня уже 3.583 милл. руб.

Наконецъ, къ 8-му октября въ обращеніи находилось кредитныхъ билетовъ на 4.990,8 милл. руб.

Золотое покрытіе кредитныхъ билетовъ сообразно съ этимъ широкимъ печатаніемъ бумажныхъ денегъ понизилось до 32,7 проц. Этотъ широкій, далеко еще не пріостановленный, выпускъ бумажныхъ денегъ вошелъ сильнымъ бродильнымъ началомъ въ нашу соціально-экономическую жизнь.

Необыкновенное изобиліе бумажныхъ денегъ въ торговомъ оборотѣ поведо къ постепенному паденію покупательной силы бумажнаго рубля.

На внутреннемъ рынкѣ это могло сказаться лишь косвенно, отраженно, въ видѣ неуклоннаго повышенія цѣнъ на всѣ продукты и товары. Но во внѣшнемъ оборотѣ, измѣряемое въ курсѣ, это паденіе цѣнности рубля сказалось ясно и точно. Съ задержками и колебаніями курсъ русскаго рубля неуклонно понижался и въ франкахъ, и въ долларахъ, и въ маркахъ, финскихъ и нѣмецкихъ.

Вздорожаніе иностранной валюты составляло тревожную проблему финансово-экономической жизни, вызвавшую вмѣшательство правительства цѣлый рядъ финансовыхъ мѣръ, принятыхъ по соглашенію съ иностранными державами.

Но удержать паденіе курса рубля это не могло. Рубль на международномъ рынкѣ утратилъ треть своей цѣнности.

Выпускъ бумажныхъ денегъ вызвалъ большую путаницу обычныхъ и привычныхъ экономическихъ понятій и представленій широкой публики. Странѣ прививался, употребляя выраженіе В. Н. Коковцова, „сладкій ядъ“ бумажныхъ денегъ. Обиліе денегъ при ослабленіи покупательной силы денежной единицы и при усиленномъ притокѣ этихъ денегъ (въ силу затратъ на армію) въ населеніи создавало экономическія иллюзіи, устранило привычный масштабъ цѣнностей.

Бумажно-денежное хозяйство,—не говоря уже объ общей атмосферѣ военнаго времени,—вносило въ хозяйственную жизнь множество неизвѣстныхъ, перемѣнныхъ величинъ. Оно въ значительной степени опирается на психологическій фундаментъ довѣрія, увѣренности, спокойствія.

При бумажно-денежномъ хозяйствѣ, чрезвычайно впечатлительномъ ко всѣмъ колебаніямъ общественной атмосферы, огромное значеніе получаетъ довѣріе страны, ея населенія къ правительству, увѣренность, что власть находится въ рукахъ надежныхъ лицъ.

Какъ широко ни былъ использованъ выпускъ бумажныхъ денегъ, однако сказочныя требованія военныхъ расходовъ не могли быть имъ насыщены.

Пришлось прибѣгнуть и къ внутреннимъ и къ внѣшнимъ займамъ.

Во время войны въ странѣ скопились огромные запасы денегъ, что, какъ будто, благопріятствовало внутреннимъ займамъ.

Въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ приростъ вкладовъ въ 1913 г. достигъ 38,6 милл. руб.; въ 1914 г.—95,3 милл. руб., а уже за первые пять мѣсяцевъ 1915 года онъ составилъ 245,1 милл. руб.

И въ частныхъ коммерческихъ банкахъ отмѣчается необычайный приростъ вкладовъ, размѣщать которые чрезвычайно трудно.

Вотъ табличка, показывающая, какъ необычайно выросли денежные вклады за время войны:

	Въ милліонахъ рублей.		
	На 1 іюля 1914 г.	На 1 іюля 1915 г.	Увеличено за годъ.
Въ государ. банкѣ	571	1.116	545
Въ частныхъ бонкахъ	3.607	4.187	580
Въ учрежденіяхъ мелкаго кредита	688	785	97
Въ сберегат. кассахъ	2.073	2.650	577
Итого	6.939	8.738	1.799

Эта краткая табличка показываетъ, что война вызвала огромное скопленіе свободныхъ денегъ. Было бы, конечно, чрезвычайно легкомысленно заключать отсюда объ обогащеніи страны. Деньги скоплялись въ банкахъ, такъ какъ война пріостановила основанія новыхъ предпріятій, покупку недвижимостей, пріобрѣтеніе бумагъ, постройку домовъ, сократила обороты многихъ предпріятій и т. д.

Въ то же самое время колоссальныя затраты на войну, львиная доля которыхъ все же оставалась внутри страны, вели къ накопленію капиталовъ.

Съ этой стороны создавались благопріятныя условія для заключенія займовъ. Но, какъ показалъ опытъ, разсчеты на обиліе частныхъ свободныхъ капиталовъ, которые охотно хлынутъ во внутренніе займы, не оправдались. Деньги продолжали жаться къ банковскимъ берегамъ, опасаясь пускаться въ широкое финансовое плаваніе въ виду бурной политической погоды.

Но и помимо войны, надо еще принять во вниманіе, что широкій выпускъ бумажныхъ денегъ, съ постоянно падающею покупательною силою бумажнаго рубля, удерживалъ частныхъ лицъ отъ помѣщенія денегъ въ бумаги, реальная цѣнность которыхъ будетъ понижаться по мѣрѣ пониженія цѣнности бумажнаго рубля.

Нѣтъ подробныхъ данныхъ о томъ, какъ были размѣщены внутренніе займы. Но если вычесть роль банковъ и принять во вниманіе, что всякій новый заемъ долженъ былъ повышать процентъ и облегчать условія, то надо признать, что при создавшихся условіяхъ внутренніе займы не могутъ впитать въ себя всѣ свободные капиталы страны.

Внѣшніе займы въ Англіи и во Франціи въ первый годъ войны дали $1^1/_2$ милліарда рублей.

За это же время израсходовано было на военныя дѣла 6 милліардовъ рублей, такъ что внутри страны было получено $4^1/_2$ милліарда.

Финансовое соглашеніе, состоявшееся между всѣми союзными государствами, облегчило валютный вопросъ и послѣ поѣздки заграницу П. Л. Барка привело къ открытію Россіи кредита въ $5^1/_2$ милліардовъ рублей.

Условія этого кредита не были сообщены странѣ и мы не знаемъ, во что обойдутся эти 5½ милліардовъ.

Вся операція по выдачѣ этого кредита сосредоточена въ рукахъ Англіи, и львиная доля этой огромной суммы пойдетъ на оплату заграничныхъ заказовъ, остальная часть на погашеніе процентовъ по различнымъ русскимъ городскимъ займамъ. Эти 5½ милліардовъ, на которые открытъ кредитъ, останутся за границей, на оплату военныхъ заказовъ и процентовъ по городскимъ и др. займамъ. Такъ какъ, однако, для веденія войны въ теченіе года Россіи нужно 7½—9 милліардовъ, то открытый кредитъ не можетъ насытить требованій войны и необходимы дальнѣйшія кредитныя операціи.

Намѣчены внутренніе займы, цѣлый рядъ налоговъ, которые будутъ доведены до „налоговой безпощадности“ и будетъ продолжаться выкупъ бумажныхъ денегъ.

Мы пишемъ эти строки, когда войнѣ еще конца края не предвидится и сообразно съ этимъ еще не представляется возможность учесть и измѣрить всѣ экономическія послѣдствія и жертвы войны. Трудно представить, какіе размѣры приметъ, въ какія формы выльется дальнѣйшее финансированіе войны и какъ она отразится на хозяйственной жизни Россіи.

* * *

Война обнаружила необычайную выносливость хозяйственнаго организма всѣхъ странъ. Но этотъ хозяйственный организмъ оказался тѣмъ выносливѣе, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ развѣтвленіе и прочнѣе была его общественная организованность. Организація обнаружила въ этой войнѣ чудеса. Она удесятерила существующія хозяйственныя силы страны и призвала къ жизни новыя. Она изъ ничего создала нѣчто, воплотила алхимическія мечтанія, создала новыя питательныя цѣнности, замѣнила одни продукты другими.

И, наоборотъ, недостатокъ организованности, распыленность страны, зачаточное развитіе общественныхъ организацій не позволило использовать существующія огромныя хозяйственныя возможности и преимущества.

Но вездѣ, однако, хозяйственный организмъ сумѣлъ выдержать годъ безпримѣрной міровой войны и нигдѣ еще экономическія и финансовыя силы не подорваны.

Изъ этого факта не слѣдовало бы дѣлать оптимистическаго вывода о благотворномъ экономическомъ вліяніи войны.

Не надо забывать, что во время войны мы утрачиваемъ масштабъ и мѣрила обычной хозяйственной жизни. Мы вступаемъ въ міръ новыхъ хо-

зяйственныхъ измѣреній и дѣйствіе обычныхъ экономическихъ законовъ на время какъ бы пріостанавливается.

Это замѣчаніе приходится особенно отнести къ области финансовой жизни, гдѣ условія войны создаютъ ряды мнимыхъ величинъ.

Только тогда, когда „рѣка временъ въ своемъ теченьи“ вольется въ мирные берега, можно будетъ измѣрить, какъ сильно понизился уровень экономическаго благосостоянія народовъ за этотъ безконечный годъ войны.

Человѣчество страшно обѣднѣло и живыми силами, которыя возстанавливаютъ и творятъ богатство, и мертвыми богатствами природы, и запасомъ накопленной культуры. За время войны реальныя культурныя цѣнности переводились на бумажныя, переводились съ необычайною широтою и расточительностью.

Огромное истребленіе экономическихъ силъ и цѣнностей, оставившее послѣ себя лишь великую груду бумажныхъ денежныхъ знаковъ, должно будетъ вызывать обратный процессъ—замѣну бумажныхъ „знаковъ“ реальными экономическими цѣнностями.

Это процессъ тяжкій и долгій. И, готовясь къ нему, надо беречь творческія живыя силы и цѣнности страны; надо, чтобы вся страна чувствовала приливъ вѣры и увѣренности въ лучшее новое будущее, въ то, что сольются въ одно цѣлое власть и народъ, что природныя богатства будутъ превращены въ народныя, что силы и способности всѣхъ народностей, населяющихъ Россію, будутъ свободно творить новыя культурныя и экономическія цѣнности.

П. Берлинъ.

Хозяйственная мобилизація въ Европѣ.

Сто лѣтъ тому назадъ, послѣ потрясшихъ всю Европу наполеоновскихъ войнъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ было установлено то знаменитое „равновѣсіе“, которое на весь слѣдующій вѣкъ поставило подъ ружье всю Европу. Войны слѣдовали за войнами, не разрѣшая созданныхъ здѣсь взаимныхъ обидъ и неудовольствій, а только обостряя ихъ и вызывая поводы для новыхъ. И послѣ каждаго столкновенія Европа не только не дѣлала попытокъ къ разоруженію, а, наоборотъ, сейчасъ же съ удвоенной энергіей начинала готовиться къ слѣдующему. За послѣдніе годы эта взаимная настороженность достигла крайнихъ предѣловъ. Военныя приготовленія поглощали все больше народныхъ силъ, великія державы выжидали повода вновь вооруженной рукой отстаивать свои интересы. Никогда еще войны не подготовлялись такъ задолго, съ такимъ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ. И когда, наконецъ, разразилась эта война, которую всѣ предсказывали и въ которую никто не хотѣлъ вѣрить, оказалось, что она, тѣмъ не менѣе, застала всю Европу, даже наиболѣе обдуманно готовившуюся къ войнѣ и сознательно вызывавшую ее, Германію, неподготовленной. Какъ въ древней легендѣ, люди вызвали могущественныхъ духовъ, но не умѣли справиться съ ними.

Небывалый размѣръ совершающихся событій, ихъ стихійная мощь спутали всѣ тонкіе разсчеты государственныхъ людей, создали непредвидѣнныя комбинаціи, поставили неожиданныя задачи, вызвали наружу новыя силы, словомъ, вырвали войну изъ рукъ тѣхъ, кто ее готовилъ, и бросили на рѣшеніе борьбы тѣхъ основныхъ возможностей, какія таитъ въ себѣ каждый изъ вовлеченныхъ въ столкновеніе народовъ.

Произведенный заранѣе подробный учетъ военныхъ силъ воюющихъ странъ оказался очень далекимъ отъ дѣйствительности. Даже большее совершенство военной техники еще не рѣшало дѣло. Война сразу приняла такіе размѣры, что не только сдѣланныхъ заранѣе военныхъ запасовъ, но и дальнѣйшей выработки ихъ тѣми учрежденіями, которыя обычно вѣ-

дають ихъ заготовкой, не могло хватить для насыщенія дракона войны. Вопросъ о подготовкѣ войны, о снабженіи арміи сталъ на совершенно необычную почву. Изъ техническаго вопроса, интересующаго узкій кругъ спеціалистовъ, онъ превратился въ широкій общественный вопросъ и подвергъ испытанію гибкость всего производственнаго механизма современныхъ государствъ. Съ чрезвычайной быстротой, вынуждаемой стремительно развивающимися событіями, производство воюющихъ странъ въ значительной своей части должно было преобразоваться и приспособиться къ созданнымъ войной потребностямъ.

Съ другой стороны, война различными своими сторонами вызвала крупное потрясеніе всей вообще хозяйственной жизни Европы. Тутъ сказались и разстройство международной торговли, и отвлеченіе громаднаго количества рабочей силы, и многое множество другихъ побочныхъ факторовъ. Ко всему этому общественные организмы должны были приспособиться такъ, чтобы не произошло краха всей хозяйственной жизни страны, который въ конечномъ счетѣ отразился бы на той же войнѣ.

Такимъ образомъ, война поставила передъ всѣми воюющими странами два рода задачъ—обслуживанье самой войны и сохраненіе культурно-хозяйственной жизни тыла. Даже сухое перечисленіе всего, что сдѣлано въ этихъ областяхъ въ теченіе одного только года великими державами, могло бы наполнить цѣлые томы. Мы ограничимся, поэтому, только тѣмъ, что намѣтимъ пути, по какимъ пошла общественная работа въ главнѣйшихъ изъ воюющихъ державъ.

I.

Изъ всѣхъ вовлеченныхъ въ войну странъ всего менѣе была застигнута врасплохъ событіями, разумѣется, Германія. Она опредѣленно желала войны и сдѣлала дѣйствительно все, что было мыслимо, чтобы подготовиться къ ней. Первая поставленная войной задача—снабженіе арміи—была выдвинута ею на такую высоту, что поддержаніе ея не потребовало особенно значительной ломки налаженнаго производства. Все снабженіе арміи въ цѣломъ, какъ было, такъ и осталось въ Германіи въ рукахъ военнаго вѣдомства. Правда, и тутъ оказались нѣкоторыя обстоятельства, не учтенныя заранѣе. Такъ, очень скоро далъ себя почувствовать недостатокъ разнаго рода сырыхъ продуктовъ, ввозившихся прежде въ Германію изъ-за границы,—хлопка, мѣди и т. п. Правительство немедленно же приняло мѣры къ отобранію въ казну всѣхъ запасовъ этихъ продуктовъ, имѣвшихся у частныхъ лицъ, и, съ другой стороны, всячески поощряло изобрѣтательность, могущую напасть на суррогаты недостающихъ продуктовъ.

Но не это являлось слабымъ пунктомъ Германіи въ создавшемся благодаря войнѣ положеніи. Ей грозила опасность съ другихъ сторонъ. Во-первыхъ, объявленная Англіей блокада ея береговъ лишала ее подвоза хлѣба и другихъ продуктовъ питанія, не получавшихся въ достаточномъ количествѣ внутри страны и, такимъ образомъ, сразу ставила крайне остро вопросъ о продовольствіи населенія. Во-вторыхъ, тѣ же самыя условія, почти прекратившія и ввозъ и вывозъ Германіи, подрывали въ корнѣ ея промышленность, лишая ее и сырыхъ продуктовъ, получавшихся извнѣ, и сбыта своихъ товаровъ, шедшихъ за границу.

Первый же мѣсяцъ войны показалъ, какими страшными бѣдствіями грозитъ странѣ подрывъ ея промышленности. Ко второй половинѣ августа на германскихъ фабрикахъ и заводахъ работало всего 52 проц. рабочихъ, грузовое же движеніе по желѣзнымъ дорогамъ дало 41 проц. обычной прибыли. Но еще ранѣе, чѣмъ сказались эти разрушительныя слѣдствія войны, были приняты энергичныя мѣры для противодѣйствія имъ. Въ концѣ первой недѣли послѣ начала военныхъ дѣйствій въ Берлинѣ былъ образованъ центральный военно-промышленный совѣтъ, въ составъ котораго вошли какъ представители высшей правительственной власти, такъ и уполномоченные главнѣйшихъ банковъ и промышленныхъ организацій.

Въ первомъ же своемъ засѣданіи военно-промышленный совѣтъ обратился къ германской индустріи съ воззваніемъ, въ которомъ охарактеризовалъ принятыя имъ на себя задачи: „Необходимо насколько возможно,—писалъ онъ,—поддержать хозяйственную работу, раціональнѣйшимъ образомъ собрать и организовать имѣющіяся для этого въ распоряженіи силы, чтобы прежде всего избѣгнуто было раздробленіе и расточеніе средствъ нашей хозяйственной мощи. Сплоченіе всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ средствъ, какія объединяетъ въ себѣ промышленность, подъ единымъ руководствомъ опытнѣйшихъ руководителей нѣмецкаго труда, въ общеніи съ нѣмецкимъ правительствомъ и съ германскимъ финансовымъ капиталомъ,—вотъ большая задача, которую мы должны рѣшить. Дѣло идетъ о планомѣрной совмѣстной дѣятельности уже существующихъ индустріальныхъ организацій для полнаго силы раздѣленія труда, для цѣлесообразнаго примѣненія наличныхъ хозяйственныхъ силъ не только для военныхъ надобностей, но и ради обезпеченія внутреннихъ потребностей страны во все время продолженія войны. Это вопросы жизни германской промышленности, которые стоятъ теперь на картѣ... Мы желаемъ собрать индустріальныя силы для поддержки общихъ національныхъ цѣлей и держать готовыми для всѣхъ дальнѣйшихъ задачъ, какія въ эти грозныя времена могутъ быть поставлены индустріи“.

Съ этого момента центральный военно-промышленный совѣтъ черезъ посредство своихъ областныхъ органовъ сталъ дѣйствительнымъ распоря-

дителемъ всей промышленной жизни Германіи. 90 проц. всей ея промышленности было объединено его дѣятельностью. Онъ собиралъ точныя статистическія данныя о количествѣ и распредѣленіи безработныхъ, о состояніи различныхъ отраслей промышленности и отдѣльныхъ фабричныхъ и заводскихъ предпріятій и о причинахъ упадка или разоренія тѣхъ или другихъ. Обладая полнотою власти, онъ регулировалъ спросъ и предложеніе, направлялъ рабочихъ туда, гдѣ въ нихъ чувствовалась надобность, указывалъ отдѣльнымъ предпринимателямъ, какъ они могутъ измѣнить направленіе своей дѣятельности, сообразно съ измѣнившимися условіями спроса. Благодаря его указаніямъ, цѣлый рядъ фабрикъ, изготовлявшихъ товары на внѣшній рынокъ, перешелъ на производство продуктовъ, наиболѣе потребляемыхъ въ данный моментъ. На шелковыхъ фабрикахъ стали производить перевязочные матеріалы, на бархатныхъ—полотно для палатокъ, на зонтичныхъ—непромокаемыя ткани, на велосипедныхъ—кровати, на шляпныхъ — войлочныя одѣяла, на фабрикахъ швейныхъ машинъ — шрапнели, крупныя бумажныя фабрики перешли на изготовленіе изъ бумаги же теплыхъ одѣялъ, жилетовъ и ваты. При всѣхъ этихъ перестройкахъ торгово-промышленный совѣтъ всегда принималъ въ соображеніе, чтобы вновь указываемая форма производства требовала возможно меньше ломки налаженнаго фабричнаго механизма. Рядомъ съ этимъ совѣтъ оказывалъ широкій кредитъ всѣмъ реорганизуемымъ предпріятіямъ.

Результатъ дѣятельности военно-промышленнаго совѣта оказался въ ближайшіе же мѣсяцы. Крахи банковъ и промышленныхъ предпріятій, смутившіе Германію въ первые дни войны, пріостановились, количество безработныхъ стало быстро падать, а товарное обращеніе возстанавливаться. Въ декабрѣ мѣсяцѣ оно составляло уже 96 проц. обычнаго.

Въ этотъ исключительный по трудности моментъ германскій капитализмъ проявилъ чрезвычайную гибкость и приспособляемость. Крупная промышленность, регулировавшаяся до тѣхъ поръ потребностями рынка, вдругъ, въ одинъ моментъ превратилась въ единое производство, всѣ отрасли котораго подчинялись единому центральному руководству. Если эта организація и не сохранится по окончаніи войны, то, во всякомъ случаѣ, она представляетъ собою чрезвычайно интересный экономическій опытъ. Но на этомъ далеко не остановились въ Германіи попытки вмѣшательства государства въ область частной хозяйственной жизни.

Сельское хозяйство тоже было взято подъ наблюденіе органовъ центральной государственной власти. Лозунгомъ и тутъ было стремленіе не оставить неиспользованными никакихъ производительныхъ силъ страны. Въ первое же время была сдѣлана перепись всѣхъ невоздѣланныхъ и признанныхъ неудобными участковъ земли, и хозяевамъ ихъ было предложено немедленно заняться разработкой ихъ и посѣвомъ на нихъ тѣхъ

овощей или злаковъ, которые имъ будутъ указаны. Если же хозяинъ отказывался подчиниться такому распоряженію, то данные участки отчуждались у него по принудительной оцѣнкѣ и мѣстные правительственные органы сами заботились объ ихъ воздѣлываніи. Такимъ же принудительнымъ путемъ подверглись обработкѣ всѣ полосы отчужденія вдоль линіи частныхъ и казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Желѣзнодорожныя общества обязывались на свой счетъ закупать всѣ необходимыя сельско-хозяйственныя орудія и зерно, обработку же отдѣльныхъ участковъ предоставлять своимъ служащимъ съ правомъ безвозмезднаго пользованія урожаемъ съ этихъ участковъ.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, площадь посѣва въ Германіи за годъ войны была значительно увеличена.

II.

Въ то время, какъ центральный военно-промышленный совѣтъ успѣшно боролся съ опасностью хозяйственной разрухи и налаживалъ новыя формы промышленной жизни Германіи, передъ страной вставала другая, быть можетъ, еще болѣе грозная опасность. Почти абсолютная пріостановка ввоза грозила всему населенію надвигающимся голодомъ. И въ этомъ вопросѣ былъ въ общихъ чертахъ намѣченъ тотъ же путь. Прежде всего въ Берлинѣ былъ организованъ центральный органъ борьбы съ продовольственной нуждой. Это—такъ называемое военно-продовольственное общество, на обязанности котораго было возложено снабженіе всей страны мукой. Въ составъ общества вошли 5 представителей правительства, 5 представителей крупнѣйшихъ городовъ Германіи и 3 представителя крупнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Собственно говоря, на обязанности общества лежала забота не о всемъ населеніи Германіи, а только о городскихъ жителяхъ, такъ какъ предполагается, что сельское населеніе прокармливаетъ себя само трудами своихъ рукъ. Но въ Германіи городскіе жители составляютъ 50 проц. всего населенія.

Военно-продовольственный комитетъ прежде всего занялся выясненіемъ запасовъ зерна и муки, имѣющихся въ странѣ. Оказалось, что имѣющихся запасовъ не можетъ хватить до новаго урожая при обычномъ потребленіи муки. Послѣ довольно долгихъ предварительныхъ работъ и обсужденій была установлена норма потребленія каждаго человѣка въ день. Она равнялась 200 граммъ. Но такъ какъ въ разныхъ классахъ общества хлѣбъ играетъ не одинаковую роль въ питаніи, то и при примѣненіи этой нормы были допущены нѣкоторыя исключенія. При первоначальномъ вычисленіи нормы разсчетъ былъ сдѣланъ на всѣхъ жителей, но потомъ грудные младенцы были совершенно скинуты со счета, дѣтямъ же до пятилѣтняго

возраста былъ опредѣленъ половинный паекъ. Изъ образовавшихся такимъ образомъ излишковъ было разрѣшено увеличивать паекъ лицамъ, занимающимся физическимъ трудомъ.

Къ дѣлу распредѣленія хлѣбныхъ запасовъ военно-продовольственный комитетъ привлекъ городскія управленія. На нихъ была возложена обязанность точнаго установленія количества ѣдоковъ въ городѣ, соотвѣтственно которому ему выдавались запасы зерна изъ зернохранилищъ общества. Размолъ зерна и выпечка хлѣба и булокъ были попрежнему оставлены въ рукахъ мельниковъ, пекарей и булочниковъ, только они находились на строгомъ учетѣ у города. Районные городскіе комитеты озабочивались тѣмъ, чтобы снабдить всѣхъ жителей даннаго района „хлѣбными карточками“, на которыхъ было обозначено количество граммовъ муки, какое каждый человѣкъ могъ купить въ сыромъ или выпеченномъ видѣ въ теченіе недѣли. При каждой покупкѣ муки, хлѣба или булки въ лавкѣ, булочной, ресторанѣ или вокзалѣ продавецъ обязанъ отрывать отъ хлѣбной карточки купонъ съ обозначеніемъ количества проданныхъ имъ граммовъ. Когда карточка была вся использована, владѣлецъ ея нигдѣ ни за какія деньги не могъ уже получить хлѣба. Неиспользованная въ теченіе недѣли карточка на слѣдующую недѣлю уже теряла свою силу.

Первое время не обошлось, конечно, безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній и даже попытокъ злоупотребленій. Домохозяева, которымъ вручались карточки для передачи жильцамъ, пробовали употреблять ихъ въ качествѣ мѣры воздѣйствія для полученія квартирной платы съ неаккуратныхъ жильцовъ, пекаря пытались утаивать запасы муки, но очень быстро все это было обнаружено и прекращено, и въ общемъ, вопреки всѣмъ опасеніямъ, населеніе скоро примѣнилось къ необычнымъ способамъ пріобрѣтенія хлѣба, и особеннаго неудовольствія это не вызывало. Нѣкоторыя неудобства и стѣсненія, вызывавшіяся мѣрой, окупались сознаніемъ ея необходимости, а главное—данной полнаго равенства, которое она создавала между всѣми классами городского населенія.

Но упорядоченіе потребленія хлѣба еще далеко не рѣшало продовольственнаго вопроса. Хлѣбъ, особенно сведенный до такой минимальной дозы, какъ 200 граммъ (½ фунта) на взрослаго человѣка на день, конечно, не могъ составить не только всего, но даже основного продукта питанія. На слѣдующемъ мѣстѣ за нимъ въ Германіи всегда идетъ картофель, составляющій главную пищу бѣднѣйшаго населенія. Съ началомъ войны цѣны на картофель стали быстро расти. Вызывалось это отчасти спекуляціей, отчасти отсутствіемъ привоза корма для скота и, главнымъ образомъ, для свиней, вслѣдствіе чего имъ скармливалось больше, чѣмъ обычно, картофеля. На это было обращено вниманіе съ первыхъ мѣсяцевъ войны, но сельскіе хозяева вели упорную борьбу противъ

принудительнаго отчужденія картофеля, настаивая на томъ, что это поведетъ къ ихъ разоренію. Однако, уже въ декабрѣ стало выясняться, что, если не будетъ принято мѣръ къ государственной охранѣ картофеля, его не хватитъ до новаго урожая, и лѣтомъ можетъ наступить форменный голодъ или же придется перебить большую часть скота, нанеся этимъ непоправимый ущербъ тому же сельскому хозяйству. Наконецъ, въ началѣ марта въ рейхстагѣ былъ принятъ законъ о принудительномъ отчужденіи картофеля. Къ этому времени всѣ запасы картофеля были уже приведены въ ясность, и было организовано центральное общество закупокъ картофеля, въ составъ котораго входили представители городскихъ самоуправленій.

Какъ только законъ былъ принятъ, общество немедленно взялось за закупку картофеля по установленнымъ цѣнамъ. Цѣны эти были, благодаря вліянію помѣщиковъ, все же очень высоки, на 80 проц. дороже нормальныхъ. Для того, чтобы не повышать ихъ еще болѣе при переходѣ черезъ руки мелкихъ торговцевъ, города рѣшили совершенно устранить посредниковъ между собой и потребителемъ и организовали продажу картофеля непосредственно изъ городскихъ складовъ. Лавочники были чрезвычайно возмущены такимъ пріемомъ, но ни ихъ просьбы, ни протесты не повели ни къ чему, и торговля картофелемъ теперь во всѣхъ городахъ на ряду съ торговцами производится и городскимъ самоуправленіемъ.

Такимъ образомъ, въ отношеніи картофеля въ Германіи сдѣланъ еще лишній шагъ по сравненію съ хлѣбомъ. Тамъ были установлены только цѣны зерна и нормы потребленія на каждаго человѣка, цѣны же муки и печенаго хлѣба повышались въ зависимости отъ цѣны помола, оставленнаго въ рукахъ мельниковъ, и отъ процента, который бралъ себѣ лавочникъ. Тутъ картофель продавался по той самой цѣнѣ, хотя и повышенной противъ обычнаго, по которой центральному органу удалось закупить его. Посредничество между оптовымъ покупателемъ—городомъ—и потребителемъ было устранено.

Еще большихъ результатовъ удалось достичь городамъ въ отношеніи послѣдняго продукта, подвергшагося государственному воздѣйствію—мяса. Несмотря на противодѣйствіе сельскихъ хозяевъ, съ одной стороны, и крупныхъ мясоторговцевъ—съ другой, въ Берлинѣ былъ образованъ Закупочный Центръ, которому было поручено пріобрѣсти по установленной закономъ цѣнѣ такое количество свиней, которое обезпечило бы потребленіе городскихъ жителей на текущій годъ. Послѣ закупки, свиньи передавались городамъ соотвѣтственно количеству жителей, и городскія самоуправленія уже сами организовали убой, посолку, копченье, храненіе мяса въ холодильникахъ и продажу его населенію. Тутъ было уже устранено не только посредничество при продажѣ въ розницу, но даже накладные рас-

ходы по приготовленію разныхъ сортовъ мяса частными предприни-

Въ дѣлѣ обезпеченія населенія хлѣбомъ, картофелемъ и мясомъ города шли все дальше по пути устраненія посредничества и приближенія потребителя къ производителю, сохраняя такимъ путемъ накладные расходы, падающіе на каждый продуктъ во время его сложнаго промежуточнаго движенія. Оставалось только попытаться сдѣлать шагъ къ передачѣ самаго производства въ руки потребителя. Такого рода опытъ тоже былъ произведенъ городами Германіи въ годъ войны. Мы уже упоминали объ отчужденіи государствомъ неиспользованныхъ земель у частныхъ лицъ и желѣзныхъ дорогъ. Города получили право тоже отчуждать незастроенные участки въ чертѣ города. Всѣ эти участки, площади, пустыри, въ центрѣ города и на окраинахъ отобраны городами по установленнымъ цѣнамъ у ихъ владѣльцевъ и переданы для обработки бѣднѣйшимъ семьямъ. Орудія и зерна или разсада пріобрѣтены городскими самоуправленіями, а собранными съ участковъ овощами пользуются безвозмездно семьи, обрабатывавшія ихъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторый процентъ городскихъ жителей обезпечилъ себя самъ картофелемъ и другими овощами.

III.

Благодаря всѣмъ перечисленнымъ мѣрамъ, призракъ голода, грозившій Германіи съ начала войны, къ концу перваго года не только не выросъ, какъ предсказывали, до угрожающихъ размѣровъ, а наоборотъ, совершенно отступилъ.

По путь, какимъ пошла Германія въ борьбѣ съ продовольственной нуждой, такие какъ и способъ, какимъ она боролась съ промышленнымъ упадкомъ, крайне интересенъ и самъ по себѣ. И тутъ и тамъ она сдѣлала смѣлый опытъ государственнаго вмѣшательства въ тѣ области, гдѣ раньше господствовали только частные интересы. Иногда это вмѣшательство производилось непосредственно государствомъ черезъ его обычные органы, иногда же передовѣрялось имъ спеціально сформированнымъ центральнымъ организаціямъ или городскимъ управленіямъ. Вся, вообще, организаціонная работа шла въ направленіи отъ центра. Но, разумѣется, успѣхъ этого своеобразнаго соціальнаго опыта объясняется тѣмъ, что и государство, и городскія управленія встрѣчали внизу среди населенія уже готовыя организаціи, на которыя они могли опираться—всякаго рода рабочіе союзы, партійныя организаціи, потребительскія и обывательскія общества и кружки и, что быть можетъ еще важнѣе, не только самыя эти организаціи, а привычку къ организаціямъ, къ совмѣстной, планомѣрной работѣ, къ партійной и союзной дисциплинѣ. Эти навыки не даются сразу,

а они безконечно важны, когда является необходимость произвести какую-нибудь новую и сложную работу, стать на новые рельсы, избѣжать ненужныхъ проволочекъ, споровъ и треній.

Эта способность къ дисциплинѣ, отчасти, быть можетъ, врожденная у нѣмцевъ, отчасти привитая имъ и воспитаніемъ, и всякаго рода организаціями и даже военной службой, сыграла большую роль въ настоящій моментъ. Благодаря ей вся страна, какъ по мановенію волшебнаго жезла, сразу перевела себя на „военное положеніе“. Не только промышленность и потребленіе приспособились къ новымъ условіямъ военнаго времени, весь бытъ измѣнилъ свой характеръ, вся жизнь проникласъ лозунгомъ: все для войны, все во имя побѣды. Наука, гдѣ только это было мыслимо пошла на службу военной промышленной техникѣ. Литература занималась почти исключительно войной и отдавала всѣ силы созданію патріотическаго подъема, даже школа не только не отстранялась, а наоборотъ вовлекалась всячески въ связанныя съ войной дѣла. Съ самаго начала на школьниковъ посыпался цѣлый рядъ воззваній. Ихъ призывали выпрашивать у старшихъ золото для обмѣна его въ государственномъ казначействѣ на бумажныя деньги. Ихъ убѣждали копить деньги, чтобы подписываться на государственный заемъ. Имъ рекомендовали проповѣдывать въ семьяхъ бережливость. Изъ нихъ формировали отряды для обработки полей у призванныхъ на службу. Наконецъ, ихъ приглашали прервать занятія и идти въ добровольцы. И, судя по тому, что эти обращенія все учащаются за послѣднее время, надо думать, что они оказываютъ свое дѣйствіе. Но, быть можетъ, всего удивительнѣе и всего болѣе свидѣтельствуетъ о нѣмецкой дисциплинированности тотъ чисто военный складъ, которымъ пропитался самый домашній бытъ. Для насъ представляется почти фантастичнымъ, какъ можно опредѣлять предписаніемъ назначеніе каждаго кухоннаго отброса, какъ можно устанавливать во имя блага родины ширину женскихъ юбокъ, какъ можно рекомендовать тѣ или иныя кушанья и запрещать другія. А между тѣмъ, въ Германіи все это практикуется чуть не ежедневно и ни въ комъ не вызываетъ удивленія, а наоборотъ, охотно принимается къ свѣдѣнію и исполненію. Личные вкусы и склонности тамъ какъ будто отложены до болѣе благопріятнаго времени, уступивъ мѣсто общей всѣмъ заботѣ. Страна какъ будто дѣйствительно превратилась въ военный лагерь или лучше сказать, въ военную лабораторію, гдѣ все совершается по законамъ военнаго времени, даже крупные соціальные опыты.

IV.

Первые раскаты военной грозы вызвали въ Англіи тотъ же отзвукъ, какъ и въ Германіи. Банковые крахи, закрытіе фабрикъ, банкротства,

прозвучали и въ ней грознымъ предостереженіемъ. Но, въ то время, какъ въ Германіи отвѣтомъ на это былъ лозунгъ „все для войны“, въ Англіи немедленно по объявленіи войны повсюду появились бросающіеся въ глаза плакаты: „Motto for patriotic Britons—business as usual“. (Девизъ патріотовъ британцевъ—дѣла должны идти, какъ всегда“). И это рѣшеніе сохранить во что бы то ни стало неприкосновенной налаженную жизнь окрасило собой почти весь исключительный годъ, несмотря на твердое рѣшеніе вести войну до конца.

Правда, въ началѣ никто въ Англіи не представлялъ себѣ, какіе размѣры приметъ война, какого напряженія силъ, какихъ жертвъ потребуетъ она отъ всего населенія. До сихъ поръ, благодаря островному положенію Англіи, избавлявшему ее отъ опасности непріятельскаго вторженія, она не знала войнъ, захватывавшихъ населеніе. Она ограничивалась обыкновенно посылкой экспедиціоннаго корпуса, а еще чаще роль ея сводилась къ денежной помощи союзнымъ съ нею государствамъ. Соотвѣтственно этому дѣлались и всѣ военныя приготовленія Англіи, соотвѣтственно этому отнеслось къ разразившимся событіямъ ея населеніе, да отчасти и правительство. Чисто военныя заботы были оставлены въ вѣдѣніи спеціальныхъ органовъ, общественныя же силы призывались, главнымъ образомъ, къ предотвращенію вредныхъ послѣдствій, какія могла имѣть война внутри страны.

Прежде всего надо было успокоить тревогу, воцарившуюся въ финансовомъ мірѣ, потомъ принять мѣры къ налаженью пришедшей въ разстройство внѣшней торговли, поддержать промышленность, а дальше угадывались мрачные спутники всѣхъ этихъ неурядицъ—безработица и вздорожаніе жизни.

Съ финансовымъ кризисомъ правительству удалось справиться всего скорѣе. Черезъ какую-нибудь недѣлю, начавшаяся въ финансовомъ мірѣ паника улеглась. Ллойдъ Джоржъ образовалъ комитетъ изъ представителей банковъ, выработавшій рядъ мѣръ, благодаря которымъ, черезъ два-три мѣсяца финансовая жизнь страны вошла совершенно въ нормальную колею.

Значительно труднѣе было справиться съ потрясеніемъ, испытаннымъ внѣшней торговлей. Тутъ, помимо закрытія части внѣшняго рынка, дѣйствовали еще потопленія нѣмцами англійскихъ судовъ, и даже не столько самыя потопленія, какъ угроза ими, сильно смущавшая въ началѣ и судовладѣльцевъ и грузоотправителей. Но принятыя адмиралтействомъ мѣры къ охранѣ коммерческихъ судовъ и незначительный процентъ потерь среди коммерческаго флота внесли скоро успокоеніе въ среду коммерсантовъ и обороты внѣшней торговли изъ мѣсяца въ мѣсяцъ стали возрастать. Ввозъ къ концу года почти достигъ своей нормальной цифры, а вывозъ, хотя и отстаетъ значительно, но это объясняется тѣмъ, что

очень крупныя количества разнаго рода продуктовъ вывозятся теперь на континентъ для нуждъ англійской и союзныхъ армій, а эти цифры не входятъ въ торговый балансъ.

Промышленность тоже избѣжала того упадка, какого можно было опасаться, судя по первымъ днямъ войны. Только одна ея отрасль потерпѣла значительный ущербъ—хлопчатобумажная. Трудность полученія хлопка, доставлявшагося почти исключительно изъ Америки, а, главнымъ образомъ, отсутствіе красокъ, выдѣлывавшихся только въ одной Германіи, нанесли этому производству ударъ, отъ котораго оно и до сихъ поръ не могло вполнѣ оправиться. Но зато это едва ли не единственная отрасль промышленности, замѣтно пострадавшая отъ войны. Почти всѣ остальныя очень скоро справились съ испытанными въ первое время затрудненіями, а нѣкоторыя пережили и переживаютъ давно небывалый расцвѣтъ. Это, конечно, прежде всего, всѣ виды промышленности, прямо или косвенно, обслуживающіе арміи: фабрики, выдѣлывающія разнаго рода орудія и снаряды, верфи, ткацкія фабрики, изготовляющія ткани, годныя для обмундировки солдатъ, а затѣмъ вся вообще желѣзодѣлательная и каменноугольная промышленность. Ближайшій надзоръ за положеніемъ дѣлъ въ тѣхъ или другихъ отрасляхъ промышленности или на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ предоставлялся органамъ мѣстнаго самоуправленія каждаго района. Они же должны были озабачиваться мѣрами помощи имъ при необходимости, и только въ случаяхъ исключительныхъ они должны обращаться къ центру. Въ общемъ, военная промышленность наладилась сама собой безъ постояннаго вмѣшательства центра.

Вновь начавшееся оживленіе промышленности сказалось лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ войны, наступившая же въ первое время заминка выбросила на рабочій рынокъ значительное количество безработныхъ. Однимъ изъ первыхъ актовъ парламента городскимъ самоуправленіямъ указывалось на необходимость немедленно принять мѣры для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ. При этомъ имъ рекомендовалось отнюдь не сокращать своей обычной дѣятельности, а, напротивъ, воспользоваться даннымъ моментомъ для приведенія въ исполненіе предположенныхъ ранѣе общеполезныхъ работъ. На производство этихъ работъ парламентомъ было ассигновано въ общемъ до 150 милл. рублей. Муниципалитеты съ готовностью откликнулись на этотъ призывъ парламента. Большая часть изъ нихъ выработала обширные планы строительныхъ работъ по сооруженію дешевыхъ жилищъ для рабочихъ. Во время осуществленія этихъ работъ муниципалитеты совсѣмъ не обязывались брать во что бы то ни стало наиболѣе нуждающихся изъ безработныхъ, независимо отъ ихъ подготовленности къ даннымъ работамъ. Наоборотъ, они приглашали спеціалистовъ, считаясь съ ихъ пригодностью для дѣла, а не съ нуждою. Благодаря этому,

а также благодаря тому, что производились не нарочно придуманныя, а дѣйствительно необходимыя работы, работы эти не носили того благотворительнаго характера, который раньше раздражалъ рабочихъ при общественныхъ работахъ и лишалъ ихъ всякой продуктивности. Если даже при этомъ приходилось отвлекать рабочихъ, занятыхъ въ другой отрасли промышленности, то мѣста этихъ послѣднихъ занимались безработными, и это одинаково вліяло на пониженіе общаго количества безработныхъ.

Кромѣ безработныхъ, на попеченіи общества въ эту войну, при наборѣ совершенно неслыханной въ Англіи трехмилліонной арміи, остались жены и семьи солдатъ. Помощь имъ была поставлена въ Англіи на основаніи такого же принципа, какой былъ положенъ въ основу помощи безработнымъ. Какъ эта помощь тамъ не носила никакого благотворительнаго характера и даже вообще не была личной помощью тому или другому безработному, а была просто расширеніемъ области приложенія труда, вытекающаго изъ признанія за каждымъ человѣкомъ права на трудъ, такъ и тутъ помощь исходила изъ сознанія права на существованіе каждаго человѣка и обязанности общества обезпечить существованіе тѣхъ, у кого государство отобрало ихъ естественныхъ кормильцевъ и защитниковъ. Каждая семья, отецъ которой принятъ на службу въ армію или флотъ, или убитъ на войнѣ, получаетъ въ силу этого одного пенсію, размѣры которой колеблются только въ зависимости отъ состава семьи, но ни въ какомъ случаѣ не отъ большей или меньшей степени ея нужды. Пенсія эта считается ея неотъемлемымъ правомъ въ силу службы отца семейства, а никакъ не благотворительной помощью нуждающимся. Выдача этой пенсіи производится самымъ упрощеннымъ способомъ, минуя всякія благотворительныя или иныя общества. Жена, дѣти или родители каждаго солдата и матроса получаютъ изъ морского министерства или отъ мѣстныхъ его органовъ удостовѣреніе, представивъ которое, они могутъ получить причитающуюся имъ пенсію въ любомъ почтовомъ отдѣленіи.

Разумѣется, устройствомъ общественныхъ работъ и государственной поддержкой семей ушедшихъ на войну не покрываются всѣ случаи острой нужды, связанные съ войной. Тутъ остается еще широкое поприще для благотворительности. И надо признать, что англійское общество проявило въ этомъ отношеніи большую отзывчивость. Немедленно же было организовано нѣсколько обществъ, имѣвшихъ цѣлью помогать въ случаяхъ экстренной нужды, вызванной войной, и пожертвованія потекли туда широкой волной. Одинъ „Фондъ принца Уэльскаго“ собралъ за первые полгода свыше 4 милл. ф. ст., т. е. болѣе 400 милл. рублей. „Фондъ королевы для помощи нуждающимся женщинамъ“ за тотъ же періодъ собралъ 140 тыс. ф. ст. и т. д.

Правда, благотворительность, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, всегда и вездѣ отзывается на вопіющую нужду. Не это характерно для Англіи въ настоящій моментъ. Мы видѣли, какъ въ Германіи вся борьба съ созданными войной осложненіями совершалась планомѣрно по предначертанному сверху плану. Общественныя силы, въ видѣ какихъ бы то ни было организацій являлись лишь исполнителями этого общаго даннаго, правительствомъ плана. Въ Англіи почти во всѣхъ областяхъ дѣло шло обратнымъ путемъ. Правительство, въ лицѣ парламента, только расчищало путь общественнымъ силамъ или ограничивалось совѣтами и указаніями, а вся творческая работа совершалась на мѣстахъ, органами самоуправленія, или другими общественными организаціями. Такъ было въ области борьбы съ промышленнымъ кризисомъ, такъ было и въ одномъ изъ самыхъ острыхъ вопросовъ, выдвинутыхъ началомъ войны—въ борьбѣ съ безработицей. Это, быть можетъ, лишаетъ совершающуюся теперь въ Англіи работу той стройности часового механизма, какой она обладаетъ въ Германіи, но зато въ ней чувствуется тотъ напоръ живыхъ общественныхъ силъ, благодаря которому, то, что дѣлается,—создается органически, выростаетъ изъ самой почвы и, уже разъ достигнутое, составляетъ неотъемлемое пріобрѣтеніе страны, которое не можетъ быть отнято, такъ же, какъ создано, по мановенію сверху.

V.

Конечно, не со всѣми, порожденными войной, затрудненіями общественныя силы могли справиться самостоятельно, безъ участія государственной власти Но и въ этихъ вопросахъ инициатива въ большинствѣ случаевъ шла снизу и центральная власть принимала тѣ мѣры, которыя ей въ сущности диктовались страной. Такъ было и въ области самой сложной и трудной задачи, выдвинутой почти во всѣхъ странахъ, затронутыхъ войной—задачи борьбы съ продовольственной нуждой,

Немедленно же вслѣдъ за объявленіемъ войны цѣны на всѣ продукты массоваго потребленія сильно поднялись въ Англіи. Сахаръ почти удвоился въ цѣнѣ, мука поднялась отъ 20—40%, яица на 24%, баранина на 19%, свинина на 15%, маргаринъ на 19%. Это вздорожаніе жизни отозвалось, конечно, прежде всего на трудящихся слояхъ населенія. До нѣкоторой степени тутъ играла роль спекуляція лавочниковъ, и потому рабочіе союзы усиленно рекомендовали своимъ членамъ покупать товары исключительно въ потребительскихъ магазинахъ. Составившійся немедленно послѣ объявленія войны изъ представителей всѣхъ англійскихъ рабочихъ организацій національный рабочій комитетъ обратился ко всѣмъ потребителямъ съ воззваніемъ, въ которомъ говорилось:

„Въ Великобританіи существуетъ свыше 1400 кооперативныхъ обществъ, занимающихся снабженіемъ своихъ членовъ всякаго рода пищевыми средствами и предметами потребленія... Общая цифра ихъ розничной торговли доходитъ до 130 мил. фунтовъ стерлинговъ въ годъ, и сбереженія, доставляемыя этимъ путемъ покупателямъ, составляютъ не менѣе 14 милл. ф. ст., которые иначе попали бы въ карманы частныхъ торговцевъ... Національный рабочій комитетъ усиленно рекомендуетъ рабочимъ и среднимъ классамъ обращаться за провизіей къ кооперативнымъ обществамъ. Лишь въ ихъ складахъ возможно покупать пищевые продукты и другіе предметы по себѣстоимости производства и распредѣленія. Во всѣхъ другихъ складахъ покупатель долженъ сверхъ того приплачивать извѣстную сумму собственнику магазина и стоящему за нимъ оптовому торговцу. Мѣры, которыя Комитетъ требуетъ отъ правительства въ интересахъ избавленія націи отъ излишнихъ расходовъ и эксплоатаціи, окажутся вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно полезными для потребителя“.

Рядомъ съ этой рекомендаціей самопомощи въ области распредѣленія предметовъ первой необходимости, національный рабочій комитетъ образовалъ особую комиссію, задавшуюся цѣлью изслѣдовать вопросъ о причинахъ поднятія цѣнъ этихъ продуктовъ въ оптовой продажѣ и мѣрахъ борьбы съ этимъ зломъ. Изучивъ подробно условія производства или доставки въ Англію изъ-за границы разныхъ видовъ товаровъ, комиссія эта пришла къ заключенію, что хотя до нѣкоторой степени на повышеніе цѣнъ въ настоящій моментъ имѣютъ вліяніе измѣнившіяся условія міровой торговли, благодаря которымъ стоимость доставки дѣйствительно поднялась, но къ этому присоединяется еще вліяніе спекуляціи, съ которой правительство обязано бороться. Рабочій комитетъ указываетъ далѣе и мѣры, какія государство можетъ употребить для урегулированія цѣнъ. Онъ рекомендуетъ государству не ограничиваться введеніемъ обязательныхъ таксъ, но по отношенію къ нѣкоторымъ предметамъ первой необходимости взять всю торговлю въ свои руки, совершенно устранивъ оптовыхъ торговцевъ. На первое мѣсто среди этихъ товаровъ рабочій комитетъ ставилъ пшеницу, сахаръ и мясо.

Нельзя сказать, чтобы правительственная власть выполнила въ полномъ объемѣ выработанный рабочимъ комитетомъ проектъ государственной организаціи распредѣленія предметовъ первой необходимости, но нѣкоторые, и очень существенные шаги въ этомъ направленіи она сдѣлала. Не говоря уже о введеніи обязательной и крайне строго соблюдаемой таксы на мясо и максимальныхъ цѣнъ на пшеницу, въ отношеніи сахара оно пошло еще значительно далѣе. Видя растущія цѣны на сахаръ, парламентъ образовалъ особую „Королевскую комиссію по доставкѣ сахара“, которая взяла на себя всю закупку и доставку въ Англію сахара-сырца. Рафинаднымъ

заводчикамъ было предложено покупать весь сахаръ-сырецъ у правительства, обрабатывать его и пускать въ продажу по заранѣе установленной цѣнѣ, оставляющей имъ лишь законный процентъ на расходы по производству. Если практически это и не очень много, то принципіально это имѣетъ громадное значеніе для Англіи, такъ какъ представляетъ собой первый сознательно сдѣланный шагъ вмѣшательства государства въ область частныхъ хозяйственныхъ интересовъ. „Уже теперь ясно,—писалъ еще въ въ октябрѣ прошлаго года Эдгаръ Крамонъ:—что война революціонизируетъ методы руководства многими отраслями народнаго хозяйства Англіи".

Не ограничиваясь попытками вмѣшательства въ область распредѣленія, правительство стало вмѣшиваться и въ условія производства. Вызывалось это необходимостью повысить производительность нѣкоторыхъ отраслей промышленности и сначала касалось, главнымъ образомъ, области отношеній между рабочими и предпринимателями. Во имя интересовъ общаго дѣла послѣ совѣщаній представителей рабочихъ союзовъ и предпринимателей, обѣ стороны добровольно отказались на время войны отъ примѣненія стачекъ и локаутовъ, какъ средствъ экономической борьбы. Рядомъ съ этимъ правительство повело энергичную борьбу противъ прогуловъ рабочихъ. Вообще, рабочимъ пришлось за этотъ годъ поступиться временно нѣкоторыми изъ достигнутыхъ ими правъ. Опираясь на эти добровольныя самоограниченія, представители рабочихъ союзовъ обратились къ правительству съ указаніемъ на то, что несправедливо, хотя бы и во имя родины, предъявлять всѣ требованія къ одной сторонѣ, предоставляя другой извлекать выгоды изъ народнаго бѣдствія. Въ настоящее время нѣкоторыя ограниченія предпринимательскаго произвола уже сдѣланы, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя работаютъ на армію и поэтому самому находятся въ привиллегированномъ положеніи. Для того, чтобы онѣ не могли, пользуясь исключительно благопріятными условіями извлекать чрезмѣрныя выгоды, правительство взяло ихъ подъ свой контроль и ограничило извѣстнымъ предѣломъ получаемую ими прибыль.

Въ общемъ, въ области хозяйственной жизни такое небывалое по силѣ воздѣйствія явленіе, какъ война, яснѣе подчеркнуло крупные недостатки современныхъ формъ производства и распредѣленія, но въ то же время намѣтило и пути борьбы съ ними. Пути эти по существу своему оказались одного характера въ обоихъ воюющихъ между собой государствахъ, но только подходъ къ нимъ шелъ съ разныхъ сторонъ—въ Германіи опыты производились путемъ предписаній сверху, въ Англіи, классической странѣ самодѣятельности, они являлись результатомъ требованій, идущихъ снизу.

Конечный результатъ этихъ опытовъ скажется, разумѣется, лишь послѣ войны. „Какой бы ни былъ исходъ войны,—писала „Daily News",—эффектъ этого великаго эксперимента нельзя уже будетъ уничтожить. Къ

доору или къ худу, англійская жизнь никогда не будетъ тои же самой послѣ этого предметнаго урока по государственному соціализму". Въ данный же моментъ можно сказать только одно, что съ задачей охраны отъ хозяйственной разрухи, связанной съ войной, Англія справилась прекрасно.

VI.

Не сразу почувствовала Англія весь объемъ второй задачи—обслуживанія самой арміи. Какъ мы уже упоминали, она менѣе всѣхъ была подговлена къ размѣрамъ не столько самой войны, сколько своего участія въ ней. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ прежде, чѣмъ стало очевидно, что спеціальные органы, занятые снаряженіемъ арміи, совершенно не въ состояніи справиться съ выпавшей на ихъ долю работой и что, если дѣло пойдетъ прежнимъ темпомъ, Англія ни на шагъ не подвинется къ своей цѣли. Убѣжденіе это не сразу проникло въ народное сознаніе, но когда оно тамъ укоренилось, оно произвело цѣлую революцію въ общественномъ мнѣніи.

Лозунгъ „дѣла должны идти своимъ порядкомъ", хотя и не былъ отвергнутъ, но все же къ концу года значительно потускнѣлъ. На первый планъ выступила организація побѣды. И тутъ, какъ во всемъ, сказался глубоко демократическій характеръ англійской жизни. Предписанія имѣютъ въ ней очень мало силы, но зато свободное сознаніе необходимости дѣлаетъ чудеса.

Трудно представить себѣ, какое возбужденіе охватило всю Англію, когда въ ней создалась увѣренность, что ея солдаты гибнутъ и не могутъ двинуться впередъ отъ недостатка снарядовъ. Теперь уже никого не приходилось принуждать къ работѣ, всѣ жаждали одного—приложить свои силы къ тому дѣлу, какого требовала отъ нихъ родина. Вырастали новыя фабрики, рабочіе отказывались отъ своихъ требованій и работали, не зная усталости, добровольцы со всѣхъ сторонъ предлагали свои услуги, студенты, школьники, женщины всѣхъ классовъ общества, служащіе въ вечерніе часы и въ праздники отдавали свой трудъ, въ той формѣ, какой отъ нихъ требовали.

Вдохновителемъ всей этой гигантской работы, превратившей всю Англію въ мастерскую по снаряженію арміи, дѣйствительнымъ „организаторомъ побѣды" былъ популярнѣйшій человѣкъ во всей Англіи, министръ финансовъ, а позднѣе министръ снабженія—Ллойдъ Джоржъ. Въ тѣхъ громадныхъ результатахъ, какихъ достигла за послѣдніе мѣсяцы Англія въ области подготовки войны, Ллойдъ Джоржу по праву должна быть отведена почетная роль.

VII.

Во Франціи война создала особыя условія, благодаря которымъ, ей оказалось исключительно трудно справиться съ задачей снабженія арміи. Въ рукахъ непріятеля остался районъ, сосредоточившій въ себѣ громадную часть каменноугольной и желѣзодѣлательной промышленности страны. Здѣсь добывалось 70% всего каменнаго угля, 78% кокса, 90% желѣзной руды. Здѣсь же выдѣлывалось 95% томасовской стали и 76% литой стали. Заводы, изготовляющіе локомотивы и вагоны, тоже почти всѣ сосредоточены въ этой мѣстности.

Само собой понятно, какъ это должно было отразиться на изготовленіи снарядовъ и на всей вообще военной промышленности. Потребовалось чрезвычайное напряженіе силъ, чтобы не только развить, соотвѣтственно съ безпримѣрными требованіями этой войны, дѣятельность по выработкѣ орудій и снарядовъ, но создать наново многія подсобныя отрасли промышленности и сразу поставить ихъ на ту высоту, какая требовалась исключительностью момента.

Министерство народной обороны, составившееся изъ представителей всѣхъ политическихъ партій отъ правыхъ до соціалистовъ, поняло всю ту колоссальную отвѣтственность, какая возлагалась на него грозившей странѣ опасностью. Оно рѣшило прежде всего отказаться отъ тѣхъ бюрократическихъ пріемовъ и канцелярской волокиты, которые до сихъ поръ прочно гнѣздились въ центральныхъ учрежденіяхъ Франціи и призвать къ себѣ на помощь общественныя силы. За первые мѣсяцы войны военный министръ Мильеранъ уволилъ двѣ трети высшихъ чиновъ военнаго министерства и назначилъ общественныхъ дѣятелей и спеціалистовъ, стоявшихъ на высотѣ современныхъ требованій. Во главѣ самого отвѣтственнаго отдѣла военнаго министерства, въ качествѣ товарища министра, съ весны 1915 г. былъ поставленъ соціалистъ Альберъ Тома.

Военному министерству приходилось въ началѣ почти буквально творить изъ-ничего, такъ какъ къ тѣмъ условіямъ, въ которыя война поставила французскую промышленность, надо еще было прибавить то, что героическій отпоръ, оказанный Жоффромъ наступавшей на Парижъ германской арміи, поглотилъ почти всѣ военные запасы, заготовленные правительствомъ до войны. Начавъ свою дѣятельность при такихъ условіяхъ, министерство народной обороны совершило чудеса за первый годъ войны. Къ веснѣ производительность промышленности, выдѣлывающей орудія и снаряды, повысилась въ шесть разъ, а съ тѣхъ поръ какъ во главѣ дѣла сталъ Тома, ее предположено усилить въ 20 разъ. Правда, Альберу Тома приходится прибѣгать иногда къ драконовскимъ мѣрамъ и въ отношеніи промышлен-

никовъ, и въ отношеніи рабочихъ, но онѣ не встрѣчаютъ противодѣйствія, такъ какъ всѣ сознаютъ, что это дѣлается во имя спасенія родины.

Всѣ фабрики и заводы, работающіе на армію, взяты подъ контроль правительства, особые правительственные инспектора тщательно наблюдаютъ за ходомъ работъ въ нихъ и имѣютъ широкое право вмѣшательства во всѣ стороны дѣла ради его большей успѣшности. Они могутъ потребовать увеличенія заработной платы, улучшенія техническихъ или санитарныхъ условій, принятія тѣхъ или другихъ рабочихъ, полезныхъ для дѣла, хотя бы противъ воли хозяина. Въ то же время рабочіе не имѣютъ права отказываться ни отъ какихъ необходимыхъ для дѣла работъ, въ томъ числѣ и отъ сверхурочныхъ, не имѣютъ права устраивать стачки. Правда, для улаженья столкновеній между предпринимателями и рабочими контролерамъ рекомендуется обращаться къ предпринимательскимъ и рабочимъ организаціямъ, но окончательное рѣшеніе спорныхъ вопросовъ лежитъ все же на контролерѣ. Въ интересахъ производства Тома провелъ законъ, согласно которому, контролеры имѣютъ право возвращать съ фронта необходимыхъ рабочихъ-спеціалистовъ. Но, вернувшись на фабрики, они продолжаютъ числиться на службѣ военнаго вѣдомства и подчиняются военной дисциплинѣ, согласно которой ихъ могутъ назначить туда, гдѣ въ данный моментъ въ нихъ чувствуется большая надобность.

Какъ работаетъ въ это время само центральное учрежденіе, можно судить по тому маленькому факту, что, когда его, благодаря усилившейся дѣятельности, пришлось перевести въ болѣе просторное помѣщеніе, Тома потребовалъ, чтобы обычная работа не была въ силу этого сокращена ни на одинъ день. „Врагу,—сказалъ онъ,—который развиваетъ неутомимую дѣятельность, мы должны отвѣчать дѣятельностью, усиливающеюся съ каждымъ днемъ, оттягивать какое-нибудь дѣло хотя бы на 24 часа, было бы преступленіемъ“.

Къ концу года военная промышленность достигла той высоты, при которой снабженіе арміи можетъ считаться обезпеченнымъ.

Но если спеціально военная промышленность такъ блестяще развилась во Франціи за годъ войны, то этого никакъ нельзя сказать о другихъ областяхъ ея производительной дѣятельности. Тутъ, наоборотъ, упадокъ, начавшійся съ первыхъ дней войны, и до сихъ поръ даетъ себя чувствовать. Благодаря измѣнившимся условіямъ внѣшней торговли, съ одной стороны, а также благодаря измѣненію внутренняго рынка, многія отрасли производства чрезвычайно сократились, а нѣкоторыя и совсѣмъ исчезли. Это касается, главнымъ образомъ, производства предметовъ роскоши, которые Франція поставляла и на внѣшній и на внутренній рынокъ. Теперь спросъ на нихъ почти совершенно исчезъ.

Въ августѣ прошлаго года, т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ начала

войны, правительство произвело во Франціи анкету о положеніи промышленности. Обслѣдованію подверглось болѣе 31.000 предпріятій, находящихся подъ надзоромъ правительственной инспекціи, въ которыхъ работало болѣе милліона рабочихъ. Оказалось, что изъ нихъ продолжаютъ работать только 15.000, т. е. ровно половина, а рабочихъ на нихъ занято всего 328.000, т. е. 31%. Въ одномъ Парижѣ въ сентябрѣ насчитывалось 278.000 безработныхъ, а въ январѣ 1915 г. 230.000.

Естественно, что при такомъ упадкѣ промышленности вопросъ о безработицѣ сталъ во всей своей остротѣ. Правительству пришлось считаться съ этимъ съ первыхъ же недѣль войны. Въ послѣдніе мѣсяцы 1914 г. парламентомъ на борьбу съ безработицей было ассигновано въ общемъ 15 милл. франковъ, а за первое полугодіе 1915 г.—уже 20 милл. Надо сказать, что суммы эти идутъ главнымъ образомъ, даже почти исключительно, на пособіе лицамъ, потерявшимъ заработокъ по связаннымъ съ войной причинамъ. Большая ихъ часть распредѣляется городскими управленіями, меньшая передается въ вѣдѣніе рабочихъ союзовъ и фондовъ для борьбы съ безработицей, дѣйствовавшихъ до войны. Вопросъ объ организаціи общественныхъ работъ, хотя и поднимался нѣсколько разъ въ парламентѣ, до сихъ поръ не получилъ сколько-нибудь широкаго разрѣшенія. Только въ Парижѣ и нѣкоторыхъ крупныхъ центрахъ существуютъ городскія бюро для раздачи шитья нуждающимся женщинамъ, но они даютъ работу такому незначительному количеству женщинъ, около 10.000 въ общемъ, къ тому же далеко не всегда принадлежащихъ къ настоящимъ безработнымъ, что это нельзя принимать въ соображеніе. Даже вопросъ объ образованіи на широкихъ началахъ биржъ труда, обслуживающихъ промышленность всей страны, только въ послѣднее время поставленъ на очередь и ждетъ своего осуществленія.

Что касается продовольственнаго вопроса, то онъ для Франціи не возникалъ въ особенно острой формѣ, такъ какъ продукты массоваго потребленія имѣются въ ней въ достаточномъ количествѣ. Только въ первое время войны загроможденіе путей сообщенія вызвало нѣкоторыя затрудненія въ доставкѣ пищевыхъ продуктовъ въ Парижъ и другіе крупные городскіе центры и повело къ значительному повышенію цѣнъ. Но правительство быстро приняло мѣры къ урегулированію желѣзнодорожнаго движенія, а, съ другой стороны, городскія самоуправленія прекратили начинавшуюся спекуляцію установленіемъ максимальныхъ цѣнъ на мясо, картофель, овощи, птицу, масло, яйца и др. Въ Парижѣ, кромѣ того, былъ организованъ городомъ центральный продовольственный комитетъ, который заботился вообще объ удешевленіи продовольствія населенія. Съ этой цѣлью онъ сдѣлалъ нѣкоторые шаги къ устройству городскихъ складовъ, наиболѣе необходимыхъ продуктовъ потребленія, для которыхъ закупки будутъ произ-

водиться у оптовыхъ торговцевъ, снабжающихъ рынки и магазины Парижа. Благодаря этому, покупатель не будетъ приплачивать на товаръ процентъ, налагаемый лавочникомъ.

Въ общемъ, надо сказать, что если мы не видимъ во Франціи ни той широкой централизованной и планомѣрной дѣятельности, какъ въ Германіи, ни той творческой работы всего народа, какъ въ Англіи, то во всякомъ случаѣ тѣми средствами, какія были въ ея распоряженіи, она вполнѣ справилась съ созданными войной исключительными трудностями.

* * *

Въ первыя недѣли катастрофы, потрясшей всю Европу, казалось, что война ни въ какомъ случаѣ не можетъ продлиться слишкомъ долго. Было глубокое внутреннее убѣжденіе, что человѣчество переживаетъ такую стадію культурнаго состоянія, хозяйственная жизнь европейскихъ народовъ такъ приспособлена къ мирнымъ условіямъ жизни, что затянувшаяся война можетъ грозить гибелью имъ и что простой страхъ за свое существованіе заставитъ ихъ такъ или иначе сократить войну. Но вотъ, прошелъ цѣлый годъ, и мы должны признать, что это предвидѣнье не оправдалось. Война затягивается, пожаръ, охватившій Европу, распространяется все на большее пространство, нейтральныя государства считаются почти исключеніемъ, но въ то же время весь хозяйственный и культурный укладъ Европы явно приспособляется къ этимъ „исключительнымъ“ обстоятельствамъ. Въ началѣ, для перехода въ это исключительное состояніе, естественно обратились къ накопленнымъ запасамъ капитализма, но они были скоро исчерпаны и пришлось прибѣгнуть къ основнымъ силамъ, которыя также теперь почти всѣ цѣликомъ служатъ войнѣ. Но характерно, что капитализмъ самъ по себѣ не смогъ удовлетворительно разрѣшить поставленной задачи. Онъ далъ только средства для рѣшенія, самое же выполненіе сложнаго дѣла потребовало организующей мощи современнаго государства и общества. Въ Германіи, какъ мы видѣли, возобладала сила государства, въ Англіи — сила общества. Воюющая Европа не только вооружена до зубовъ, но она мобилизована до дна своей хозяйственной и культурной жизни.

Какія бы ни были послѣдствія этой грандіозной міровой войны, во всякомъ случаѣ произведенная ею перетасовка всего внутренняго уклада жизни должна оставить глубокій слѣдъ не только на внѣшнемъ существованіи народовъ, но и на всей ихъ психологіи.

Т. Богдановичъ.

Война и русская литература.

I.

Когда, задолго до войны, предполагая ея неизбѣжность, разсуждали о ней и рисовали ея возможныя картины и формы, блѣднымъ оказывалось наше воображеніе и скудной наша фантазія. Да и кто могъ, рисуя будущую загадочную войну, предвосхитить этотъ кошмарный образъ краснаго смерча, который будетъ носиться мѣсяцами и годами надъ землей, властно захвативъ всю жизнь въ своемъ безумномъ бѣгѣ? Кто могъ предположить, что этотъ смерчъ перестроитъ людскія отношенія, разворошитъ глубины человѣческаго духа, затушитъ огни, казавшіеся вѣчными, и зажжетъ иные свѣтильники пылающими яркими, но холодными языками? Кто могъ подумать, что мораль, право и гуманность современной культуры окажутся сотканными изъ такихъ тонкихъ нитей и такъ легко будутъ сметены могучими порывами жестокости, звѣрствъ и одичанія? Кто могъ заранѣе учесть эту вереницу новообразованій въ человѣчествѣ, новообразованій, которыя еще безконечны, потому что безконечны пути безумнаго бѣга краснаго смерча...

Когда пронеслось надъ Россіей это зловѣщее слово—война!—когда оторвались отъ нашего сердца наши отцы, братья, сыновья, родные и близкіе, когда смерть понеслась по ихъ рядамъ, и великая жуть вошла въ наши души, понятно, что ничѣмъ инымъ, кромѣ войны, Россія и не могла жить духовно...

Русская литература немедленно отразила на себѣ этотъ величественный сдвигъ, и съ іюля мѣсяца прошлаго года печатные станки Россіи стали работать исключительно подъ знакомъ Марса. Начался, поистинѣ, великій потопъ военной литературы, хотя въ послѣднее время—къ восемнадцатому мѣсяцу—и значительно ослабѣвшій, но все еще значительный.

Конечно, литература не могла не отразить на себѣ чувствъ, думъ и настроеній стапятидесятимилліоннаго народа, брошеннаго въ огненное

жерло войны. Было бы противоестественнымъ, если бы чуткость писательская исчезла и нѣмыми оказались бы наши художники. Нельзя было молчать.

Но великій соблазнъ являетъ собою это стремленіе уловить душу народа, его переживанія и настроенія и быть эхо великихъ моментовъ исторической жизни родины. Соблазнъ потому, что пріятіе войны—элементарно и присуще всѣмъ, не исключая малолѣтнихъ дѣтей, массами бѣгущихъ теперь изъ школъ на театръ войны. Но освоеніе, да притомъ художественное, этого всеобщаго хаоса—удѣлъ немногихъ избранныхъ и отмѣченныхъ особой печатью. Это дается отъ Бога, а не отъ грамотности или ремесленнаго умѣнья подбирать рифмы.

Но можно сказать, что съ началомъ войны русская литература точно потеряла голову и пошла именно элементарными путями пріятія войны. Конечно, трудно было уберечься отъ увлеченій, въ особенности, въ первыя фазы битвы народовъ, когда и горечь несправедливаго нападенія враговъ, и острая непобѣдимая жажда одолѣть ихъ диктовала и гнѣвъ, и восторженность надеждъ. Но чувству литературы сразу же былъ положенъ такой тѣсный предѣлъ, что не надо было быть особенно чуткимъ, чтобы понимать всю недопустимость обращенія человѣческаго слова въ одно междометіе—„ура!“

А между тѣмъ съ первыхъ моментовъ войны наше печатное слово обратилось въ сплошной крикъ и барабанный бой, въ искусственный скрежетъ зубовъ и взвинченную ненависть, въ пересыщенный патріотизмъ и пошехонскій націонализмъ.

Читатель требовалъ отвѣта, читатель искалъ отзвука своимъ настроеніямъ, жаждалъ найти или успокоеніе, или новые горизонты. А получалъ по всей линіи однообразный литературный грохотъ, его оглушавшій, грохотъ, въ которомъ такъ было много грубаго звенящаго металла, что не осталось мѣста искусству.

Вся литература во главѣ съ поэтами вышла, въ сущности, на улицу и работала не на тотъ серьезный, углубленный и отвѣтственный патріотизмъ, который черезъ годъ войны вылился въ такія знаменательныя общественныя формы, а на расхожій, примитивный патріотизмъ,—родной братъ тому, который выражается въ нелѣпомъ выкрикѣ: „шапками закидаемъ!“

Историки литературы, конечно, найдутъ объективныя объясненія этому странному явленію и, между прочимъ, въ оправданіе ея укажутъ, что, напримѣръ, такіе первоклассные писатели, какъ В. Короленко, М. Горькій, Д. Мережковскій не погрѣшили противъ духа святого. Но фактъ все же остается фактомъ. Величіе войны вызвало количественно обильную, но качественно малую литературу. И періодъ войны—не періодъ славы для нашей изящной словесности.

II.

Нѣмецкіе критики подсчитали, что въ Германіи за первые полгода войны было написано ни мало, ни много, какъ милліонъ поэтическихъ произведеній. Врядъ ли кому-либо у насъ придетъ въ голову производить такой подсчетъ продуктамъ отечественной поэзіи. Но нужно сказать, что необъятно-велико и у насъ это творчество на злобу дня, по заказу скоропреходящаго момента.

Вотъ примѣрный и приблизительный списокъ поэтовъ съ именемъ или писателей, сдѣлавшихся таковыми по случаю войны и отзывавшихся на своей лирѣ зовамъ воинственнаго Марса: Л. Андрусонъ, Леонидъ Афанасьевъ, Анна Ахматова, К. Бальмонтъ, Александръ Блокъ, Валерій Брюсовъ, В. Буренинъ, В. Воиновъ, Г. Галина, В. Гиляровскій, Як. Годинъ, Серг. Городецкій, Наталія Грушко, И. Гриневская, Н. Гумилевъ, Георгій Ивановъ, А. Измайловъ, А. Кондоповскій, В. В. Князевъ, Аполлонъ Коринфскій, М. Кузьминъ, А. Липецкій, В. Мазуркевичъ, Н. Минскій, М. Моравская, Я. Окуневъ, В. Опочининъ, Потемкинъ, А. Рославлевъ, Вѣра Рудичъ, Б. Садовскій, Федоръ Сологубъ, Игорь Сѣверянинъ, П. Соловьева (Allegro), Танъ, кн. Э. Ухтомскій, Ды. Цензоръ, Т. Щепкина-Куперникъ.

Въ двухъ сборникахъ „Современная война въ русской поэзіи“, изданныхъ подъ редакціей Б. В. Глинскаго участвуютъ, 162 поэта. Въ Сборникѣ „Великая война“ подъ редакціей Клавдіи Лукашевичъ—200. Объ отдѣльныхъ изданіяхъ мы уже не говоримъ: здѣсь испытывали свои силы и Ф. Сологубъ, и Сергѣй Копыткинъ, и Георгій Ивановъ, и М. Гартевельдъ, и какой-то Коробовъ, и даже казанскій профессоръ В. Залѣсскій.

Но среди этого моря поэтическихъ произведеній тщетно вы искали бы подлинной красоты, глубоко пережитого чувства, яркаго настроенія, осознанной отраженности великихъ событій и искренности души. Читая всю эту поэзію, начинаешь думать, что проходишь большой площадью, гдѣ учатъ молодыхъ солдатъ и гдѣ какой-нибудь созерцатель изъ публики съ гармошкой въ рукахъ импровизируетъ „вдохновенныя“ строфы, навѣянныя на него марширующими солдатами.

Вотъ нѣсколько цитатъ изъ наиболѣе „знаменитыхъ“ поэтовъ.

Сколько красоты у нѣвучаго мага слова К. Бальмонта! И неужели это его строки, строки Бальмонта, какъ это значится въ одномъ изъ сборниковъ Б. Глинскаго?

Въ этотъ часъ, когда пруссаки,
Сатанинскія собаки,
Поднимаютъ рѣзкій лай,
Не пора ли намъ, славянамъ,
Всѣмъ Полянамъ, всѣмъ Древлянамъ,
Дружно встать за общій край?

Валерій Брюсовъ громитъ уже турокъ:

Кто вы, что пятый вѣкъ надменно
Держать хотите эту дверь?
Мы гнули васъ грозой военной,
Вы мстили хитростью презрѣнной,
Но хитростямъ — конецъ теперь!
Довольно! Грудью исполинской
Вздыхаетъ русскій богатырь.
Ступивъ ногой на камень финскій,
Онъ сталъ другой на Понтъ Эвксинскій
И грозно озираетъ ширь.

Сергѣй Городецкій достаточно прославился своимъ стихотвореніемъ „Срѣтенье“, въ которомъ, между прочимъ, такъ описывается день 20 іюля въ Петроградѣ:

Да, не бывало у столицы,
Такого утра съ давнихъ лѣтъ!
Въ (?) подъѣздъ влетали вереницы
Автомобилей и каретъ,
Примчались сербы, намъ родные,
Былъ пышенъ быстрый съѣздъ двора,
И проходили запасные
Подъ крики дружнаго „ура“.

Этому же поэту принадлежитъ вѣщее слово о Россіи:

Вѣдь если быть Адама раю,
Въ Россіи надо быть ему.

Что касается германцевъ, то у г. Городецкаго, какъ и у всѣхъ поэтовъ находятся по ихъ адресу только гнѣвно-ругательныя слова. Но, повидимому въ урапатріотическомъ экстазѣ, не отдавая себѣ отчета въ словахъ, вотъ что начертилъ увлекшійся поэтъ:

Отмщенье за злое коварство!
Наемники подняли бунтъ!
Рабы захотѣли на царство,
Germani, qui barbari sunt!

В. Мазуркевичъ, недавно удостоенный Пушкинской преміи академіей наукъ, довольно пренебрежительно относясь къ правдѣ, поетъ между прочимъ во славу французовъ такія вирши:

Надѣвъ стѣснительныя узы
На прусскій дерзостный наскокъ,
Въ Эльзасѣ храбрые французы
Бьютъ нѣмцевъ вдоль и поперекъ.

И точно облитые варомъ,
Бѣгутъ тевтоны отъ враговъ...
Французской зеленью не даромъ
Всегда выводятъ пруссаковъ.

Федоръ Сологубъ посвятилъ войнѣ весьма много поэтическихъ произведеній, но трудно сказать, которое изъ нихъ хуже и ниже его поэтическаго таланта. Поэтъ Сологубъ умеръ въ военномъ стихоплетствѣ Сологуба. Его убила улица, „Лукоморье“ М. Суворина, примитивъ мысли и полная атрофія творчества.

Вотъ образцы этихъ плохенькихъ виршей; „Запасному—жена“ говоритъ:

Милый другъ мой, соколъ ясный!
Ѣдешь ты на бой опасный.
Помни, помни о женѣ,
Будь любви моей достоинъ.
Какъ отважный, смѣлый воинъ,
Бейся крѣпко на войнѣ!
Если-жъ только изъ-подъ пушекъ
Станешь ты гонять лягушекъ,
Такъ такой не нуженъ мнѣ!..

Даже самое бездарное воображеніе не могло бы выдумать болѣе легкомысленной игры словъ чѣмъ—„пушки и лягушки“... Это при современномъ-то ураганномъ огнѣ, выметающемъ въ мгновенья тысячи дорогихъ жизней!..

Впрочемъ, поэтическая чуткость г. Сологуба и его примитивность видны ясно изъ слѣдующаго его стихотворенія, написаннаго въ прошломъ году:

Вотъ Сивилла развернула книгу темную судебъ
И прочла одну страницу въ книгѣ той гадалка Тэбъ:
Прежде, чѣмъ весна откроетъ ложе влажное долинъ,
Будетъ нашими войсками взятъ заносчивый Берлинъ..

Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ, но мало лавровъ прибавится къ вѣнку поэта за такое несерьезное, уличное отношеніе къ міровой катастрофѣ, въ которой онъ ничего не разглядѣлъ, кромѣ лягушекъ, скачущихъ подъ пушками, и нелѣпыхъ предсказаній гадалки...

III.

Мы привели эти образцы прославленныхъ поэтовъ, которыхъ война точно оглушила, лишивъ ихъ чуткости. Если сдѣлать бѣглый обзоръ всей вообще поэтической литературы, то она нисколько ни выше, ни ниже этихъ образцовъ нашихъ первозванныхъ поэтовъ. Тотъ же примитивный тонъ,

барабанная психологія, кичливость, наивное представленіе о современныхъ бояхъ, и тотъ же невыносимый налетъ газетныхъ вліяній. Всѣ поэты исправно перелагаютъ газетныя статьи и корреспонденціи на рифмованныя строчки и серьезно думаютъ, что именно это переложеніе и есть настоящая поэзія. Но газетныя впечатлѣнія—впечатлѣнія поденки; они умираютъ къ вечеру дня рожденья, а поэзія претендуетъ на нѣчто длительное, по крайней мѣрѣ. Газета—плохой источникъ вдохновенья,—не даромъ, вѣроятно, стыдно же г. Сологубу за его предсказанія взятія Берлина?..

Но мы должны рѣшительно выдѣлить изъ всей этой стихотворной массы произведенія Александра Блока. Поэтъ и далъ ихъ отдѣльной небольшой книжкой „Стихи о Россіи“, и эта книжка единственный оазисъ, который радуетъ и волнуетъ. Но не ищите здѣсь той военной поэзіи, которую мы охарактеризовали выше. Вѣрный себѣ, А. Блокъ не выпускаетъ изъ рукъ своей нѣжной, грустной и искренней лиры. Тотъ же мягкій тонъ, печальная созерцательность, глубокое чувство, подлинная красота интимныхъ переживаній. И неподдѣльная любовь къ родинѣ, горячая и страдающая, навѣянная не крикливымъ гомономъ улицы, а творческимъ сочетаньемъ души своей и души родины. Онъ поетъ и о войнѣ, но вотъ какъ преломляется въ его художественномъ сознаніи эта кровавая расплата:

Рожденные въ года глухіе
Пути не помнятъ своего.
Мы—дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи—
Забыть не въ силахъ ничего.
Испепеляющіе годы!
Безумья-ль въ васъ, надежды-ль вѣсть?
Отъ дней войны, отъ дней свободы
Кровавый отсвѣтъ въ лицахъ есть.
Есть нѣмота—то гулъ набата
Заставилъ заградить уста.
Въ сердцахъ восторженныхъ когда-то
Есть роковая пустота.
И пусть надъ нашимъ смертнымъ ложемъ
Взовьется съ крикомъ воронье,
Тѣ, кто достойнѣй, Боже, Боже,
Да узрятъ царствіе Твое!

Но эта печаль заставляетъ еще сильнѣе любить родину:

Россія, нищая Россія,
Мнѣ избы сѣрыя твои,
Твои мнѣ пѣсни вѣтровыя,
Какъ слезы первыя любви!
Тебя жалѣть я не умѣю,
И крестъ свой бережно несу,
Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойную красу!

Пускай заманитъ и обманетъ,—
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманитъ
Твои прекрасныя черты...

И вмѣсто барабаннаго боя, вмѣсто радостныхъ или злобныхъ клиновъ поэтъ груститъ, провожая воиновъ на поле брани. Но никогда не забываетъ своей матери-родины. И вотъ какими красивыми стихами рисуетъ онъ свою любовь къ ней въ болѣзненно-утонченномъ образѣ, въ скорбной гримасѣ сердца:

Грѣшить безстыдно, непробудно,
Счетъ потерять ночамъ и днямъ,
И съ головой, отъ хмеля трудной,
Пройти сторонкой въ Божій храмъ.
Три раза преклониться долу,
Семь—осѣнить себя крестомъ,
Тайкомъ къ заплеванному полу
Горячимъ прикоснуться лбомъ.
Кладя въ тарелку грошикъ мѣдный,
Три, да еще семь разъ подрядъ
Поцѣловать столѣтній, бѣдный
И зацѣлованный окладъ.
А, воротясь домой, обмѣрить
На тотъ же грошъ кого-нибудь
И пса голоднаго отъ двери,
Икнувъ, ногою отпихнуть.
И подъ лампадкой у иконы
Пить чай, отсчелкивая счетъ,
Потомъ переслюнить купоны,
Пузатый отворивъ комодъ,
И на перины пуховыя
Въ тяжеломъ завалиться снѣ...
Да, и такой, моя Россія,
Ты всѣхъ краевъ дороже мнѣ...

Но эти стихи—точно случайный оазисъ въ однотонной и однообразной пустынѣ, выжженной барабанной бездарностью.

IV.

Если поэты почувствовали себя призванными подъ оружіе, то, конечно, и беллетристы всякаго ранга немедленно же, уже съ 20-го іюля 1914 г., начали описывать войну и военныя дѣйствія. Война не успѣла еще показать своего страшнаго лика, какъ облеченные въ доспѣхи Марса беллетристы заторопились воплотить въ художественное слово свои переживанія, конечно, при помощи своего воображенія. А затѣмъ первоисточ

никомъ ихъ творчества, несомнѣнно, явились корреспонденціи съ театра войны.

Въ сущности, между этими корреспонденціями и тѣмъ, что у насъ получило наименованіе военной беллетристики, разницы особенно ощутимой нѣтъ. Корреспонденціи въ той формѣ, какую онѣ приняли у насъ, быть можетъ, въ силу внѣшнихъ причинъ преимущественно, оказались продуктомъ почти беллетристическаго качества, потому что безъ элемента выдумки онѣ, въ виду ограниченности темъ и обязательности видѣть лишь свѣтлыя стороны, были бы скучны и не переваримы для читательской массы.

Но корреспонденты оказались все же въ счастливомъ положеніи. Они видѣли непосредственнымъ взоромъ войну. Они ее переживали, хотя въ близкомъ тылу. Они видѣли раны и горе, страданія и муки не только солдатъ, но и населенія, оказывавшагося въ районѣ военныхъ дѣйствій. Они дышали воздухомъ войны, и отъ степени ихъ воспріимчивости зависѣло богатство ихъ впечатлѣній. Но такъ какъ все однообразно въ порядкѣ, который былъ доступенъ ихъ перу, то приходилось естественно оживлять повторяемость жизни узорами фантазіи. И постепенно реальное обростало у всѣхъ корреспондентовъ выдумкою, которая была тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ дальше развертывалась война. Корреспонденціи переходили въ разсказы и повѣсти и въ конечномъ счетѣ дѣлались интереснѣе той беллетристики, которая, какъ поэзія, хлынула потокомъ на любопытствовавшаго читателя.

Беллетристика творилась въ тылу доморощенными средствами. А такъ какъ спеціальная фантазія ограничена тѣсными предѣлами, то въ концѣ концовъ беллетристамъ, во что бы то ни стало жаждавшимъ принести жертву на алтарь изящной словесности, приходилось черпать живые матеріалы именно въ корреспонденціяхъ...

И можно было бы по отдѣльнымъ примѣрамъ прослѣдить, какъ именно данная корреспонденція послужила источникомъ вдохновенія того или иного писателя, за скудостью воображенія искавшаго вдохновенія въ газетахъ. Примѣры этому мы увидимъ ниже.

Въ силу этого, намъ придется отнести къ разряду литературы и корреспонденціи, выдѣлившіяся своей содержательностью и объективизмомъ,—благо онѣ принадлежатъ перу заправскихъ писателей.

Таковы собранныя въ книгахъ корреспонденціи графа А. Н. Толстого („На войнѣ“) и В. Муйжеля („Съ желѣзомъ въ рукахъ и съ крестомъ на сердцѣ“). Эти книги можно предпочесть всѣмъ продуктамъ „чистаго“ творчества, которымъ столь плачевно прославились у насъ наши заурядъ-баталисты.

Гр. Толстой и В. Муйжель—думающіе и тонкіе наблюдатели, при-

шедшіе на войну не ради барабаннаго боя, а съ мыслью и чувствомъ углубленными. Они не славословятъ, а описываютъ; не восхищаются, а задумываются; не кричатъ, а изслѣдуютъ. Среди ужасовъ и водопадовъ крови, среди вакханаліи звѣрствъ и страданій они во всемъ ищутъ человѣка, вглядываются ему въ душу, ищутъ въ немъ того преображенія, которое создаетъ война.

Отъ корреспонденцій по пути къ чистой беллетристикѣ стоятъ два сборника разсказовъ г. Окунева.

Первый изъ нихъ обратилъ на себя вниманіе, и лучшіе разсказы, вошедшіе въ этотъ первый томъ, печатались у насъ въ толстыхъ журналахъ („Современный Міръ“). Въ нихъ была дѣйствительно непосредственность переживаній интеллигентнаго воина, испытавшаго трагедію окоповъ. Хотя г. Окуневъ, конечно, весьма внимательно перечитывалъ Толстого и Гаршина, что отразилось на конструированіи его разсказовъ, тѣмъ не менѣе въ нихъ чувствовалось свое индивидуальное. Любимой темой г. Окунева была нивеллировка, которую производитъ сраженіе, и боевая обстановка среди солдатъ различныхъ общественныхъ положеній и различнаго культурно-образовательнаго уровня. Въ этихъ живыхъ описаніяхъ чувствовалась правда жизни, а не дежурная выдумка корреспондента, обязаннаго посылать столько-то разъ въ мѣсяцъ очередное сообщеніе о подвигахъ.

Вторая книжка его („Воинская страда“) уже гораздо слабѣе. Въ ней мало непосредственной жизни и слишкомъ много корреспондентски-беллетристической выдумки. Незамѣтно г. Окуневъ, описавъ „паровозъ Б. 47“, машинистъ котораго совершилъ весьма беллетристическій подвигъ, сваливъ поѣздъ, на которомъ онъ везъ нѣмцевъ, въ рѣку, перебирается въ Германію (вѣроятно, на томъ же паровозѣ) и попадаетъ въ ставку къ самому Вильгельму II-му. Что можетъ добродушный русскій писатель сдѣлать, очутившись въ такомъ положеніи? Какъ это дѣлали всѣ поэты,—обратиться къ нему съ гнѣвными словами проклятій или взывать къ его совѣсти, или же описывать тѣ кошмарные припадки, какими страдаетъ Вильгельмъ, ибо, по русскому писателю, Вильгельмъ непремѣнно долженъ подвергаться величайшимъ мученіямъ совѣсти? Наивные люди!

И г. Окуневъ описываетъ, какъ терзается Вильгельмъ весной этого года), какъ даже колокольный звонъ „душилъ его, какъ кошмаръ“. „Да, да,—думалъ Вильгельмъ II-ой весной этого года:—имперія гибнетъ. Надо имѣть мужество сознаться самому себѣ, если другимъ этого сказать нельзя еще, что созданная упорнымъ трудомъ полустолѣтія, спаянная кровью и желѣзомъ, она, которой онъ отдалъ цѣлую жизнь, рушится, разлетается въ прахъ. Это конецъ!“...“

И все въ такомъ же родѣ. Исчерпавъ свои кратковременныя наблю-

денія надъ жизнью, писатель пустился въ рискованное плаваніе по фантастическимъ льдамъ и, конечно, сразу обнаружилъ всю слабость корреспондентски-беллетристическаго творчества...

V.

Военные беллетристы „чистаго типа“, т. е. тыловые писатели и описатели далекой войны и далекаго имъ воинства, размножились до безконечности. Имя имъ—легіонъ. Но и ихъ постигла судьба поэтовъ, причислившихся къ вѣдомству Марса. Они тоже пошли на улицу, подчинились законамъ и требованіямъ расхожаго патріотизма. Они всѣ прониклись газетчиной, притомъ довольно сквернаго тона. Какъ поэты перелагали передовыя статьи въ рифмованныя строчки, такъ беллетристы перелагали весь газетный матеріалъ въ „художественныя“ описанія или разговоры словъ, сочиняя сюжеты одинъ нелѣпѣе другого. Всѣ произведенія подобнаго рода словесности чрезвычайно похожи другъ на друга по причинамъ, вполнѣ понятнымъ въ виду общности источника. Выработался трафаретъ, по которому бездарнѣйшій писатель можетъ оборудовать весьма трогательный, трагическій или комическій разсказъ. Какъ въ добрыя старыя времена въ рождественской беллетристикѣ непремѣнно замерзалъ ребенокъ, такъ точно и въ военной беллетристикѣ есть свои замерзающія ребята, неизмѣнные герои, существующіе у всѣхъ писателей.

Нужно ли говорить, что нѣмецкія звѣрства перевоплощены беллетристами изъ корреспонденцій въ обширныя произведенія, въ которыхъ неизмѣнно фигурируютъ майоръ Прейскеръ, калишскій казначей, Лувенъ, и Реймсъ, не считая изнасилованныхъ дѣвушекъ и заживо сожженныхъ людей. Всѣ пороки отданы одной сторонѣ, всѣ добродѣтели монополизированы другой, при чемъ добродѣтели не ограничены ни въ количествѣ, ни въ качествѣ. Война привноситъ тылу самыя облагораживающія вліянія: порочные становятся добродѣтельными; лѣнивые—прилежными; скупые Плюшкины—щедрыми мотами на дѣла благотворенія; трусы—неистовыми Роландами; злые—добрыми ангелами... Положительные герои, конечно храбры, свѣтлы, благородны, умираютъ съ улыбкой, безъ страданій около милосердной сестры, образца самоотверженности и долга.

И все это совершенно одинаково. Нѣтъ человѣческой индивидуальности, нѣтъ различій душевныхъ переживаній, разницы психологическихъ воспріятій. Точно вылѣплены всѣ эти люди изъ одного матеріала, и застыли они въ своей одинаковости и неподвижности, обратившись на время войны въ манекеновъ, хорошихъ или гнусныхъ.

Главнѣйшіе военные беллетристы пріютились въ издательствѣ „Лукоморье“ (подъ редакціей М. Суворина). Этихъ беллетристовъ возглавляетъ Федоръ Сологубъ, военный разсказъ котораго „Остріе меча“ (Сборникъ

„Лукоморье“), можно счесть за типичный образецъ беллетристическаго творчества всѣхъ современныхъ писателей, искушенныхъ Марсомъ.

Въ этомъ положительно абсурдномъ разсказѣ есть благородный генералъ и сынъ офицеръ. Три дочери, изъ коихъ одна, пророчица и провидица, видитъ вѣщіе сны. Во снѣ узнала, что скоро будетъ объявлена война. Во снѣ видѣла бомбардировку Реймса и слышала, какъ нѣмецкіе генералы отдавали приказаніе разстрѣливать соборъ. Во снѣ видѣла, какъ возлюбленный ея сестры, нѣмецкій шпіонъ Шпрудель, до того жившій въ Россіи, добиваетъ ея брата офицера, раненаго въ сраженіи.

Интрига запутана до безсмыслицы. Сны всѣ сбываются; Шпруделя берутъ въ плѣнъ и сей плѣнный нѣмецъ свободно разгуливаетъ по Россіи, является къ своей бывшей невѣстѣ и требуетъ что бы она вышла замужъ. Услышавъ отказъ, онъ пытается ее застрѣлить, но ее спасаетъ молодой англичанинъ, женихъ второй сестры. Французская нація представлена въ образѣ юной дѣвушки-француженки, влюбленной въ стараго генерала.

Жена генерала тоже склонна къ нѣкоторымъ любовнымъ приключеніямъ, но война спасаетъ ее. Претендентъ на ея сердце,—типичный русскій интеллигентъ, у котораго буквально нѣтъ ни одной положительной черты. Онъ—другъ нѣмцевъ, пламенный ихъ поклонникъ, относится къ войнѣ холодно, хотя принимаетъ участіе въ общественныхъ организаціяхъ. И эта сторона разсказа г. Сологуба производитъ самое гнетущее впечатлѣніе, потому что именно русская-то интеллигенція въ войнъ менѣе всего проявила черты, уловленныя г. Сологубомъ. И если г. Сологубъ хотѣлъ опорочить ителлигенцію, создавшую такія прекрасныя организаціи для военныхъ нуждъ, то эта попытка, конечно, абсолютно неудачная, только характеризуетъ тотъ отрицательный уклонъ, на который попалъ талантъ писателя...

Рядомъ съ г. Сологубомъ—г. Лазаревскій. Какъ будто бы несоизмѣримыя величины, а на самомъ дѣлѣ ничѣмъ не отличающіеся другъ отъ друга писатели. Ихъ объединяетъ общность темъ и отношенія къ войнѣ, и одинаковые пріемы „творчества“, и отсутствіе чувства мѣры, такта и [illegible]ткости.

Въ томъ же сборникѣ „Лукоморье“ г. Лазаревскій разсказываетъ весьма длинную исторію любви дѣвушки къ офицеру, за котораго она такъ-таки и не вышла замужъ. Но образъ первой любви ее преслѣдуетъ и всю послѣдующую жизнь и три раза сія героиня видитъ одинъ и тотъ же вѣщій сонъ: ея возлюбленный стоитъ предъ нею въ солдатской шинели, при чемъ одна пола оказывается короче другой, а черезъ плечо перекинуты грубые ремни. И оказалось, что еще за нѣсколько лѣтъ до войны судьба уже стояла надъ изголовьемъ своей героини и навѣвала ей одинъ и тотъ же сонъ, который сбылся математически точно, ибо совершенно

случайно встрѣтила героиня своего офицера на вокзалѣ и онъ оказался одѣтымъ въ форму, предуказанную тремя одинаковыми снами.

Вообще, какъ и у г. Сологуба, такъ и у г. Лазаревскаго, сны играютъ весьма важную роль. Дѣло доходитъ даже до невѣроятнаго анекдота: оба писателя заставляютъ своихъ героинь видѣть одинъ и тотъ же сонъ—задолго до войны!—о бомбардировкѣ Реймскаго собора! („Вася Косогорцевъ“ и „Остріе меча“). У г. Лазаревскаго въ его сборникѣ „Во время войны“ почти на каждой страницѣ мелькаютъ вѣщіе и зловѣщіе сны, предсказанія, примѣты, суевѣрные шопоты. Лопнуло стекло у лампы—значитъ смерть пришла и въ этомъ убѣждаетъ читателя не растерявшаяся жена офицера, мучающаяся предчувствіями, но и вмѣстѣ съ ней и докторъ-философъ! Упали на полъ часы и остановились,—значитъ близкій человѣкъ убитъ именно въ этотъ моментъ.

Часы тоже имѣютъ мистическое значеніе. „Они знаютъ и чувствуютъ своего хозяина“. По часамъ можно гадать и задолго до войны герой („Часы“) выслушиваетъ отъ англичанки, которая посмотрѣла на его часы, безумный лепетъ: „Вижу большое сраженіе, вижу вагоны; въ нихъ лежатъ окровавленные люди и лежитъ герой“... Это гаданье по циферблату! Такъ, конечно, и случилось: все предсказали часы до послѣдней детали.

Понятно, что при такихъ условіяхъ художественныя стороны разсказовъ, если бы онѣ и имѣлись, совершенно исчезаютъ за этими всѣми нелѣпостями, которыя переполняютъ каждую страницу творчества, наспѣхъ, по заказу улицы...

„Военные разсказы“ М. Кузьмина принадлежатъ къ такому же роду литературы. Точно поддались писатели какой-то психической заразѣ, и грубѣйшія суевѣрія взяли надъ ними свою неотразимую власть. „Ангелъ Сѣверныхъ вратъ“,—такъ называется первый разсказъ въ этомъ сборникѣ—властью г. Кузьмина преображается въ русскаго офицера и въ этой столь мало свойственной ангеламъ формѣ является на помощь къ бѣженкѣ, спасавшейся съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ отъ нѣмцевъ. У ангела-офицера оказался кстати и автомобиль, на которомъ всѣ трое (безъ шоффера, конечно) и совершили свое путешествіе. Ангелъ-офицеръ на прощанье далъ женщинѣ и достаточную сумму денегъ. По пріѣздѣ въ деревню героиня въ иконописномъ изображеніи ангела въ деревенской церкви узнала своего знакомаго и отъ волненія упала. „Свѣчка откатилась, но не погасла“. А на другой день барыня прислала священнику въ конвертѣ сто рублей со странной запиской: „Никогда въ долгахъ не бывала. Всегда ихъ платила. Особенно такіе“.

Столь коммерчески заканчивается это сказаніе, разсчитанное на непритязательныхъ читателей, склонныхъ къ религіозному невѣжеству. Но религіозныя темы, повидимому, вообще притягиваютъ вниманіе г. Кузьмина,

и онъ не находитъ ничего лучшаго, какъ, желая изобразить „пастыря воинскаго“ въ самыхъ мягкихъ и благостныхъ чертахъ, заставить его выходить на охоту за плѣнными и приводить ихъ будто бы одними словами убѣжденья. Правда, сюжетъ на этотъ разъ заимствованъ: кто-то изъ фантазеровъ газетныхъ корреспондентовъ разсказывалъ объ аналогичномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто на галиційскомъ фронтѣ.

Сюжетъ заимствованъ и для другого разсказа „Кирикова лодка“, заимствованъ изъ тѣхъ же газетныхъ сказаній. Одно время всѣ газеты облетѣла вѣсть, что русскіе казаки отправлены изъ Архангельска на французскій фронтъ. Это была явная выдумка, тотчасъ опровергнутая, но г. Кузьминъ немедленно „далъ волю перу своему“ и сталъ описывать поморовъ, ихъ жизнь, ихъ разговоры и толки по поводу войны. Распространился среди нихъ слухъ и объ отправкѣ казаковъ за границу. „Нагрузили будто хлѣбомъ, а тамъ казаки. Наши видѣли... На каждомъ мѣшкѣ штемпель и орелъ, чтобы тамъ поняли. А атаманъ по палубѣ гуляетъ съ пикой. Погуляетъ, погуляетъ и пикой въ трюмъ стучитъ,— значитъ: „живы ли дѣтки?“ Тѣ снизу отвѣчаютъ: „живы“ и такъ дальше плывутъ“.

И, наслушавшись этихъ разсказовъ, герой г. Кузьмина, Кирикъ, немедленно исчезаетъ вмѣстѣ съ лодкой. На этой фантастичной лодкѣ онъ догоняетъ (?) пароходъ, везшій казаковъ во Францію, присоединяется къ нимъ и вмѣстѣ съ ними сражается затѣмъ на французскомъ фронтѣ, о чемъ извѣщаетъ своихъ родныхъ и близкихъ...

Не обходится дѣло, конечно, безъ нѣмецкаго шпіона. Его неизбѣжно любитъ русская дѣвушка, а онъ сообщаетъ врагамъ весьма важныя свѣдѣнія („Правая лампочка“). Но очарованный дѣвушкой нѣмецкій шпіонъ какъ-то перепутываетъ лампочки, которыми онъ сигнализировалъ, и такимъ образомъ сообщаетъ своимъ невѣрныя свѣдѣнія. Въ растерянности онъ открываетъ русской дѣвушкѣ свою тайну, и та, произнесши горячій патріотическій монологъ, предаетъ его въ руки полицейской власти. Въ „Третьемъ Вторникѣ“ жена перестаетъ измѣнять своему мужу, какъ только онъ уѣзжаетъ на войну. Вообще этотъ мотивъ благодѣтельнаго вліянія войны на невѣрныхъ женъ развивается всѣми военными писателями, и они приводятъ весьма трогательныя доказательства полнѣйшаго нравственнаго перерожденія испорченныхъ женскихъ душъ подъ вліяніемъ военныхъ дѣйствій.

Наконецъ, на впечатлительное творчество г. Кузьмина отразились и газетныя сообщенія о постоянныхъ побѣгахъ нашихъ школьниковъ на театръ военныхъ дѣйствій. Этого оказалось вполнѣ достаточно для того, чтобы г. Кузьминъ немедленно сочинилъ описаніе дѣтскаго путешествія пяти воиновъ, которые почти всѣ были затѣмъ задержаны полиціей, за

то одинъ ускользнувшій отъ нея вскорѣ былъ описанъ въ газетахъ, какъ самый выдающійся герой войны.

VI.

В. Козловъ, повидимому, былъ на войнѣ и могъ испытать непосредственно впечатлѣнія этого стихійнаго натиска на современную душу. Но и его книга разсказовъ „Подъ грозой“ не выходитъ изъ шаблона газетныхъ беллетристическихъ корреспонденцій. На всѣхъ разсказахъ печать отсутствія подлиннаго воспріятія войны, ея художественнаго претворенія. Получается какой то сплошной лубокъ, даже безъ налета романтизма, которымъ такъ богата каждая война. Лубокъ притомъ самаго примитивнаго тона и размалеванности.

Начинается повѣствованіе г. Козлова о войнѣ апоѳеозомъ примиренія всѣхъ національностей въ Царствѣ Польскомъ. Рисуется картина въ красивенькихъ голубенькихъ тонахъ. Еврей Лазарь Тышскій вдругъ встрѣчаетъ въ панѣ Здзитовецкомъ искренняго друга. До этого панъ, какъ представитель польскаго дворянства, считалъ своимъ долгомъ проповѣдывать бойкотъ еврейской торговли, презирать евреевъ вообще и проходить мимо нихъ съ явно выраженной надменностью. Тотъ же панъ также ненавидѣлъ и русскихъ, въ особенности мѣстнаго начальника уѣзда полковника Глотова. Но пришли нѣмцы, и презрѣнный еврей сдѣлался вдругъ почтеннымъ Лазаремъ Борисовичемъ, а полковникъ Глотовъ лучшимъ другомъ. Уѣзжая съ полковникомъ для исполненія военнаго порученія, гордый панъ передаетъ весьма важные документы и деньги на храненіе тому же Лазарю Борисовичу.

Нѣмцы, нагрянувъ на мѣстечко, разворяютъ все имущество Лазаря и самого его бросаютъ въ каталажку. Здѣсь въ темнотѣ онъ узнаетъ, что рядомъ съ нимъ лежитъ полковникъ Глотовъ, котораго нѣмцы ранили и взяли въ плѣнъ. На выручку, однако, является гордый панъ, которому о происшедшемъ сообщилъ служащій Лазаря Шлема. Все кончается благополучно. Панъ освобождаетъ своихъ новыхъ друзей изъ плѣна и между ними закрѣпляется дружба, повидимому, навсегда.

Все это описано сладенькимъ стилемъ и во всемъ этомъ отсутствуетъ убѣдительность художественной правды. Чувствуется именно надуманность, нарочитость, отзвуки маниловской газетчины. Но авторъ изнемогаетъ отъ желанія примирить всѣ національности. И стараясь въ этомъ отношеніи по всѣмъ направленіямъ, онъ заставляетъ даже двухъ братьевъ—поляка, германскаго подданнаго, и поляка русскаго подданнаго, ненавидѣвшихъ другъ друга, примириться, но какой цѣной!..

Онѣмечившійся братъ Янтекъ жилъ въ своемъ имѣніи около Яблонова на германской землѣ, а русскій полякъ въ усадьбѣ близъ Прасныша. Но

ратьевъ раздѣляла непримиримая вражда, между прочимъ, и на почвѣ идейнаго отношенія къ нѣмецкой культурѣ, хотя, въ частности, къ русскимъ и русско-подданный полякъ относился весьма холодно и сдержанно.

Но вспыхнула война, и Янтекъ оказался въ рядахъ нѣмецкихъ войскъ. И та часть, въ которой служилъ Янтекъ, какъ разъ ворвалась въ русскіе предѣлы около Прасныша и заняла имѣніе Стася и его матери. Нѣмцы производятъ грабежъ и въ концѣ концовъ на глазахъ Стася убиваютъ его мать. Стася же приговариваютъ къ смертной казни и оставляютъ его жить до утра.

Между тѣмъ, вѣрный слуга извѣщаетъ Янтека о случившемся. Тогда Янтекъ мгновенно перестаетъ быть нѣмцемъ, мгновенно заражается ненавистью къ нимъ, пробирается въ родовое имѣніе, освобождаетъ Стася и вмѣстѣ съ нимъ мчится въ ближайшее расположеніе русскихъ войскъ. Казаки немедленно отправляются въ имѣніе, окружаютъ его и истребляютъ всѣхъ нѣмецкихъ гусаръ, товарищей Янтека по полку. Янтекъ со Стасемъ не успѣли принять участія въ кровавомъ пирѣ, ихъ предупредили казаки, перебившіе всѣхъ нѣмецкихъ офицеровъ. Янтекъ далъ казакамъ свѣдѣнія и о расположеніи того эскадрона, въ которомъ онъ служилъ самъ, и казаки доканчиваютъ свое дѣло и здѣсь. Понятно, что послѣ этого братья примирились.

Однако, чтобы соединить ихъ, сколько понадобилось автору нагромоздить неправдивыхъ выдумокъ и фантасмагорическихъ отношеній. Не пощадилъ онъ и матери, лишь бы добиться примиренія братьевъ. А читатель все таки не вѣритъ...

Не отказывается г. Козловъ и отъ экскурсій къ нашимъ врагамъ и чтобы разрушить легенды о качествахъ нѣмецкихъ офицеровъ генеральнаго штаба, разсказываетъ исторію одного неудавшагося нѣмецкаго шпіонажа. Нѣмцы подкупаютъ глупаго на видъ русскаго крестьянина, а онъ самымъ исправнымъ образомъ весь германскій развѣдочный отрядъ во главѣ съ тремя офицерами наводитъ на русскія войска. Крестьянинъ отлично сыгралъ свою роль, не даромъ онъ самъ былъ переодѣтымъ штабнымъ офицеромъ. И опять явная выдумка, которая вызываетъ въ читателѣ только чувство досады.

VII.

„Воля къ жизни"—такъ называется сборникъ разсказовъ г. Липецкаго, но кто бы могъ думать, чтобы подъ такимъ заманчивымъ названіемъ были собраны самые шаблонные военные разсказы мелко-журнальнаго типа? Характерно, что всему сборнику придано наименованіе разсказа,

который, повидимому, авторъ считалъ и лучшимъ, и опредѣляющимъ всю его нашу.

А разсказъ же этотъ самый „лукоморскій“. Преподаватель математики въ женской гимназіи Штейнъ—типичный сухой нѣмецъ, жесткій, холодный, накрахмаленный тупица. Тѣмъ не менѣе въ него влюбляется гимназистка Лидочка, и разсчетливый нѣмецъ, высчитавъ цифру приданаго, рѣшаетъ жениться на ней. Первый ребенокъ былъ имъ окрещенъ въ лютеранскую вѣру (!), и это обстоятельство остается никому неизвѣстнымъ въ небольшомъ городѣ. Обманомъ заставивъ родителей Лидочки перевести на свое имя все ихъ состояніе, Штейнъ затѣмъ ихъ выгоняетъ изъ дому. Домъ же свой устраиваетъ по нѣмецкому образцу, заставляетъ дочурку говорить только по нѣмецки, запрещая русскій языкъ, и всячески издѣвается надъ русскими. Объявленіе войны онъ встрѣчаетъ съ радостью и ждетъ рѣшительнаго момента, когда германцы разгромятъ Россію. Онъ не позволяетъ помогать раненымъ русскимъ воинамъ и разрываетъ первую сшитую для нихъ его женой рубашку. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ жену, наконецъ, очнуться, и она обращаетъ вниманіе на то, что мужъ ея слишкомъ часто во время мобилизаціи бываетъ на площади, гдѣ собираются солдаты, и въ то же время ведетъ какую-то таинственную переписку съ заграничными родственниками. Жена рѣшаетъ провѣрить мужа и топоромъ (!) взламываетъ его письменный столъ. Въ этотъ моментъ конечно, является мужъ, сразу все угадываетъ, и, схвативъ топоръ, онъ заноситъ его надъ головой жены. Но въ это время его дочурка бросается къ ногамъ отца, и авторъ оставляетъ въ неизвѣстности читателя, чью голову раскроилъ этотъ топоръ, да и чѣмъ вообще закончилась эта странная „воля къ жизни“.

Читатели ясно видятъ, что разсказъ весь переполненъ несуразностями и несообразностями бульварныхъ романистовъ, любящихъ нагромождать ужасы на ужасы, чтобы захватить вниманіе читателей. Но вѣдь, кажется, г. Липецкій имѣетъ въ виду другую аудиторію?

Этотъ разсказъ и опредѣляетъ все художественное достоинство сборника. Въ остальныхъ разсказахъ у него, какъ и у всѣхъ прочихъ баталистовъ, разошедшіеся супруги мирятся по случаю войны. Фигурируетъ и присланная съ войны непріятельская каска, которая въ концѣ концовъ обогащаетъ ея обладательницу. Казаки берутъ у него въ плѣнъ трехъ германскихъ императоровъ сразу. Въ центрѣ боевыхъ столкновеній у него проживаетъ еврейка-цирцея, которую всѣ щадятъ и которая всѣхъ обольщаетъ, но ее и ея ребенка въ концѣ концовъ звѣрски убиваютъ нѣмцы и т. д.

Близко примыкаетъ къ г. Липецкому и другой родственный ему авторъ, г. Н. Киселевъ („Скрещенные мечи“). На войнѣ онъ заинтересовался

тоже шпіонами, но о нихъ повѣствуетъ нѣчто совершенно невразумительное: полусумасшедшая старуха, шляющаяся между нашими и нѣмецкими войсками, благополучно уходитъ отъ насъ, но ее вѣшаютъ нѣмцы. Для мелодраматичности авторъ награждаетъ эту старуху красавицей дочерью, которая, впрочемъ, никакого отношенія къ шпіонству не обнаруживаетъ. Волнуютъ автора и нѣмецкія хитрости, и въ весьма забавной формѣ онъ обличаетъ молодого прапорщика, который повѣрилъ нѣмцамъ, переодѣвшимся въ форму русскихъ солдатъ и занявмимъ станцію желѣзной дороги. Наивный прапорщикъ даже не исполнилъ приказанія своего начальства, до того былъ увѣренъ въ подлинности переодѣтыхъ нѣмцевъ. И другую хитрость нѣмцевъ обличаетъ г. Киселевъ. Нѣмецкій горнистъ въ разгаръ боя даетъ сигналъ за сигналомъ о прекращеніи огня. Но старый опытный капитанъ этому не вѣритъ и усиливаетъ огонь. Бой закончился, но горнистъ все таки продолжалъ давать свои сигналы. Когда этого таинственнаго трубача все таки разыскали, то оказалось, что онъ успѣлъ уже сойти съ ума отъ страха и истощенія и машинально продолжалъ трубить сигналы даже своими дрожащими губами, когда рожокъ былъ отъ него отнятъ... Но зато г. Киселевъ остается рѣшительнымъ скептикомъ въ вопросахъ о вліяніи войны на дѣла амурныя. Если всѣ прочіе авторы заставляютъ любовь отъ войны горѣть еще большимъ пламенемъ до степени огнедышащаго Везувія въ дѣйствіи, то г. Киселевъ полагаетъ, что война несовмѣстима съ женскою любовью.

Прапорщикъ Комлевъ отправляется на войну, благославляемый своей невѣстой. Любовь ихъ, какъ полагается, весьма пылка и огненна. Но все же прапорщикъ говоритъ своей невѣстѣ и разсудочныя слова. Онъ объясняетъ ей, почему онъ такъ любитъ: „потому что мнѣ постоянно надо, чтобы у меня было что то, о чемъ я могъ бы заботиться, охранять всѣмъ своимъ мужскимъ умомъ и характеромъ, страдать за него; безъ этого моя жизнь никакъ не можетъ быть полной. Мнѣ надо что-то хрупкое, можетъ быть, болѣзненное, для котораго я съ утра сталъ бы ломать себѣ голову, чтобы покушать ему (чему-то хрупкому?) за обѣдомъ“!

А вернувшись съ войны и увидѣвъ свою прежнюю любовь, прапорщикъ почувствовалъ всю лживость своихъ иллюзій. Ему не о чемъ было говорить со своей невѣстой. Она теперь показалась ему „совершенно иной, не той, о которой онъ мечталъ въ своихъ жаркихъ грезахъ“.

„Ему все еще непонятно было, что все осталось по прежнему, все на своихъ мѣстахъ,—заключаетъ философски авторъ:—но что это только его мужская твердая душа, получившая боевое крещеніе, уже перестала понимать очарованія домашняго уюта и рвется снова къ своему мужественному простору“.

Такой доморощенной философіей объясняетъ авторъ перемѣну въ душѣ

своего героя, который, уловивъ въ себѣ новыя настроенія, тотчасъ же подалъ рапортъ о выздоровленіи...

И здѣсь все, конечно, выдумано.

VIII.

Вся та литература, бѣглый очеркъ которой мы только что сдѣлали, является незначительной частью выброшеннаго потоками на издательскій рынокъ. Мы останавливались только на именахъ болѣе или менѣе извѣстныхъ и на произведеніяхъ преимущественно народнаго издательства, которое спеціализировалось на всей этой военной литературѣ. Художественныя ея стороны, какъ могъ видѣть читатель, весьма и весьма низки. Наоборотъ, отрицательныя стороны выпукло глядятъ изъ всей этой, въ сущности, макулатуры, не согрѣтой огнями таланта, не выстраданной, не пережитой въ настоящемъ вдохновеніи.

Газетныя телеграммы, сообщенія штабовъ и корреспонденціи, прошедшія черезъ очистительный огонь цензуры, — вотъ все то, что могло быть источникомъ творчества для нея. Сами авторы далеки отъ войны и ея переживаній. Они выдумщики по преимуществу. Притомъ выдумщики, самой природой обреченные на неудачу и односторонность. Дѣло въ томъ, что весь этотъ матеріалъ, изъ котораго черпали авторы свои сюжеты, свое знаніе войны, свои батальные пріемы, все это весьма мало отражаетъ подлинный ликъ войны. Наша печать, вся, во всей своей совокупности, не могла дать намъ и малой доли правды о войнѣ. Мы знаемъ изъ нея коротенькія стратегическія схемы, видимъ карты, отмѣчаемъ по нимъ движеніе армій взадъ и впередъ, представляемъ себѣ бои и довольствуемся при этомъ случайными корреспонденціями случайныхъ лицъ, имѣвшихъ тѣ или яныя встрѣчи съ офицерами или вообще хорошими разсказчиками. По условіямъ веденія современныхъ войнъ тайна является безусловной необходимостью. Ей литература должна была подчиниться. Публицистика ею естественно скована. Все важное, цѣнное, большое, характеризующее всѣ безконечныя многогранныя стороны войны, все это оставлено для будущаго. Все это удѣлъ исторіи, которая начнется тотчасъ по окончаніи войны. Теперь къ намъ приходятъ крохи, и весьма притомъ ничтожныя. Мы должны искренно сказать, что мы не знаемъ еще, какую войну мы ведемъ и въ какія формы она отливается.

И вся эта фаланга беллетристовъ бросается на мелкія крошки, перепадающія совершенно случайно съ газетнаго стола и строитъ по нимъ воспріятія войны, совершенно небывалой, исключительной, грандіозной, гдѣ все гармонично: и подвиги живого человѣческаго духа, и подвиги чудовищной техники и мертвой матеріи, и коллективные сдвиги въ психологіи массъ, и

перерожденіе идейныхъ взглядовъ, и перевороты въ единичной душѣ человѣка, и новыя соціальныя колебанія и сдвиги.

Въ сравненіи съ этой картиной, которую чертитъ въ полнотѣ рано—это дѣло будущаго,—вся беллетристика кажется слишкомъ мизерной. Она представляется условной мелочной ложью въ сравненіи съ масштабомъ войны и жизни. Кажется ненужной и набивающей оскомину рядомъ съ любой правдиво и хорошо написанной корреспонденціей добросовѣстнаго наблюдателя и пересказчика.

И вина той литературы и тѣхъ литераторовъ, которые съ такой жадностью бросились на военныя темы, заключается въ этомъ всеобщемъ легкомысліи, съ какимъ трагедія переводилась въ лубокъ, обреченный силою вещей на самую грубую одностороннюю и недосказанность во всѣхъ отношеніяхъ. Въ распоряженіе художниковъ отводились самыя грубыя краски одного цвѣта, и этимъ самымъ творчество замыкалось въ узкій кругъ, въ ѣсные предѣлы, въ одинъ крошечный уголокъ.

И все содержаніе пересказанныхъ сюжетовъ ясно указываетъ, въ какомъ бѣдномъ пространствѣ вертѣлась мысль нашихъ беллетристовъ и какъ сѣро было ихъ писательство, сразу же принявшее типичныя и характерныя черты заказаннаго ремесленнаго творчества на злобу дня подъ корреспондентскіе мотивы, обязательно однотонные.

Можно только порадоваться за нашего читателя, обнаружившаго большую чуткость. Это видно изъ того, что всѣ военные беллетристы никакого успѣха не имѣютъ у читателей. А мало ли у насъ обращается въ читательской массѣ литературнаго матеріала, быть можетъ, гораздо болѣе худшаго, въ родѣ трудовъ Вербицкихъ и Нагродскихъ? Но именно чуткость читателя и позволила ему разобраться въ текущей литературѣ. Не прибавила она лавровъ военнымъ писателямъ, но лишила ихъ и послѣдней утѣхи—успѣха, хотя бы только временнаго. И, конечно, вся эта беллетристика не оставитъ рѣшительно никакого слѣда въ литературѣ. Волна этой беллетристики, повидимому, сбываетъ. Она схлынетъ, конечно, и окончательно, не проявивъ себя ничѣмъ большимъ, чѣмъ мыльный пузырь, быстро лопнувшій.

Грядущій вѣкъ будетъ болѣе счастливымъ, чѣмъ нашъ. Его Толстые скажутъ свое художественное слово уже на основаніи правдивыхъ и вѣрныхъ матеріаловъ и того необъятнаго количества документовъ, какіе эта война оставитъ по себѣ. Труды десятилѣтій, а вѣроятно, и столѣтій будутъ совершены надъ ними и, дѣйствительно, все человѣчество будетъ заинтересовано въ нихъ, трепетно читая повѣствованіе поистинѣ о самомъ страшномъ, что случилось отъ начала міра.

Ал. Ожиговъ.

Библиотека
Института Ленина
К. В. К. П. (б)

7 руб. на годъ. | Допускается разсрочка: см. условія подписки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.

3 руб. 75 коп. на 6 мѣсяцевъ.

на большую ежедневную политическую, общественную и литературную газету

„СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО“

10-й г. изд. | Адресъ редакціи и главной конторы **Петроградъ, ул. Жуковскаго, 21.** | 10-й г. изд.

Прогрессивный, демократическій и безпартійный органъ

„СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО“

является единственной изъ столичныхъ газетъ, которая при доступной цѣнѣ, по внутреннему содержанію и внѣшнему виду представляетъ дѣйствительно большую политическую газету, предназначенную для широкихъ слоевъ населенія.

Широкое освѣдомленіе путемъ телеграммъ собственныхъ корреспондентовъ о ходѣ военныхъ дѣйствій.

Всѣ подписчики „Современнаго Слова“ получаютъ безплатно слѣдующія приложенія:

52 выпуска еженедѣльнаго литературнаго приложенія:

„Недѣля СОВРЕМЕННАГО СЛОВА“.

Это приложеніе, выходящее еженедѣльно, даетъ богатый беллетристическій матеріалъ, какъ оригинальный, такъ и переводный.

12 выпусковъ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія:

„СОВРЕМЕННАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“.

„Современная Иллюстрація“ отличается отъ обычнаго типа иллюстрированныхъ приложеній и имѣетъ цѣлью давать номера, посвященные какой-нибудь одной темѣ, выдвинутой жизнью, и, по возможности, всесторонне освѣщать ее въ рядѣ статей и очерковъ извѣстныхъ писателей и спеціалистовъ по данному вопросу. Текстъ дополняется многочисленными рисунками и снимками.

Подписная цѣна на „СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО“ съ приложеніями съ 1-го января 1916 г. на:

	12 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Россіи . . Р.	7.—	3.75	3.20	2.60	2.—	1.35	—.70
За-границу . . Р.	14.—	7.50	6.40	5.20	4.—	2.70	1.40

Для сельск. духовенства, сельск. учителей, для учащихся въ высш. учебн. завед., фельдшеровъ, крестьянъ и рабочихъ **при непосредств. обращеніи въ главн. контору льготная подписная цѣна:** на 12 мѣс. 6 р. 50 к., 6 мѣс. 3 р. 50 к., 5 мѣс. 2 руб. 95 коп., 4 мѣс. 2 р. 40 к., 3 мѣс. 1 р. 85 к., 2 мѣс. 1 р. 25 к., 1 мѣс. 65 к.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА для годовыхъ подписчиковъ „Современнаго Слова“, затрудняющихся единовр. взносомъ годовой платы, **при непосредств. обращеніи въ главн. контору,** производится на слѣд. условіяхъ: при подпискѣ 2 руб. 50 к., къ 20 марта 2 руб. 50 к. и къ 20 іюня 2 р.; на льготныхъ условіяхъ для лицъ вышеуказанной категоріи при подп. 2 р. 25 к., къ 20 марта 2 р. 25 к. и къ 20 іюня 2 р.

При желаніи подписаться въ разсрочку **необходимо** указывать на переводѣ о томъ, что **взносъ—въ разсрочку,** въ противн. случаѣ контора вынуждена будетъ считать ихъ **подписчиками на опредѣленные сроки** соотвѣтственно присланной суммѣ.

Подписка принимается съ 1-го до 1-го числа и НЕ ДАЛѢЕ КАКЪ ДО КОНЦА ГОДА.

«Современное Слово»—самая дешевая изъ большихъ газетъ.

2 руб. на 3 мѣсяца.

Для ознакомленія № газеты высылается БЕЗПЛАТНО.

70 коп. на 1 мѣсяцъ.

Петроградъ. Тип. акц. общ. „Слово". Улица Жуковскаго, № 21—23, соб. д.

Прогрессивный, демократическій и безпартійный

органъ

„СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО“

является единственной изъ столичныхъ газетъ, которая, при доступной цѣнѣ, по внутренному содержанію и внѣшнему виду представляетъ дѣйствительно большую политическую газету, предназначенную для широкихъ слоевъ населенія.

Въ „СОВРЕМЕННОМЪ СЛОВѢ“ и приложеніяхъ участвовали:

Н. М. Ахумовъ, Н. П. Ашешовъ, А. Н. Бенуа, П. А. Берлинъ, Т. А. Богдановичъ, Н. П. Борецкій-Бергфельдъ, И. К. Брусиловскій, Джонъ Браунингъ, И. И. Буханцовъ, Л. М. Василевскій, О. А. Волькенштейнъ, М. И. Ганфманъ, І. В. Гессенъ, Д. Л. Гликбергъ, Л. Я. Гуревичъ, М. Дальній, Н. Н. Долговъ, А. С. Изгоевъ, В. Ирецкій, В. Г. Каратыгинъ, Н. И. Карѣевъ, І. А. Клейнманъ, С. А. Князьковъ, Е. А. Колтоновская, С. С. Кондурушкинъ, А. А. Корниловъ, В. Г. Короленко, В. П. Кранихфельдъ, Ф. Д. Крюковъ, Д. А. Левинъ, Н. О. Лернеръ, Я. Б. Лившицъ, А. Липецкій, И. Лукашъ, С. Б. Любошъ, Л. Львовъ, П. Г. Мижуевъ, П. Н. Милюковъ, епископъ Михаилъ, В. Морисъ, В. Муйжель, В. Д. Набоковъ, М. В. Новорусскій, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, А. Ожиговъ, Є. Озеросскій, Я. Окуневъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, А. М. Петрункевичъ, И. И. Петрункевичъ, В. Б. Петрищевъ, В. В. Португаловъ, М. Пришвинъ, Ф. И. Родичевъ, А. Рославлевъ, Н. Самойловъ, А. С. Серафимовичъ, К. Н. Соколовъ, Б. П. Спиро, Е. В. Тарле, Г. Н. Тимофеевъ, гр. А. Н. Толстой, М. И. Туганъ-Барановскій, А. С. Фейгельсонъ, Б. И. Филатовичъ, Д. В. Философовъ, Б. Р. Фромметъ, Б. І. Харитонъ, В. Н. Цедербаумъ, А. М. Хирьяковъ, Н. В. Чайковскій, К. И. Чуковскій, Г. И. Чулковъ, Ив. Шмелевъ, П. І. Шутяковъ, П. М. Ярцевъ, И. О. Элькинъ, Н. Е. Эфросъ, А. М. Ѳедоровъ и др.